

Содержание**ИССЛЕДОВАНИЯ**

- Кириченко О. В.
Православное отношение к богатству в русской церковной традиции (X–XVII вв.) 3
- Блохина Н. Н.
Игуменья Митрофания – созидательница образцовых епархиальных
общин сестер милосердия (1860–1870-е годы) 33
- Кривцов Д. Ю.
Строительство малых монастырей в России XVII в. как отражение
общественного идеала сподвижников К. М. Минина и князя Д. М. Пожарского 56

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Каширина В. В.
Письма тамбовских монахинь в Оптину пустынь 61

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.
Западнополесский богогласник 68
- Авторские записки Рябининой Любови Васильевны (схимонахини Феодосии) 123
- Новосельский П. И.
Письма священникам в с. Скоморохово Александровского у. Владимирской губ 135
- Шляхтина Н. В.
Город Кузнецк в воспоминаниях его жителей (К. И. Максимова.
Наш город Новокузнецк; прот. Александр Долгушев. Вспоминая детские годы) 151

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

- Энеева Н. Т.
«Русский Афон». Книжная серия. Издательство «Индрик».
Сост. К. Вах, М. Талалай, П. Троицкий 164
- Кириченко О. В.
Краткий отчет участника российской академической группы
о праздновании 200-летия Форт-Росса в Калифорнии 180

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Российская академия наук

На 1 стр. обложки:

Колокола часовни во имя Святой Троицы в Форте Росс. Штат Калифорния, США.

Фото О. В. Кириченко. 2012 г.

На 3 стр. обложки:

Часовня во имя Святой Троицы в Форте Росс (северная сторона).

Фото О. В. Кириченко

На 4 стр. обложки:

Сохранившая старинная дверная ручка в Доме А. Ротчева в Форте Росс.

Фото О. В. Кириченко

Учредитель	
Коллектив редакции	Макетирование и верстка ООО «Бригг Лайн» Тел.: 8 (495) 617-60-32 www.pepe.su
Редколлегия	
О. В. Кириченко, <i>доктор исторических наук</i> главный редактор Г. А. Романов, <i>кандидат исторических наук</i> заместитель главного редактора М. М. Громыко, <i>доктор исторических наук</i> А. И. Юренко, <i>кандидат исторических наук</i>	Адрес редакции 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, комн. 1913 Тел.: 8 (495) 954-74-46 E-mail: schljachtina@mail.ru
Редакция	
В. П. Терехов редактор-корректор Н. В. Шляхтина секретарь	
Эксперты	
И. И. Калиганов, <i>доктор филологических наук</i> Ю. А. Лабынцев, <i>доктор филологических наук</i> В. М. Меньшиков, <i>доктор педагогических наук</i> Г. Н. Чагин, <i>доктор исторических наук</i>	М. А. Некрасова, <i>академик РАН,</i> <i>доктор искусствоведческих наук</i> Игумен Филипп (Симонов), <i>доктор экономических наук</i> Н. Т. Энеева, <i>кандидат искусствоведческих наук</i>
Свидетельство о регистрации Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации ПИ № 77-17325 от 6 февраля 2004 г.	
Тираж 900 экз.	
При перепечатке ссылка на журнал «Традиции и современность» обязательна	

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. Кириченко

Отношение к богатству в русской церковной традиции (X—XVII вв.)*

В русской агиологии находится подлинный ключ к истории и культуре России, объяснение ее экономического развития, хозяйственного уклада, поскольку именно в агиологии сконцентрировано то главное, что формировало самобытное лицо русской православной цивилизации в целом.

Однако мы не стали бы, вслед за М. Вебером, объявившим протестантизм приводным ремнем западной экономики, считать, что и в России православие в том же ключе оказало решающее влияние на экономические процессы в стране. Безусловно, и здесь имелся определенный земной интерес, ориентированный на богатство и накопление, а православная духовность как ресурс могла использоваться для достижения этой цели. Но весь вопрос в том, кто и в каком объеме мог пользоваться этим ресурсом в материальных целях? В статье речь пойдет именно об этом ограниченном (регионально или субъектно) круге накопителей богатства. Самый же главный вопрос, который решало православное христианство, в связи с существованием денег и богатства, состоял в поиске путей преобразования материальных средств в идеальные.

Важнейшим источником для раскрытия темы нам будут служить жития русских православных святых, поскольку святые всегда действуют одновременно в конкретной пространственной и этнической среде (как жители конкретной страны и конкретного народа) и являются частицами общецерковного вселенского организма. Выполняя задачу личного спасения (как частицы общецерковного организма), они, однако, несут ответственность и за свой народ, за свою страну, а, значит, подают своей жизнью духовный при-

мер для них, необходимый в данный момент и в данных условиях. Святые служат своего рода притчей (в евангельском значении) для простого народа. Вот почему в их житиях мы можем обнаружить указания на самые злободневные перипетии эпохи, касающиеся судьбоносных для народа вопросов. К таковым и относится вопрос о богатстве и стяжании.

Уже при первом взгляде на Киевскую Русь домонгольского времени можно заметить наличие двух традиций. Киевская духовная традиция, сформированная прежде всего подвижниками Киево-Печерского монастыря и в целом великокняжеским Киевом — крупнейшем православном культурном центре (а это и письменность, книжность, архитектура, иконопись, музыка, прикладные ремесла) — выдвигала на первый план те приоритеты, которые сложились благодаря этим двум факторам: присутствию политического центра Руси и того, что сердцем церковной жизни здесь был подвижнического духа монастырь. В силу концентрации политического начала, централизованного (в определенной степени) характера власти великого князя Киевского хозяйственная сфера здесь не имела первенствующего значения, в силу чего и вопрос о стяжании для киевлян не стоял так остро, как для новгородцев. В политическом Киеве, в силу присутствия дружины князя, его административного аппарата в городе в целом существовала более политически структурированная, чем в Киеве, общественная иерархия. К тому же Церковь в Киеве почти не включалась в механизмы политического управления. В Великом Новгороде Софийский собор был, по сути, центром политической жизни города, и даже по ста-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»

тусу главным правителем в Новгороде считался не князь, а архиепископ.

Мы исходим из того, что в Киеве для Церкви проблема стяжания, как основная нравственно-религиозная проблема, не стояла во главе угла, а значит, и подвижнический дух в лучших своих представителях был направлен здесь на другое. В Киеве политическая жизнь (межкняжеские отношения) самым серьезным образом влияла на общественные настроения. Постоянные княжеские междоусобицы, княжеский гонор, нарушение клятвенных обещаний ради власти, несирия в междоусобицах — главная проблема для княжеской Киевской Руси. Первыми русскими святыми стали проявившие смирение и послушание старшему брату Святополку князья Борис и Глеб. Вот почему, на наш взгляд, подвижники Киево-Печерской лавры развивали именно эту аскетическую парадигму: смирение, послушание, преодоление гордости и самости в человеке. Новгороду и Новгородской Церкви, как составной части Русской Православной Церкви пришлось решать другую аскетическую проблему, проблему стяжания, на чем мы и остановимся подробно.

Новгород торговый и новгородские святые

В Новгороде не только сложился самобытный хозяйственно-культурный уклад, но и церковная жизнь тут отличалась большим своеобразием. В Киевской, а потом Московской Руси Церковь была тесно связана с верховной княжеской властью, отчего ее миссионерский ракурс находился в фокусе всей политической (внутренней и внешней) инфраструктуры власти. Она двигалась по дорогам, проторенным государством. В

Великом Новгороде гражданское общество (земство с выборным органом *вече*) смогло максимально ограничить власть князя (с середины XII в.) и стало развивать собственные хозяйственные, политические и культурные пути, интересные исключительно ему¹. Это не был княжеский путь концентрации власти, структурализации общества, локализации социальных миров, словом, это не была работа по упорядочению социальных структур, как в Киевской и Московской Руси. Гражданское общество в Новгороде не заботилось о социуме, как это ни странно звучит, его интересовал больше окружающий мир, который требовал некоего культурно-хозяйственного упорядочения, чтобы использовать в хозяйственных, политических и культурных целях. Именно в эту — внесоциальную инфраструктуру, созданную новгородской земской властью, — должна была вписаться Новгородская Церковь (хотя она и была канонической частью Русской Православной Церкви), чтобы органично жить и действовать в этом мире. В связи с этим Новгородская Церковь и приобрела постепенно те отличительные самобытные черты, которые отсутствовали в церковной жизни других регионов Руси.

Важно отметить и другую общую закономерность. В Новгороде прямое влияние византийского церковного и государственного наследия более заметно, чем, скажем, в Киевской и отчасти Московской Руси. Бесспорно то, что Киев был связан с Византией и посредством Крещения Руси, и благодаря поставлению на русскую церковную кафедру греческих митрополитов. Эта связь не прерывалась вплоть до падения Константинополя. Мы ви-

Ярославово городище и Торг

¹ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке // Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. 1929. Т. 4. С. 13–21.

дим, что «диалог» (по выражению С.С. Аверинцева) между Византией и Русью в домонгольский период осуществляется в ограниченных сферах, в основном в области церковной, куда можно отнести и культурную жизнь. Я.Н. Шаповым отмечена еще область производственной культуры, которая сопротивлялась греческому влиянию. Несмотря на все усилия греческих иерархов, они не имели успеха². Совершенно очевидна некоторая щепетильность в политической сфере, где русские князья желали оставаться самостоятельными. Такую же твердость они проявляли (как выразители всего общества) и в сохранении автономии родного языка: «Се же буди ведомо всеми языки и всеми людьми яко русский язык ни откуда же приа веры сеа святыа, и грамота рускаа ни кым же явлена, но токмо самем богом вседержителем отцем, и сыном и святым духом»³. Хотя последнее не исключало глубокого погружения церковнославянского языка в стихию греческой речи. Славяне активно перенимали тогда от греков «фигуры мысли», «фигуры речи», словообразовательные модели, характерные для греческого языка⁴.

Политическая сфера наиболее выпукло отражает попытки русских князей держаться самобытности. Это заметно, например, в области монументальной архитектуры. При том, что для созидания храмов приглашались греческие мастера, им приходилось работать в соответствии с местными требованиями. Вместо небольшого трехнефного византийского храма они вынуждены проектировать и строить огромные пятинефные храмы с галереями. В киевских храмах появляется многоглавие. На Руси используется кирпич вместо мрамора, и это также влияло на технические решения. Уже в сооружении первой Десятинной церкви был заложен фундамент для развития будущей самобытной русской архитектуры⁵. В подобном же ключе до поры развивался и Великий Новгород. Пока здесь

«Премудрость созда себе дом...».
Новгородская икона. Сер. XVI в.

до середины XII в. торжествовала княжеская власть, политическая сфера продолжала быть проводником русской самобытности, вырастающей на византийской православной традиции. Но с появлением боярской республики, когда власть перешла в руки вечевого управления, Новгород и в политической сфере начинает искать творческих и нетворческих заимствований у западных соседей, с которыми он тесно контактировал. Во всяком случае, в общественную и церковную жизнь новгородцев начиная с этого времени начинает проникать то новое, что постепенно стало отличать новгородцев от прочих русских людей Древней Руси.

Именно тогда в полной мере развился и начал первенствовать дух торгового корпоративизма,

² Шапов Я. Н. Роль христианизации в творческом освоении Киевской Русью античного и византийского наследия // Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1989. С. 51.

³ Цит. по: Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византизм и Русь. М., 1989. С. 233.

⁴ Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1989. С. 113.

⁵ Раппопорт П. А. Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры // Византизм и Русь. М., 1989. С. 142.

который и структурировал новгородское общество в особый социум. Как бы ни были категоричны историки советского периода в своих суждениях о приоритете в Новгороде земледелия и ремесла над торговлей, все же стоит вернуться к точке зрения дореволюционных историков, считавших этот город прежде всего торговым центром. Если бы там главным было ремесло, тогда все определял бы цеховой строй, как в отдельных вольных городах Западной Европы, но этого не было. Ремесленники и ремесло не имели в Новгороде ни капиталов, ни особого влияния, ни власти. То же с крестьянством. Объем приносимой ренты с земли еще не означает доминирования земледелия. Мы не видим здесь ни развитых общинных крестьянских миров, ни первенства земледельческих культур над изделиями ремесла или предметами торговли. Новгородцам все время приходилось закупать зерно, о чем пишут сами исследователи⁶. Сам по себе сбор дани в боярских вотчинах скорее напоминал княжеское полюдье, чем соби́рание оброка с крестьян. «Ватаги боярских холопов развивали при сборе дани бурную деятельность». Это был своего рода хозяйственный промысел большого числа лиц, «ходивших на Двину, и за Двину»⁷. Именно за счет активности этих «промысловых ватаг — сбора дани и прямого ограбления населения с севера и северо-востока в Новгород направлялось несметное количество пушнины, а также рыбий зуб, соль-морянка и другие богатства севера» (о хлебе, заметим, речи нет. — *О. К.*)⁸. Исследовав вотчинную систему Новгородской земли, В. Л. Янин пришел к выводу, что к 1471 г. здесь сохранились лишь незначительные остатки древнего общинного землевладения⁹. 90 % земли принадлежало вотчинникам. И эксплуатировались эти вотчины именно в торговых целях, учитывая все нарастающую торговую активность вокруг них.

В фундаментальном труде В. Н. Бернадского показано, что городские волости — земельные владения богатых новгородцев — получали свое смысловое завершение лишь тогда, когда в цен-

тре вотчины или нескольких вотчин появлялся торговый пункт¹⁰. Отсюда такое уникальное новгородское явление, как «рядки» — городской поселок ремесленников и торговцев, возникавший в сельской местности. «Рядки превращали земледельческий пункт в неземледельческий»¹¹. В XV в. наблюдается их повсеместное распространение в новгородской ойкумене. В этот же период практически завершается начатый в XIV в. процесс создания многочисленных боярских вотчин путем «властного вторжения в земли крестьянских миров, кабаление смердов, скупки за бесценок земли у новгородских переселенцев и местного населения»¹². Рядки, возникавшие рядом с вотчинами, создавались не боярством, а людьми без достатка¹³, власти и силы, но с такими же, как у боярства, аппетитами и страстью к наживе. В том же XV в., когда торговая страсть из Новгорода выплеснулась вовне, новгородцы стали создавать дружины *ушкуйников*, своего рода разбойные ватаги для грабежей и захватов на стороне. Ушкуйники доходят в это время до Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. И в прежние века, как отмечает В. Н. Бернадский, существовали новгородские ватаги «молодцев», но и действовали они поближе и размеры отрядов были не такие большие¹⁴. Ушкуйники шли на своих ладьях, *ушкунях*, не сотнями, а тысячами. Причем в ушкуйничестве принимали участие самые разные слои новгородцев. Был поход, состоявший только из бедноты (поход Прокопа), о котором писали как о «самом разбойном». Деньги, как отмечает другой исследователь Новгорода, И. Д. Беляев, «буйная неугомонная новгородская молодежь» после ушкуйнических походов пускала в торговые обороты¹⁵.

Исследователи Новгорода отмечают также, что вместе с активным захватом общинных земель новгородское боярство в своей алчности начинает покушаться и на церковные (монастырские) земли, там, где эти владения соседствовали с крестьянскими общинными. На этот факт обращает внимание Н. Л. Пушкарева, исследуя исто-

⁶ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 141; Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домонгольский период. М., 1939.

⁷ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородские земли в XV в. М.; Л., 1961. С. 29.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 202.

¹⁰ Бернадский В. Н. Указ. соч.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же. С. 114.

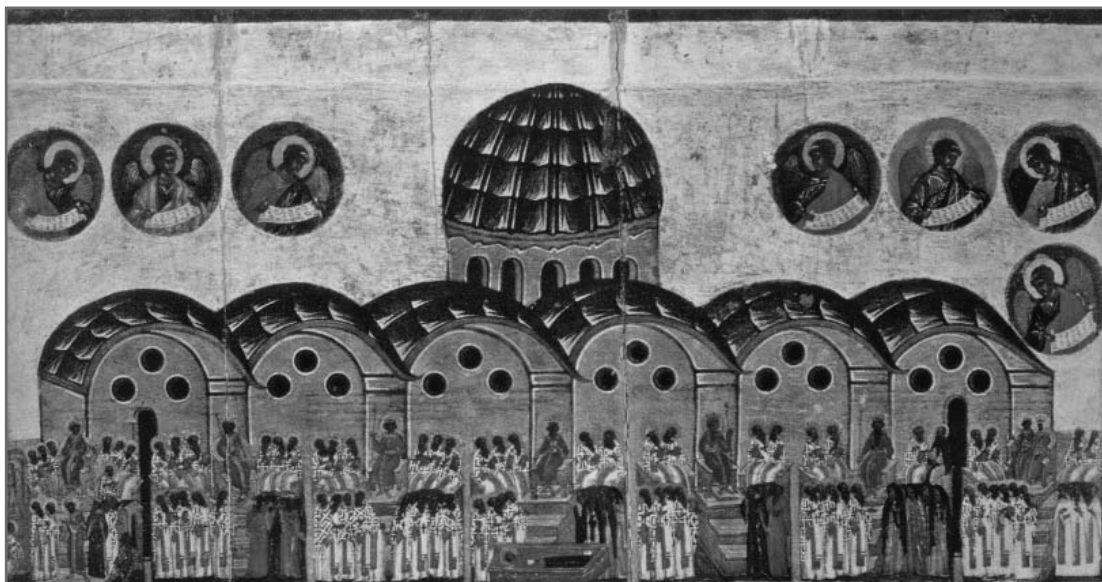
¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Там же. С. 37.

рию формирования богатств боярыни Марфы Борецкой¹⁶. Стоит подчеркнуть, что в самый критический для города момент именно новгородское боярство дает согласие на передачу в государственную (московскую) собственность всех церковных земель Новгорода (сохранив свои земли), когда Иоанн III потребовал от вольного города этих уступок¹⁷. К XV в. торговая активность новгородцев переходит уже все разумные пределы: стремление к богатству охватывает самые широкие слои новгородцев, при этом самые богатые распространяют свои интересы уже и на свободные общинные крестьянские миры, и на церковные имения. Явно назревал политический и духовный кризис, какого еще не знал господин Великий Новгород.

Если мы обратимся к Новгородской Церкви, то увидим существование двух разных по характеру процессов. С одной стороны, Церковь здесь активно пользуется инфраструктурами, созданными торговыми усилиями новгородцев, и находится, можно сказать, в самом сердце этих процессов. С другой стороны, все новгородское подвижничество, вся самобытная новгородская агиология направлены на обличение порока стяжания. И в этом антиномичном движении Церковь прохо-

дит свой путь с XII по XV в. Нельзя сказать, что новгородские святители отличались алчностью и духовной слепотой, ведь большая часть новгородских святых принадлежит именно к святительскому чину. Причем из 28 новгородских архиепископов (с 989 по 1428 г.) девять прославлены как местночтимые¹⁸. Однако и святители самой высокой жизни вынуждены были действовать в двухполюсном мире: поддерживать подвижничество, развивать благочестие, собирать святыни, но в то же время находиться внутри торговой инфраструктуры. Вопрос о стяжании стоял настолько остро, что, по сути, он сделался главным для новгородской агиологии. В житии основоположника вологодской подвижнической школы, выходца из Киева преподобного Герасима Вологодского так повествуется об особых качествах новгородцев: «стремясь овладеть богатым и обширным краем (речь идет о Заволочье. — О. К.) предприимчивые новгородцы везде, на лучших местах, старались заводить свои колонии, приобретая от местных жителей землю или куплею или силою. Оставляя навсегда родину для отыскания себе нового отчества на берегах Вологды или Сухоны, они как христиане, без всякого сомнения, приводили с собой и священников; овладев какою-

Святые Новгородской Церкви.
Деталь иконы «Премудрость созда себе дом...»

¹⁶ Пушкарёва Н. Л. Марфа Борецкая и ее роль в колонизации земель Русского Севера // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М., 2006. Отв. ред. И. В. Власова. С. 88–101.

¹⁷ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 30.

¹⁸ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI в.). М., 1986. С. 140.

нибудь местностью и срубивши на ней городок для защиты от нападений, они немедленно строили в нем или церковь или часовню... Но не любовь и усердие к распространению христианства, а жажда корысти и обогащения влекла новгородцев в дремучие леса севера, — они были более носителями цивилизации и торговли, нежели евангелия. Всеми силами стремясь к достижению материальных целей, новгородцы часто превосходили грубых язычников одною только смелостью и отвагою, ловкостью и опытностью в торговле и мало отличались от них нравственностью и образом жизни»¹⁹.

Церковь внутри самого Новгорода активно участвовала в торговой деятельности. Еще до ордынского нашествия на Русь центром торговой стороны в городе стала церковь Иоанна Предтечи, или, как она называлась на новгородский манер, «святого великого Ивана на Петрятине дворище» (ее построили в 1127 г.). В описании этой ее стороны деятельности воспользуемся материалом из монографии А.И. Никитского²⁰. В храме имелась особая торговая община из купцов, торговавших воском — одним из самых прибыльных и дорогих товаров. Попастъ в Ивановскую общину было непросто, но лишь уплатив вступительный взнос 50 гривен серебра, немалую по тем временам сумму. Церковь как место коллегиального собрания купцов-вощаников имела некоторый правительственный характер, поскольку являлась одним из центральных органов торгового управления в городе²¹. Община учредила при храме особый орган торгового управления, триумвират из трех купцов-старост, выбранных «от житьих людей», двух старост от купцов и одного тысяцкого от черных людей. То есть земство представляло себя в торговом управлении шестью лицами. Именно храм должен был служить главным гарантом честности и в высшей степени надежности для хранителей капиталов. В притворе храма, как гласил устав общины, следовало производить взвешивание воска. Позже эту операцию перенесли в помещение под храмом. Сам же он хранил «священные» для купечества предметы торговли — орудия меры: вошчатые скалвы, или, по-иному, весы о двух чашках, медовые пуды или безмены, гривенки рублевые для взвешивания

благородных металлов и Ивановский локоть для измерения длины²².

Иоанновский храм имел еще и судебное значение в глазах купеческой общины, поскольку здесь находилось представительское учреждение торгового суда. Пока в Новгороде главенствовал князь, все торговые суды проходили на княжьем

Городские весы возле стен монастыря.
Г. Тюмень. Современное фото

дворе (но не при храме). С начала XII в., как фиксирует устав князя Всеволода, князья перестали вмешиваться в торговые дела новгородцев, за ежегодную плату им в 25 гривен из торговых доходов. Также боярство и черный люд не должны были вторгаться в дела торгового суда. Его перенесли под крыло Иоанновской церкви. За соблюдением закона тут следил выбранный представитель — тысяцкий.

Чуть позже, во второй половине XIII в., Иоанновской церкви город передал еще и полно-

¹⁹ Исторические сказания и жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местными. Вологда, 1880. С. 30–31.

²⁰ Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.

²¹ Там же. С. 18.

²² Там же. С. 19.

мочия, связанные с контролем внешненовгородской торговли, т. е. с иностранцами. По договору 1269–1270 гг. в руки тысяцкого при Иоанновском храме были отданы все тяжбы с иностранными купцами. Храмовые старосты в этом случае выступали помощниками тысяцкого и выполняли роль судебных заседателей. Суд разбирал не только гражданские, но и уголовные дела²³. К особенностям данного учреждения следует отнести его публичность и гласность, вследствие чего на самые интересные заседания могли собираться чуть ли не все горожане. Причем их присутствие было активным, они могли выступать, подавать реплики, участвовать в прениях. Новгородский Иоанновский храм имел несколько филиалов в городах земли Новгородской. К таковым относился, например, патрональный Преображенский храм новоторжских купцов²⁴. К торговым операциям был причастен и самый крупный новгородский Юрьевский монастырь, ближайший помощник новгородского владыки в делах примирения новгородцев. Тот же Юрьев монастырь был выбран немецкими купцами в качестве доверенного лица всего купечества. Сюда передавались запечатанные ключи от немецкой церкви св. Петра (где находились орудия меры и товары) в тех случаях, когда немецкий торговый двор пустовал²⁵. Здесь же в обители хранились немецкие купеческие залоговые деньги или сокровища, которые вместе с договорами о зарубежной торговле были гарантией их поддержки за рубежом для новгородских купцов. Еще один новгородский храм святителя Николая на княжьем дворе также был задействован немецкими купцами для аналогичных же целей. Храму святой Параскевы Пятницы немецкие купцы платили пошлину в том случае, если они собирались из Новгорода на Готланд²⁶. В целом же хранение денег и сокровищ в приходских храмах или монастырях было обычной, можно сказать, повседневной практикой для новгородцев.

Возможно, новгородцы перенимали подобный опыт от приезжих немецких купцов, которые использовали свой храм во имя святого апостола Петра именно как крепость-хранилище для

торговых запасов. В церкви они хранили купеческое имущество. Не пустовал даже алтарь, где держали самое сокровенное — весы и гири. В алтаре хранили и вино. К воскресному дню заставленный товарами храм должен был освобождаться для проведения богослужения²⁷. Храм был не единственным местом для хранения товаров, но сюда, очевидно, привозили самое ценное. У немецких купцов была похожая на иоанновскую система торгового управления. Власть находилась у купеческого собрания *стевена*, заседания которого проходили в храме святого Петра. Вместо тысяцкого во главе управления стоял старшина двора. Именно он вместе с советниками (ратманами — «мудрейшими») вершил здесь суд. В конторскую коллегию входил и священник, который в свободное от богослужения время исполнял роль писаря и секретаря у помощников старшины двора. И на родине у себя, как отмечает А. И. Никитский, немецкие купцы хранили богатства в церкви, в особенном ящике «святого Петра». Ящик помещали в храм святой Марии в г. Висби, а ключи от ящика (их было четыре) передавали главам четырех отделов купечества (Любекского, Саксонского, Дардмудского, Готландского)²⁸. Хотя, как отмечает тот же автор, практика участия епископа в торговых городских делах была характерна и для Византии. Там епископы вмешивались в управление городским имуществом, могли участвовать в выборе смотрителя за весами, осуществлять надзор за сохранением орудий меры, которые также держали в храмах²⁹.

Еще большие организационные и торгово-централизованные функции имел Софийский собор. Свое величественное название Дом святой Софии собор получил после строительства нового, каменного храма вместе с домом новгородского владыки и служебными постройками³⁰. Как замечает Б. Д. Греков, «казна — центральный нерв хозяйственной жизни Софийского Дома». В казну входили: касса, канцелярия, архив, склады, богатство. Главная особенность новгородского землевладения состояла в том, что общество (вече, земщина) передало право

²³ Там же. С. 22.

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ Там же. С. 98.

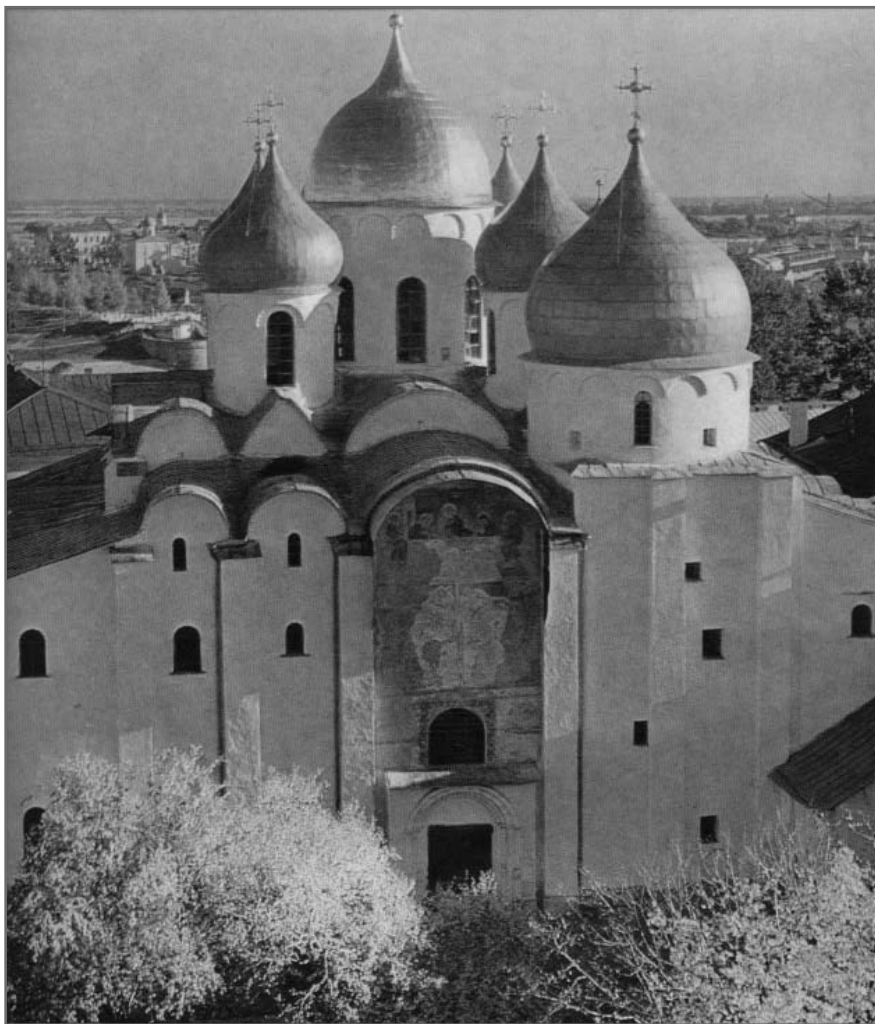
²⁶ Там же. С. 134.

²⁷ Там же. С. 116.

²⁸ Там же. С. 129.

²⁹ Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 46.

³⁰ Греков Б. Д. Новгородский Дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупнейшей церковной вотчины). Ч. 1. СПб., 1914. С. 29.

Святая София Новгородская.
Фото 1980-х годов

распоряжаться государственной (бывшей княжеской) землей Новгородской Церкви, т. е. Дому святой Софии. По той же причине здесь, как считал и Б. Д. Греков и ряд других авторитетных исследователей, в казне Святой Софии находились не только церковные «владыкины деньги», но и вся новгородская казна³¹. Святая София, как объективный арбитр и неподкупный судья, контролировала все финансовые потоки в Новгородской республике³².

Совершенно особое положение занимал новгородский архиерей по отношению к новгородцам: его избираемость горожанами³³ вместо церковного назначения, его главенство в структуре

управления Новгородом (архиепископ считался административной главой города и Новгородской земли, поэтому председательствовал в совете господ во время заседаний во владычных палатах), его роль третейского судьи во всех крупнейших спорах (внешних и внутренних) и, наконец, передача ему казны и права распоряжения землей — все это делало церковную власть не только «совестью» Новгорода, но и неким юридическим гарантом неприкосновенности собственности. Сам архиерейский двор больше напоминал государственное, княжеское представительство, чем резиденцию архиепископа. Большинство слуг на архиерейском дворе были

³¹ Там же. С. 227.

³² Прилежаев Е. Новгородская софийская казна // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1875. Т. 7. С. 104.

³³ При выборе нового владыки вече действовало как церковная община первых веков христианства. Предлагались три кандидата из числа белого и черного духовенства. Бельцы после выбора вече должны были постричься в монашество. Имена кандидатов писались на жребиях, запечатывались посадником и ставились на престоле Святой Софии. После литургии, во

люди светские. Они назывались *софияне*. Во главе управления стоял дворецкий. Было множество должностей: ключник, казначей, чашники, стряпчие и т.д., причем в услужении у владыки были не обычные крепостные холопы, а представители новгородской аристократии — нарочитые дворяне и дети боярские. Из бояр избирались судьи (поездники, или посыльники), которые отправлялись по владычным волостям: судили церковных крестьян, собирали оброки и судебные пени. Часть из них выполняла дипломатические поручения при посылке в Москву, к митрополиту Московскому.

Владыка имел свой военный отряд из детей боярских, называвшийся «владычный стяг», который обязан был участвовать во всех военных операциях Новгорода. На период военных действий руководитель стяга получал от архиепископа инструкции, как ему действовать во время боя, и потому поступал в соответствии с наказом. Единственный раз, когда владыка не дал своего полка новгородцам, — в 1471 г., в период войны с Москвой. Письменными работами руководили *паробки*. У владыки также имелась собственная дружина мастеров-ремесленников, которые занимались строительством епархиальных храмов и благоукрашением Святой Софии. Новгородский владыка, как гарант справедливости, ежегодно должен был осматривать разные орудия меры и, если возникала необходимость, штрафовал провинившихся³⁴. Владычным судом заведовал наместник из числа светских лиц. За пользование церковным архиерейским судом приходское духовенство платило особую пошлину.

Новгородцы старались, чтобы их владыка, их Церковь отличались высоким статусом. Для этого они сумели в 1165 г. получить в Константинополе разрешение на особый титул архиепископа³⁵, новгородский владыка носил особый белый клобук³⁶, а после обращения в Константинополь и особые крестчатые ризы — епископскую фелонь с четырьмя крестами; глава Софийского Дома мог в обход Московского митрополита (лишь сообщив ему об этом) непо-

средственно обращаться в Константинополь³⁷. К особенностям Новгородской епархии следует отнести наличие здесь уже в XII в. сборника канонических правил — Номоканона в XIV титулах. В конце XIII столетия новгородцы составили свою Кормчую. В Новгород, в Святую Софию, собирались великие христианские святые из Византии и Иерусалима. Эта была особая стезя деятельности новгородцев.

Стоит подчеркнуть, что во всем этом проявлялся общий соборный дух новгородцев, а не только узко церковный, архиерейский. Новгородской церковной власти приходилось действовать внутри народной стихии, отличавшейся кипучей страстностью и необыкновенным самомнением. К примеру, обратимся к событиям 1391 г., случившимся во время великого княжения Василия Дмитриевича. Тогда в городе произошел антимосковский бунт, вызванный нежеланием новгородцев иметь церковный суд в Москве. Новгородцы клянутся и целуют у владыки крест в знак необратимости заклęcia, что не будут судиться у московского митрополита, грозя Москве переходом в латинство³⁸. Московский митрополит Киприан приезжал в Новгород, чтобы убедить мятежную паству одуматься, но новгородцы были непреклонны. Тогда митрополит отлучил новгородцев от Русской Православной Церкви до поры, пока они не смирятся. Обращение князя Василия также осталось без ответа. В итоге началась московская военная кампания против мятежного Новгорода. И лишь взятие главных торговых ворот Новгородской земли — города Торжка, наконец, урезонило бунтующий Новгород. Город заплатил за снятие отлучения 350 руб. и принял московские условия местопроведения церковного суда. Все эти факты показывают, насколько была тесной связь новгородской епархиальной власти с гражданской властью города и насколько архиепископ как глава города был несвободен в своих административно-церковных делах.

Государственные земли, которые хранил Софийский Дом, как и новгородская казна, не

время которой весь Новгород стоял перед собором и молился, выбранные люди доставали жребий и выносили его народу. Начиная с XIV в. жребий стал вынимать старший священник собора. Он вынимал два жребия, а третий, оставшийся в коробе на престоле, и был искомым. С согласия народа провозглашалось „наречие“ нового владыки, длившееся вплоть до „посвящения“ его в Москве (Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви... С. 57).

³⁴ Там же. С. 47.

³⁵ Прилежаев Е. Указ. соч. С. 105.

³⁶ Ношение белого клобука продолжалось до середины XVI в., когда эта привилегия была закреплена за московскими первосвященниками.

³⁷ Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви... С. 113.

³⁸ Там же.

принадлежали ни архиерею лично, ни Церкви как таковой, хотя новгородский владыка участвовал в передаче земли, когда вече выделяло ее какому-то монастырю или храму³⁹. Но вместе с тем Софийский Дом имел собственный немалый фонд земель (пять пятин, земля в Пскове и Подмоскovie), которыми мог свободно распоряжаться и которые были основой его доходов. Новгородцы часто брали деньги у Святой Софии (из новгородской казны) и никогда не возвращали эти деньги, поскольку брали, как считалось, у самих себя, а не у Церкви⁴⁰. Все новгородские документы с XIV в. начинались с благословения новгородского владыки и были скреплены его печатью⁴¹. В целом же доход владыки состоял из «подъезда» и десятины. Подъезды были чисто новгородским явлением, не знакомым Москве. Деньги за подъезд, или подъездные пошлыны, были платой архиепископу за издержки при обозрении епархии, а также даров за благословение, которое он преподавал духовенству. Позже появилась статья дохода, называвшаяся «казенный алтын». Существовало также немало единовременных уплат, например, так называемая яичная пошлина, возникшая из обычая одаривать архиерея при христосовании. Пошлина со временем стала обязательной и выражалась в денежном эквиваленте (не меньше новгородской гривны за «великоденское яйцо»)⁴².

К новгородским особенностям следует отнести и некую несвободу новгородского архиепископа (и это при его главенстве в городе!) в делах чисто церковных. Не все монастыри в епархии находились в его полном подчинении. Группа так называемых кончанских монастырей (Антонов, Михайловский, Никольский, Благовещенский, Аркажский) подчинялась своим денежным ктиторами — отдельным концам Новгорода. Эти монастыри имели от общества вклады, на которые они жили. Но при этом ктитория и после отдачи земли продолжали ею распоряжаться: могли изъять, обменять, продать. И владыка не мог пойти против общества, избравшего такую форму пожертвования в пользу монастырей⁴³. Также тесно зависели от вкладчиков так называемые боярские

монастыри, построенные на средства богатых бояр. Вот почему основная масса монастырей (55 из 114) располагалась в непосредственной близости и от города, и от боярских усадеб⁴⁴. Такие монастыри называли «житницами боярскими». Они были подобны тем княжеским киторским обителям, которые существовали в Киевской Руси в домонгольский период.

В общежительных монастырях Новгородчины нередко существовал извращенный внутренний порядок. В состав монастырской общины кроме монахов — «старцев» входили и миряне — вкладчики, которые были причислены к обители, потому что внесли в нее денежный или земельный вклад. Этот статус давал право вкладчикам окончить свою жизнь в данном монастыре, даже не постригаясь, и быть здесь похороненными. Речь в данном случае идет о большом числе новгородцев, так как к вкладчикам данных монастырей относились люди малосостоятельные⁴⁵. Вклады порой принимали необычную форму. Так, бедные, малоземельные и малолюдные монастыри вкладывали сами себя в богатые и многолюдные монастыри, получая за свою несвободу и отказ от собственности стабильное обеспечение. В монастырях, активно занятых торговыми операциями, монахи могли иметь отдельные хозяйства, маленькие вотчины, одеваться щегольски в немецкое сукно, а зимой — в бараньи шубы, подбитые пухом⁴⁶. Такие по-мирски активные обители участвовали в промышленной и торговой деятельности, выполняя для мирян и роль банков, предлагая услуги по сохранению денег и выдаче ссуд под определенные проценты⁴⁷. При этом ни один регион Руси не имел такого количества обителей, как Новгород.

Особый мир приходского духовенства в Новгородской земле теснейшим образом был связан с торговыми устоями, всё определяющими здесь. Духовенство было открыто «на входе» и «на выходе», могло избираться из разных слоев общества. За поставление во священники кандидаты платили 7 гривен. Не существовало особых строгостей в отношении снятия сана. Священник мог легко сложить его с себя и продолжать

³⁹ Греков Б. Д. Новгородский Дом Святой Софии... С. 237.

⁴⁰ Там же. С. 231.

⁴¹ Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви... С. 38.

⁴² Там же. С. 142.

⁴³ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 168.

⁴⁴ Хорошев А. С. 1980. Указ. соч. С. 167.

⁴⁵ Никитский А. И. 1879. Очерк внутренней истории церкви... С. 88.

⁴⁶ Там же. С. 89.

⁴⁷ Там же. С. 97.

мирскую деятельность⁴⁸. Приходские храмы Новгородчины отличались своей финансовой зависимостью от светских дарителей руги — они являлись «киторскими», т. е. построенными на общественные средства. Ктиторами были или один богатый землевладелец, или группа прихожан. В таких храмах священник вообще не распоряжался имуществом и доходами. Кроме того, ктиторы, как собственники церкви, сами занимались наймом священников и причта⁴⁹. Вот почему на Новгородчине возникло такое явление, как «попы из холопов», когда боярин мог поставить во священники полностью подневольного ему человека, что запрещалось церковными законами. В Стоглаве (1551 г.) отмечались многие из указанных выше особенностей приходской жизни новгородского духовенства и главным образом осуждалась процветающая торговля священническими местами, которую вели предприимчивые новгородцы⁵⁰.

Подводя итог особенностям существования Новгородской Церкви в условиях преимущественно торговой деятельности новгородцев, отметим высокую степень церковной задействованности в чисто мирских проектах. Причина этого, на наш взгляд, в том, что в мирской жизни для Церкви здесь не было другого пространства действия, и потому она могла существовать лишь в этих узких рамках. Православие, если рассматривать его как чистоту канонов и веры, не было нарушено; по сути, не Церковь идейно продуцировала установки народа на обогащение, стяжание, торговое целеполагание, как это было, скажем, с протестантизмом⁵¹, а народ довлел над Церковью и диктовал ей свои условия. Опыт с изгнанием княжеской власти был весьма поучителен. В Новгороде существовало предание в связи с написанием Спаса-Вседержителя в куполе Святой Софии. Иконописец написал Христа с благословляющей десницей, но утром обнаружил, что рука Спасителя сжата. Переписывание не дало результата, история повторялась. В откровении же было сказано, что Христос будет держать Новгород в своей деснице до поры, пока существует город⁵². В данном сказании важны два взаимоисключающих друг друга момента: Новгород храним Богом, но Бог

не благословляет новгородцев. И эта антиномия как яркий образ Новгорода, как не что другое иллюстрирует особенность тех противоречий, которые существовали и уживались до времени в городе.

Конечно, и мирская жизнь новгородцев, и церковные дела не были совсем пронизаны стяжанием: было и благочестие, и любовь к христианской книжности и благоукрашению храмов, и церковное благолепие, какого порой не имелось в иных русских землях, но было и то, что мы обозначили выше. В этом смысле Новгород — двуликий и чем-то напоминает Санкт-Петербург XVIII—XIX вв., с его ориентацией на европейское общество и одновременно с глубоко православным почитанием святых — блаженной Ксении Петербургской и праведного Иоанна Кронштадтского. Очевидно, как в XII—XIV вв., так и в XVIII—XIX столетиях, Русь-Россия нуждалась в своего рода прививке от «европейской духовности» там, где активно шло экономическое и политическое взаимодействие с Европой; и Новгород, а потом и Петербург эту общерусскую миссию выполняли. Д.С. Лихачев отмечал именно «европейский характер культуры Новгорода»⁵³.

И все же Новгородская Церковь не могла бы духовно нерушимо существовать в условиях столь жесткого диктата со стороны мирского сообщества новгородцев, если бы в ее недрах не существовало подвижничества, если бы здесь не была явлена святость в лице многочисленных представителей из числа новгородцев, самым решительным образом отказавшихся от мира. Ярчайшей особенностью новгородской агиологии было обращение к теме стяжания, аскетике борьбы со страстью сребролюбия. Причем подвижничество тут развивалось не в общежительных монастырях, а в отшельнических пустынях.

Особое место в новгородской агиологии занимают преподобные Варлаам Хутынский, основатель Преображенского Хутынского монастыря, и Антоний Римлянин (ум. 1147 г.), строитель Богородице-Рождественского монастыря, неподалеку от Великого Новгорода. Последний в русской агиологической традиции являет собой совершенный образец того евангельского юноши, который, как повествует Евангелие, обращал-

⁴⁸ Там же. С. 75.

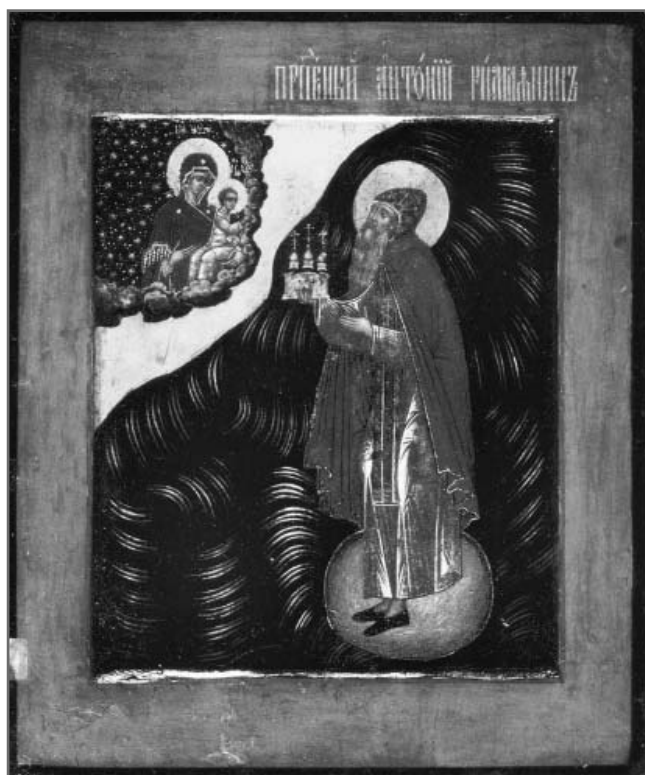
⁴⁹ Там же. С. 169.

⁵⁰ Стоглав. Гл. 41. Вопрос 14. Цит. по: Стоглав // Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. М., 1985. С. 306.

⁵¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 184–208.

⁵² Сказания Новгорода Великого (IX—XIV вв.) / Сост. Ю. А. Бегунов. СПб., 2004. С. 164.

⁵³ Лихачев Д. С. Европейское значение культуры Новгорода // Новгородская икона XII—XVII вв. Л., 1983. С. 7–19.

Преп. Антоний Римлянин.
Икона. XVIII в.

ся ко Христу с вопросом о спасении⁵⁴. Но в Евангелии богатый юноша отходит от Спасителя «с печалью в сердце», потому что при всем его благочестии он не может расстаться с богатством. Святой Антоний выбирает другой путь — он расстается с богатством. Это оказывается непросто. Отречение потребовало величайших аскетических подвигов телесной аскезы, молитвы, самоотречения, огромной веры. Преподобный Антоний родился в Риме в православной семье, был римлянином; пока жил в родном городе, неоднократно испытывал стеснения и даже гонения от

католиков. После смерти родителей одну часть своего именина он раздал нищим, а другую, меньшую, положил в бочонок, который законопатил и бросил в море. Вскоре начинается таинственный путь этого подвижника, образно рисуящий, какими тяжелейшими усилиями происходит действительный отрыв человека от материального богатства, для превращения последнего в духовное.

Преподобный Антоний абсолютно доверяется воле Божьей в самых критических жизненных ситуациях, там, где решается проблема передачи своего богатства в «Божьи руки». В первый раз он бросает сохранившуюся часть богатства, запечатав его в бочонок, в море, с твердым упованием на то, что оно вернется к нему в момент очищения от корысти стяжания. Во второй раз он отдает свою жизнь на волю морской стихии, когда плывет *на камне по морю* неизвестно куда⁵⁵. 5 сентября 1106 г. он прибывает в Великий Новгород, проведя на камне два дня и две ночи, — тот путь, что новгородские купцы, ходившие в Рим, одолевали за полгода. Очень скоро он начинает понимать русский язык. В Новгороде святой Антоний действует под духовной опекой великого новгородского святого — святителя Никиты Новгородского. Святой Антоний просит новгородского святителя благословить его на устройство богородичного мужского монастыря на месте высадки на берег: «Да воссылается молитва к Богу о спасении душ ваших (новгородцев. — *О. К.*) и будет поминовение родителям вашим»⁵⁶. Далее святой Антоний просит новгородских рыбаков забросить сети в Волхов, чтобы выловить свой бочонок, который он кинул в море на родине. За труды он обещает им богатый улов. Действительно, рыбаки, до этого всю ночь трудив-

⁵⁴ Современные текстологи относят образец сохранившегося жития ко времени не ранее XVI в., хотя допускают существование древнего краткого жития. Появление пространного жития связывается с общими процессами канонизации местных святых. Однако эти справедливые соображения совершенно не исключают факта почитания новгородцами прп. Антония, начиная с его кончины и вплоть до общецерковного прославления в XVI в. Тем более известно, что «Антониев монастырь» (его народное название) не только духовно процветал, но и долгое время являлся крупнейшим книжным центром Новгородской земли. Здесь подвизался известный богослов Кирик Новгородец, отсюда происходит «Служебник Антония Римлянина», тут существовал самый крупный в Новгороде центр иконописи. Свой духовный, просветительский и миссионерский потенциал монастырь сохранял вплоть до XIX столетия. В обители трудились многие известные церковные историки: архимандрит Амвросий (Орнатский), архимандрит Макарий (Миролюбов), здесь прошел свою начальную духовную школу будущий святитель Тихон Задонский. Монастырь традиционно считался местом, откуда брали ученых монахов на архиерейские кафедры. См.: Полежаев В. Наследие преподобного Антония Римлянина // Новгородские епархиальные ведомости. 1997. № 8. С. 3.

⁵⁵ Мы не вправе говорить, что данные свидетельства жития имеют легендарный характер, поскольку внутрицерковный мир, который мы описываем, включал чудо в реальность своего бытия. Так же и мы не вправе отрицать реальность его существования, иначе объективность научных результатов надо будет ставить под сомнение.

⁵⁶ Святые Новгородской земли X—XVIII вв. В 2-х т. Т. 1. Великий Новгород, 2006. С. 148.

шиеся и ничего не поймавшие, вытягивают сеть, полную рыбы. Также в ней оказывается и бочонок с сокровищами. Ловцам кажется, что последний будет лучшей платой за их улов, и хотят забрать его. Лишь через суд святому Антонию удается получить назад бочонок («сосуд Пречистой», как называет его сам святой).

Строительство Рождественского монастыря проходило только с использованием монашеских сил и на средства из бочонка. Если же кто жертвовал на монастырь, то преподобный употреблял эти деньги на пищу братии и кормление нищих и сирот. В духовной грамоте преподобного Антония говорилось: «Не принял имения ни от князя, ни

от епископа, но только благословение от Никиты епископа. И возделывая не родную землю ни вдвое, ни воедино, ни себе покоя не давал, ни братии, ни сиротам, и здесь (живущих) христиан тревожа. Да то все устроит Матерь Божия, сколько бед принял ради места сего. А поручаю (труд мой) Богу и Святой Богородице и христианам и вверяю место сие (на управление) игуменами»⁵⁷. Далее преподобный говорит о конкретной сумме, которую он заплатил за землю для монастыря: «И вот возвещаю: когда начал жить на месте сем, дал за землю и за рыбную ловлю семьдесят гривен, а за земли села Волховское дал сто гривен: Тудору с женой и детьми — сполна, Волосу с женой и детьми — сполна, Василию с женою и детьми, сполна»⁵⁸.

Вопрос о богатстве является, на наш взгляд, центральным в житии преподобного Антония Римлянина. Земные деньги, которые «Бог послал» за труды праведные, требуют возвращения их Богу и превращения материальных денег в духовные. И чем больше скопил человек материального богатства, тем сложнее ему осуществить это превращение. Прп. Антоний идет к своей цели двумя путями: а) раздавая деньги нищим и б) строя на очищенные аскетическим подвигом свои же (но ставшие Божьими) деньги монастырь. В первом случае это «обычный» путь, не требующий великих подвижнических деяний. Но в Евангелии Христос говорит об этом так: «Нищих всегда имеете рядом с собой, а Меня не всегда» (Иоанн.12; 8). То есть для следующего шага отказа от богатства требуется то, что сделала евангельская блудница: продать всё, купить на это миро и, не стыдясь и не боясь законников и фарисеев, возлить его на ноги Христа, утирая их своими волосами. Вторая ступень отдачи богатства отличается от первой тем, что человек не Бога призывает в распорядители деньгам, а сам призывается превратить их в духовные деньги. То, что святой Антоний делит наследство на две части, а не всё употребляет на строительство монастыря, также является фактом многозначительным. Преподобный не берет на себя неподъемную ношу, которую способен понести один только Бог. Именно на это указывает передача большей части имения в руки нищих. На эти же деньги, скорее всего, покупается жемчужина в Евангелии купцом из притчи, которая ассоциируется с бессмертной душой. Душа выкупается, и тем самым

Камень святого Антония Римлянина в Антониевом м-ре.
Современное фото

⁵⁷ Там же. С. 175.

⁵⁸ Там же. С. 176.

Прп. Антоний Римлянин.
Новгородская икона.
Середина XV в.

Преп. Варлаам Хутынский.
Новгородская икона.
Вторая половина XV в.

для отдельного человека решается проблема спасения в вечности. Следующий же шаг — самостоятельного труда по превращению материальных денег в духовные — рассматривается уже как соработничество Богу и потому открывает для человека-подвижника путь быть своего рода спасителем для какой-то группы людей. То есть святой подвижник занимается покупкой «жемчужин» для других людей, и в этом состоит основное значение его духовного подвига.

Другой новгородский преподобный, тесно связанный с идеей преобразования материального богатства в духовное — святой Варлаам Хутынский (ум. 1192 г.). Он несколько по-иному, в отличие от преподобного Антония, идет по пути преобразования богатств, накопленных его богатыми родителями-новгородцами. Святой Варлаам уходит из мира, становится отшельником в месте Хутынь и собирает вокруг себя еще несколько знатных и богатых новгородцев: Порфирия Малышевича и брата его Феодора. Родительские деньги остаются при подвижнике. По прошествии длительного времени подвижник с благословения епископа начинает строительство монастыря на месте своих отшельнических подвигов. «Преподобный Варлаам старался снабдить монастырь свой средствами к существованию и оградить его имущества от притязаний корыстных людей. Он пожертвовал обители поемный луг, рыбные ловли, село, земли, сенокосы и нивы, скот и слуг»⁵⁹. Во вкладной грамоте он писал: «Если же

кто по научению дьявола и злых людей захочет отнять что-либо из пашен, из сенокосов или из ловлей, да будет ему противником Святый Спас в сем веке и в будущем»⁶⁰. Вместе с тем обитель предназначалась не только для сугубой молитвы и постнического жития, но и для широкой помощи нищим. В заповеди преподобного Варлаама это ясно звучало: «Странных с пути покоить, поить и кормить, приезжих на конях покоить всяким покоем и творить милостыню нищим.

⁵⁹ Там же. С. 193.

⁶⁰ Там же.

Если страннoлюбия не забудете, то благодатию Божиею обитель моя никогда не оскудеет»⁶¹.

Клеймо иконы «Богоматерь Владимирская» XVII в. Ярославский музей-заповедник

«Богоматерь Владимирская» с припадающими к стопам Московских святителей преподобных Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского. Ярославская икона. XVII в.

В подвижнической деятельности святого Варлаама несомненны отличия от пути преподобного Антония Римлянина. Первый берет на себя неподъемную ношу: для устройства монастыря он распоряжается *всей суммой* доставшихся ему денег. При этом только после устройства обители начинает оказываться широкая помощь нищим, странникам, убогим — от общей суммы отделяется ее часть. То есть перед нами путь, обратный тому, которым шел преподобный Антоний: подвижнические труды святого Варлаама сопровождался процессом «соразботничества Богу», посредством создания Хутынского Преображенского монастыря, и лишь потом начинается забота «о собственной душе» благодаря помощи странникам и нищим. Здесь был своего

рода риск, потому что в церковной истории не все опыты по созиданию новых обителей оказывались удачными. Но этот риск оправдывался тем, что в случае успеха гораздо больше, условно говоря, материальных денег можно было бы перевести в деньги духовные, необходимые для покупки «духовного жемчуга». И действительно, именно преподобный Варлаам Хутынский в отличие от святого Антония Римлянина приобрел общероссийскую славу как общерусского молитвенника за Землю Русскую. Как повествует житие, «Преподобный Варлаам Хутынский вместе с Сергием Радонежским часто встречается на иконах московских, ибо его пустынное влияние благотельно было в первопрестольной столице, и нередко являлся он в сонных видениях нашим державным, как ревностный заступник Церкви»⁶². Поныне Спасские ворота Московского Кремля украшает икона Спаса с предстоящими преподобными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским. В 1521 г., как гласит «Степенная книга», Москва была спасена от нашествия татар по молитвам преподобных Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского. Престарелой и слепой инокине Московского Вознесенского монастыря было видение в то время, когда враги окружили город. Она увидела, что из Кремля через Флоровские (Спасские) ворота выходили московские святители Петр, Алексий, Иона, а с ними другие архиереи и священнослужители и уносили с собой Владимирскую икону Божьей Матери. Преподобные Сергей и Варлаам припали к святителям со слезами не оставлять город, и те вняли мольбам угодников Божьих»⁶³.

К числу особенных мест для новгородцев относился и стоявший неподалеку от города Щилов монастырь. Построенный в начале XIV в., он целиком укладывается в главную для горожан тему «стяжания» и духовной борьбы с ним. В сказании о Щилове монастыре повествуется о новгородском посаднике Щиле, человеке богатом и уважаемом. Свое состояние он накопил благодаря умелым ростовщическим операциям, а потом решил построить рядом с городом новый храм. Когда митрополит Иоанн выяснил, что церковь построена на ростовщические деньги, он отка-

⁶¹ Там же. С. 194.

⁶² Там же. С. 187–188.

⁶³ Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910. С. 81.

Смоленский Спас с предстоящими
преподобными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским.
Икона. Конец XV в.

зался освящать храм, однако поставил условие, чтобы все решил Божий суд. Архиепископ повелел поставить в церкви гроб, а посаднику «надеть сорочку и саван и все, что подобает для погребения покойников, и затем лечь в гроб в церкви своей и велеть петь по себе отходную молитву»⁶⁴. После исполнения повеления владыки гроб со Щилом провалился под землю и началась длинная череда молитвенных заупокойных поминовений, которые по благословию архиерея заказывал сын покойного. Они закончились лишь тогда, когда гроб опять поднялся на поверхность из ада. Только после этого церковь была освящена, и здесь же по архиерейскому благословию был основан новый монастырь.

Образ посадника Щила, который сумел освободиться от бремени своего богатства лишь таким страшным образом, ясно обозначал для горожан пути их собственного отношения к богатству. В данном случае Новгородская Церковь давала объективную картину грозной силы богатства, его способности срашиваться с человеком, его

душой, так что человеку необходимо даже жертвовать жизнью (умереть раньше времени), чтобы спастись в вечности. Несколько иную, смягченную перспективу рисуют светские литературные источники того времени. Новгородские героические былинные типы, такие как Садко и Василий Буслаев, по-своему решают проблему с накопленным во время удачных походов или уличного удачества богатством. «Богатый гость Садко-купец» перед смертью пишет завещание, где следующим образом распределяет свои богатства: «Кое именье отписывал божьим церквам, иное именье нищей братии, иное именье молодой жены, остатнее именье дружины хоробрая»⁶⁵. Сама по себе сюжетная основа былины о Садко построена на похвальбе удалого молодца, что он добудет «бессчетную золотую казну» как некую самую важную для жизни вещь. Садко ставит на заклад свою жизнь, а значит, и душу, против «лавок товара красного» новгородских купцов. В былинах, посвященных Василию Буслаеву, суть главного сюжета заключена в неумолимой физической силе богатыря. Он согласен смириться и не калечить новгородцев при условии, что новгородцы будут ему платить «на всякий год по три тысячи». И в этой былине богатырь хвастает перед новгородцами силой и ставит на кон свою «буйную голову» «на весь Новгород»⁶⁶.

Преподобные Варлаам Хутынский и Антоний Римлянин — святые XII столетия. Они заложили фундамент новгородской агиологической школы и значили для Новгорода то же самое, что для Киева преподобные Антоний и Феодосий Печерские. В XIII в. киевская традиция была прервана в результате полного разорения Киево-Печерского монастыря монголами (1240 г.). Между тем Новгород продолжал и в это трагическое время сохранять и развивать подвижничество в отдельных отшельнических обителях. Особенно интересен в этой связи новгородский агиологический опыт XIII в. Преподобный Сергей Радонежский еще не появился в Московской Руси, киевская традиция на время угасла, между тем как Новгород продолжал жить строгой духовной жизнью в обителях и пустынях, связанных со школой преподобных Варлаама Хутынского и Антония Римлянина.

К первой трети XIII в. относятся три крупные фигуры новгородских святых из числа птенцов

⁶⁴ Сказание о Щилове монастыре, что в Великом Новгороде // Сказания Новгорода Великого (IX—XIV вв.) СПб., 2004. С. 605.

⁶⁵ Новгородские былины. М., 1978. С. 154.

⁶⁶ Там же. С. 22.

Рака с мощами прп. Антония Дымского.
Совр. фото

Хутынского монастыря. Преподобный Антоний Дымский (ум. ок. 1224 г.), новгородец, пострижник Хутынского монастыря, основал две обители: Дымскую пустынь — недалеко от Тихвина, в глухой чаще, и Вырдомскую пустынь, также в глухих лесных местах Новгородчины. Отличался строго подвижничеством: носил железную шляпу 15 фунтов весу, с гвоздями, которые глубоко врезались в голову; подолгу молился, как столпник, стоя на камне посреди озера. Дымскую пустынь святой основал рядом с тем валуном, на котором он провел долгое время в молитве. Святого особенно почитал князь Александр Невский, приезжавший сюда и получивший здесь исцеление. От него же была пожалована грамота на создание монастыря⁶⁷.

Два других ученика святого Варлаама — преподобные Константин Коссинский, Старорусский (ум. 1240 г.), и его сомолитвенник Косма Коссинский, Старорусский (ум. 1240 г.) основали Коссинский Николаевский монастырь на острове возле рек Полисти и Снежной. Обитель отличалась строгостью жизни, бедностью, опорой на собственные труды⁶⁸. К числу великих новгородских чудотворцев относился преподобный Ксенофонт Робейский (ум. 1262 г.). Ученик святого Варлаама, он основал Лисицкий Рождества Богородицы монастырь в трех верстах от Хутынского монастыря. На его раке была надпись

«Горяшу любовью к Богу и приметашеся день и ночь во храме Божии, отрину от себе богатство, и избра самовольную нищету и нестяжание, поплева мирскую славу»⁶⁹. Со святым Ксенофонтом одно время жил в монастыре преподобный Антоний Дымский. Лисицкий монастырь был им основан по благословению святого Варлаама, на месте явления огненного столпа, явившегося подвижникам Ксенофонту и Антонию Дымскому. После кончины преподобного Ксенофонта от его могилы «потекли обильные струи чудес и исцелений», а прославили преподобного в XV в.

Указанная группа святых почти вплотную примыкает ко времени начала подвижничества в Московском регионе святого Сергия Радонежского, его собеседников и учеников, с которыми принято связывать новый период подъема монастырского подвижничества на Руси. Именно от новгородских подвижников преподобный Сергей и мог получить живую искру того особого огня веры и жажды высоких аскетических подвигов, от которой он один только и мог возжечь новый очаг духовного взлета.

К новгородской традиции относятся и многие святые Вологодской земли XII—XIII в. Например, в той же Вологодчине, заселенной к XII столетию новгородцами и ростовчанами, действует выходец из Киева преподобный Герасим. Киевлянами были и многие новгородские епископы.

⁶⁷ Святые Новгородской Земли... Т. I. С. 236–244.

⁶⁸ Там же. С. 245–251.

⁶⁹ Там же. С. 254.

И все же у киевской и новгородской традиции имелась своя специфика. Киевляне-подвижники, попавшие на землю, занятую новгородскими переселенцами, постоянно сталкиваются с их корыстными нравами. Поучительным выглядит один красноречивый эпизод из жития святого Герасима. Новгородцы с холодностью отнеслись к подвигам преподобного и к его желанию устроить Троицкую обитель. А «некто Пятышев, богатый землевладелец и христианин, пожалел места для храма Божия, заявив свои права на землю, и начал о ней спор с преподобным, хотя земля та не приносила ему никакой выгоды и, по тогдашнему времени, не имела почти никакой ценности». Пятышев говорил, что не хочет впасть в нищету, раздавая свое богатство, на что преподобный Герасим предсказал ему: «Сколько бы он ни старался о приобретении, никогда не сделается богачом, что не только он сам, но и весь род его, „станет жить не богато, но и голо не порато“». Сохранились сведения об этом роде, представители которого, действительно, так и не выбились в купечество. Последний из Пятышевых, Иоаким Васильевич, умер в 1846 г. холостым⁷⁰.

Устюг тяготел к пограничью, разделявшему новгородцев и ростовчан. Считается, что заселение Устюга происходило силами ростовчан, которые назывались «низовые»⁷¹. Однако среди устюжских святых выделяются фигуры (святого праведного Прокопия Устюжского, преподобного Киприана и праведных Иоанна и Марии), которые принесли сюда не ростовский, а новгородский духовный опыт противостояния искусу стяжания. Христа ради юродивый Прокопий, выходец из немецких купцов, был первым на Руси юродивым, как повествует его житие⁷². Духовную школу оставивший мир купец прошел у великого новгородского подвижника преподобного Варлаама Хутынского либо, по другим сведениям, проживая в Хутынском монастыре уже после кончины святого Варлаама. В житии святого Прокопия отмечена последовательность передачи земного богатства: «Наконец он раздал все свое имение и богатство частию нищим, частию на сооружение храма в Хутынской обители и, решительно ничего не оставив себе, стал жить в обители как один из странных, ежедневно посещая все церковные службы и усердно служа братии». Как видим, святой Прокопий поступает со своим богатством так, как сделали это преподобные

Антонин Римлянин и Варлаам Хутынский, но с одним отличием: в самом начале своего духовного подвижнического пути, разделив сумму надвое, святой отдает ее всю без остатка. Более того, он тут же попадает в сложную ситуацию: его начинают донимать новгородцы своими постоянными похвалами за бескорыстие и переход в православие. Если говорить о символической стороне передачи богатства святым Прокопием, то она выглядит следующим образом. Передав часть денег на нищих, подвижник тем самым выкупает свою душу («жемчужину» из притчи) и таким образом решает проблему личного спасения. Но и остальная сумма им тратится похожим образом: он передает ее в монастырскую казну, «на общие цели» спасения других душ, но сам в распределении и движении этих денег не участвует, а становится одним из тех, о ком монастырь заботится материально, — странником. Похвалы новгородцев вынуждают святого Прокопия покинуть стены монастыря, поскольку здесь он оказывается незащищенным от той опасности, от которой он уходил с самого начала и думал, что ушел. Но деньги в виде почета, превознесения, славы словно возвращались к нему, и оставалось лишь сделать их материальными. Вот почему святой Прокопий уходит из монастыря и идет в другие края, т. е. становится действительным странником.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в житии святого Прокопия мы также имеем материал, раскрывающий особенности преобразования материальных богатств в духовные в православнохристианской традиции. Картина в целом еще более усложняется. Созданный преподобным Варлаамом монастырь как место спасения для многих душ предполагал, что эти люди в ограниченном количестве соберутся в монастыре и здесь, под руководством опытного наставника-старца, будут следовать по пути спасения. Святой Прокопий, избрав путь юродства, местом личного спасения и приведения некоторых душ к Богу делает мир, а не монастырь. В этом специфика пути устюжского святого, в этом мы видим еще одну грань, характеризующую возможность перехода материальных денег в духовные.

В Устюге также основал Михаило-Архангельскую монашескую обитель в 1212 г. еще один богатый землевладелец, выходец из Новгорода преподобный Киприан. На месте своих

⁷⁰ Исторические сказания и жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии... С. 36.

⁷¹ Власова И. В. Население центральных районов Русского Севера // Русский Север. М., 2007. С. 128.

⁷² Там же. С. 61.

духовных подвигов и блаженного Прокопия он строит по просьбе горожан новый храм и монастырь. При этом преподобный Киприан, как повествует житие, «с радостью принимал каждого, с отеческою заботливостью и любовью помогал устроиться и приобрести необходимое для кельи, примером же собственной жизни учил тому, как достигать спасения души и избавиться вечных мук. Чтобы успокоить братию и дать им возможность всецело посвятить себя духовным подвигам, преподобный отдал все свое имущество, села, деревни, пахотную и сенокосную землю, которая была у него в устюжской и других волостях, так что с того времени его монастырь не имел ни в чем нужды и стал распространяться и умножаться числом братии»⁷³. 60 лет преподобный Киприан неустанно трудился в монастыре в посте, молитве и трудах украшения обители, спал на камне, принимал в гости устюжского юродивого Прокопия, с которым имел духовную дружбу. Святые праведные Иоанн и Мария Устюжские — современники и собеседники святого Прокопия — также являют редкий пример отказа от земных благ и богатств в пользу небесных. Святой Иоанн был до своего духовного преображения ордынским баскаком Бугом, человеком жестоким и жадным. Он покусился на честь дочери богатого устюжанина, которую хотел сделать своей наложницей. Но жители города объединились в ненависти к захватчикам и готовы были уже растерзать обидчика, когда в последнюю минуту узнали, что баскак пожелал по совету уведенной им Марии креститься и даже обвенчаться с ней. После этих событий для Иоанна наступила новая жизнь. Под влиянием жены он все более стал меняться в лучшую сторону, употребил свое богатство на строительство

Святые блаженные Прокопий и Иоанн Устюжские.
Икона. XVIII в.

Вознесенской церкви, начал вести подвижническую жизнь. Этому же способствовала дружба с святым Прокопием. Умерли супруги Иоанн и Мария глубоко почитаемые устюжанами за праведность жизни⁷⁴.

Во всех житиях вологодских святых XIII—XIV вв. тема «богатства» является сквозной. Нередко противниками святых подвижников в Вологодском крае выступают или богатые землевладельцы, или корыстные зажиточные крестьяне. Так, в житии преподобных Григория (из богатых землевладельцев Московского княжества) и Кассиана (из богатых вологодских землевладельцев) Авнежских указывается, что они оба передали свое богатство на устройство монашеских обителей и оба приняли мученическую

⁷³ Там же. С. 55.

⁷⁴ Там же. С. 47–52.

кончину «от варваров», в один из набегов казанских татар вместе с вятичами. Территория, где находился монастырь, со временем заросла и через 100 лет, когда крестьяне стали распахать здесь землю, то столкнулись с необычными явлениями: место, где были захоронены святые мученики, не выжигалось, как вся прочая земля, но оставалось нетронутым огнем. Крестьянин Гавриил Ушак испугался и передал землю другому крестьянину — Феодору — во временное пользование. А тот, посчитав, что здесь лежит клад, начал копать, но обнаружил лишь два гроба. Потом тут была сооружена часовня, которая из-за корыстолюбия Гавриила Ушака, думавшего, что теперь его земля отойдет монастырю, была сожжена. Страсть найти клад обуяла и другого крестьянина — Онисима, который, «ослепленный страстью к деньгам, не хотел более ничего знать и не верил никаким чудесам». К нему присоединились и прочие искатели клада. И лишь когда святотатцы были наказаны «расслаблением», они стали каяться. Крестьянин Онисим впоследствии принял постриг во вновь открытом Авнежском монастыре с именем Антоний⁷⁵.

Подобную же корысть проявили авнежские жители, когда в 1360-годы в округе поселился преподобный Димитрий Прилуцкий с духовными собратьями — пустынножителями. Собственники опасались за свои земли и за свободу и потому, собравшись, пришли к старцу и стали выгонять его. Преподобный перебрался с учеником Пахомием в Вологду. Здесь пустынножителей ожидал другой прием: их тепло приняли, а два богатых крестьянина из-под Вологды — Илья и Исидор — дали подвижникам землю для устройства обители. Они не пощадили даже выросший, но не созревший еще хлеб, который был вытопан, когда началось строительство храма. Вновь устроенному монастырю помогали средствами и вологжане и князь московский Димитрий Донской, который был лично знаком с преподобным Димитрием Прилуцким. На эти средства кормились в монастыре бедные и нищие, отдавались долги должников. Но корысть не дремала и в монастыре. «Наслышавшись о щедрости преподобного, нищие толпами приходили в монастырь, так что на милостыню им хлеба требовалось более того, сколько выходило на братию, отчего преподобный, чтобы не возбудить неудовольствия и ропота братии, старался подавать мило-

стыню тайно»⁷⁶. Важно подчеркнуть один факт из жития преподобного Димитрия Прилуцкого в связи с нашей темой: в юности, когда святой Димитрий уходил из дома, он полностью отказался от наследства в пользу брата и начал монашескую жизнь практически нищим. В этом, как нам кажется, следует видеть специфику киевской, а потом и московской агиологической традиции. Суть ее состояла в отказе вообще от богатства в пользу кого-то из родственников, чтобы подвижнику начать монашеский путь не отягощенным денежными делами. Житие св. Димитрия упоминает о судьбе его брата, которому достались наследственные деньги, в том числе братская доля. Он занимался торговлей и со временем обеднел, впал в нищету и долги. Прослышав, что в Сибири можно быстро обогатиться, он просит брата Димитрия благословить его на пушной промысел и торговлю. Тот благословил на одну поездку, которая оказалась удачной. Потом на вторую поездку, тоже удачную. А на третью не дал благословения, говоря, что брат может на этот раз погибнуть «от зверских людей». Но тот не послушал и ушел без благословения и пропал навсегда.

Итак, Новгород — это тесное единство всех составляющих: Новгород торговый; новгородская архиепископия, крепчайшим образом привязанная к торговой деятельности новгородцев; приходские церкви и общежительные монастыри, активно втянутые в круговорот торгово-денежных отношений боярской республики; и тут же новгородские святые, из числа святителей — архиепископов, а также большой группы основателей монастырей и отшельнических скитов. Город жил в этом разном по духу и целям ритме, но новгородская святость, как и следовало угодникам Божиим, не отделяла себя от Дома Святой Софии, но «полагала душу свою за други своя», и потому появлялись в Новгороде такие знаковые фигуры, как посадник Щил, былинный Садко, и новгородская святость одухотворила своими достижениями Москву, когда там только началось движение в сторону создания нового политического, церковного и культурного центра Руси.

Нам привычно думать, что подвижничество преподобного Сергия Радонежского опирается на киево-печерскую традицию, а также на афонский опыт. Это, безусловно, так. Однако следует сказать еще об одном — важнейшем — источ-

⁷⁵ Там же. 86–99.

⁷⁶ Там же. С. 120.

Святые (слева направо) Димитрий Прилуцкий, Иоанн Милостивый, Герасим Вологодский. Вологодская школа. Икона. XVII в.

нике формирования московской аскетической традиции. Для Владимиро-Суздальской Руси XIII в., а потом Москвы XIV столетия Киев хотя и являлся отправной точкой движения (уже хотя бы потому, что святитель Петр, митрополит Московский, был ее носителем), но монголо-татарское иго помешало тому, чтобы эта преемственность состоялась «из рук в руки», от киевских святых к московским. Киев лежал в развалинах, Киево-Печерский монастырь был дотла разорен, монахи большей частью ушли в Новгородские земли. Единственным подвижническим духовным светочем оставались только последние. Отсюда Москва и получила тот необходимый импульс для высокоподвижнической жизни, который потом распространился в деятельности преподобного Сергия Радонежского. Вместе с этим импульсом Москва могла, конечно, воспринять от Новгорода во всей полноте саму новгородскую традицию, и такая возможность существовала. Вместе с тем тотальному распространению новгородской традиции на Москву

помешали не только «Московская Церковь», но и московское государство и общество. Именно радикальное вмешательство государства в лице великого московского князя Иоанна III в новгородские дела (политическая самостоятельность Новгорода, его экономическое устройство) привело к тому, что Церкви пришлось вместе с великим князем специально на соборе решать вопрос о «нестяжателях» и «иосифлянах».

Как ни странно, но великий князь Иоанн III, организовавший поход на Новгород, в идейных спорах между нестяжателями и иосифлянами стал первоначально поддерживать первых (по сути, сторонников новгородской духовной традиции), поскольку они предлагали Церкви добровольно отказаться «от имений». Однако в конечном счете князю пришлось смириться с победой иосифлян, очевидно, потому, что полемика вскрыла многие слабые стороны нестяжателей, а значит, и новгородской традиции. Во всяком случае, имелись намеки на связь нестяжательства с новгородскими ересями. Как отмечает

Г.М. Прохоров, современным исследователям заметна «постоянная устремленность испытующего взгляда Нила, в „писания“... (и это) сближает его с караимами („читающими“), оказавшими, судя по всему, определяющее влияние на развитие современной ему новгородско-московской ереси „жидовская мудрствующих“». Данный аспект мог заинтересовать Москву. По этой причине, как считает указанный автор, «Нил счел нужным письменно засвидетельствовать свое полное принятие всех отвергаемых еретиками церковных догматов и святоотеческих писаний»⁷⁷. Это и определенная закрытость новгородских подвижников, связанная с отшельничеством (т. е. отсутствие крупных общежительных монастырей, куда государи могли бы приезжать на богомолье), также не устраивали власть. Великому князю пришлось тогда скрепя сердце признать, что новгородский опыт секуляризации земель есть лишь частный случай, а не правило для всей подвластной ему территории.

То, что преподобный Нил стал защитником «нестяжания», действительно, указывало на отстаивание им господства новгородской агиологическо-аскетической традиции. Но у современного исследователя проблемы монастырского нестяжательства вызывает недоумение, почему нестяжатель преподобный Нил Сорский попадает под обвинения церковных соборов 1553—1554 гг. Игумен Митрофан (Баданин) пишет: «Предлогом для обвинения „заволжского старчества“ в еретичестве стала недопустимая параллель, проведенная между учением Нила Сорского и „ересь люторской, явившейся на церковные догматы“». При этом автор не отрицает того факта, что именно к заволжским старцам прибыли «протестанствующие еретики, последователи беглого холопа Феодосия Косого», чтобы вести с ними богословскую полемику⁷⁸. Но ответ на этот вопрос нам кажется ясным. Если мы будем оценивать действия преподобного Нила не просто как абстрактного «нестяжателя», а как защитника новгородской агиологической традиции (и это в период военного и духовного конфликта с Новгородом!), то все встанет на свои места. Будет ясно, почему преподобный попал в поле внимания соборов 1550-х годов; ясно и то, почему им заинтересовались протестанствующие еретики. Ясно и то, что его личный подвиж-

нический опыт был для современников-подвижников безупречен.

Преподобный Сергей Радонежский, хотя и не дожил до времени споров нестяжателей и иосифлян, но именно при нем была выработана твердая позиция по отношению к новгородской традиции. Суть ее состоит в безусловном принятии самого подвижнического духа школы прп. Варлаама Хутынского, вплоть до использования тех форм (общежителство, пустынножителство, юродство), в которых развивалась новгородская школа, но в то же время в отказе от новгородской традиции в целом, как аскетики, направленной на борьбу со стяжанием. В новгородском опыте была важна достигнутая абсолютная оторванность денег от их земной стоимости, за что подвижники платили самую высокую цену. Это было оправдано тем, что иначе нельзя было бы получить «чистых», духовных денег, не запачканных земной корыстью. Киевские святые не знали этой проблемы, потому что киевская колонизация не была столь общегражданской и хозяйственно-корыстной, как новгородская, и проблема земли в Киеве в таком ключе не стояла. Преподобный Сергей как ростовчанин⁷⁹ не мог не знать новгородских святых и новгородской агиологической специфики, но как представитель «киевско-московской» традиции он должен был считать для себя главным персонифицированным духовным врагом не стяжание, а гордость. Это следует из всех ключевых моментов жития преподобного Сергея: здесь и уход из монастыря, когда речь заходит о покушении на его власть со стороны брата; это и смирение, проявляемое в ношении бедной, латаной одежды; это поведение, выраженное в личных физических трудах; это такие крупные поступки, как отказ от первосвященнического престола, нежелание использовать свой авторитет в каких-то личных и даже монастырских интересах. Из новгородского же опыта преподобным было взято понимание того, что мирские деньги требуют подвижнических сил для очищения, требуют формального и фактического включения в молитвенную, хозяйственную, культурную, благотворительную жизнь монастыря. Таким образом, киевский церковный аскетический опыт *преодоления гордости* продолжал плодотворно развиваться в школе преподобного Сергея, а новгородский был пре-

⁷⁷ Прохоров Г.М. Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 136.

⁷⁸ Игумен Митрофан (Баданин). Прп. Трифон Печенгский. СПб.; Мурманск, 2009. С. 119.

⁷⁹ Ростов Великий владел тогда вологодскими землями, населенными новгородцами.

вращен во внутрицерковный (внутримонашеский) опыт. Безусловно, новгородская церковная школа дала Московской Руси не только величайшие житийные образцы своей агиологии, но и многое другое, о чем в рамках данной статьи нет возможности писать. Во всяком случае, на эту особенность новгородской церковной культуры уже обращал внимание целый ряд исследователей⁸⁰.

В этом случае исторически объяснимо появление такой эпохальной для Русской Православной Церкви фигуры, как преподобный Сергей Радонежский. Ведь именно выбор, сделанный им, заставил многих его великих духовных современников-нестяжателей — преподобных Кирилла Белозерского, Нила Сорского и в целом всех многочисленных учеников радонежского святого, основавших многочисленные монастыри Северной Фиваиды, принять выбор святого Сергия как выбор всей Русской Православной Церкви и положиться на волю Божию в вопросах монастырского стяжания. А сделать этот выбор было непросто. Однозначно, что все церковные подвижники XV–XVI вв. были аскетами и в личной жизни нестяжателями. Данный факт ни у кого не вызывает сомнения. Преподобный Иосиф в жизни был скорее нестяжателем, чем иосифлянином⁸¹. Это касается и всех других святых, которые могли контролировать поток притекающих в монастырь богатств и направлять его в нужное русло. Например, один из ярчайших представителей школы святого Сергия — преподобный Кирилл Белозерский (ум. 1427 г., из московских бояр Вельяминовых), — принимая мирское подаяние на монастырь, отказывался от даров в виде земельных угодий. Он рассуждал так: «Если станем иметь села, из того выйдут заботы для братии о земле; явятся поселенцы и рядники, безмолвие иноческое нарушится. Потому благотворителю послан был такой ответ: „Тебе угодно человек Божий, дать село в дом

Богоматери на пропитание братии, но вместо 50 мер ржи, которые ты давал каждый год, отпущай нам сто, если можешь, — мы будем довольны тем; а селами владей сам — для братии они не полезны“»⁸². В другой раз преподобный стал говорить боярину-дарителю: «При жизни моей не требую сел, по смерти же моей делайте, как хотите... я против ничего не имею»⁸³. Сам преподобный Сергей Радонежский, как считается, допускал получать для своей обители земельные пожертвования⁸⁴. На это есть косвенные указания и в житии святого⁸⁵.

В конце XV в. Иоанн III вместе с уничтожением новгородских гражданских вольностей и новгородского, в том числе и церковного, землевладения, подточил и корни оригинальной новгородской агиологической традиции, потому что она жила, опираясь на новгородские монастыри и отшельничество и в целом на тот порядок вещей (политических, хозяйственных и культурных), который присутствовал в Великом Новгороде как самобытном центре Руси. Те из «московских» подвижников, кто в XIV — первой половине XV в. воспринял новгородскую традицию (прежде всего, преподобные Кирилл Белозерский, Нил Сорский), все же не были прямыми ее носителями, и потому они жили своего рода отраженным ее светом, поскольку не родились и не выросли в этой традиции. У них не было «новгородской почвы» под ногами, поэтому они не могли перенести этот опыт на всю Русь как нечто естественное. А вот если бы Великий Новгород не был завоеван Иоанном III, то не исключено, что новгородская, в том числе агиологическая, традиция, как самая мощная тогда на Руси, стала бы первенствовать Церкви и вместе с этим мы имели бы иное политическое и экономическое развитие России. Новгородский колонизационный поток, энергично двигавшийся в сторону Урала, мог бы продолжить свой путь и по

⁸⁰ Кудрявцева Т. Н. «Правило о тайне» в древнерусской иконописи // Православие и русская народная культура / Отв. ред. М. М. Громыко. Кн. 4. М., 1994. С. 132–179; Романов Г. А. Семисоборная организация крестных ходов в Москве XVI в. // Этнограф. обозрение. 1997. № 5. С. 46–60.

⁸¹ Мы полностью согласны с той оценкой, которую первоначально дал проблеме «нестяжания-иосифлянства» митрополит Питирим (Нечаев), а вслед за ним и целый ряд современных исследователей. Преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоцкий в этом случае рассматриваются как соратники Церкви, а не как соперники и тем паче не враги между собой. См.: Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Сб. статей. М.: Русский издательский центр, Иосифо-Волоцкий ставропигиальный мужской монастырь, 2011; Буланин Д. М. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 3. (вторая половина XIV—XVI в.). Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012. С. 578–596.

⁸² Святые Новгородской земли... Т. 1. С. 522.

⁸³ Там же. С. 525.

⁸⁴ Смолич И. К. Русское монашество. 988—1917. М., 1999. С. 131.

⁸⁵ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV в. М., 1981. С. 256–429.

Сибири⁸⁶. Словом, у Новгорода были реальные возможности для создания русской цивилизации новгородского, а не московского типа. Вполне естественно, что места для московской или киевской традиции внутри новгородской уже бы не нашлось, поскольку мы знаем, как жестко Новгород относился к «остальной Руси».

Поминальная практика в московской церковной традиции (XV—XVII вв.)

В XV в., когда окончательно определились перспективы развития русской агиологии после завершения 500-летнего «спора» между новгородской школой святости и киевской, когда московская школа — продолжательница киевской агиологической традиции — победила, в Русской Православной Церкви наступил необыкновенный расцвет церковно-поминальной культуры. Таким образом, был найден необходимый практический механизм превращения «мирских денег» в «духовные», тленных — в нетленные. Новгород, несмотря на то, что вклады были важнейшей частью духовной жизни новгородцев, не смог создать сложной поминальной культуры. Причина тут одна: общежительные новгородские монастыри были очень обмирщвлены, подвижнический дух присутствовал только в отшельнических скитах, где существование сложной поминальной культуры было невозможно. Вот почему появление строгой жизни общежительных монастырей школы преподобного Сергия позволило родиться новой культуре сложного поминовения. А отсюда это явление стало распространяться и на церковно-приходскую жизнь и вливаться в массовое сознание русских православных людей. Благодаря тому, что Русская Церковь сумела создать в соответствии с церковным учением сложную практику поминовения усопших, в России смогла появиться своя оригинальная культура православного отношения к богатству. У новгородцев при их агиологической заостренности на нестяжании так и не вызрела сложная церковная практика поминовения, в том числе в виде особой культуры преобразования материальных богатств в идеальные.

Святитель Макарий, прибыв на новгородскую кафедру в 1536 г., занялся в первую очередь монастырским благочинием⁸⁷. В грамоте игумену новгородского Духова монастыря Тихону святитель призывает: «неукоснительно вести монастырский Синодик, поминая вкладчиков, молиться о здравии государя»⁸⁸. Еще в начале XV столетия у новгородцев обычная практика поминовения выглядит следующим образом: за усопшего подается сорокоуст и раздается милостыня нищим. В особом случае, связанном с богатым посадником Олонием Щилом, новгородский святитель Иоанн рекомендует его сыну устроить сугубый помин по душе отца: «в течение сорока дней давать довольно сорокоусты священникам с причтом сорока церквей, чтобы они непременно спели в те дни сорок панихид и литургий, да в течение сорока дней не забывать ежедневно подавать милостыню нищим». Сыну покойного Олония Щила пришлось делать такой помин три раза, прежде чем епископ сказал, что душа Олония упокоилась⁸⁹. Как следует из сказания, «архиепископ велел сын Щилову заказывать трижды в год по сто литургий и так творить в течение трех лет». То есть и практика поминовения явно отличная от того, что в это время уже начала складываться в Московской Руси. Во-первых, в Новгороде нет и речи о преимуществе поминовения в монастырях, поскольку помин передается белому духовенству — «священнику с причтом». Во-вторых, помин касается только сугубого, литургического поминовения (сорок литургий в сорока церквях); нет ни повседневного списка, ни корма, ни вечного поминовения. Как считает Л. Штайндорф, «разделение на две книги в зависимости от размера вклада и литургического действия получило развитие, по всей вероятности, именно в Волоколамском монастыре в конце XV в.»⁹⁰ В течение XV в. происходил процесс складывания новой практики поминовения, который напрямую был связан с богословским решением вопроса о стяжании и нестяжании.

Причина отсутствия у новгородцев сложной культуры поминовения кроется, на наш взгляд, в новгородском строжайшем отношении к богат-

⁸⁶ Александров В.А. Народные миграции и образование Российского государства (конец XIV — середина XVI в. // Русские. М., 1989. С. 19.

⁸⁷ Архимандрит Макарий (Веретенников). Святая Русь: Агиография. История. Иерархия. М., 2005. С. 25.

⁸⁸ Там же. С. 32.

⁸⁹ Сказание о Щилове монастыре... С. 605.

⁹⁰ Штайндорф Л. Поминовение усопших как религиозная и общественная должность монастырей в Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы Международной конференции 29 сентября — 1 октября 1988 г. Сергиев посад, 2000. С. 104.

ству. Новгородские святые подвижники, по сути, предлагали только один вариант истинного избавления от бремени земного богатства: *полную* задачу его нуждающимся: нищим, на церковные нужды, на благотворительные цели. Наиболее благочестивым и правильным считалась раздача богатства на нужды Церкви, а точнее, — монастырей. В этом случае раздающий автоматически должен был уйти из мира в монастырь. То есть тем самым он в полной мере выполнял то, что не сумел сделать евангельский юноша: раздать богатство и, взяв крест (а это монашество), следовать за Христом. Новгородская агиологическая школа предлагала этот радикальный путь расставания с богатством *для всего общества*, что, надо понимать, было практически недостижимо. Вот почему новгородский агиологический опыт был неприемлем для всей России в целом. Но в то же время без этого бесценного для Церкви агиологического опыта евангельского строго критического отношения к богатству Русская Церковь не смогла бы уделить теме богатства, стяжания необходимого внимания и найти нужную богословскую оценку этого явления.

Из-за условий особого пути Новгородская Церковь была ограничена в своих возможностях; там не могла укорениться сложная система поминовения. Наличие синодиков еще не указывает на наличие сложной системы поминовения. Последняя система могла сформироваться только при определенных, даже уникальных условиях, какие возникли на Московской Руси лишь в XIV—XIV вв. Речь идет о монастырской реформе, связанной с введением общежития и переходом на новый (иерусалимский) богослужебный устав. Инициатором реформы, как считает Б.М. Клосс, был святитель Алексей, митрополит Московский⁹¹. Практическое начало реформы — 1365 г., когда общежитие было введено в Чудовом монастыре. В дополнение к Иерусалимскому уставу были «добавлены статьи о порядке монастырской трапезы из Студийского устава». Также в «синаксарную часть внесены

русские праздники и памяти русских святых»⁹². Немаловажно и то, что «по Иерусалимскому уставу в церковную службу включался элемент почитания властей — многолетие пелось князю, архиепископу и игумену монастыря»⁹³. Уставной порядок монастырской трапезы создавал условия для появления такого поминовения, как «корм», тесно связанного с упорядоченной системой этой стороны монашеской жизни.

К сожалению, важнейший вопрос о причинах возникновения сложной системы церковного поминовения (а сформировалась она, как считает большинство исследователей, в XV в.⁹⁴) практически не рассматривался. Г. А. Романов связывает появление синодиков с распространением особой церковной службы Торжества Православия, соответственно выделяя период XVI—XVII вв.⁹⁵. По мнению другого исследователя, А.И. Алексеева, причина сложения указанной системы поминовения — новая для Русской Церкви парадигма спасения: «хороший христианин — плохой христианин», сменившая прежнюю парадигму: христианство — это «полнота жизнедеятельности и жизнерадостности». Первая была характерна для домонгольской Руси, вторая возникает в период ига. Наряду с новым воззрением, по мысли этого автора, изменились и средства достижения спасительного пути: вместо крещения и милостыни главными становятся второе крещение в монашестве и необходимость обретения молитвенного заступничества, главным образом живых — за умерших. Набирает силу учение о загробном суде, о мытарствах как эквиваленте частного суда над душой, о нормах покаяния и нормах поминовения усопших. В конце XIV в. появляется документ, в котором фиксируется норма поминания, — синодик-помянник. Вслед за общим документом распространяются и частные синодики. По мере усложнения поминальной практики увидели свет новые церковные (главным образом монастырского происхождения) документы (например, Кормовые книги), фиксирующие возросшую сложность практики поминовения усопших⁹⁶. Не

⁹¹ Клосс Б.М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI—XX века. Исторические очерки. М., 2002. С. 60.

⁹² Там же. С. 61.

⁹³ Там же. С. 62.

⁹⁴ Николаева С.В. Комплекс поминальных книг Троице-Сергиева монастыря XVI—XVII вв. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Матер. II Междунар. конф. 4–6 октября 2000 г. Сергиев посад, 2002. С. 223; Дергачева И.В. К литературной истории древнерусского синодика XV—XVII вв. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Сб. науч. тр. Л., 1988. С. 64.

⁹⁵ Русский синодик. Помянник Московского Сретенского монастыря. Исторический справочник. М., 1995. С. 17.

⁹⁶ Алексеев А.И. О складывании поминальной практики на Руси // «Сих же память пребывает во веки» (Мемориальный аспект в культуре русского православия). Матер. науч. конф. 29–30 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 5–11

отвергая указанных выше причин появления раз-
вернутой поминальной системы и разного рода
синодиков, заметим, однако, что в первом случае
речь идет не об общей причине, а скорее о важ-
ных, но частных обстоятельствах, способствую-
щих формированию новой поминальной прак-
тики. Во втором случае, хотя сам по себе подход
(«парадигма спасения») видится нам правильным,
но структура достаточно условна и не продук-
тивна. В качестве же главной причины сложения
указанной системы поминовения мы предлагаем
выделить появление в XIV столетии нового аги-
ологического вектора в Русской Православной
Церкви. Подвижническая школа преподобного
Сергия Радонежского («московская»), продолжая
традиции киевской агиологии, сумела совместить
в себе и достижения новгородской школы.

Итак, для XV в. мы вправе говорить о фор-
мировании особой церковной коммеморацион-
ной (коммеморация — поминание) культуры, где
поминание — важнейшая составная часть бого-

служебной жизни монастыря. Причем это был не
только тяжелейший труд вседневной (и ночной)
молитвы, но и своего рода высокое монастырское
искусство, потому что обитатели необходимо было
вписаться и в социальную, и в денежную иерар-
хию вкладчиков (это вертикаль), а также умело
распределить во времени молитвенное чтение
вседневного поминания и вечный помин (гори-
зонталь). Новая практика поминовения состояла
из 1) поминовения тех, кто был записан в так
называемый вечный синодик 2) поминовения тех,
кто входил в повседневный список (сорокоустный
список, братский список и так называемый корм
т. е. поминовение тех, кто заказал его на опреде-
ленный день в году. По мнению Л. Штайндорфа,
«наивысшей степенью поминания был
корм — праздничная трапеза монахов в память
об одной персоне, дополненная панихидой»⁹⁷.
«Корм», как отмечает Т.И. Шаблова, — пред-
ставлял собой *последование* и являлся мона-
стырским чином на трапезе. Здесь могли быть и

заздравная чаша с речью
(настоятеля), обращенной к
монастырскому благодетелю,
которую поддерживала и бра-
тия, поднимая свои заздрав-
ные чаши с медовым квасом;
также в корм входил и *чин
над кутьею*, совершаемый
в память об усопших благо-
детелях. Последний совер-
шался также на братской
трапезе, сразу после чина
«Возношения Панагии»⁹⁸.
Таким образом, к «корму»
относилась не только сама
поминальная трапеза для
братии, подготовленная
на средства вкладчика, но
и целый цикл богослужеб-
ных молитв и обрядовых
действий. Причем и здесь
существовала своя сложная
картина исполнения. Так, в
Кирилло-Белозерском мона-
стыре в XV—XVI вв. были
три типа «корма»: 1) когда
служили собором поминове-
ние по царям и царицам (вне
зависимости от того, делали

Клеймо новгородской житийной иконы. XIV в.

⁹⁷ Штайндорф Л. Указ. соч. С. 107.

⁹⁸ Шаблова Т. И. Практика поминовения в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVI — первой половине XVII в. (по материалам церковных и келарских обиходников) // «Сих же память пребывает во веки...» С. 46–67.

они великий вклад или нет) 2) служили полусобором по членам царской семьи (даже если они не делали великих вкладов), удельным князьям, и вотчинникам, сделавшим большие вклады 3) когда один священник служил поминание по всем остальным, так называемым рядовым вкладчикам⁹⁹. Подобную же сложную систему поминовения, включая и «кормовую», описывает С.В. Николаева, характеризуя опыт Троице-Сергиева монастыря¹⁰⁰.

Выделение корма, как наиболее значительного поминания, связано с тем, что единовременные затраты на него были самые высокие. Дешевле всего обходилось поминание тех, кто был записан в вечный синодик. Более дорогими были затраты на помещение имени в повседневный список¹⁰¹. Последний назывался по-другому «сельник», поскольку вкладчики передавали в собственность монастыря «села» — земли с крестьянами¹⁰². На сложный характер ведения монастырской бухгалтерии указывает прежде всего большое число специальных книг, которые существовали в монастыре. Так, опираясь на «Обиходник» Иосифо-Волоколамского монастыря, Л. Штайндорф выделил двенадцать книг, куда записывалась информация о поминовении¹⁰³.

Следует учитывать, что цены для тех, кто стремился попасть в повседневный список, были высокие. В Волоколамском монастыре в начале XVI в. это была сумма не менее 50 руб. за имя¹⁰⁴. Несколько иная ситуация наблюдалась в Троице-Сергиевом монастыре¹⁰⁵. Сумма в 50 руб. являлась здесь самым распространенным вкладом в течение всего XVI в. (более 45% случаев), но она была платой за «вечное поминовение»¹⁰⁶. С.В. Николаева отмечает, что хотя ставка в 50 рублей была крайне обременительна для вкладчика, а к ним в данном случае относились «мелкие и средние феодалы», важность мотивации вклада была выше¹⁰⁷. Кормовой вклад начинался

от 50 руб. («корм меньшей») и заканчивался суммой в 700 и более рублей¹⁰⁸.

Проблема высоких цен, которые платили монастырские вкладчики за качество поминовения, не может не вызвать вопроса о справедливости всей системы поминовения. Если следовать логике цифр, то очевидно, что бедняки имели меньше возможностей на качественное поминовение. Но в данном случае мы не должны ориентироваться на столь прямолинейную логику. На это настраивает прежде всего евангельский текст, где не раз говорится о разной цене одних и тех же земных денег. Одна цена «лепты вдовицы», другая — у больших сумм богача. Одна цена жизни у нищего Лазаря, другая — у безымянного богача. Одна молитва у фарисея, другая — у мытаря. Московская агиология, как отмечалось выше, ставила во главу угла дифференцированный подход к богатству, когда каждый сам со смирением избирает необходимую меру пожертвования. В этом случае никакой несправедливости не наблюдалось. Чем более человек был богат, тем в больших узах зависимости от богатства он находился, тем большая молитва ему требовалась для спасения души. Бедняк же, в силу более тяжелых внешних жизненных условий, мог спастись только за счет терпения и молитвы. Его малой лепты было достаточно, чтобы покрыть его грехи (в случае благодушно-терпимого отношения к тяготам жизни). Это не значит, что от богатого требовалось «отдать и забыть», а от бедняка «страдать и молчать». Понять и найти необходимую меру духовной решительности могла лишь церковная жизнь. Она выравнивала жизнь и бедняка, и богача. Совсем не случайно, мелкие и средние феодалы из последних сил, но старались внести вклады на помин души.

В конце XV в. возникает особый вид синодика (на базе прежнего «синодика-помянника») —

⁹⁹ Там же. С. 48–49.

¹⁰⁰ Николаева С. В. Указ соч. С. 223–233.

¹⁰¹ В течение суток семь раз произносилось одно имя из повседневного списка (на литии, проскомидии (с выемкой частицы), на заупокойной ектинье, на изрядной молитве, над кутьей и два раза на панихиде). См.: Штайндорф Л. Указ. соч. С. 106.

¹⁰² Штайндорф Л. Указ. соч. С. 112.

¹⁰³ Братские книги, Живые книги, Записные книги, Большие книги, Урочные книги, Месячные тетради, Кормовая книга, Сороустный список, Братский список, Синодик, вечный синодик, Повседневный список, Кормовой список (Штайндорф Л. Указ. соч. С. 107–109).

¹⁰⁴ Штайндорф Л. Указ. соч. С. 108.

¹⁰⁵ Николаева С. В. Комплекс поминальных книг Троице-Сергиева монастыря XVI—XVII в. // Троице-Сергиева лавра... 2002. С. 223.

¹⁰⁶ Николаева С. В. Вклады и вкладчики в Троице-Сергиев монастырь в XVI—XVII веках (по вкладным книгам XVII века) // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 2008. С. 88.

¹⁰⁷ Там же. С. 89.

¹⁰⁸ Там же. С. 90.

Св. Георгий Победоносец раздает богатство нищим.
Клеймо Новгородской иконы «Чудо Георгия о змие с житием».
Первая половина XIV в.

литературный сборник¹⁰⁹. В его литературной части, как отмечает И. В. Дергачева, располагались тексты, имеющие «четыре функции». «Составителей Синодика более интересует загробная участь человека, они привлекают свидетельства о пользе поминовения усопших из Ветхого и Нового заветов, свидетельства святых отцов Церкви: Иринея, епископа Лионского, Василия Великого, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Климента, папы римского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, блаженного Иеронима, Августина, Амвросия Медиоланского, Никифора Ксанфопулы и др. ...Основными темами этих произведений являются: доказательства пользы церковного поминовения усопших..., обоснование действенности церковного поминовения и молитв

за души усопших грешников...; подтверждение пользы молитвы и милостыни за живых, пропавших без вести...; мысль о пользе молитвы за язычников...; обоснование пользы и необходимости молитвы для всех христиан; польза церковной молитвы и милостыни...; необходимость покаяния и др.»¹¹⁰. Соответственно, появление в синодиках «литературного приложения» (которое быстро увеличивалось в объеме) в действительности расширяло богословскую составляющую и позволяло не философски-рационально теоретизировать на тему поминовения, как это было в католической традиции, а святоотечески подтверждать значимость поминовения. Литературные синодики, как и возросшее разнообразие вкладов и молитв за вкладчиков, влияли на усложнение культуры поминовения в монастырях. Появление синодиков нового типа, как считает И. В. Дергачева, было связано с литературно-публицистической деятельностью Иосифа Волоцкого¹¹¹. Это заставляет нас по-новому взглянуть на «иосифлянство», к чему и призывает сегодня ряд исследователей¹¹².

Сложная культура поминовения была величайшим достижением и достоянием Русской Православной Церкви, потому что верующим был дан церковный (а не светский, произвольный, как в Новгороде) механизм преобразования «земных богатств» в «небесные сокровища», и тем самым для самых широких слоев, для всего церковного народа по церковному решена проблема богатства и бедности. Но не все, даже из числа церковных историков, стараются замечать это и давать данному явлению справедливую оценку. Тот же классик церковной истории И. С. Смолич не один раз писал в своем известном фундаментальном труде о русском монашестве, что в основе приобретения Церковью богатств, в том числе земельных, лежало монашеское стяжание, алчность, желание все большего обогащения. К сожалению, такой сугубо упрощенный, даже ложный взгляд на действи-

¹⁰⁹ Дергачева И. В. Указ. соч. С. 64.

¹¹⁰ Дергачева И. В. Указ. соч. С. 73–74.

¹¹¹ Там же. С. 69.

¹¹² Буланин Д. М. Указ. соч. С. 578–596.

тельно непростой процесс приобретения монастырями недвижимой собственности появился задолго до трудов И. К. Смолича в оппозиционной Церкви научной среде России XIX в. В то время сложнейшие природные процессы пытались описать лишь простыми законами химии и механики. Подобный «прогрессивный», нарочито атеистический, научный подход применяли и к изучению общественных явлений.

С обличением «церковных феодалов» мы встречаемся и в современных работах. В монографии М. С. Черкасовой, посвященной землевладению Троице-Сергиева монастыря, упор делается на тщательное исследование монастырского землевладения, которое, по мысли автора, лишь одно давало силу «многовекового процветания этой могущественной духовной корпорации»¹¹³. Монастырь — это «духовный феодал», «могучий феодальный землевладелец», и этим все исчерпывается. Другая монография — В. И. Иванова «Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв.» — увидела свет в 2007 г. Но, как и у ранних авторов, она насыщена терминами «монастырские феодальные владения», «духовные феодалы» и т. п. В работе проводится мысль, что монастырь ничем не отличался от обычного крупного вотчинного хозяйства, жившего трудами зависимых крестьян. Автор склонен доказать, что «природно-климатическая обусловленность закрепощения русского крестьянства неубедительна», а процесс закрепощения носил рукотворный характер и роль Церкви здесь очевидна¹¹⁴. Приведенные работы — это не статьи, затрагивающие какую-то одну проблему, а фундаментальные труды по монастырской собственности и монастырскому хозяйству, благодаря чему они продолжают устоявшуюся вековую тенденцию отрицания духовного потенциала, лежащего в основе монастырского богатства.

В последние годы вопрос о духовном смысле пожертвований, в том числе земельной собственности в монастыри, был поднят в ряде статей, в связи с чем у этой темы появилось новое звучание¹¹⁵. Благодаря созданию такого мощного фундамента, каким стала сложная по форме монастырская поминальная практика, как отмечают авторы, в России появились «христианская благотворительность, массовое храмостроительство,

нищепитательство, выкуп пленных, все то, что в сознании непредвзятого человека ассоциируется со словом „Святая Русь“»¹¹⁶. Широкий размах и разнообразие монастырской благотворительности — особая, большая тема, которая, по справедливому суждению А. И. Алексеева, целиком укладывается в русло поминальной монастырской традиции. Монастыри жили в тесном экономическом единстве с окружающим крестьянским миром, который смотрел на них по большей части как на образец для себя, и в этом смысле само соприкосновение двух хозяйственных миров было по сути не антогонистичным, а скорее взаимообогащающим. Земельные владения монастырей в лучшие свои годы способствовали тесному контакту с крестьянским хозяйственным миром и, в конечном счете, давали возможность крестьянству учиться сочетать молитву и труд, труд и благословение, веру и отношение к земле и в целом к природному окоему. Непосредственными формами благотворительности были разные виды помощи монастыря окружающим крестьянам, особенно в тяжелые годы неурожая, падежа скота, военных бедствий. Монастыри также устраивали внутри себя богадельни, столовые для бедных, предоставляли бесплатные обеды для странников и богомольцев.

Православно-христианское сознание однозначно связывало материальный помин с переходом его (в результате дара) в идеальную сферу, на духовные нужды усопших, или же, если дело касалось живых (помин о здравии), — на создание (по Евангелию) нетленных капиталов для человека на небе. Вторичным было то, что при этом вполне материальные деньги оседали в конкретном земном монастыре и использовались на реальные жизненные потребности обитатели. Судьбу этих пожертвованных денег должен был «управить» Сам Господь, поскольку они уже вышли, по мысли дарителей, из сферы обычной человеческой, а попали в сферу «Божьего капитала». Эти деньги можно назвать «нетленными деньгами», потому что люди не знали ни их реальной цены, ни их судьбы у Бога. Деньги могли стать «лептой вдовицы» или же евангельской платой за «жемчужину», когда купец продает все имеющее и покупает одну жемчужину, или могли быть вообще не приняты Богом по каким-то

¹¹³ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 195.

¹¹⁴ Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв. СПб., 2007. С. 479, 485.

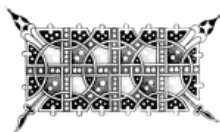
¹¹⁵ «Сих же память пребывает во веки»...; Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России / Матер. Междунар. конф. Сост. Т. Н. Манушина, С. В. Николаева. Сергиев Посад, 2000; Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России / Матер. II Междунар. конф. Сост. Т. Н. Манушина, С. В. Николаева. Сергиев Посад, 2002.

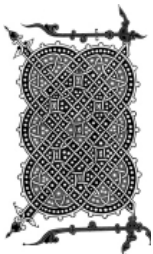
¹¹⁶ Алексеев А. И. О складывании поминальной практики на Руси // «Сих же память пребывает во веки»... С. 5–11.

причинам. Этот нетленный внесоциальный капитал, безусловно, имел позитивную направленность, он сплавлял сословия, еще больше придавал вес мерности богатства, выделял его духовную сторону, воспитывал весь русский народ, а не какое-то одно сословие, возвращал русскую культуру как культуру духа, а не плоти.

Проблема переизбытка церковных богатств лишь в малой степени, как нам кажется, зависела от церковной алчности, точнее, отдельных представителей Церкви. Важно увидеть другое. Нередко принесенные деньги были не только благом, но и тяжким бременем для Церкви. Она в большей степени страдала от переизбытка принесенных пожертвований из-за необходимости участвовать во всех мирских перипетиях, связанных с владением не просто собственностью,

но земель, населенной крестьянами, она брала, как священник на исповеди, ответственность перед Богом за принесенные дары, не всегда приобретенные честным путем. Но она давала мирянам шанс исправить совершенные ранее ошибки и загладить покаянием преступления, и это было самым важным в деле принесения поминальных вкладов. При этом монастыри, если в них сохранялся подвижнический дух, могли более или менее правильно, по-церковному, решать проблему использования полученных средств. Но при духовном ослаблении эта собственность самым разрушительным образом начинала воздействовать на монастыри, и тогда проблема монашеского стяжания становилась предметом не только досужих толков, но причиной кризисных явлений в стране в целом.

Н. Н. Блохина

Игуменья Митрофания — созидательница образцовых епархиальных общин сестер милосердия (1860–1870-е годы)¹

В 1870-е годы в российском обществе явно возросла потребность в сестрах, занимающихся уходом за больными. В работе «О потребностях в сестрах милосердия» было указано, что «соболезнуя о таком положении, губернские дамские комитеты „Общества попечения о раненых и больных воинах“ взяли за дело, окликали охотниц, испросили для них дозволение посещать городские больницы и военные лазареты, чтобы приготовляться там к званию сестер милосердия». «Окликать охотниц» — может быть не совсем точное выражение, так следовало не окликать охотниц, а искать тех, для кого уход за больными стал бы жизненным призванием.

Однако даже те, кто высказал желание ухаживать за больными, «напрасно ждали точных наставлений, объяснений и руководства», им давались неопределенные указания, без последовательности. Не хватало четкой программы действий. К простейшим приемам можно было приноровиться, «но дальше развиваться охотницы не могли и, поступивши сиделками, сиделками и остались»².

Авторы работы «О потребностях в сестрах милосердия» чистосердечно признавались во всех сложностях обучения сестер милосердия, когда еще не был регламентирован до деталей механизм их профессиональной медицинской подготовки: «Неблагоприятно было для их подготовки, что они, поступив в госпитали, тотчас же начинали службу»; в этой службе предполагалось научиться знать то, что «от них требова-

лось», но в то же время «врачам некогда (было) думать об их образовании, все они заняты», «добродушнейшие из них не могут оставить своего дела и следить за сестрами, не могут их испытывать без ущерба для больных»³. И действительно, для основательного обучения сестер милосердия требовалось, как считали современники, особое воспитательное учреждение, «где бы сосредоточивались все средства к их образованию»: «свое особое помещение», «свои врачи», которые, следуя призванию, обучали бы их «всем разумным способам ухода», «особая начальница», руководившая каждой из женщин, принятых на испытание, «своя больница», куда приходили бы больные, доверившись «мягкому и сострадательному с ними обращению»⁴. И наконец, закономерен вывод авторов указанной работы: подготовка возможна лишь в рамках «общины сестер милосердия», при общинной христианской атмосфере. «Только при таких условиях и только в Общине, под влиянием постоянного надзора и истинно христианского духа, проникающего всю практическую деятельность, могут выработаться сестры милосердия в серьезном смысле слова»⁵. Также отмечалось: «христианское самоотвержение и научное понимание дела — вот что нужно внушить женщине, приготовляющейся к этому званию, вот чем обуславливается нравственный ее характер, что будет служить ручательством за ее добросовестность в будущем, где бы ни приходилось ей служить больным; в отдаленном ли госпитале,

¹ Первая статья «Игуменья Митрофания — созидательница образцовых общин сестер милосердия (1860—1870-е годы)» см. «Традиции и современность» № 12. 2012. С. 62–95.

² О потребностях в сестрах милосердия. СПб., 1872. С. 7–8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 9.

на поле ли войны, или в местности почти лишенной врачебных пособий»⁶.

Авторы цитированных строк старались опровергнуть бытовавшие предрассудки, будто это занятие для «необразованных женщин, а уход за больными есть простая служба и работа, больные с поступлением в госпиталь остаются как бы беспомощными сиротами между посторонними людьми, находятся в полной зависимости от окружающих, нуждаются не в одной медицинской помощи, но и в нравственной поддержке». В работе говорилось, что труд сестры милосердия у постели страждущего, — это «не скромный труд, его скорее можно назвать *гражданским подвигом, христианскою заслугою*» (Курсив мой — Н.Б.).

Далее составители сборника объявляли, что решение задач, поставленных перед Обществом попечения о раненых и больных воинах, будет сосредоточено в Санкт-Петербургской Общине сестер милосердия св. Георгия, возглавляемой в то время опытной сестрой милосердия Елизаветой Петровной Карцевой. И заканчивалась работа призывом ко всем желающим обращаться к Карцевой, чтобы получить ближайшие сведения об условиях поступления и пребывания в Общине.

Из российской провинции в Санкт-Петербургскую Георгиевскую общину сестер милосердия направляли девушек и женщин из различных сословий для профессионально-медицинской подготовки. Например, тамбовский дамский комитет предполагал учредить со временем тамбовскую общину сестер милосердия «Трех святителей». В связи с этим он принял «на свое попечение 10 лиц женского пола, из которых восемь занимались в 1871 г. уходом за больными в тамбовской городской больнице, а две отправлены в Санкт-Петербург для изучения этого дела в общине св. Георгия». В другом случае, калужское местное учреждение для подготовки сестер милосердия отправило в столицу и содержало при общине св. Георгия двух сестер.

Первое время при Георгиевской общине не было священника, «руководителя в религиозном утешении». Но со временем, как писалось в отчете, «поиски наши в этом отношении увенчались успехом: мы приобрели для сестер и больных

истинно-ревностного наставника и утешителя в лице многоуважаемого Алексея Колоколова»⁷. И действительно, имея такого замечательного духовного отца, Георгиевская община сестер милосердия могла развиваться в полную силу. Сестры милосердия получали и духовное окормление, и профессиональные медицинские знания.

Для общинных сестер отрадно было видеть, что их дело служения страждущих вызывало искренние отклики. Женщины с самыми различными судьбами, из самых разных сословий, встретились под покровом Георгиевской общины сестер милосердия: из калужского комитета «Общества о больных и раненых воинах» были присланы на обучение две сестры, две другие от Тамбовского комитета уже обучались; к ним присоединились сельская учительница, помещица из Тульской губернии и две акушерки, кончившие курс в Мариинском Родовспомогательном Доме. Все они пришли в общину, «желая приобрести или пополнить познания, нужные для разумного ухода за больными, просили о допущении их на лекции, на приемы и т.д. Их заявления были, конечно, приняты сочувственно общиною, готовою от души способствовать всякому искреннему стремлению на пользу страждущих»⁸.

Для разработки «Правил о сестрах Красного Креста», для определения их прав и преимуществ была составлена комиссия, в которую вошли И.М. Гедеонов, П.П. Заболоцкий-Десятовский, Ф.А. Оома, А.Ф. Петрушевский, Х.Б. Ритер. Проект был передан для утверждения в Комитет Министров.

В соответствии с «Правилами...» предполагалось, что сестрами милосердия постепенно будут заменены военные фельдшера, которые уже давно и в мирное время в военных госпиталях, и в военное время на полях сражений хорошо зарекомендовали себя. «По введении этих „Правил“ можно будет надеяться, что наши сестры милосердия будут во всем одинаково обеспечены, как и все лица, трудящиеся на пользу государства... Затем остается еще озаботиться о новом разряде наших деятелей, о недавно возникших, но весьма важных силах нашего персонала, — о фельдшерицах, которые по своему специальному образованию стоят выше сестер милосердия, вполне подменяя фельдшеров, и потому

⁶ Там же.

⁷ Подробнее об отце Алексее Колоколове см. в нашей публикации: История деятельности Алексеевского общества дел милосердия на Успенском острове (1903—1917) // Научный православный журнал «Традиции и современность». 2008. № 8. С. 97—111.

⁸ Комиссии по управлению общины сестер милосердия Св. Георгия // Вестник «Общества попечения о раненых и больных воинах». 1873. № 6. С. 12.

было бы справедливо, если б наше общество не отказалось бы встретить сочувственно пожелание сравнять деятельность и службу фельдшерниц с такою фельдшером, предписав им одинаковые права по службе и по обеспечению впредь, а также от увечья и по другим причинам, ясно обозначенным в нашем законодательстве»⁹.

В «Вестнике попечения о раненых и больных воинах» указано, что 16 октября 1872 г. состоялось открытие отделения сестер милосердия при астраханском военном госпитале, куда поступили для ухода за больными и для приобретения фельдшерских познаний две послушницы астраханского Благовещенского монастыря, «показавшие успехи и приобретя познания, с которыми в большинстве случаев могут заменить фельдшеров». Последнее, по нашему мнению, сомнительно, учитывая знания и опыт военных фельдшеров, чья профессиональная подготовка занимала три–четыре года. Сестры получали квартиру, стол от госпиталя и жалованье 10 руб. в месяц от местного управления «Общества попечения о раненых и больных воинах».

Начало подготовки женского медицинского персонала из послушниц монастырей было положено. С благословения высокопреосвященного Леонтия, архиепископа Казанского и Свияжского, при содействии преосвященного Викторина, епископа Чебоксарского, и игуменьи казанского женского Богородского монастыря Анфии в декабре 1871 г. «последовало открытие при казанском военном госпитале отделения сестер милосердия, из послушниц названного монастыря»¹⁰. Сестры должны были быть помещены в госпиталь на основании «Положения о госпиталях» на счет Военного Министерства, с добавочною поддержкою со стороны казанского местного управления «Общества попечения о больных и раненых воинах». Порядок смены направленных с мест послушниц для подготовки их в качестве сестер милосердия был продуман следующим образом: «...по истечении семи месяцев со дня открытия отделения сестры будут последовательно возвращаться в свой монастырь, одна за другой, по пяти в каждое полугодие, и по мере их выбы-

тия из госпиталя на их место будут поступать другие. Таким образом, вновь поступающие в госпиталь сестры будут знакомиться с новою для них деятельностью в среде уже привыкших к ней сестер»¹¹.

Именно в 1872 г. относительно подготовки персонала из монастырских послушниц в дополнение к выполняемому ими «христианскому долгу» впервые прозвучало слово «призвание». «Само собой разумеется, что из монастырских послушниц поступили и будут впредь поступать в сестры милосердия лишь те, которые, чувствуя в себе призвание к этому христианскому долгу, уже изъявили, или будут изъявить на то совершенно добровольное свое согласие; причем может случиться, что в число этих сестер будут поступать послушницы не из одного Казанского монастыря, и что не все имеющиеся открываться в госпитале места сестер будут немедленно замещены».

Еще один пример: «...Курское местное управление, по соглашению с земством, поместило в хирургическую палату Курских богоугодных заведений двух послушниц курского женского монастыря»¹². Через какое-то время при хирургической палате Курских богоугодных заведений окончили подготовку одна монахиня и три послушницы. Сразу же на их место поступили две другие послушницы для подготовки в сестры милосердия¹³. Но в дальнейшем в Курском местном управлении предполагалось готовить сестер милосердия из монастырских послушниц в военном госпитале на финансовые средства «Общества попечения о раненых и больных воинах».

Образование фельдшерниц в рамках деятельности «Общества попечения о раненых и больных воинах» не должно было ограничиться «практическим воспитанием по уходу за больными», так как становилось ясно, что теоретически подготовленные лица могут быть гораздо полезнее Обществу, чем так называемые «сестры Красного Креста» с их исключительно практическими познаниями.

Несмотря на то, что императрица Мария Александровна как покровительница «Общества

⁹ Подтверждением высказанного может служить то, что редакция известного журнала «Русский врач», следуя направлению определенных кругов, а именно, требованию ликвидации уже проверенного временем звания «фельдшер» — основного помощника врача в самых различных лечебных учреждениях Российской империи, высказала следующее мнение: «Мы убеждены, что рано или поздно звание фельдшера должно исчезнуть» (Русский врач. 1891. № 1. С. 26).

¹⁰ Вестник попечения о раненых и больных воинах. 1872. № 2. С. 6.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Отчет Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинов сост. под Высочайшим покровительством государыни императрицы за 1872. СПб., 1873. С. 12.

¹³ Отчет Главного Управления ... за 1874 год. СПб., 1875. С. 23.

попечения о раненых и больных воинах» стремилась к повсеместному учреждению достойно подготовленных в медицинском отношении фельдшерлиц, в 1874 г. в Главное Управление Общества уже после известных судебных разбирательств по делу игуменьи Митрофании стали поступать самые различные, подчас неожиданные, не всегда понятные, не всегда обдуманные предложения. Так, в «Отчете Главного Управления „Общества попечения о раненых и больных воинах“ за 1874 год» по каким-то причинам признавалось необходимым как для фельдшерлиц, так и сестер милосердия получить одно общее звание «сестры Красного Креста». Из них «первый разряд» касался фельдшерлиц, прошедших теоретические и практические испытания, а второй относился к сестрам милосердия, получившим основательное практическое воспитание, но не имевшим теоретического образования¹⁴. По нашему мнению, предложенное общее звание «сестры Красного Креста» и для фельдшерлиц, и для сестер милосердия (без преподавания им необходимого теоретического медицинского курса) вносило сумятицу в систему подготовки медицинского персонала. Таким образом, под именем сестер Красного Креста в военные госпитали направлялся недостаточно образованный медицинский персонал, явно не способный полноценно выполнять свои обязанности. В этом «Отчете» есть абзац, где фельдшерлицы и сестры милосердия противопоставляются практикующим военным фельдшерам: «... как фельдшерлицы, так и сестры милосердия по их способу обращения с больным, по познаниям многих из них, по преданности к делу, и по ограниченности их материальных требований, что, в совокупности, в особенности важно в военное время, в тылу армии, — эти сестры Красного Креста, на основании изложенного стоят в нравственном отношении выше фельдшеров»¹⁵. И далее в «Отчете» говорится: «сестры Красного Креста по одному своему наружному виду должны внушать уважение и полную уверенность, что они, по назначению своему, утолят горе и муки больных»¹⁶.

3 июня 1874 г. секретарем императрицы Марии Александровны П. А. Морицем¹⁷, на заседании членов Главного Управления было высказано ее мнение, что в деле подготовки медицинского

персонала для докторов, фельдшеров и фельдшерлиц могут вполне оказать немалую помощь университетские центры и земство. Главное управление Общества обратилось циркулярно с просьбами к губернаторам, предводителям дворянства, попечителям учебных округов, ректорам университетов и председателям земских управ содействовать этому полезному делу «общими средствами» и «обоюдной помощью». Но ключевым оставалось положение: «В тех местах, где нет университетских центров или где они удалены, удобнее всего было бы основать курсы фельдшерлиц при военных госпиталях»¹⁸.

«Программа мирного и военного времени» была опубликована, и ее следовало выполнять. В печати появились положительные отклики на внесенные предложения. Казалось бы, социальная целесообразность повсеместного создания епархиальных общин сестер милосердия уже ясна, однако параллельно, исподволь, стало формироваться совершенно иное видение проекта, на более светских началах, без важнейшей и определяющей роли Русской Православной Церкви. И в этот момент неожиданно, в 1873—1874 гг., Петербургское общество всколыхнул громкий судебный процесс над игуменьей Митрофанией. Духовное лицо обвинялось в нарушении законодательства (в подлоге). Суровый приговор был вынесен вопреки очевидности того, что игуменья оказалась жертвой излишней доверчивости, плохого знания юридических вопросов и житейской непрактичности.

Существование епархиальных общин сестер милосердия складывалось в России совсем не просто. Как уже указывалось, в 1872 г. вышло в свет «Положение о правах и преимуществах Псковской Иоанно-Ильинской и Московской Владычье-Покровской общин сестер милосердия», которым императрицей Марией Александровной был дарован вновь создаваемым российским общинам сестер милосердия целый ряд налоговых льгот: здания общин были освобождены от «гербовых сборов», от «квартирной повинности как постоем, так и деньгами», а равно и от «денежных» в пользу города сборов, с разрешением производить «кружечные сборы». Но все-таки основным источником содержания их продолжали являться добровольные пожертвования.

¹⁴ Отчет Главного Управления ... за 1873 год. СПб., 1874. С. 24.

¹⁵ Отчет Главного Управления ... за 1874 год. СПб., 1875. С. 24—25.

¹⁶ Там же. 1875. С. 24—25.

¹⁷ Петр Алексеевич Мориц (1817—1898) — тайный советник, секретарь императрицы Марии Александровны.

¹⁸ Отчет Главного Управления ... за 1874 год. СПб., 1875. С. 26.

Козлинина Е. И.

Государственные органы придавали определенную значимость созданным общинам. Согласно § 8 «Положения о правах и преимуществах» «звание попечителей общины присваивалось лицам, вносящим ежегодно в пользу общин от 1000 до 3000 руб. Те из них, кто пожертвовали 1000 руб. в год, пользовались при этом правом ношения мундира VII разряда, жертвующие 2000 руб. в год — мундира VI разряда, жертвующие 3000 руб. — V разряда»¹⁹. Как записано в § 20, «попечители — члены-благотворители и действительные члены, а также лица, безвозмездно служащие при общинах, носят мундиры по форме, установленной для чиновников Духовного Ведомства православного исповедания»²⁰.

В 1871 г. вышло в свет «Постановление о возможности представлять крупных благотворителей к орденам»²¹. Игуменья Митрофания имела в высшем обществе широкую известность, что и привлекало к ней жертвователей. Е. П. Козлинина вспоминала, что сначала благо-

творители «являлись к ней смиренными жертвователями на добрые дела. А затем уже, когда она считала себя до некоторой степени им обязанной, они начинали обращаться к ней с просьбами об услугах, которые она, как сердечный человек, и оказывала охотно»²². Общественная деятельница Козлинина точно характеризует обстоятельства этого сфабрикованного дела и реакцию на него епархиального начальства, свидетельствуя о том, что «против игуменнии Митрофании возникло три грозных обвинения: в подлоге векселей М. Г. Солодовникова и Д. Н. Лебедева и вовлечение П. И. Медынцевой в невыгодные сделки». Но тут между властями гражданскими и духовными возникли пререкания: «епархиальное начальство находило выставляемые против нее улики недостаточными и наотрез отказалось санкционировать предание ее суду. Тогда гражданские власти решились обойтись без этой санкции. Предание ее суду состоялось, и следствие повелось энергично и необычно сурово»²³.

¹⁹ Положение о правах и преимуществах 1872. § 8.

²⁰ Там же. § 20. С. 34.

²¹ Козлинина Е. И. За полвека. 1862—1912. Воспоминания, очерки с характеристиками. М., 1913. С. 191.

²² Там же.

²³ Там же. С. 198.

В 1874 г. в Киеве вышла в свет книга «Идея учреждения епархиальной общины сестер милосердия при девичьих монастырях и прошедшее игуменьи Митрофании в 4-х письмах», в которой получила отражение переписка лиц, пожелавших остаться неизвестными. Эта книга, в эпистолярном жанре, представила состоявшиеся в Москве судебные разбирательства, которые в результате шумихи, раздутой журналистами, затронули все русское общество. Уже первые строки переписки раскрывают читателю личность игуменьи Митрофании, о полезных делах которой современники были в полной мере оповещены: «Ты желаешь знать подробности об игуменье Митрофании, настоятельнице Серпуховского Владычного монастыря, начальнице и учредительнице епархиальной общины сестер милосердия, Псковской Иоанно-Ильинской и Московской Владычье-Покровской общины, состоявшей под Выс. Ея Имп. Величества покровительством, председательнице „Комитета о раненых воинах“ и пр. пр.».

Воспоминания Е.П. Козлининой говорят о том, что всем здравомыслящим людям, свидетелям этого позорного суда, было ясно реальное положение обвиняемой: «Прежде всего, была выстроена и устроена петербургской община. Затем создать такую же общину игуменьи Митрофании было поручено в г. Пскове. А когда и там община твердо встала на ноги, ее же попросили устроить такую же общину и в Москве»²⁴.

Е.П. Козлинина демонстрирует несуразность последовательности полезнейших деяний игуменьи Митрофании и предъявляемых ей обвинений: «Не только устройство, но и самое строительство общин сестер милосердия было всецело возложено на умную, энергичную и деятельную игуменью Митрофанию и это — то впоследствии и навлекло на нее то несчастье, которое выпало на ее долю». На постройку и устройство этих общин через руки игуменьи проходили десятки миллионов, и «отчетностью по этим постройкам она ни перед кем обязана не была». В общинах сестер милосердия должны были сосредоточиваться все виды благотворительности: и призрение детей и стариков, и лечение неимущих больных, и обучение бедняков, нуждавшихся в знаниях и не могущих приобретение этих знаний оплачивать. «Все это устраивалось на широкую и прочную ногу,

так как сюда притекали крупные пожертвования многих богачей»²⁵.

Игуменья Митрофания здраво оценивала сложившуюся ситуацию, как никто другой понимая даже ее трагичность. Но она думала не себе, а о том, что вследствие судебного процесса пострадает важное дело, которому она отдала столько сил. Свидетельство этому — строки ее дневниковых воспоминаний: «И вот в эту эпоху безверия и разврата волею благочестивой государыни нашей, верующей в учение Христово, являются епархиальные общины сестер милосердия, учреждения своей благотворительной деятельностью угрожающие распадению нигилизма. Это поняли те, которым не нравилось это нововведение, и возбуждали дружное восстание против меня, учредительницы этих общин. Тяжело мне, я одна борюсь с этим морем вольнодумства, и чем это все кончится, не знаю. Знаю только то, что буду бороться до конца, не сойду сама со креста, пока не сведут меня те, которые меня на оный пригвоздили, не с целью моих страданий, а с целью блага общественного»²⁶.

Позднее игуменья Митрофания в «Воспоминаниях» откровенно написала о том, что у дела, которому она служила, имелось слишком много противников. Она была обнадежена известием: «Псковская духовная консистория, указом от 28 декабря, известила Псковскую общину сестер милосердия, что ее Императорскому Величеству государыне императрице благоугодно было возложить на г. обер-прокурора Святейшего Синода звание почетного члена Псковской Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия. Такая милость государыни, конечно, упрочит благосостояние этого учреждения»²⁷. По мнению игуменьи, главным было то, что это распоряжение доказывало: императрица Мария Александровна высоко ценила участие обер-прокурора Св. Синода графа Д.А. Толстого и других лиц в созидательной работе, касающейся епархиальных общин. Игуменья Митрофания справедливо считала, что «в Пскове это известие не понравится». «Там, — писала она, — как в Москве и Петербурге, энергично распространяется молва, что я учреждаю эти общины по моему собственному желанию, из корысти и честолюбия, чтобы выказать себя. Там говорят, что ее Величество настолько мною недовольна, что перестала даже

²⁴ Там же. С. 186.

²⁵ Записки баронессы П.Г. Розен, в монашестве Митрофании // Русская старина. 1902. № 5. С. 288.

²⁶ Там же. С. 288.

²⁷ Там же.

меня принимать, что я нахожусь под судом, что община Псковская в скором времени должна будет закрыться, и что я в благотворительной помощи не нуждаюсь более и пр. пр. Все это говорится, конечно, с целью удалить благотворителей и подорвать местное народное ко мне доверие»²⁸. Игуменья Митрофания откровенно признавалась: «Разными газетными статьями стараются гласно очернить меня; одним словом, всеми силами, во всех слоях общества имеются агенты тайные и явные, которые стараются мешать моей деятельности клеветой. Неоднократно мои недоброжелатели закидывали меня грязью, возносили на меня гнусную ложь и даже обвиняли в подлогах. Епархиальные общины их волнуют, они предвидят их процветание, потому что купечество русское не поет еще их преступную песнь, старики и старушки дают мне деньги для учреждения общин, они верят и понимают, что я все эти скорби переносу из любви к моему Отечеству»²⁹. И далее с горечью: «Да, при таких чувствах тяжело быть непонятой одними, оклеветанной другими, еще более тяжело видеть застой в делах»³⁰. Последняя ее фраза перекликается с сегодняшней ситуацией: «Газеты врут, но неужели ж я буду внимать крику безумной толпы, кричащей без своего собственного соображения вслед за закупленными редакторами и репортерами: Ох, эта гласность — ее обращают во зло»³¹.

Размышляя о пережитом, игуменья Митрофания сетует: «Подпольная адская интрига великих и малых мира сего принесла им давно желанные плоды. Я арестована, а за что? почему? и для чего? Арест есть мера не наказания, а лишь только пресечения обвиняемому возможности уклониться от следствия и суда, но эта мера принимается лишь только тогда, когда действительно есть опасение, что обвиняемый способен принять меры к бегству или тому подобному. Относительно меня такие опасения были напрасны. Арест я встретила совершенно спокойно, и мне странно

только то обстоятельство, что мое начальство о моем аресте ничего мне не сообщило. Неужели прокурор имел власть арестовать меня, не имея на то согласия моего начальства, — я ведь на должности, имею счастье служить под покровительством ее Величества; неужели же такое самовольно дозволено законом?»³².

Действительно, она была помещена в тюрьму, хотя могла бы до суда, по поручительству или под залог³³, быть на свободе. Об этом позднее вспоминала Е. И. Козлинина: «От нее не взяли ни поручительства, ни залога, и она была заключена в тюрьму»³⁴.

Известный духовный писатель А. Н. Муравьев задавался вопросом в частном письме от 11 декабря 1873 г.: «Сейчас прочел в газетах, что игуменью Митрофанию поместили в каземат Сушевской части. И как же никто из духовных властей не поднял... голоса в ее защиту?»³⁵. Но если А. Н. Муравьеву ничего не было известно о защите духовными лицами игуменьи Митрофании, то прокурор Санкт-Петербургского окружного суда А. Ф. Кони уже после процесса намеренно вводил сограждан в заблуждение: «никто не двинул для нее пальцем, никто не замолвил за нее слово, не высказал сомнения в ее преступности, не пожелал узнать об условиях и обстановке, в которой она содержится. От нее сразу, с черствой холодностью и поспешной верой в известие о ее изобличенности, отреклись все сторонники и недавние покровители. Даже и те, кто давал ей приют в своих гордых хоромах и обращавший на себя общее внимание экипаж, сразу вычеркнули ее из своей памяти, не пожелав узнать, доказано ли то, в чем она в начале следствия еще только подозревалась»³⁶. Это не соответствовало действительности. К сожалению, журналисты, участники травли подвижницы, не давали в периодической печати сведений о тех, кто защищал игуменью Митрофанию. Но те, кто наблюдал сложившуюся ситуацию, в отличие от юриста А. Ф. Кони, видели совершенно иную картину происходящих событий.

²⁸ Там же. С. 288—289.

²⁹ Там же. С. 289.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 293.

³² Там же. С. 290.

³³ Касаясь вопроса «отпуска под залог», игуменья Митрофания писала: «чтобы меня взять на поруки, московский купец А. И. Попов дал взаимобразно 30 000 рублей, но этот залог не был принят, следовательно на поруки меня не отпустили» // Русская старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 290.

³⁴ Козлинина Е. И. Указ соч. С. 198.

³⁵ Записки баронессы П. Г. Розен... С. 292.

³⁶ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. М., 1956. С. 867—868.

Епархиальное начальство наотрез отказалось санкционировать предание ее суду.

Митрополит Иннокентий (Вениаминов) был одним из первых, кто выступил в защиту оклеветанной матушки игуменни. Митрофания получила письмо от преосвященного Леонида. «Он мне пишет, что я напрасно думаю, что мое епархиальное начальство равнодушно ко мне, напротив, говорит он, оно принимает самое горячее участие в деле моем, и все что возможно, будет сделано. Что же касается до отзывов людских, то исходящее от людей, дела не знающих, не должно смущать никого, и он от всей души желает мне мира и благоуспешности»³⁷. За нее хлопотали и сестры Владычного монастыря, и настоятельница Страстного монастыря в Москве игуменья Валерия. В течение двух недель, пока рассматривалось дело в суде, по указу Святейшего Синода в московских церквях ежедневно служили молебны: «о даровании игуменье Митрофании силы перенести ниспосланное ей испытание»³⁸. Поразителен контраст отрицательных отзывов А. Ф. Кони с благожелательными воспоминаниями игуменьи Митрофании о нем самом. Так, она сообщала, что ее посетил в Санкт-Петербурге «прокурор Санкт-Петербургского окружного суда А. Ф. Кони, прося в случае какой-либо надобности адресоваться к нему, и обещал устроить все к моему спокойствию. Один вид этой благородной личности и его приемы доказали мне, что он с достоинством проходит свое трудное служение. Я видела, что этот человек с сердцем, желающим открытия только одной истины; я видела, что он молод годами, но стар разумом»³⁹. Возникает вопрос: почему молодому юристу было необходимо предстать в светлом образе перед той, против кого с его участием готовился заведомо обвинительный судебный процесс? Можно предположить, что ему хотелось бы завуалировать свою роль в оклеветании безвинно осуждаемой матушки. С течением времени обострялась картина противостояния набиравших мощь сил нигилизма епархиальным общинам.

Те, кому не нравились нововведения игуменьи Митрофании, возбудили «дружное восстание» против нее. Е. П. Козлинина, находясь в гуще событий, встала на сторону опальной матушки: «В деле игуменьи Митрофании столкнулось

два противоположных течения, из которых одно совершенно исключало другое. С одной стороны молодежь, привыкшая смотреть на людей дореформенного строя как на насильников и радовавшаяся, когда ей удавалось захватить кого-нибудь из них покрупнее, а тут как раз удалось схватить духовное лицо, да еще обличенное таким саном, да еще аристократку, пользовавшуюся доверием Высочайших особ. Ну, как же им, разночинцам, было отказать себе в удовольствии столкнуть ее с пьедестала, а уж кстати и окунуть ее в ту грязь, с которою им самим ежедневно приходилось соприкасаться! Тут-то и хотелось быть беспощадным. С другой стороны, старая женщина, аристократического воспитания, при которой всякая деловитость считалось неженственной, не понимавшая, что нарушение требуемых законом форм в денежных расчетах может оказаться преступным»⁴⁰.

Отдавая должное уму матушки, ее собранности, ответственности, А. Ф. Кони, несомненный мастер литературного портрета, бросает тень на ее образ: «Это была женщина обширного ума, чисто мужского и делового склада, во многих отношениях шедшего вразрез с традиционными и рутинными взглядами, господствовавшими в той среде, в узких рамках которой ей приходилось вращаться. Эта широта воззрений на свои задачи в связи со смелым полетом мысли, удивительной энергией и настойчивостью не могла не влиять на окружающих и не создавать среди них людей, послушных Митрофании и становившихся, незаметно для себя, слепыми орудиями ее воли»⁴¹. В другом месте он обращается к облику игуменьи, усматривая за ординарностью вида готовность к преступным замыслам: «Наружность Митрофании была ... совершенно ординарной... ни ее высокая грузная фигура, ни крупные черты ее лица, с пухлыми щеками, обрамленные монашеским убором, не представляли ничего, останавливающего на себе внимание, но в серо-голубых, на выкате глазах ее под сдвинутыми бровями светился большой ум и решительность...»⁴².

Е. П. Козлинина объективно старается представить некоторых действующих лиц судебного разбирательства. Вот портрет одного из них: «Своеобразен был и товарищ председателя

³⁷ Записки баронессы П. Г. Розен... С. 290—291.

³⁸ Там же. С. 205.

³⁹ Там же. С. 291—292.

⁴⁰ Козлинина Е. И. Указ соч. С. 199.

⁴¹ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. С. 866.

⁴² Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 1. М., 1966. С. 65.

VII отделения Суда Д.Е. Рынкевич. В январе 1869 г. он был назначен в Москву в качестве товарища прокурора, и ему, совместно со следователем, было поручено вести следствие по делу игуменьи Митрофании. Как человек властный, он часто бывал несдержан, и его тон нередко принимал то резкий, то саркастический характер, а это оскорбляло обвиняемую, которая, как дочь наместника Кавказа, баронесса Розен, всю жизнь вращалась при Дворе и совершенно не понимала, как может образованный человек глумиться над старой женщиной, да еще в такое время, когда она бессильна ответить ему тем же. Это она не раз ставила ему на вид, но у него не хватало мужества сознаться, что он не прав, хотя в душе он всегда раскаивается, что не сумел вовремя сдержаться, а между тем такое его отношение к игуменье Митрофании, а равно и тот суровый режим, которому она подвергалась в тюрьме, дали ей повод утверждать на Суде, что „во время следствия она подвергалась всем пыткам, которые только могла придумать средневековая инквизиция“⁴³.

Деятели, принимавшие участие в этом судебном процессе говорили ярко, зло, иронично. Издевательским оттенком отличалось обращение к игуменье знаменитого юриста Ф.Н. Плевако: «Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не видно было дел, творимых вами под покровом рясы и обители»⁴⁴.

Все обвинители как-то старательно обходили тот факт, что мотивов к совершению предъявленных обвинителями правонарушений у игуменьи Митрофании не было, поскольку все ее отношения с добровольными жертвователями строились на доверии. На постройку и устройство общин в Санкт-Петербурге, Пскове и Москве через руки игуменьи действительно проходили миллионы и отчитываться по этим постройкам она ни перед кем обязана не была. Но в судебных заседаниях ее продолжали очернять и забрасывать грязью.

Создавая общины, игуменья Митрофания принимала добровольные пожертвования. Перед крупными жертвователями она чувствовала себя до некоторой степени обязанной и выступала ходатаем по их делам. Из сохранившегося в Центральном историческом архиве г. Москвы

дела явствует, что компетентные представители Русской Православной Церкви сделали все от них зависящее, чтобы показать участникам судебного процесса, как высоко были оценены иерархами Русской Православной Церкви и императрицей Марией Александровной деяния игуменьи Митрофании, что подтверждается не только внушительным перечнем ее заслуг, но и всех полученных ею наград⁴⁵.

Игуменья Митрофания неоднократно получала благодарность и благословение от Московского митрополита Филарета, а 16 апреля 1868 г. «за особенное попечение и благоустройстве Владычного монастыря» награждена золотым наперсным крестом от Св. Синода⁴⁶. 10 августа 1871 г. игуменья была объявлена высочайшая признательность от императрицы «за примерную заботливость и ревностные труды» по устройству Московской епархиальной общины сестер милосердия, а 29 июня 1872 г. императрица отметила ее «за неутомимые и ревностные труды по содержанию и устройству Московской Покровской Общины сестер милосердия». 7 марта 1871 г. Митрофания была избрана председателем московского дамского комитета «Общества попечения о раненых и больных воинах». В послужном списке игуменьи Митрофании значится, что она судима и оштрафована не была и высокопреосвященнейшим митрополитом Московским Иннокентием аттестована следующим образом: «качеств очень хороших и послушании Ему способна»⁴⁷.

Суд на игуменью Митрофанию, в духе времени либеральных реформ императора Александра II, был открытым, гласным и «состязательным». Он проходил при открытых дверях, в помещениях, вмещавших достаточно много публики. Журналисты имели право подробно освещать его в печати. Допросы обвиняемых, истца, свидетелей, предъявление улик были построены по принципу своеобразного «состязания» между двумя сторонами: прокурором, представлявшим обвинение, и адвокатом (присяжным поверенным), выступавшим в роли защитника обвиняемого. Было создано объединение присяжных поверенных, в которое входили адвокаты, имевшие высшее юридическое образование. Но именно адвокаты, в отличие от судей и следователей,

⁴³ Козлинина Е. П. Указ соч. С. 175.

⁴⁴ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. С. 869.

⁴⁵ Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 206.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

являвшихся представителями Министерства юстиции, не имели никакого отношения к государственным органам.

Председателю окружного суда и двум его товарищам (заместителям) следовало следить за тем, чтобы судебное заседание проходило в рамках закона. Исход же судебного процесса определялся введенными в то время присяжными заседателями. Казалось бы, именно они олицетворяли одну из главных идей новых «судебных уставов»: вроде бы, суд должен был носить не формальный характер, а «справедливый», «праведный», опираясь прежде всего на общечеловеческие понятия о правде и справедливости. Но ведь при этом, судьба обвиняемых отдавалась в руки его сограждан, не имевших, зачастую (в 1860—1870-е годы такое неоднократно случалось) не только юридического, а зачастую и вообще никакого образования. Их решения часто были спровоцированы эмоциями от ярких выступлений юристов. В заключение судебного заседания «присяжные заседатели» удалялись в особое помещение, где должны были четко и по возможности единогласно дать ответы на вопросы, поставленные перед ними председателем суда. Ими должно было быть, прежде всего, высказано коллегиальное мнение относительно степени виновности обвиняемого и т. п. Получив от «присяжных заседателей» лист с записью их ответов, судья, основываясь на соответствующих статьях закона, выносил приговор.

Данный судебный процесс напоминал спектакль, куда публика буквально рвалась, чтобы услышать приобретающих известность и блистающих красноречием «судебных звезд». Современники свидетельствовали: «Вся Москва рвалась в суд послушать это дело, но билеты на вход в заседание задолго были розданы лишь немногочисленным счастливым»⁴⁸. Наэлектризованная толпа, подогретая публикациями в газетах, жадно внимала «проповедникам», судебным «златоустам», старательно бичевавшим служителей Церкви за явно вымышленное стремление последних к наживе.

В предисловии к книге «Дело игумении Митрофании», вышедшей в свет в 1874 г., составитель стенографического отчета Е. П. Забелина поддерживала обвинение: «Когда и защитник подсудимой, как он сознался благородно в своей

речи, поколебался в убеждении о ее невинности и личные доводы противной стороны нашел непоколебимыми: в это самое время, повторим мы, среди толпы раздавались голоса, вторившие игуменье, что все это подкуплено. Какую, однако, массу капиталов надобно иметь, чтобы подкупить всю печать, экспертов, свидетелей, суд, самих защитников наконец?»⁴⁹.

Е. П. Забелина не задается вопросом, кто и каким образом подкупил конкретных лиц (в воспоминаниях матушка Митрофания высказывает убеждение, что ее эксперты были куплены); ее волнует финансовая сторона вопроса, хотя, по нашему мнению, следовало призвать к ответу явных недругов игуменьи Митрофании, наличие которых признает Е. П. Забелина. Совершенно неожиданно раскрывается тенденциозность судебного процесса над игуменьей Митрофанией: «Если бы настоящий процесс, помимо своего содержания, представил в себе только свидетельство о несомненном превосходстве гласного суда по совести, о несомненной пользе правосудия, в свободе печатного общественного мнения: этих двух обстоятельств достаточно уже, чтоб дать ему знаменитость»⁵⁰. Значит, перед организаторами процесса стояла задача доказать «несомненное» превосходство гласного суда «по совести» и «несомненную пользу правосудия» и «свободу общественного мнения». Ее выполнения уже достаточно для того, чтобы цель была достигнута. К сожалению, устроители судебного спектакля остались в тени. А публика, «не умея разобраться, где кончалась правда и начинался напускной пафос, в своем увлечении такой интересной новинкой рукоплескала новоявленным пророкам, требовавшим человеческих жертв, — пишет свидетельница Е. П. Козлинина, — Присяжные заседатели, будучи костью от кости этой толпы и плотью от ее плоти, не преминули выразить свою непрерывную с нею солидарность, все-таки объявили свой „самый суровый приговор“».

В последнем слове игуменья, обращалась с надеждою к присяжным заседателям, ища у них защиты от нападок, уповая на справедливое решение: «Меня присяжные, обвиняют невинную ... Вы разорите целое учреждение, и не одно, а несколько; вы отнимете кров у сирот, которых я собрала, если обвините меня»⁵¹. В заключи-

⁴⁸ Козлинина Е. П. Указ соч. С. 200.

⁴⁹ Дело игумении Митрофании. Подробный стенографический отчет, сост. Е. П. Забелиной. [Прения] М., 1874. С. VI; Игуменья Митрофания выражала свое убеждение в том, что эксперты по ее делу были куплены.

⁵⁰ Там же. С. XIII.

⁵¹ Н. А. Матушка Митрофания // Отечественные записки. 1874. № 11. Ноябрь. С. 272.

тельном слове она вызывает к совести каждого из присяжных: «Господа присяжные заседатели! Все четырнадцать дней вы были свидетелями того позора, тех обвинений и тех страданий, которые я перенесла; перенесла же я их по моей любви к страждущему человечеству...»⁵². Далее, следуют слова исполненные достоинства: «...Нравственная оценка как моей личности, так и моей деятельности, в течение 22-х лет, принадлежит моему епархиальному начальству... Вы читали мой формулярный список, над которым г. прокурор позволил себе даже глумиться, значит, он не придает никакой веры аттестату моего начальства, которое одобрило меня в хороших качествах; он не дает веры, как видите, одобрению высокопоставленных лиц»⁵³. На справедливое замечание игуменьи Митрофании, что в прошлом ее благотворительные дела были поддержаны императрицей Марией Александровной — особой Царственного Дома, прокурор Жуков, агрессивно иронизирует: «Она с необычайной дерзостью осмеливается называть и ссылаться на такие имена, пред которыми благоговеет вся Россия, которые составляют славу и гордость России — имена Особ Царствующего Дома»⁵⁴.

Подсудимая старалась объяснить присяжным заседателям суть своих действий, то, чем она буквально жила не один год: «Я собрала пожертвований до миллиона рублей. Никогда никто не подавал на меня ни одной жалобы. Мое епархиальное начальство никогда не относилось ко мне иначе, как с благоволением. Тех сумм, тех средств, которыми я пользовалась, было достаточно. Мне не нужно было совершать подлоги... Отчеты я подавала своевременно... В течение 12 лет было подано пособий более чем 150 тысячам больных, дан приют более чем 200 тысячам странниц, воспитывалось более 300 сирот. Вот, господа, присяжные, каким образом я приобретала доверие, которое я старалась заслужить... Присяжные заседатели, если Господь подкрепил меня перенести те пытки, которые я перенесла (плачет), если он подкрепил меня здесь на суде и я была так тверда в эти 14 дней, то это есть особенная Его милость...»⁵⁵.

На это последовала язвительная реплика в прениях: «Дело благотворения, помощи к ближнему только тогда пользуется сочувствием, когда

оно построено на добровольных жертвованиях, то есть тогда, когда благотворитель жертвует сознательно, из желания помочь своему ближнему. Когда же это благотворение вымогается путями незаконными, путем обмана или насилия, тогда и самое благотворение теряет свое значение, и дело, для которого оно требуется, перестает пользоваться доверием общества»⁵⁶. Игуменья старалась показать, что у нее не было даже малейшего мотива для совершения подлога: «22 года я не имела никакой нужды совершать подлоги: вдруг на 23 год я польстилась в пользу сирот... Спрашивается, в чем же я виновата? Чем я исказила монашество? Не тем ли, что я старалась служить страждущему человечеству?»⁵⁷.

Судебный процесс над матушкой игуменьей Митрофанией закончился 15 октября 1874 г. До последней минуты она не теряла надежды быть услышанной присяжными заседателями.

Компрометируя личность игуменьи Митрофании и ее дела, силы так называемого либерально-демократического лагеря фактически смогли дискредитировать на долгое время целое направление по созданию образцовых епархиальных общин сестер милосердия. Но, несмотря ни на что, это важное направление государственной работы в рамках Русской Православной Церкви может быть с уверенностью поставлено в заслугу и императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

При этом вполне обоснованная «Программа мирного и военного времени», созданная государственными деятелями, стоявшими во главе «Общества попечения о раненых и больных воинах», по сути дела, отвергалась недоброжелателями прежде всего по политическим причинам. А то, что уже удалось осуществить на местах, последовательно тормозилось.

Что же касается матушки Митрофании, то она до конца своих дней жила воспоминаниями о созданных ею епархиальных общинах сестер милосердия. Дневниковая запись от 18 октября 1896 г. гласит: «Сегодня годовщина памятного для меня дня. Сегодня вечером, в эти самые часы, в 1874 г. была я в Москве в окружном суде: кончилось мое дело и злобою людскою была я невинно осуждена сонмом безграмотных присяжных

⁵² Дело игуменьи Митрофании. С. 180.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 181.

⁵⁵ Там же. С. 181—182.

⁵⁶ Там же. С. 182.

⁵⁷ Там же. С. 183.

заседателей, в числе которых был раскольник секты перекрещенцев, имеющий против меня сильную злобу за раскрытие тайной молебни в 1866 г. в Серпухове». Здесь раскрывается злостный умысел недругов против игуменьи Митрофании как руководительницы подготовки епархиальных сестер милосердия по всей России, что было чрезвычайно важно для повышения обороноспособности армии. Ведь только подобные влиятельные недруги могли заниматься специальным поиском в уездном городе Серпухове Московской губ. раскольника секты перекрещенцев, имевшего злобу на игуменью, и включить его в число присяжных заседателей.

Глубоко верующая матушка рассматривала перемены в ее жизни как исходящие от Бога. Она пишет: «Суд начался 5 октября, я при появлении моем в оном была удивлена переменой по закону назначенных присяжных заседателей для моего дела. Возражений я не сделала, во-первых, не зная прав моих для отвода незаконно и тайно от меня назначенных судом, а во-вторых, все и вся предоставляя Богу, я эту перемену приняла как бы исходящую от Него». Она уверовала в промыслительность происходящего судебного процесса: «Укрепили же меня мысли, что если сам Господь наш Иисус Христос был приведен на суд Пилата, что же я? Неужели же мне не благодарить Господа, что он дал мне возможность быть соучастницей в Его страданиях? Я дала обет пред крестом, пред Евангелием, переносить без разбора всякий позор. От вас зависит отнестись ко мне с доверием или без доверия»⁵⁸. «Тут много говорилось о моем высоком положении, но я об этом никогда не думала; я считала, что я обязана действовать, если Господь дал мне способность помогать страждущему человечеству. Какая тут может быть корыстная цель? Что мне нужно?»⁵⁹.

Матушка Митрофания так оценила сложившуюся ситуацию: «14 дней я находилась в травле и глядела на судей и присяжных, как на палачей, а не как на людей, правду по закону решающих. Измученная нравственно пыткой в присутствии гласного суда, где тысячи глаз были обращены на меня, убогую, разукрашенную Высочайшими наградами, 14 долгих дней я ждала решения присяжных, т.е. моей участи, и вот, наконец, в 3 часа ночи на 19-е число все было кончено...»⁶⁰. И далее:

«Слово мое присяжным было сказано от души, изложено искренно, в нем было между прочим первое: что Господь подкрепит меня перенести те пытки, которые я перенесла на суде; что мою твердость отношу особенной милости Божией, что меня грешную много укрепляла постоянная мысль, что если Сам Страдалец Иисус был приведен на суд Пилата, то как же мне, паче всех худейшей, не испытать тех страданий, к которым я осуждена: второе, что меня подкрепляет, тот обет, который я дала пред крестом и Евангелием во время моего пострижения, переносить без ропота всякий позор. Вот те мысли и те чувства, с которыми я встретила решающий мою участь приговор людей, а не Бога. Я была укреплена тем чувством, что я опозорена за мою безграничную любовь к вверенным мне сестрам Владычного монастыря, к бедным больным, к сиротам, призреваемым и ко всему страждущему человечеству, которому я служила, поистине сказать, день и ночь. Все вышеуказанное возбуждало мои нравственные силы, любовь к монашеству, мои внутренние душевные убеждения, тягость, которую я ощущала постоянно от моего высокого положения. Людской приговор я выслушала, по совести, спокойно, точно будто речь шла даже вовсе не обо мне; мне казалось, что я не осуждена, но награждена судом Божиим, отнявшим от меня тяжесть, гнетущую меня по земному высокому положению. В минуты обвинения я почувствовала какую-то внутреннюю радость, вспомнив слова моего незабвенного старца и учителя в Бозе почившего митрополита Филарета: „Вы несете безвинно скорбь, а в слове «безвинно» большое утешение против скорби“»⁶¹.

Но даже в этом несправедливом судебном разбирательстве, разыгранном как театральная спектакль, ей было важно быть понятой и услышанной. Хотя судебный процесс наглядно показал ее, по сути, беззащитность. Игуменью признали виновной, она была лишена всех прав и приговорена к ссылке на поселение в Енисейской губ., без права выезжать из Сибири в течение 11 лет. Заступничество близких людей и покровителей привело к тому, что ей заменили ссылку в Сибирь на кавказскую ссылку в Ставропольский Иоанно-Мариинский женский монастырь, где она жила с 1877 по 1879 г.⁶². По словам Е. П. Козлининой,

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Записки баронессы П. Г. Розен... С. 407.

⁶¹ Там же. С. 407—408.

⁶² Там же. С. 292.

«ее репутация была навсегда заклеяна, и ее 22-х летней благотворительной деятельности на пользу ближних был навсегда положен предел». Остальные обвиняемые были приговорены к более легким наказаниям, но ни один из них не вышел оправданным.

В этом сфабрикованном деле была предпринята успешная попытка опорочить в лице игуменьи Митрофании Русскую Православную Церковь и востребованное российским обществом направление ее деятельности.

Как только шум вокруг дела игуменьи Митрофании утих, стало возможным по-иному оценивать те же самые действия, но уже других людей. Е.П. Козлинина пишет: «Через 13 лет после случившегося указанного судебного разбирательства над игуменией Митрофанией адвокат Плевако в том же самом помещении проводил „дело Булак“, где действующим лицом была женщина, собиравшая деньги якобы на благие дела в стенах церкви и тратившая их на себя. И только глубоко вникая в „дело Булак“, известному адвокату Плевако становилось очевидным то, что перед ним совершенно неожиданно вырастала мощная нравственная фигура игуменьи Митрофании, ее бескорыстная и деятельная натура»⁶³. «Теперь перед его умственным взором игуменья Митрофания уже предстала, как подвижница, которая, собирая с грешного мира дань, все несла к подножию алтарей. И ни единая копейка из собранного не попала в ее карман, теперь он это признал»⁶⁴.

Судебный процесс 1874 г. над игуменьей Митрофанией полезно было бы сравнить с судом над террористкой В. Засулич, состоявшимся в 1878 г. Налицо виновность одной и невиновность другой еще до суда. Насколько образованное общество готово быть «присяжными», выступая дружно на стороне террористки и так же дружно «против» невольно провинившейся игуменьи, служительницы Церкви! И это при том, что В.И. Засулич призналась, что заведомо и вполне сознательно шла к своему преступлению — к убийству губернатора Трепова. И тем не менее она была оправдана, во многом благодаря заслугам того же судьи А. Ф. Кони.

А.Ф. Кони охарактеризовал взгляды новых участников российского судебного процесса — присяжных заседателей — самым нежиз-

данным образом: «Их, однако, 12 человек, они свободны, независимы и пришли в суд свежими и чуждыми рутине и предвзятым мнениям, а между тем произнесли такое решение. Значит, они почерпнули его в своей совести?»⁶⁵. А.Ф. Кони, конечно, оказался одним из режиссеров судебного разбирательства В. Засулич. Министр юстиции граф К.И. Пален вызвал после суда А.Ф. Кони и заявил: «Все говорят, что это было не ведение дела, а демонстрация, сделанная судом под вашим руководством»⁶⁶. Присяжные должны были быть «гласом народа», но стали гласом антицерковно настроенной публики. Может быть, поэтому известный публицист и общественный деятель М. Н. Катков, видя результаты судебных разбирательств того времени, выступил за ограничение сферы компетенции суда присяжных, за исключение из его состава представителей низших сословий и введение имущественного и образовательного ценза для присяжных.

Представляет определенный интерес взгляд на эти события через несколько лет известного мыслителя, публициста и писателя, врача К.Н. Леонтьева. Замечательный писатель, человек, владевший словом, он убедительно выразил свои мысли на страницах печати относительно процессов, шедших в то время в обществе, прежде всего в двух своих работах под одним названием: «Чем и как либерализм наш вреден?» («Варшавский дневник 1880 г.»). Фактически его работа «Чем и как либерализм наш вреден?», становится открытым противостоянием либерализму, демократии и социализму.

Взяв за отправную точку широкое осмысление происходящих в обществе перемен, К.Н. Леонтьев живо и искренно высказался о том, о чем другие не рискнули бы говорить. В либеральном начале он видел завуалированную революцию, а уже в самой революции ту силу, которая уничтожит основополагающие начала русского государства — великий народ с его тысячелетней культурой, Русскую Православную Церковь, христианскую нравственность.

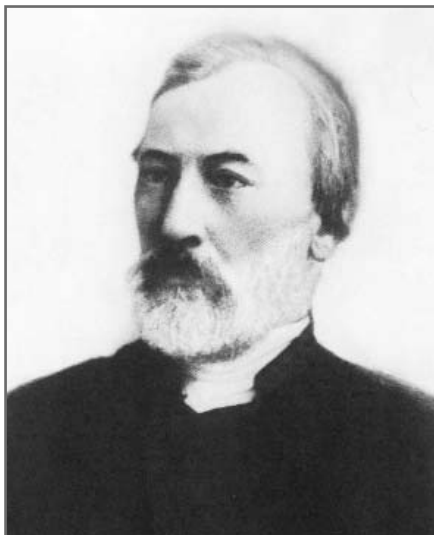
Признавая то, «что если принять только *современные* европейские принципы за непреложные истины социологии, то разумеется — все наши реформы проведены прекрасно; то есть, если цель демократизировать и эманси-

⁶³ Козлинина Е.П. Указ. соч. С. 320.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 233.

⁶⁶ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. С. 869.

К. Н. Леонтьев

пировать общество русское — есть цель безусловно полезная, то эта цель достигнута новыми учреждениями вполне». К. Н. Леонтьев отказывается «смотреть на дело так односторонне и пристрастно», поскольку уверен, что «тот слишком *подвижный* строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века, очень непрочен и, несмотря на все временные и благотворные усилия консервативной реакции, должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и вовсе уж не либеральных, а, напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, — в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству. Будет новый феодализм — феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных».⁶⁷

Глубоко мыслящий человек, хорошо знавший русскую действительность, К. Н. Леонтьев очень точно определяет положение русского общества в эпоху «Великих реформ»: «Итак, эти независимые суды наши — несравненно больше, чем земство, способствовали тому „таянию“ России,

которое теперь всех ужаснуло и которое одним репрессивным *подмораживанием* без некоторых ретроградных реформ вполне и приостановить нельзя». Он привлекает внимание к ряду «юридических жертв». «Игуменья, баронессы, генералы, городские головы, отцы и матери семейств, Гартунг, Трепов, Шумахер, Митрофания. Какое нескрываемое злорадство, какая веселая разнузданность речей... И как это все выходило ловко и кстати! Прокуроры *кстати* слабы, *кстати* беспощадны... Перед нами, например, две женщины, игуменья Митрофания (вдобавок и баронесса) и акушерка Засулич. Митрофания виновата, а Вера Засулич права. Пожилую заслуженную женщину, увлекшуюся деятельным характером и желанием обогатить любимое ею религиозное учреждение, никто не жалеет; Веру Засулич, решающуюся на политическое убийство из-за коммунистических сочувствий, жалеют все и делают ей безумную овацию!»⁶⁸.

К. Н. Леонтьев предлагает читателю встать на иную (не принятую в то время обществом) точку зрения: «Но вообразим себе иное настроение русской интеллигенции, к которой принадлежали бы и судьи, и адвокаты, и обвинители, и публика, и часть присяжных». Леонтьев полагал, что, если «настроение общества было бы *консервативное*, представим себе, что великодушные правительства, давшего такие свободные суды, обращено было бы на людей солидных, умно скептических, т. е. в *Европу* и в *благо* демократии не очень влюбленных, и даже из знания европейской истории извлекающих совсем не то, что обыкновенно у нас извлекается... нашлись бы люди, которые по собственной инициативе, убедить высшее духовное начальство Московской епархии — наказать поскорее игуменью духовным строгим судом и избежать всячески публичного скандала...»⁶⁹.

«Светский суд *медлил бы нарочно*, для избежания огласки. Публика *боялась бы*, чтобы игуменья не попала на скамью подсудимых. Но положим — приостановить дело, *замять* его с некоторой *формальной несправедливостью* и с большим *государственным тактом* — оказалось бы невозможным. Игуменью судят гласным судом... Но как?..»⁷⁰. «Все смущены (хотя бы и притворно — и то хорошо; ибо притворство в этом

⁶⁷ Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 7. М., 1913. С. 186.

⁶⁸ Там же. С. 189.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 189–190.

случае доказывает только почтение к известному принципу)... Председатель ведет сессию, по возможности, в пределах закона, благоприятно для подсудимой; он не *позволяет* адвокатам и прокурорам *говорить против монастырей вообще*. Судьи не обращаются к набожной старушке, сказавшей: „Матушка так мне приказала“ (или „благословила“), с насмешливым вопросом: „А разве у вас *своего разума нет*“... Никто не позволяет себе таких публичных возгласов: „Монастыри отделяют себя от мира высокими стенами, но обществу надо себя ограждать от них (т. е. от их злоупотреблений)“...»⁷¹.

И далее, К. Н. Леонтьев открыто пишет о том, что два рассматриваемых им судебных процесса действительно становятся поворотными точками в общественной жизни того времени: «И если бы в таком обществе и осудили бы Митрофанию, *по невозможности* оправдать ее, то это бы сделали так, как сделали Иафет и Сим, т. е. отвернувшись, покрыли бы наготу отца, а наша интеллигенция поступила при этом процессе, как цинически глумящийся, гнусный Хам. „Так ее и надо! Так! Вот так! Она баронесса! Она игуменья! Так ее! Так!“ Игуменью Митрофанию за подлог юридически „травят“. Вере Засулич, посягавшей на энергичного градоначальника, устраивают апофеоз. За что же стреляла она в градоначальника? Влюблена она была, что ли, в того политического арестанта, которого генерал Трепов высек за дерзость в тюрьме? Не была ли она с ним в любовной связи? Ничуть! Тогда бы к ней, вероятно, были бы строже. Но она не имела никаких личных отношений с этим арестантом и хотела убить градоначальника во имя „равенства и свободы“. *Ее оправдали, ей сделали блистательную оvation*. В петербургских газетах писали, что выстрел ее из револьвера будет иметь значение как поворотная точка, после которого политических арестантов или совсем не будет, или они будут иметь право грубить безнаказанно начальству. Речь защитника Александрова, даже в ораторском и литературном смысле вовсе не замечательная, размазанная, аляповатая, лубочная, нравится петербургской публике и увлекает ее... Судят вовсе не убийцу, не Веру Засулич, а жертву ее, т. е. судят генерала Трепова... Веру Засулич выносят на руках и т. д.»⁷².

К. Н. Леонтьев давал совершенно справедливую оценку деятельности писателей и журналистов, в травле игуменьи Митрофании: «Один из гг. Градовских напечатал тогда в „Голосе“ восторженный фельетон, и все это из такого пустяка, что генерал Трепов высек какого-то дерзкого арестанта... Тут уж, во всем этом, нельзя никак видеть либерализма *наивного*, а надо видеть именно тот *злонамеренный либерализм*, против которого г-н Александр Градовский протестовал так умильно и даже робко в статье „Смута“»⁷³.

К. Н. Леонтьев предлагает «вообразить тех же самых двух женщин: игуменью Митрофанию и акушерку Засулич, — перед судьями *не-европейского духа*, перед судом мужиков или старинных купцов Островского. Такие судьи, имеющие не либерально-европейский, а свой собственный русско-византийский общественный идеал, отнеслись бы к делу совсем иначе. Игуменью Митрофанию они бы *поняли* и, осуждая ее, быть может, старались бы смягчить ее наказание; и ни в каком случае они бы не срамили ее сана с низким злорадством неверующих людей... Веру Засулич они бы просто и понять бы не могли, и наверно — или сослали на каторгу, или бы жестоко наказали ее телесно... Из двух зол мужики и купцы Островского скорее бы поняли подлог, чем эту *ненависть к властям предержащим*, которую обнаружили в деле Засулич и действующие лица, и публика, и печать петербургская...»⁷⁴.

«И если мы, — пишет далее К. Н. Леонтьев, — сопоставив эти два знаменитые процесса двух столь противоположных женщин, сблизим еще, с другой стороны, процесс Веры Засулич с делом Гартмана и с объяснениями, представленными республиканцем Энгельгардтом, то окажется вот что: „В наше время все роды преступлений наказываются строго, кроме антигосударственных преступлений“... Веру Засулич оправдали в Петербурге потому, что она стреляла (по выражению одного московского простолюдина) „в заслуженного *царского слугу* как в какого-нибудь пса!“; Гартмана не выдали именно оттого, что он хотел убить *не частное лицо, а Государа*»⁷⁵.

С вынесением судебного приговора игуменье Митрофании не только недруги игуменнии,

⁷¹ Там же. С. 19.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 192.

но и недруги России могли торжествовать, так как неугодное направление заглохло. Интересно очень емкое и точное заключение уже упоминавшейся свидетельницы судебного разбирательства Е. П. Козлининой, наблюдавшей это нашумевшее сфабрикованное дело от начала до конца: «Никому не пришло в голову, что только женщинам, подобным Митрофании, отказавшимся от своей молодости и личной жизни, последующие поколения были обязаны тем, что все те гуманитарные идеалы, о которых люди 1840-х годов только платонически мечтали, были шаг за шагом воплощены в осязательные, реальные формы»⁷⁶.

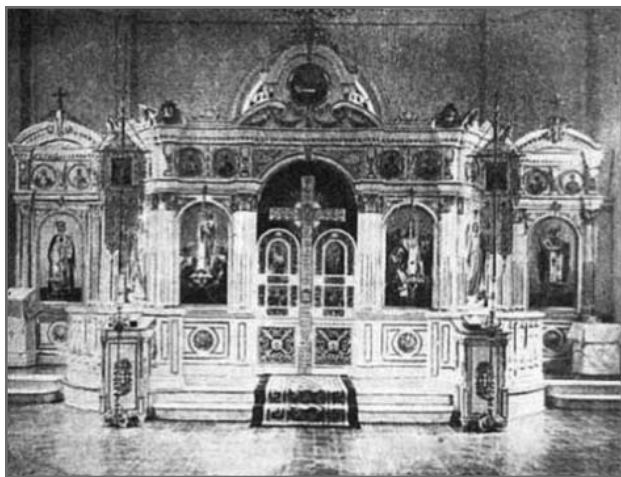
После суда над игуменьей Митрофанией общины в Пскове и Москве попали в крайне тяжелое положение. Государственно мыслящие люди старались помочь им выйти из него. Так, в Пскове был открыт комитет, который положил себе целью поддержать «амбулаторную» при Иоанно-Ильинской общине⁷⁷. Из «Московских Ведомостей» мы узнаем, что московский генерал-губернатор по просьбе Московского митрополита обратился к Городской думе с предложением, не найдет ли она возможным принять на счет города содержание Владычно-Покровской общины, которая «осталась без всяких средств»⁷⁸.

Благодаря «Отчетной записке о деятельности Московской Покровской общины Сестер

Милосердия за 1872—1882 годы» (1882 г.) мы видим, что после судебного разбирательства над игуменьей Митрофанией многие хорошие начинания прекратились. Так, «Отчетная записка» свидетельствует: «Вначале при Общине открыто было операционное отделение (лечилось 48 человек). Это отделение приносило несомненную пользу больным, именно важное значение для практического обучения сестер милосердия со всеми обязательствами их служения страждущему человечеству; но вследствие печальных обстоятельств, случившихся с оною в первые годы, отделение это было закрыто»⁷⁹.

Священник московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия позднее открыто писал о всех трудностях, которые пришлось пережить общине: «Известный, наделавший много толков судебный процесс против учредительницы Общины, почти в конец разрушил все высокие планы ее. Прежде чем Община успела раскрыть пред интересующимся обществом свои гуманные и истинно благотворительные цели, как на нее обрушились целые горы упреков, нареканий, всевозможных угроз и т. п. Общественное мнение, возбужденное упомянутым процессом, перенеслось с личности на самое учреждение и подвергало его своей беспощадной критике; оно-то закрывало его совершенно, то снова призывало к жизни, хотя под другим именем. Газетная пресса поддерживала, развивала и распространяла в обществе подобные толки. Люди, выразившие желание поддерживать ее своими личными пожертвованиями и привлечением к тому же других, разом отпали от нее, а некоторые и совсем о ней забыли. Оставленная и позабытая всеми Община поставлена была в такое критическое положение, что ей оставалось одно — прекратить свою деятельность и предать забвению самое имя свое»⁸⁰.

В это трудное время пришел к ней на поддержку «приснопамятный покойный Владыка Московский митрополит Иннокентий. Благодаря его нравственной и материальной помощи, община с небольшой горстью оставшихся верными ей сотрудников (5-6 человек) в сознании правоты своего дела и явной пользы его для общества, собра-

Храм Всех скорбящих Радость
при С.-Петербургской Покровской общине сестер милосердия

⁷⁶ Козлинина Е. И. Указ соч. С. 206.

⁷⁷ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1875. № 4. С. 6.

⁷⁸ Н. А. Указ. соч. С. 266.

⁷⁹ Там же. С. 12.

⁸⁰ Отчетная записка о деятельности Московской Покровской общины Сестер Милосердия за 1872—1882 годы. М., 1882. С. 4.

лась с своими последними силами и с верою на Бога и надеждою на добрых людей взялась за предназначенную ей деятельность, начиная с малого и доходя до большого». Община фактически в то время жила подаяниями. Священник Владычно-Покровской общины сестер милосердия, отвечая на заданный вопрос своим оппонентам, говорит: «Как же все-таки удавалось после сильнейшего потрясения — судебного процесса над игуменией Митрофанией продолжать существование Общине? Какими средствами располагала Община, чем жила и живет? Не погрешим, кажется, если скажем, что она жила и живет подаянием». Но именно после судебного процесса стало ясно, что деятельность Общины зависит от сочувствия русского общества к ней и поддержки ее в трудную пору: «По самому характеру устройства, степень развития деятельности ее зависит от степени сочувствия к ней Общества; чем более будет это сочувствие, тем шире и яснее расширятся пред ней все ее... задачи»⁸¹.

Служение московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия осуществлялось в следующих формах: 1) в воспитании и образовании бедных и сирот, 2) в теоретическом и практическом обучении сестер милосердия «к их человеколюбивому служению и разнообразных проявлениях этого служения страждущему человечеству» и 3) в подаянии безвозмездной помощи больным из бедных слоев. Все воспитанницы в свободное от учебных занятий время обучались в мастерских кройке, шитью и вышиванию.

Сохраненная высокая духовно-нравственная атмосфера и общинная среда позволяли все новым и новым поколениям вступать в эту общину и становиться образцовыми «епархиальными сестрами милосердия», как и было задумано императрицей Марией Александровной и игуменней Митрофанией.

По свидетельству священника московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия И. Ф. Мансветова, «во время сербской и русско-турецкой войны Покровская община отзывалась с готовностью удовлетворять по мере своих возможностей запросы на труд сестер: а) 12 сестер было отправлено в Сербию на время войны; б) во временном Покровском Военном госпитале, устроенном в центральном барачном здании Общины, где служили 18 сестер; в) в Московском военном госпитале — 13, а по времени и более; с) в тылу нашей действующей армии, на

Памятная доска на здании
С.-Петербургской Покровской общины сестер милосердия

санитарных поездах — 12 сестер; д) в четырех других частных госпиталях дежурило до 10-ти сестер»⁸².

Труды и скорби, понесенные на многотрудном пути игуменьи, не были напрасны и принесли добрые плоды. Казалось бы, судебный процесс над игуменней Митрофанией продемонстрировал неспособность Российского государства в переломный момент истории обеспечить успешное развитие отечественного института ухода за больными в рамках Русской Православной Церкви. Но государство, сталкиваясь со всевозможными барьерами, тем не менее, старательно шло по пути координации ухода за больными в национальном масштабе.

Как только началась русско-турецкая война 1877—1878 гг., послушницы женских монастырей были востребованы как медицинский персонал, и они откликнулись на призыв императрицы Марии Александровны, покровительницы «Общества попечения о раненых и больных воинах». Но, к сожалению, время было упущено,

⁸¹ Там же. С. 13—14.

⁸² Там же. С. 13.

Место уничтоженного кладбища
Покровской общины сестер милосердия

послушницы не имели достаточного времени для профессиональной подготовки в полном объеме, и результат не замедлил сказаться: «По желанию Августейшей покровительницы Общества до 40 женских монастырей изъявило согласие принять участие в общем деле и дали около 300 послушниц для приготовления в местных больницах к уходу за больными. Они оставлены для местных надобностей, те из женского персонала вообще, которые оказались недостаточно подготовленными для звания сестер Красного Креста, поступили на службу Общества сиделками»⁸³.

Хотя предложенные еще в 1870 г. в «Программе мирного и военного времени» директивные направления по подготовке сестринского персонала в рамках Русской Православной Церкви не получили своего полного воплощения, можно констатировать, что их труд был востребован, а сестринские епархиальные общины доказали свою жизнеспособность.

В основу служения сестер были положены труд и духовное послушание. Например, «самая главная задача Покровской Общины — это приготовление Сестер Милосердия для ухода за больными и страждущими. В Общине существовали и существуют три разряда сестер: испытуемые, младшие сестры и старшие (крестовицы). Все, изъявляющие желание поступить

в сестры милосердия, предварительно находятся на испытании (по крайней мере, с год). В это время, приучаясь к труду и послушанию, они знакомятся с приемами своего будущего служения. Оказавшиеся способными для сего удостоивались звания сестры милосердия младшей. Звание старшей сестры, получающей крест, удостоивались после полезного и достойного служения делу милосердия в течение, по крайней мере, 5-ти лет»⁸⁴. И далее в Отчетной записке о деятельности Покровской общины за 1872—1882 гг. было указано: «Все бывшие на дежурстве сестры Покровской общины заслужили о себе доброе мнение, что часто и официально было засвидетельствовано начальству Общины. Бывшие на санитарных поездках возвратились в Общину с одобрительными о службе их свидетельствами от комендантов и главных врачей»⁸⁵. «Служение сестер было два раза удостоено Высочайших одобрений в Бозе почившей императрицы Марии Александровны, благоволившей прислать в Общину две св.иконы»⁸⁶.

Отчетная записка дает нам сведения о том, что в московском Главном военном госпитале уход осуществлялся епархиальными сестрами: «Ввиду отлично-усердной деятельности сестер милосердия Покровской общины Главное Управление „Общества попечения о раненых

⁸³ Обзор деятельности сост. под покровительством Ея Имп. Величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. СПб., 1877. С. 33.

⁸⁴ Отчетная записка.... С. 11.

⁸⁵ Там же. С.13.

⁸⁶ Там же.

и больных войнах“ пожелало иметь на постоянном дежурстве в московском военном госпитале сестер милосердия только Покровской общины; почему с 1879 г. служат там постоянно 16 сестер»⁸⁷.

Потребность в сестрах милосердия со временем росла. Так, в отчете Псковской общины отмечено: «Благоприятная молва об отличном служении своему делу и добром поведении Сестер нашей Общины располагало общественное мнение в пользу их. Московские врачи, имевшие случай знакомиться с ними при постели больных, составляли хорошее мнение о деятельности их, почему часто родственникам или знакомым своих пациентов рекомендовали предпочтительно сестер нашей Общины. Благодаря всему этому постепенно увеличивались запросы на сестер милосердия в частные дома и общественные больницы не только города Москвы, но и вне пределов ее. Если в прежние годы число отпущенных на дежурство определялось 5, 6 и до 10 сестер в год, то в 1881 г. их было около 50-ти»⁸⁸. Отметив востребованность епархиальных сестер милосердия в городском здравоохранении, священник И.Ф. Мансветов писал: «Сестра милосердия, подготовленная к исполнению своих обязанностей, знающая свое дело и если при этом имеет доброе и самоотверженное сердце, — она не только облегчает болезни страждущих и содействует врачу в лечении их; но может доставлять истинное утешение больному и окружающим его родственникам. Бывали случаи, что больные и родственники так привыкали к сестрам, что неохотно расставались с ними, когда они должны были оставлять их дом»⁸⁹.

Эти образцовые сестры милосердия были необходимы и в провинции. Три сестры были отправлены в Полтавскую губ. для ухода за дифтерийными больными, две служили в качестве смотрительниц земских больниц в городах Переяславле и Ростове Ярославской губ.

К 1886 г. в московской Владычно-Покровской общине сестер милосердия существовали приют, в котором

находились 21 девочка и три мальчика, а также общеобразовательная школа для девиц, состоявшая из шести классов и одного приготовительного. Здесь обучались 61 воспитанница. В 1886 г. при школе были учреждены рисовальные классы, в которых в том числе готовились рисунки для рукодельных мастерских. В рукодельные мастерские (вышивальные, белошвейные, башмачные) назначались увольняемые из школы по неспособности к учению воспитанницы, для обучения какому-либо мастерству, могущему доставлять им средства к жизни. В школе шелководства, где воспитанницам давали научные сведения, относящиеся к шелководству, ученицы занимались также выкормкой шелковичных червей и размоткой и кручением шелка.

Рукодельные работы девочек экспонировались на заграничных (Париж, Лондон, Филадельфия) и отечественных (Москва, Политехническая и две Акклиматизационные) выставках и были удостоены медалей: большой золотой медали

Храм Покрова Богородицы
при Покровской общине сестер милосердия в Рубцове

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 14.

⁸⁹ Там же. С. 12.

(1873, 1878), Парижской золотой (1878), малой золотой (1875), трех серебряных (1875) и четырех бронзовых (1875 и 1876)⁹⁰.

В Покровской общине в классах по начальной медицине, велось преподавание в объеме фельдшерского курса: из девяти обучавшихся воспитанниц восемь удостоились звания фельдшериц.

Храм Покрова Богородицы
при Покровской общине сестер милосердия в Рубцове

В приемном покое «для приходящих бедных больных» каждый день два врача давали консультации и бесплатные медицинские пособия. Только в 1886 г. было принято 13 836 нуждавшихся в помощи человек. Сестры общины под наблюдением провизора изготовили и отпустили лекарств по 14 325 рецептам. На содержание общины было израсходовано в год 34 400 руб.⁹¹

Труды общин становились все заметнее, расширялся спектр их социальных услуг. Так, деятельность Псковской общины сестер милосердия в 1886 г. включала: 1) практическое обучение воспитанниц, «испытываемых при кроватях больных и в приготовлении их к принятию звания сестер милосердия»; 2) воспитание сирот девочек, преимущественно духовного звания; 3) рукоделие и другие труды по общинному хозяйству — аптеке, приемному покою, амбулатории и больнице; 4) церковное пение и чтение, которые сестры милосердия с воспитанницами отправляли в местной церкви. Сестры по приглашениям дежурили в

земской больнице, военном госпитале, в кадетском корпусе, Духовной семинарии, а также в частных домах. Из аптеки бедным жителям Пскова отпускались бесплатные лекарства (хотя и в меньшем, сравнительно с прежними годами размере — по 1000 рецептов ежегодно). В приемном покое общины давались советы и рецепты для получения лекарств. В больнице имелось семь кроватей для приходящих больных женского пола, которых лечили и содержали бесплатно. Работало пять врачей. Денежные средства общины доходили до 18 300 рублей (в том числе остаточных от 1885 г. 103 руб., вновь поступивших 8000; израсходовано 6 830; к 1887 г. оставалось около 11 550 руб.)⁹².

Несмотря на все испытания, которые пришлось перенести к этому времени игуменья Митрофания, она имела возможность если не увидеть плоды своих трудов, то, несомненно, прочитать о них в печати.

В 1896 г., получив Высочайшее соизволение, игуменья Митрофания на два года отправилась в Иерусалим, где жила и много трудилась. Она была занята сооружением точной копии Распятия Господня с предстоящими, положив в основание полтора камня с места обретения Святого Креста, с Голгофы, из Гефсиманского сада от Гроба Божией Матери и от гробницы Лазаря и других святых мест. Созданную святыню она пожертвовала Балашовскому Покровскому монастырю Саратовской епархии, где жила в последние годы. В этом монастыре оказались пожертвованные ею драгоценная икона «Воскресение Христово» и иные иерусалимские святыни. Ее заботами был сооружен иконостас из розового дерева для храма св. Филарета в Троице-Сергией лавре, над гробницей митрополита Филарета.

Не один год игуменья Митрофания писала «Записки Баронессы Прасковьи Григорьевны Розен в монашестве Митрофании». Она смогла закончить их за два дня до смерти. Там мы встречаем строки из ее дневниковых записей, свидетельствующие о том, что игуменья Митрофания постоянно жила делами открытых ею сестринских общин. Запись 15 ноября 1896 г.: «Вчера

⁹⁰ Там же. С. 9.

⁹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год. СПб., 1888. С. 18.

⁹² Там же.

был царский день для меня знаменательный: ровно 27 лет, как Псковская община освящена и открыта. Славу Богу, я еще не умерла и радуюсь преуспеянию общины». 26 июня 1897 г. она записала: «Сегодня в Москве празднуется 25-летие открытия учрежденной мною общины Покровской. Достойные деятели получают должные награды земные. Вспоминаю все бывшее торжество, когда князь Долгорукий (генерал-губернатор московский) и обер-прокурор Святейшего Синода гр. Д. А. Толстой говорили мне торжественные речи, когда бакалавр Академии Скороходов высказал о благотворной цели общества, и прочее и прочее, весьма лестное для меня. Но я скажу откровенно: эти овации, точно стрелы, поражали мое не любящее похвалы сердце, я верила только священнику Скороходову, зная, что он сам имел любовь ко всем и к лести был не причастен; все прочие овации принимала как лесть придворных сановников. В настоящие часы, вероятно, послана из Москвы поздравительная телеграмма ее Величеству, и дай Бог, чтобы императрица утешила мать игуменью Зинаиду, и тружениц сестер и детей». А следующий день принес ей животворную весть: «Сейчас до слез обрадовалась, получив телеграмму из Москвы от матери Зинаиды, которая поздравляет меня как учредительницу от лица Покровской общины с 25-летием и уведомляет, что все сестры милосердия горячо молились за меня, телеграмма послана в 11,5 часов, т. е. сразу же после обедни. Слава Богу, дожила до этого радостного дня: меня вспомнили, эта награда выше всех наград».

Игуменья Митрофания умерла в 1898 г. в Москве. Проститься с ней из разных мест «приезжали настоятели монастырей и подворий со своими певчими. Приезжала из Серпухова целая депутация, что же касается до Московской Покровской общины, то она была в полном составе. У гроба покойной дежурили попеременно монахини только Серпуховского и Алексеевских монастырей, да сестры Покровской общины. Погребение по желанию сестры покойной, последовало в Покровской общине напротив алтаря. Шествие погребальное, когда вышло на Петровку, то растянулось во всю длину — такая была масса провожающих»⁹³.

В заключение нужно напомнить, что присоединение России к Международной Женевской Конвенции заставило русское общество пойти на чрезвычайно сложное преобразование всей сложившейся к тому времени системы ухода за боль-

ными. Государство вынуждено было постепенно отходить от ведущей роли Русской Православной Церкви в решении этого вопроса. Либералы страстно поддерживали любые демократические преобразования. Поэтому формирование отечественного института ухода за больными происходило в условиях обострения политической борьбы. Даже если бы с игуменей Митрофанией ничего не произошло, и она продолжила бы свое благое дело создания епархиальных общин, все равно нашелся бы другой способ скомпрометировать создание образцового епархиального института ухода за больными в рамках Русской Православной Церкви.

Не следует забывать о том, что первые лица государства сделали все от них зависящее, чтобы во время Великих реформ последовательно расширялась больничная сеть с продуманным механизмом финансирования доступной и бесплатной медицинской помощи бедному люду. Созидание на местах большого числа доступных «лечебниц для приходящих больных» проводилось систематически в интересах всего населения Российской империи. Учрежденное в 1867 г. «Общество попечения о раненых и больных воинах» с предполагаемой широкой сетью губернских общин сестер милосердия с действовавшими и входящими в их структуру лечебными учреждениями вполне укладывалось в этот процесс. Вместе с тем приходится констатировать, что судебный процесс над игуменей Митрофанией замедлил развитие епархиального сестринского дела в рамках деятельности Русской Православной Церкви. Императрице Марии Александровне и ее сподвижницам удалось продолжить развитие профессионального сестринского образования в объеме фельдшерского курса.

Санкт-Петербургский Дамский лазаретный комитет в лице своей председательницы А. Н. Мальцевой, выражая волю и желание Августейшей покровительницы обществ — Императрицы Марии Александровны, выступил инициатором создания школы для фельдшерниц. Публикации в периодической печати свидетельствовали о большом желании «молодых женских сил» заняться «новым для них трудом», что красноречиво говорит о пользе учреждения фельдшерской школы.

27 июля 1872 г. в день открытия школы в Санкт-Петербурге Ее Императорское Высочество телеграммой из Ливадии на имя княгини М. Н. Вяземской выразила свою «душевную

⁹³ Русская старина. 1902. № 10–12. С. 620.

радость по случаю открытия школы и желание от всего сердца успеха сему полезному учреждению»⁹⁴.

В 1873 г. на годовом общем собрании «Общества попечения о раненых и больных воинах» подводились итоги уже проделанной работы и указывалось: «Пробегая развитие деятельности нашего Общества, мы не можем не остановиться на двух капитальных и особенно полезных наших учреждениях, а именно: на лазаретных наших бараках и устроенной при них школе фельдшерниц, а также на Георгиевской общине, имеющей обширную «амбулаторную», при которой образуется также опытный и искусный женский персонал для ухода за ранеными и больными»⁹⁵. Генерал А. К. Баумгартен подчеркивал: «Эти оба учреждения были созданы, благодаря особенной энергии и неусыпным трудам их председательниц, а потому я убежден, что предложение мое о признании почетными членами Общества Анастасии Николаевны Мальцовой и графини Елизаветы Петровны Гейден будет встречено сочувственно»⁹⁶.

Секретарь императрицы Марии Александровны П. А. Мориц удостоился получить 7 февраля 1874 г. от нее письмо следующего содержания: «С особенным удовольствием известилась я о примерных трудах наших фельдшерниц, командированных в конце прошлого года в военный госпиталь, и о похвальных о них отзывах медицинского начальства. Я желаю, чтобы все они знали, как отрадно было мне это известие. Поручаю объявить это от Моего имени преподавателям и выразить вместе с тем Мое упование, что выказанные девицами примерное усердие и ревностное исполнение своих обязанностей будут и впредь отличать их на богоугодном их поприще»⁹⁷.

Многие из воспитанниц, командированных в госпиталь, тяжело заболели тифом и это доказывает, что они безбоязненно выполняли свой долг и не ща-

дили себя при уходе за больными. Заведующий учебной частью школы доктор И. В. Бертенсон в 1875 г. писал: «Трехлетний опыт и результаты в этом отношении, нами добытые, вполне оправдали наши убеждения в отношении правильности тех основ, которыми мы руководствовались при учреждении школы фельдшерниц Санкт-Петербургского Дамского лазаретного комитета»⁹⁸. «Благодаря просвещенному содействию председательницы, гг. членов комитета и преподавателей мы по истечении трех лет, согласно уставу школы, — свидетельствовал он, — в состоянии произвести первый выпуск наших воспитанниц, теоретические и практические познания которых были проведены неоднократно лучшими представителями нашей столичной медицинской интеллигенции»⁹⁹.

В «Программе мирного и военного времени», отмечалось, что только благодаря любви и сердечному участию русских женщин будет достигнута высокая цель созданного «Общества попечения о больных и раненых воинов». Замечательны и другие слова: «Велика и тяжела задача „Общества попечения о больных и раненых воинов“, много препятствий и затруднений предстоит ему встретить на пути к осуществле-

⁹⁴ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1875. № 5. С. 20.

⁹⁵ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1875. № 4. С. 4.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1875. № 5. С. 20

⁹⁸ Там же. С. 19—20.

⁹⁹ Там же. С. 20.

нию высокой цели его будущей деятельности; но нет никакого сомнения, что цель эта будет достигнута им, если русские женщины положат в это дело ту силу *христианской любви* и сердечного участия к горю и страданию ближнего, которые всегда живут в них и проявляются особенно в годину испытания родного края»¹⁰⁰ (Курсив мой. — Н. Б.).

В России помнили о заслугах императрицы Марии Александровны. Незадолго до ее кончины была опубликована статья М. Н. Каткова «25-летняя деятельность и нравственный облик императора Александра II и императрицы Марии Александровны». Публицист писал: «Праздник Хозяина Русской Земли есть вместе и праздник Его Царственной Хозяйки, — да укрепит Бог Ее силы и подаст Ей исцеление! Рожденная не в нашей стране, Она слилась всем сердцем и всеми мыслями с русским народом и всем бытием своим стала русской. В идеальных чертах женственности, скромности и кротости, в глубокой преданности заветам христианства Россия скоро угадала и оценила воистину русскую и православную Царицу. Чуждаясь громкой молвы и хвалений, Царица всегда строго ограничивала свою деятельность пределами жизни семейной, делами воспитания и милосердия. В години скорби и испытания Россия встречала всегда свою любвеобильную Царицу везде, где требовались утешение, помощь страждущим и молитва». М. Н. Катков в своей работе дал высокую оценку государственной деятельности императрицы Марии Александровны: «Всем памятно, как во время Крымской войны, когда вообще в Европе еще так мало думали о жертвах войны, Государыня императрица заботилась об участии больных и раненых. Всем памятно, как воодушевленные теплым участием и живыми заботами Царицы молодые люди спешили на помощь нашим героям, беззаветно отдаваясь святому делу христианского милосердия. Тогда не было

еще и речи о правильной организации Красного Креста, и отсутствие удобных путей сообщения затрудняло до крайности доставление транспортов с щедрыми Царскими дарами и пособиями на театрах военных действий. В мирное время введено неусыпным попечением Государыни *учреждение фельдшерниц*, и, наконец, вся организация Красного Креста... В прошлую войну русские женщины, направляемые своею Царственною Руководительницею, явили чудеса христианского милосердия, изумившие и умилившие даже враждебную нам Европу».

Глубоко понимавший, что реально было сделано российскими императором и императрицей, М. Н. Катков, как государственный и общественный деятель смог выделить в деятельности последней ее основные достижения и среди них попечение *об учреждении фельдшерниц* в организации Красного Креста, которые хорошо зарекомендовали себя в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Несмотря на противодействие части общества объявленное «Программой мирного и военного времени» дело помощи раненым и больным явственно становилось *«святым делом»*, которое до конца своих дней возглавляла императрица Мария Александровна. Рядом были ее единомышленницы: игуменья Митрофания, Марфа Сабина, Мария Фредерикс, А. Н. Мальцева. Это ясно прозвучало в «Программе мирного и военного времени»: *«Всякий русский, — истинный сын своей великой родины может с полным убеждением сказать, что святое дело, в челе которого стала русская императрица, и которому с благородною горячностью предались лучшие русские женщины, — достигнет широкого развития и, вспоможествуемое щедрыми пожертвованиями целого государства, всего русского народа, сохранит, со временем, для России многие тысячи ее сынов»*¹⁰¹ (Курсив мой — Н. Б.).

¹⁰⁰ Программа мирного и военного времени Общества попечения о раненых и больных воинах состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы. СПб., 1870. С. XIX.

¹⁰¹ Там же. С. XX.

Д. Ю. Кривцов

Строительство малых монастырей в России XVII в. как отражение общественного идеала сподвижников К. М. Минина и князя Д. М. Пожарского

Смута в Московском государстве начала XVII в. имела многообразные проявления — военное, политическое, социокультурное, духовно-нравственное. Победить ее только силой оружия или общественно-политическим компромиссом при избрании новой правящей династии было невозможно. Требовалась огромная духовная, культурная работа по нравственному преобразению всего строя общественных отношений. Все слои русского общества в первой половине XVII в. искали такие формы социальной и политической жизни, которые были бы максимально совместимы с нравственными христианскими идеалами и предохранили народ и государство от повторения ужасов Смуты. И в такой духовно-культурной перспективе чрезвычайно важное значение приобретает массовое строительство малых монастырей, развернувшееся в Московском государстве после окончания Смутного времени.

В отечественной истории XVII в. оказался рекордным по количеству основанных монастырей. Согласно новейшим подсчетам, проделанным Я.Е. Водарским и Э.Г. Истоминой, в XVII столетии на территории России была поставлена 561 новая монашеская обитель, в то время как в предшествующем XVI столетии обителей было основано на сотню меньше — только 461, а в XVIII в., по хорошо известным причинам, наблюдалось резкое сокращение монастырского строи-

тельства — лишь 167 новооснованных обителей за все столетие¹. Подавляющее большинство русских монастырей, построенных в XVII в., являлись небольшими и бедными, т. е. не обеспеченными с материальной точки зрения. Обративший на это внимание митрополит Макарий (Булгаков) высказывал откровенное недоумение: «Трудно понять, с какою целью правительство допускало такое размножение монастырей... Еще в новых городах, каковы Белгород, Воронеж и другие, основание монастырей, мужских и женских, могло иметь значение; но зачем учреждались они там, где и без того их было много — в Москве, Суздале, Ростове, Нижнем?»². Но от правительства в этом вопросе тогда практически ничего не зависело, ибо движение по устройству новых монастырей шло снизу, из самой толщи народа. Так, согласно «Сказанию о чудесах преподобного и богоносного отца нашего Макария, унженского чудотворца, бывших во граде Юрьевце Поволском и пределах его во время ... нахождения безбожных ляхов...», крестьяне деревни Коряковской «близ реки Немды преподобного отца Макария монастырь возградиша, в немже церковь и келии устроиша и игумена и братию собраша и довольство по возможному определиша». Так же в селах Решме и Пурехе «монастыри тамошни жители богоносному Макарию соградиша»³. Эти три обители в честь преподобного Макария, основанные крестьянами

¹ Водарский Я.Е., Истомина Е.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (IX — начало XX в.). М., 2009. Приложение 3. С. 526–530. Мы приводим данные только по монастырям, расположенным на основной территории России, без учета обителей Украины, Белоруссии, Прибалтики и некоторых других окраинных территорий, входивших в состав Российской империи, так как на них динамика основания монастырей определялась во многом иными факторами, нежели на великорусских землях.

² Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 382–383.

³ См.: Поньрко Н.В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. XLIII. Л., 1990. С. 64.

верхневолжских деревень и сел, являются весьма характерными примерами народного строительства малых монастырей в начале XVII в.

Не менее характерен и другой аспект, связанный со строительством упомянутых выше обителей, — они были «возграждены» в честь побед местных жителей над отрядами полковника Лисовского, подступившего в 1609 г. к Юрьевцу Поволскому⁴. Можно вспомнить и другие примеры, когда новые монастыри ставились в начале XVII в. по приговору горожан, их силами и средствами, в честь побед, одержанных над польско-литовскими интервентами и русскими «ворами» в годы Смуты. В Ярославле Казанский монастырь был основан в 1610 г. как благодарение горожан Богу за избавление города от нашествия поляков⁵. (Он был поставлен на месте сгоревшего во время осады поляков в 1609 г. старого монастыря.) Курский Знаменский Богородицкий Рождественский монастырь был сооружен по обещанию жителей города, которые в 1612 г. четыре месяца выдерживали осаду войск гетмана Жолкевского⁶. В 1620 г. в Воронеже жители сумели отстоять город и отразить набег литовцев и черкас. В память об избавлении от опасности воронежцы решили основать храм, но вскоре это желание переросло в стремление учредить вторую в городе обитель, в результате чего был сооружен Алексеевский Акатов монастырь⁷. Таким образом, в начале XVII в. инициатива строительства новых монастырей во многом исходила от тех социальных сил, которые сыграли решающую роль в преодолении Смуты; это были те же общественные круги, какие породили Нижегородское ополчение — посадские и крестьянские «миры», городские и уездные дворянские корпорации.

Очевидно, в массовом строительстве монастырей в первой трети XVII в. проявлялось стремление русской народной души к моральному и религиозному обновлению, вызванному страхами и ужасами Смутного времени. О прямой взаимосвязи между духовным преодолением последствий Смуты и расцветом монастырской жизни XVII в. весьма убедительно писал фран-

цузский исследователь Пьер Паскаль⁸. Он же отмечал, что монастыри того времени были не только для монахов; иногда в них имелось больше мирян, так называемых складников⁹. Для тех, кто пережил все ужасы Смуты и боролся против нее с оружием в руках, идеалом духовного и общественного устройства жизни после Смутного времени становится монастырь (причем монастырь строгого общежительного типа).

Воцарившаяся династия Романовых сделала своим политическим знаменем идею приведения страны к порядку, благоденствию, умиротворению и обновлению после ужасов Смуты. Но обновление могло принимать различные формы и по-разному видеться из царского дворца и боярского терема, из приказной палаты и монастырской кельи, из посадской или крестьянской избы.

В начале XVII столетия Российское государство было спасено не старинной родовой аристократией (потерявшей к тому времени свое правительственное значение)¹⁰ и не приказной бюрократией (еще не набравшей достаточного правительственного «веса»). Страна, народ и вера были спасены местными «мирами» — социальными структурами общинно-корпоративного типа, важнейшим принципом для которых являлось соборное начало, пронизывавшее все их существование и деятельность. Однако правительство Романовых сделало ставку на иные по своей социальной природе структуры: административно-бюрократические — приказные и воеводские. Именно под контроль воеводского правления в XVII в. были постепенно поставлены посадские и уездные «миры». Зародившись в XVI в. как форма чрезвычайной власти на колонизируемых окраинах страны — в Поволжье, Сибири, воеводское управление с 70–80-х годов того столетия стало периодически применяться и на основной территории государства из-за глубокого социально-политического кризиса, вызванного неудачной Ливонской войной. А в первые два десятилетия XVII в., в условиях непрерывной вооруженной борьбы с иностранными интервентами и своими собственными «ворами», воеводы как сильная,

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи (с библиографическим указателем). Кн. I–III. М., 2005. Кн. II. № 853. С. 158–159.

⁶ Там же. Кн. I. № 201. С. 149.

⁷ Акиншин А. Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 1994. С. 104.

⁸ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2011. С. 55–56, 81–82. Первое издание книги на французском языке вышло в 1938 г.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 28–31.

преимущественно военная власть, из окраинного политического института превратились в повсеместный, из чрезвычайного — в обыкновенный¹¹.

Ступив в конце XVI в. на путь бюрократизации, Московское государство с него уже не сворачивало и к половине XVII в., по вполне обоснованному мнению М. М. Богословского, уже могло называться самодержавно-бюрократическим. Однако старинные традиции земского общинно-корпоративного самоуправления далеко не сразу и отнюдь не просто подчинились новому социально-политическому порядку. На протяжении всего XVII в. исследователи отмечают многочисленные факты борьбы между местными земскими «мирами» и воеводско-приказным правлением, между общинным и бюрократическим началами государственной жизни¹².

Причем такая борьба велась не только в социально-политической, но и в культурно-идеологической плоскости. На определенном этапе идеологическую проработку и обоснование программы духовно-политического обновления русского общества взял на себя кружок «боголюбцев», или «ревнителей благочестия». «Речь шла не о чем ином, — писал в этой связи П. Паскаль, — как о превращении московского государства в искренне-принимаемое, подлинно-органичное христианское общество, что должно было касаться как внутренней политики, так и индивидуального поведения жителей»¹³. И, очевидно, это стремление находило понимание и благоприятный отклик в тех земских «мирах», которые выступили победителями Смуты. Недаром же большинство участников «боголюбческого» кружка были нижегородцами по своему происхождению — это и протопоп Аввакум, и будущий патриарх Никон (тогда еще единомысленные между собой), и Илларион, будущий епископ Рязанский, и Павел, будущий епископ Коломенский, и, наконец, Илларион, устраи-

тель Флорищевой пустыни и будущий епископ Суздальский. Таким образом, родина второго ополчения стала и родиной движения «ревнителей благочестия», которые на духовном поприще продолжили борьбу за преодоление Смуты¹⁴.

В плане нашей темы, сопрягающей массовое строительство малых монастырей в XVII в. с общественным идеалом деятелей второго ополчения, необходимо коснуться одной из трактовок социальной природы «боголюбческого» движения, распространенной в историографии. Согласно этой трактовке, «боголюбцы» как представители низшего белого духовенства выступали против епископата, состоявшего из черного духовенства; движение «ревнителей благочестия» получает в этой трактовке явственно антимонашескую окраску¹⁵. Но приводимый сторонниками подобной точки зрения конкретно-исторический материал очевидно вступает в противоречие с их теоретическими установками. Так, С. А. Зеньковский, перечисляя сторонников «боголюбцев» за пределами Нижегородской земли, упоминает многих настоятелей монастырей — Герасима из Богоявленского монастыря в Костроме, архимандритов Адриана, Иосифа и Тихона из крупных монастырей — Троицкого, Суздальского, Печерского, игуменью Марфу из вязниковского монастыря¹⁶.

Что же касается одного из зачинателей и лидеров «боголюбческого» движения — Ивана Неронова, то и его жизнь не прошла мимо монастыря. Ведь он был уроженцем скита Св. Спаса «на Лому» в вологодских пределах, где крестьянская община мирян находилась под монашеским окормлением старца Игнатия. Затем он «не малое время» провел в Троице-Сергиевой лавре в келье архимандрита Дионисия¹⁷. А когда Иван Неронов по благословению Дионисия пришел в Нижний Новгород, то он не расставался с книгой свяителя Иоанна Златоуста «Маргарит» и постоянно

¹¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. 2. М., 1912. С. 261–266 и след. Ср.: Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 38.

¹² См.: Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.; Л., 1935; Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

¹³ Паскаль П. Указ. соч. С. 43.

¹⁴ На тесную связь движения «ревнителей благочестия» с общественными кругами, создавшими второе ополчение К. М. Минина и князя Д. М. Пожарского, неоднократно указывали многие исследователи. См.: Паскаль П. Указ. соч. С. 39–41, 96; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 76–78; Понырков Н. В. Указ. соч. С. 65–69.

¹⁵ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 74–75, 87–88, 124–126; Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 36.

¹⁶ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. III.

¹⁷ Там же. С. 63–70.

читал нижегородцам проповеди, опираясь на поучения Златоуста¹⁸. Характерной же чертой богословия святителя Иоанна Златоуста было как раз стремление распространить на все сферы общественной жизни — государство, городскую общину, семью — принципы монашеской общежительной этики. «Он был готов, — писал о Златоусте протоиерей Георгий Флоровский, — навязать всему миру суровую монашескую дисциплину нестяжания и послушания — ради блага и спасения всех людей. По его мнению, отдельные монастыри должны существовать лишь до времени, чтобы однажды весь мир стал подобен монастырю»¹⁹.

Мы вполне согласны с утверждениями некоторых историков о том, что «боголюбцы» не зазывали весь мир в монастырские стены. Однако не можем на этом основании согласиться с «антимонашеской» трактовкой «боголюбческого» движения. Показательно, что А. М. Панченко писал о лидере «боголюбцев» преподобном Аввакуме: «Это белый поп, многосемейный человек, он живет в миру, но так, словно руководствуется строгим монастырским уставом»²⁰. По сути, Аввакум и остальные «ревнители благочестия» предлагали мирянам монашеский этический идеал, считая его достижимым и без принятия монашеского пострига. Об образцовом «боголюбческом» приходе Ивана Неронова в Воскресенской церкви Нижнего Новгорода П. Паскаль замечал: «это был своего рода монастырь, братия которого, без монашеских обетов, время от времени сменялась»²¹. Но при таком подходе монастырь, выступавший в качестве наилучшей формы организации человеческого общежития, настолько властно притягивал к себе умы и души русских людей XVII столетия, что они, стремясь быть последовательными в своем духовном выборе, и основывали новые монастырские обители, и постригались в них сами, и своим детям заповедовали со временем вступить в монашество.

Еще один важный аспект, связывающий «боголюбческое» движение с монастырским строительством XVII в. и общественным идеалом победителей Смуты, заключается в их общей

антибюрократической направленности. Мы уже упоминали о постоянных конфликтах земских «миров» с бюрократической системой воеводского управления в Московском государстве. Но и «боголюбцы» регулярно вступали в конфликты с бюрократией, как государственной — в лице воевод и подчиненных им низших администраторов, так и церковной — патриаршими и архиерейскими дворянами и детьми боярскими, составлявшими административный аппарат епархиального управления²². По мнению С. А. Зеньковского, идеальной альтернативой епархиальной бюрократии для лидеров «боголюбческого» движения могли выступать западнорусские церковные братства, построенные на началах соборности²³. Конечно, истоки такого антибюрократического идеала можно искать и в Западной Руси. Но гораздо ближе к «боголюбцам» был пример малой монастырской общины, живущей по соборным принципам и не обремененной сколько-нибудь развитым административным аппаратом.

В 40-е годы XVII в. «боголюбцы» из нижегородских пределов устремились в Москву, к царскому двору. Причиной этого во многом послужили их конфликты с местной бюрократией — воеводами и воеводскими людьми. Этим представителям тогдашней «вертикали власти» духовно-учительная деятельность ревнителей благочестия оказалась не по нутру, поскольку под огонь нравственной критики «боголюбцев» постоянно попадали взяточничество, жестокость и безнравственный образ жизни воевод и их окружения. «Боголюбцы» надеялись с помощью верховной власти обуздать «неправды» стремительно развивавшегося в послесмутную эпоху государственно-бюрократического аппарата. Вместо опоры на бюрократию «боголюбцы» предлагали государству полагаться на структуры общинно-корпоративного типа — сельские и посадские общины, дворянские городовые и уездные корпорации, приходские общины и монастыри. (То есть, на те именно структуры, которые в условиях развала и паралича государственного аппарата в начале XVII в. и спасли Россию от Смуты.) Но этой

¹⁸ Там же. С. 79.

¹⁹ Флоровский Г., протоиерей. Догмат и история. М., 1998. С. 278.

²⁰ Панченко А. М. Указ. соч. С. 135.

²¹ Паскаль П. Указ. соч. С. 98.

²² Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 64, 126–130 и др. Показательно, что любимый Иваном Нероновым свт. Иоанн Златоуст конфликтовал с имперской бюрократией в Константинополе, и противобюрократические тенденции последнего нашли отражение в его некоторых поучениях. См.: Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 127–128 и др.

²³ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 130–131.

альтернативе так и не суждено было воплотиться в жизнь. С началом никоновских реформ в 50-е годы XVII в. раскололся сам кружок «ревнителей благочестия», а затем, после поражения Никона в противостоянии с царем Алексеем Михайловичем, государство Российское повернуло на путь создания абсолютистской бюрократической монархии, воплотившейся через полвека в реформах Петра I.

Правда, с воцарением в 1676 г. Феодора Алексеевича вновь появилась робкая надежда на новый подъем «боголюбческого» движения. Такую надежду давала духовная дружба царя Феодора с Илларионом, настоятелем Флорищевой пустыни в Гороховецком уезде. Эта пустынь возникла, возможно, еще в конце 30-х годов XVII в., когда из Макарьевского монастыря в с. Пурех, вотчину князя Пожарского, вышел монах Варлаам с сыном своим Макарием. Новое место монашеских подвигов они обрели на Флорищевой горе, где возникла маленькая иноческая община. Таким образом, Флорищева пустынь приняла духовную эстафету непосредственно от обители, созданной по воле руководителя Нижегородского ополчения. А в начале 50-х годов XVII в. во Флорищеву пустынь пришел один из «младших боголюбцев», сын знаменитого «учительного старца» Анании — иеродьякон Илларион. Возглавив со временем эту обитель, он превратил ее в процветающий монастырь с самым строгим общежительным уставом. Будучи представлен молодому царю Феодору Алексеевичу, Илларион вскоре сделался царским духовником. Царь испрашивал у него советов и молитв не только по духовным, но и по государственным делам²⁴. Вот тут и возникла вновь надежда, что под влиянием Иллариона царь поведет Россию по пути оцерковления общества и государства, по пути, базировавшемуся на началах монашеской общежительной этики (приемлемой и для мирян), а не на основах бюрократического абсолютизма. Однако

ранняя смерть Феодора Алексеевича перечеркнула и эти надежды. У его преемника на русском троне — Петра — в немецкой слободе Кукуй нашлись совсем другие наставники и идеалы. С утверждением власти Петра I политика европеизации России привела к полному разделению светской и церковной сферы на два отдельных мира, связанных большей частью формальными узами.

Однако духовный подъем «монашеского возрождения», охвативший русское общество в XVII столетии, не прошел совершенно бесследно. Свято-Успенский Флорищев монастырь можно по праву назвать наследником и хранителем духовного подъема, ибо к концу XVII в. он оставался едва ли не последней крупной обителью, где еще строго придерживались самого «крепкого» общежительного устава. И вот полстолетия спустя — середине XVIII в. — ключарь Суздальского собора Анания Федоров писал в своем сочинении: в «Темниковском уезде имеется пустыня, в великих непроходимых лесах, именуемая Саровская... пребывающие в той обители монахи бельцы житие имеют воздержанное и крепкое, пищу и одежду общую, и более упражняются в трудах, между ими и сам строитель первенство во всяком имеет деле; чин весь монастырский взят из Флорищевой пустыни, сущия в Гороховецком уезде»²⁵. Получается, что, собрав наследие русской монашеской святости средневекового периода, Флорищева обитель передала ее как эстафету обители Саровской, значение которой в духовной жизни России нового и новейшего времени специальных объяснений не требует.

Таким образом, искание сподвижниками К. М. Минина и князя Д. М. Пожарского наилучшего общественного устройства после Смуты, воплотившееся, в частности, в строительстве малых монастырей, оказывается способным в определенной степени влиять и на духовную жизнь нашего времени.

²⁴ О Флорищевой пустыни, Илларионе и его отношениях с царем Феодором Алексеевичем см.: *Георгиевский В. Т.* Флорищева пустынь. Вязники, 1896; *Орлов С. А.* Флорищева пустынь. Н.-Новгород, 2002; *Он же.* Святитель Иларион Суздальский и его обитель на Красной Флорищевой горе. Н.-Новгород, 2012; *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд. СПб., 2008. С. 270–271.

²⁵ *Анания Федоров.* Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 22. Отд. 2. М., 1855. С. 113.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

В. В. Каширина

Письма тамбовских монахинь в Оптину пустынь

Письма оптинских старцев в тамбовский Вознесенский монастырь не сохранились, однако в фонде Оптиной пустыни находятся письма насельниц тамбовской обители в Оптину пустынь, что не является характерным для оптинского фонда, в котором обычно сохранялись письма преподобных старцев.

Все письма из тамбовского монастыря относятся к 1890-м годам, и именно об этом периоде из истории обители мы знаем наиболее подробно, потому что в 1890 г. в монастыре торжественно отметили 200-летие его основания. К этому событию были выпущены книги, подготовлены статьи, в которых рассказывалось об истории обители, а также подробно освещались юбилейные торжества.

Преосвященнейший Иероним (Экземплярский), епископ Тамбовский и Шацкий, обозревая историю обители за 200 лет, говорил: «История отечественных наших монастырей ясно показывает, что те из них всегда ценились и высоко стояли в глазах набожного русского народа, которые были основаны на слезах и пощении, те из них обогатились и прославились, основатели которых и преемники их вели строго подвижническую жизнь. И то заметить нужно, что не одно внешнее видимое богатство красит обитель, а главная и существенная красота, сила и величие ее заключаются в подвигах поста, труда и молитвы, отнюдь не в золоте и богатых имениях. История многих монастырей свидетельствует,

что в тяжелую годину, когда материальные средства сокращались и даже истощались, дух братии возвышался...»¹

Точных данных об основании монастыря не сохранилось. Местные предания свидетельствуют, что он был построен в 1690 г. на келейные деньги епископа Тамбовского и Козловского Питирима². Деревянные монастырские постройки часто горели. Особенно сильный пожар в Тамбове случился в 1724 г., когда сгорели городские и монастырские постройки, все монастырские ценности и архив. Но уже к 1744 г. монастырь возродился на новом месте. Он был обнесен деревянной стеной. Над главным входом возвышалась восьмистенная шатровая с зеленой чешуйчатой главой колокольня с пятью небольшими колоколами. Двухпрестольная церковь в честь Вознесения Господня была выстроена из соснового бруса и покрыта тесом. По периметру обители располагались 18 курных изб, покрытых дранью и топившихся по-черному. В этих избах-кельях монахини выполняли заказы по вышивке золотом и шелками, а некоторые, как и много лет спустя, занимались ткачеством.

По реформе 1764 г. Вознесенский монастырь получил статус штатного третьеклассного монастыря с содержанием в 375 руб. По свидетельству И. Дубасова, автора «Исторической записки о Тамбовском Вознесенском монастыре», первые монахини «жили в тесных курных избах³ с волоковыми и, изредка, слюдяными окнами. Одевались

¹ По поводу 200-летнего юбилея Тамбовского Вознесенского женского монастыря (1690—1890). Тамбов, 1890. С. 5.

² В 1676 г. при Христорождественской церкви в Полковой слободе было отведено усадебное место для просфорни схимонахини Мариамны. Таким образом, по мнению В. А. Кученковой, «основание женской обители было положено значительно раньше официально принятого 1690 года, а святитель Питирим только способствовал ее утверждению» (Кученкова В. А. Святые Тамбовской епархии. М., 1993. С. 68).

³ Курная изба — изба с печью без дымохода. В такой избе дым при топке выходит через окно, открытую дверь или через дымницу в кровле.

в грубые самодельные ткани. Питались они то от скудных келейных сумм святителя, то от своих трудов, и питались впроголодь. Поистине, житье их было тесное и нудное...»⁴.

Знаменитый поэт XVIII в. Гавриил Романович Державин был губернатором Тамбовской губ. в 1786—1788 гг. Именно к нему за помощью обратилась игуменья Вознесенского монастыря с просьбой не переносить монастырь на новое место, согласно новому плану застройки города, по которому монастырю было определено место за протоком р. Чумарсы возле загородного архиерейского дома. По решению градоначальника монастырь остался на старом месте.

В монастыре почитали чудотворную икону «Всех скорбящих радости», ставшую с октября 1794 г. храмовой иконой.

В день празднования 200-летия обители на всенощном бдении после шестопсалмия настоятель храма Александр Иванович Жданов⁵ зачитал собравшимся «Историческую записку о Вознесенском женском монастыре», в которой заметил, что история монастыря, не богатая внешними событиями, зиждилась на внутреннем делании многих и многих монахинь: «Тихою, мирною струей текла жизнь Вознесенской обители в продолжении двух веков. Не славна она и не знаменита, подобно древним великим обителям отечества нашего. Но, тем не менее, от начала своей жизни и до сих дней она стоит на высоте своего призвания и смиренно идет к выполнению предназначенных ей Промыслом целей... Молитва — и церковная, и келейная — была

постоянным и главным занятием инокинь, только один труд, ради приобретения насущного хлеба, отвлекал их от этого святого и спасительного упражнения. В скромной и истинно христианской жизни инокинь, при самом появлении Вознесенской обители всякий мог видеть пример того, что требуется от истинного христианина, как легко оставить все земное для Царства Небесного, и какие утешения можно иметь на тесном и скорбном пути к небесному отечеству. По благодати Господней, строго христианская жизнь инокинь, назидаящая своим примером внимательных к ней, составляла отличительную черту обители во все прожитое ею время»⁶.

Несмотря на бедность, тамбовский монастырь был известен своей высокой духовной жизнью. Известно и о том внимании, с которым относился к насельницам обители святитель Феофан Затворник⁷. Об укладе монастырской жизни позволяет судить жизнеописание монахини Миропии (Аденковой, 1766—1829)⁸, которая, спасаясь от французов в конце 1812 г., направилась в тамбовский монастырь, так как слышала о нем еще в Москве.

Спешно покидая московский Зачатьевский монастырь, дворянка Мария Иванова, в монашестве Миропия, в дорогу взяла только икону Божьей Матери Казанской и родительское благословение. Путь из Москвы в Тамбов был неблизким и опасным. Ямщик, который вез Марию, заподозрил у нее большие деньги и решил украсть их, а ее убить. Неожиданно он свернул с дороги и направил лошадей в чащу близлежа-

⁴ Дубасов И. Историческая записка о тамбовском Вознесенском женском монастыре, составленная по поводу его 200-летия. Тамбов, 1890. С. 1—2.

⁵ Протоиерей А. И. Жданов долгие годы был настоятелем храма в тамбовском Вознесенском монастыре. Скончался 14 августа 1902 г., прослужив 37 лет в священном сане. О нем подробнее см.: *Петр Успенский, протоиер.* Некролог. Протоиерей Александр Иоаннович Жданов // Тамбовские епархиальные ведомости. Неоф. № 38. 21 сентября 1902 г. С. 750—760.

⁶ По поводу 200-летнего юбилея Тамбовского Вознесенского женского монастыря... С. 37, 38.

⁷ Святитель Феофан Затворник, будучи на Тамбовской кафедре (1859—1863), не раз посещал Вознесенский монастырь, где обращался к насельницам со словами, в которых говорил о высоте иноческой жизни (См.: Слово на 2-й день Рождества Христова, — в девичьем Вознесенском монастыре // Слова к Тамбовской пастве Феофана, епископа тамбовского и Шацкого, в 1859 и 1860 годах. СПб., 1861. С. 323—326; На Вознесение Господне в женском Тамбовском монастыре 1 июня // Слова к Тамбовской пастве преосвященного Феофана. М., 1867. С. 86—90; В день св. великомученицы Екатерины в женском Тамбовском монастыре, 24 ноября // Там же. С. 121—125; В неделю жен-мироносиц, в женском Тамбовском монастыре, 22 апреля // Там же. С. 148—151).

Святитель Феофан памятовал об обители, будучи уже в затворе в Вышенской пустыни. Поздравляя сестер обители с 200-летием со дня основания монастыря, он писал: «Сколько игумений было в продолжении такого периода времени! Сколько сестр прославлено на небесах! — Все они сорадуются и соторжествуют с Вами. Посылаю в обительскую библиотеку все томы «Добротолубия». Прошу Вас и сестр принять их и пользоваться их руководством. Все, что потребно ревнительницам подвижнической жизни, в сих книгах разнообразно указано и истолковано. Благословение Божие да осеняет всегда обитель Вашу и Вас. Спасайтесь! Ваш доброхот Е. Феофан. Благодарю за фотографическую копию Скорбященской иконы Божией Матери...» (По поводу 200-летнего юбилея Тамбовского Вознесенского женского монастыря (1690—1890). Тамбов, 1890. С. 9).

⁸ Напр., см.: А. Цветаев, *протоиерей Вознесенского женского монастыря*. Миропия (Иванова) Аденкова, монахиня Тамбовского Вознесенского женского монастыря // Тамбовские епархиальные ведомости. Неоф. № 25. 28 июня 1914. С. 719—729.

щего леса. Мария сразу поняла, какая грозит ей опасность, и со всею горячностью сердца обратилась с молитвой к Царице Небесной, прося Ее защиты от неминуемой смерти. «Не бойся, Я твоя Заступница», — вдруг послышался голос в ответ на ее молитву. Ямщик внезапно лишился зрения. Сознывая свою вину, он исповедал преступный замысел, просил путницу помолиться о его исцелении, дав при этом обещание целой и невредимой привезти ее в монастырь. После краткой совместной молитвы пред иконой Божьей Матери ямщик прозрел и с чувством глубокой благодарности к Богу благополучно довез ее до Вознесенского женского монастыря. По ходатайству игуменьи Маргариты вдова Мария Ивановна Аденкова 9 июня 1816 г. была зачислена в штат Вознесенской обители и пострижена с именем Миропии.

К 1816 г. в Вознесенском монастыре жили 150 монахинь и послушниц, размещавшихся в 41 келье. Кельи были деревянными, одноэтажными и в большинстве своем крытыми тесом; они располагались четырехугольником, в южной стороне которого находился храм. Монастырь был своекошным. Все кельи являлись собственностью инокинь и переходили из рук в руки или по наследству, или же путем купли-продажи.

Монахиня Миропия на свои сбережения купила келью к северу от храма. Она представляла собой нештукатуреную деревянную избу размером 5х5,7 м, крытую тесом, с русской печью в углу. Вход — через маленькие сени, на лицевой стороне которых имелось маленькое оконце с деревянной задвижкой. Это убогое жилище Миропии было скромно обставлено: передний угол кельи украшен святыми иконами, между которыми находилась и Казанская. Пред этой иконой теплилась неугасаемая лампада, и матушка Миропия каждый день читала акафист.

Свое нехитрое имущество монахиня хотела передать своей племяннице-монахине, однако после внезапной кончины последней в феврале 1827 г. Миропия сильно переживала и думала о судьбе иконы. В марте того же 1827 г. Сама Богоматерь в сонном видении явилась Миропии и повелела ей вручить свою икону шацкой Вышенской пустыни на вечные времена, что и было исполнено. Позднее от иконы начали происходить многие чудеса, а сама икона стала именоваться Казанской Вышенской, ее почи-

Икона Вышинской Казанской Божьей Матери

тали как чудотворную. До сего времени этот образ почитается в народе, чему свидетельством — крестные ходы со святыней, которые были организованы еще с середины XIX в. в Свято-Успенском Вышенском монастыре.

В 1890 г., в год своего 200-летия, тамбовский Вознесенский монастырь не был общежительным, в нем проживали 16 штатных монахинь, 45 нештатных, 149 рясофорных послушниц и 197 белиц, живших на испытании. Все жили в отдельных кельях по пять-шесть человек во главе со старшей монахиней. Каждая из сестер владела собственностью, строили на свои средства или покупали кельи, могли снимать часть кельи. Монахини зарабатывали себе деньги на пропитание, что было особенно непросто для престарелых и больных монахинь. Именно такие матушки и обращались за помощью в Оптину пустынь.

Одно из писем от монахини Марии (Суходольской) адресовано Антонию (Путилову). Остальные сохранившиеся письма написаны в 1890-е годы на имя настоятеля Исаакия (Антимонова), а также казначея Ксенофонта.

Н. Молчанов, автор «Историко-статистического описания Тамбовского Вознесенского третьеклассного женского монастыря», пере-

числяет рукоделия, которыми жили монахини: «во-первых, в монастыре ткуются и чернятся монашеские для мантий и ряс сукна и материи, которые он отпускает в различные обители на значительные суммы; во-вторых, работаются архиерейские и архимандричьи митры; в-третьих, вышиваются серебром и золотом разные вещи, как-то: св. иконы, церковные облачения, военные и гражданские мундиры, эполеты, воротники и проч.; в-четвертых, обкладываются св. иконы фольгой; в-пятых, плетутся кружева; в-седьмых, бисером нижутся разные вещи: шнурки, кошельки, диванные подушки и проч., в-восьмых, прячется и ткется холст, чем занимается низший класс послушниц; в-девятых, стегаются различными узорами одеяла, как свадебные (парадные), так и обыкновенные (ватные), и некоторые другие рукоделия»⁹. Кроме того, сестры читают Псалтирь.

Письма в Оптину пустынь рассказывают о непростом рукоделии насельниц — изготовлении мухоярового сукна. Мухояр — пестротканая ткань из льна с примесью шерсти, реже — хлопка, которые окрашивались уже в пряже, а не в готовой материи. Это грубое сукно использовали для пошива монашеских ряс. В справочных изданиях XIX в. мухояр определялся как ткань домашнего производства, которая выделялась только из местного, получаемого в крестьянских хозяйствах сырья — льна, шерсти. Мухояр не носили городские жители, это была ткань, «употребляемая простым народом на одежду»¹⁰.

Письма в Оптину Пустынь написаны от лица тех монахинь, которые занимались изготовлением мухояра: матушек Ангелины (Корбовой), Ануфрии (Алпацкой), Виталии, Дарьи (Шипковой), Евдокии (Маркиной), Евдокии (Токаревой), Еликоницы (Носковой), Иустинии (Колосковой), Ксении (Миропиной), Марии (Нагаевой), послушницы Дарии (Визавовой), рясофорной послушницы Екатерины, монахини Агафьи (Жихаревой).

В письмах содержится просьба купить сделанное ими сукно, которое отправляли обычно в

катках. Для всех монахинь это был, как правило, единственный источник существования.

Поздравляя архимандрита с Пасхой 1890 года, монахиня Ангелина Корбова и послушница Дарья Визавова писали к нему: «Теперь усердно просим вас, благодетель наш и отец, известить нам, что вы получили или нет мухояр сей, если получили, то ради такого великого праздника Светлого Христова Воскресения умиласердитесь, Ваше Высокопреподобие, пришлите нам деньги, не заставляйте нас, отец наш родной, на такой великий праздник слезами разговестись. Вы, батюшка, и представить себе не можете, как мы бедствуем, не имея, кроме средств, много и назанимали и, наконец, к празднику требуют с нас, а мы, кроме, не можем, как осмелились просить Вашу благость, сделайте милость, батюшка, пришлите нам деньги, в течение четырех месяцев мы не смели не только просить деньги, даже и не спросили, что вы получили или нет мухояр, теперь умоляем Вашу благость пришлите нам деньги, крайность великая заставила беспокоить вас»¹¹.

Через столетия с особым чувством прикасаешься к этим письмам, старательно написанных натруженными руками, внимательно вчитываешься в трогательные просьбы престарелых насельниц. Это просьбы, обращенные к настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Исаакию, никогда не были отвергнуты. Хотя по временам он и говорил о том, что больше не будет принимать сукно, его уже достаточно и обитель в этом больше не нуждается, однако когда приходило очередное письмо из Тамбова, все же благословлял принять сукно и отправить матушкам деньги за работу.

Монахиня Евдокия (Маркова) писала: «Прошло уже три года, как я все намереваюсь просить Вашу благость, но никак не могла осмелиться обратиться к вам с просьбой, так как слышу, что вы ужасно тревожитесь тем, что много присылают к вам мухояру, но отец родной и благодетель, куда же нам деваться, горьким, питающимся своими трудами, не легко же нам беспокоить вас.

⁹ Молчанов Н. Историко-статистическое описание тамбовского Вознесенского третьеклассного женского монастыря // Тамбовские епархиальные ведомости. 1883. № 21. 1 ноября. С. 828–829.

¹⁰ Подробнее см.: Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдемамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М.; СПб., 2006. С. 96. И. С. Тургенев использует название такой ткани неоднократно. Например, в рассказе «Малиновая вода» из «Записок охотника»: «Один, довольно плотный и высокого роста, в темно-зеленом опрятном кафтане и пуховом картузе удил рыбу; другой, худенький и маленький, в мухояровом заплатанном сюртучке и без шапки, держал на коленях горшок с червями и изредка проводил рукой по седой своей голове, как бы желая предохранить ее от солнца» (1848). Из других видов ткани, распространенных в крестьянской среде, были известны мenderitское (всегда синее) и решимское (всегда черное) сукна, которые ткались из грубой шерсти домашней выделки.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 66. Ед. хр. 17. Л. 1–1 об. (Письмо от 12 марта 1890 г.).

Поверьте, Ваше Высокопреподобие! Еще за несколько времени мучаемся, не смеем вас беспокоить, а когда уже пошлешь мухояр, то заболеешь от скорби, хотя я вам никогда не присылала мухояр, но я слышу, как прочие страдают, но особенно страдают те, которые всю жизнь терпят невыразимую бедность, но кому бы то ни было наоборот.

Посылать его очень трудно, поэтому я три года не присылала мухояр, и дошла в настоящее время до такой крайности, решила просить вашу милость. Ваше Высокопреподобие! Умилосердите ради Господа, примите сей мухояр. Я заочно кланяюсь вам в ножки и целую ваши высокоблагословенные ручки, умоляю вашу благодать приимити мухояр мой в трех катках двести и девяносто четыре (3 куска 292 ар. по 30) аршина, цена 35 к., потому что один каток очень хорош, а если не будет ваша милость по 35 коп., то на ваше рассмотрение.

Затем еще припадаю к стопам вашим и неотступно умоляю Вашу благодать будьте так добры явити вашу великую милость ко мне, горькой, утешьте меня при старости лет, келью содержать нужно, а средств нет, и надеяться, кроме не на что, только что на свои труды, да Ваша милость и надежда вся. Утрите мои слезы, не дайте мне умереть от скорби, если вы не явите великую вашу милость, то тогда куда мне горькой деваться с ней, она у меня лежит уже три года. Все не смела

вас беспокоить и вот, наконец, решилась обратиться к вашей милости с просьбой, надеюсь, что вы не откажите мне, потому что Господь видит мою нужду и положит вам по сердцу, деньги я не требую скоро, я буду пока занимать на прожитие себе.

Затем простите меня Господа ради, остаюсь вечно молящаяся о Вас, монахиня Евдокия Маркина Тамбовского Вознесенского монастыря»¹².

Монахини описывали крайнюю свою нужду. И действительно, в их просьбах было сложно отказать. Монахиня Евдокия (Токарева) писала о том, что ее тетя-монахиня парализована, и это сукно единственный их скромный доход, единственное средство для пропитания: «Зная, что Вы запретили без Вашего требования присылать вам сукна, я, находясь в крайней нужде, осмеливаюсь припасть к стопам Вашим и просить убедительно Вас, достопочтенный Батюшка, ради Господа позвольте мне прислать мое сукно в количестве 153-х арш. по 43 к., это все, что остается мне для поддержания жизни и моей тетке, которая вот полгода прикована к одру параличом; уход за ней, находящейся совсем без движения, не позволяет мне посвящать много времени на работу, иначе, если бы я имела хоть какое-нибудь другое средство к пропитанию, я не осмелилась бы утруждать Вас своими просьбами.

¹² НИОР РГБ. Ф. 213. К. 68. Ед. хр. 4. Л. 1–2 об. (Письмо от [1890 г.]).

Могу ли я надеяться на Ваше сострадание, досто-
почтенный батюшка? Слезно прошу Вас, удосто-
ите меня Вашего ответа...

С истинным уважением пребываю низжай-
шая послушница Ваша Евдокия Токарева.
Тамбовского Вознесенского монастыря»¹³.

Монахини Мария Савиновна Нагаева и
Агафья Ивановна Жихарева, как и прочие сестры
монастыря, в июле 1889 г. отправили в Оптину
пустынь два катка сукна, о чем письменно и сооб-
щали настоятелю: «Слезно припадаю к стопам
вашим, и прошу вас, золотой мой, будьте мой
благодетель, возьмите мое сукно 146 аршин про
40 коп, буду вечно молить Господа о здравии
вашем и спасении. Если Вам дорого, извольте
свою поставить цену, только Господа ради, не
откажете мне в моей просьбе, дорогой мой»¹⁴.

Шло время, и в октябре того же года мона-
хини решились напомнить о своем деле и снова
написали в Оптину пустынь: «Кажется 24 июля
послано вам было два куска сукна по 150 арш.
И того 300, осмеливаюсь вас беспокоить, досто-
почтенный батюшка, получили ли вы его или
нет, сделайте милость известите меня, крайняя
нужда в деньгах, если сукно у вас, то по крайне
мере, будем в ожидании Вашей милости, что Вы
пришлете нам за сукно деньги по возможности
вашей. Я бы заняла пока под сукно. Бога ради
известите, примите труд на себя. В ожидании
письма Вашего пребуду с великим уважением к
вам, прошу св. молитв ваших и благословения,
целую ручки ваши и кланяюсь вам в ножки.
Нижайшая послушница монахиня Вознесен-
ского монастыря в Тамбове Мария Савиновна
Нагаева. Другой каток мон. Агафьи Ивановны
Жихаревой»¹⁵.

104 руб. было отправлено в Тамбов 4 ноября
1889 г. и указано, что монастырь покупает сукно
по 35 коп. Такие резолюции сохранились на мно-
гих письмах. Когда же монахини получали деньги
за свою нелегкую работу, радости их не было
предела.

Монахини Еликонида (Носкова) и Дарья
(Шипкова) писали: «Просим ваших свя-
тых молитв и благословения, и благодарим
вас усердно за ваше великое благодеяние —
приняли наши сукны, получили мы деньги»¹⁶.

Монахиня Ксения (Миропина) в апреле
1893 г. писала: «Ваше Высокопреподобие, досточ-
тимый отец Исаакий! 15 дня Апреля, на день
памяти Тамбовской Матери Божией, я имела
удовольствие получить от Вас письмо с деньгами
100 руб. за сукно в 330 арш. Примите сердечную
благодарность от меня и от лица моих това-
рок за снисхождение ваше к нашей нужде, при
чем просим прощения Христа ради, что побес-
покоили ваше Высокопреподобие нашей прось-
бой. Считаем долгом молиться за вас, как за
благодетеля нашего. Целую благословляющую
вашу ручку и прошу смиренно ваших святых
молитв. Ксения Сергеевна Миропина, монахиня
Тамбовского Вознесенского монастыря»¹⁷.

Такое бедственное положение сестер, особен-
но престарелых, было описано и в «Тамбовских
епархиальных ведомостях». В конце 1893 г.
газета сообщала, что в монастыре живут 500
монахинь, «все они живут отдельно по кельям,
снискивая себе пропитание трудами рук своих.
Но поелику труд женский ценится сравнитель-
но недорого, то сестры монастыря, даже при
усиленных трудах, добывают немного средств и
живут поэтому бедно. Да и такое то существо-
вание возможно только до тех пор, пока еще
есть силы, видят глаза и поднимаются руки.
Как скоро же приходит старость, а вместе с
нею — упадок сил и неспособность к тяжелому
и неблагодарному труду, так несчастные старицы
обрекаются на жалкую жизнь. Им приходится
быть или в качестве нежеланных нахлебниц в
кельях своих знакомых сестер, или же ютиться,
особенно осенью и зимою, в холодном, сыром,
ветхом и никуда не годном монастырском поме-
щении и быть большею частью без куска хлеба.
Голод заставлял их питаться просфорами и пода-
ниями сердобольных сестер и мирских благо-
творителей»¹⁸.

В таких ситуациях помощь, присланная из
Оптиной Пустыни, была, конечно же, большим
подспорьем. Из писем явствует, что нередко
сукно было не нужно в обители, но все равно
покупалось у монахинь. Это была своего рода
милостыня, оказываемая нуждающимся сестрам;
помощь, которая всегда приходила больным и
неможным монахиням.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 68. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об. (Письмо от 24 июля 1890 г.).

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 69. Ед. хр. 82. Л. 1. (Письмо от 22 июля 1889 г.).

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 69. Ед. хр. 82. Л. 3–3 об. (Письмо от 19 октября 1889 г.).

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 68. Ед. хр. 10. Л. 1. (Письмо б.д.).

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 69. Ед. хр. 21. Л. 3. (Письмо от 19 апреля 1893 г.).

¹⁸ Приют для престарелых и больных в Тамбовском Вознесенском женском монастыре // Тамбовские епархиальные ведомо-
сти. Неф. № 50. 11 декабря 1893. С. 1160.

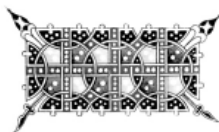
В феврале 1892 г. на собрании настоятелей и настоятельниц монастырей Тамбовской епархии епископ Тамбовский и Шацкий Иероним (Экземплярский) как председатель собрания сделал официальное предложение — ввести во всех монастырях епархии общежитие. Предложение было охотно принято игуменией Антонией (Аносовой)¹⁹, которая понимала, что это даст возможность помочь немощным и малоимущим сестрам монастыря. По благословению преосвященного Иеронима она решила построить помещение для престарелых и не способных к труду инокинь и тем положить начало общежития во вверенном ей монастыре. Это благое дело было одобрено и самим преосвященным, который сразу же внес 1600 руб. Брат игуменьи В. М. Аносов передал 5000 руб., этому примеру последовали и другие благочестивые жители Тамбова.

Вскоре приют — трехэтажный корпус (44 х 10,5 м) — был построен. В нижнем этаже его были размещены кухня, столовая и жилые комнаты. На втором и третьем этажах были расположены кельи, а на третьем — еще и церковь, которая была устроена на пожертвование В. М. Аносова и обошлась ему более 10 000 руб. Церковь небольшая, но очень изящная. Строитель приобрел для

нее богатую ризницу, великолепную церковную утварь, поставил прекрасный дубовый иконостас работы московского мастера Астахова. Иконы для иконостаса были выполнены художником Малышевым из Сергиева Посада²⁰.

На рубеже XIX–XX вв. тамбовский Вознесенский женский монастырь был крупнейшим духовным центром Тамбовской губ. Ежегодно на храмовый праздник Вознесения Господня в обитель на богомолье стекалось большое количество паломников из Тамбовской епархии, а также из Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Воронежской и других губерний. Богомолье начиналось с воскресенья перед Вознесением и продолжалось пять дней до самого праздника. В течение этого времени у стен монастыря работала ярмарка, на которой продавались изделия местных мастеров.

Письма насельниц тамбовского Вознесенского монастыря в Оптину пустынь позволяют говорить не только о духовных связях, которые существовали между знаменитой обителью и женскими монастырями, но и о той реальной помощи, которую оказывала оптинская братия насельницам женских монастырей, особенно в ту пору, когда обители были по преимуществу своекошными и многие сестры испытывали особенную нужду.

¹⁹ Антония (в миру Анна Михайловна Аносова, 1836—1910). Родилась в тамбовской купеческой семье, известной своей благотворительностью. В 1855 г. поступила в тамбовский Вознесенский монастырь. В 1876 г. пострижена в монашество. В 1885 г. возведена в сан игуменьи и назначена настоятельницей монастыря. В этой должности руководила обителью более 25 лет, много способствуя ее духовному и материальному процветанию.

²⁰ Подробнее см.: Приют для престарелых и больных в Тамбовском Вознесенском женском монастыре // Тамбовские епархиальные ведомости. № 50. 11 декабря 1893. Неоф. С. 1160–1163.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская

Западнополесский богогласник

Наши многолетние наблюдения над крестьянской жизнью в целом ряде стран Восточной Европы, результаты специальных экспедиций в разных частях Беларуси, Литвы, Польши, России, Украины, проводившихся с 1970-х годов по сей день, позволяют утверждать, что одной из самых массовых и необычайно широко распространенных книг в деревенской среде XX столетия является богогласник. Сборник этот, содержащий наиболее любимые в народе произведения религиозной поэзии, почти исключительно паралитургические, всегда был неоднороден по своему составу и бытовал в печатном и рукописном виде. Сейчас с полным правом можно говорить о сложившейся традиции православного богогласника, история которого полномасштабно начинается со второй половины XIX в.

Особенностью и уникальностью этой книги, разошедшейся в неисчислимом числе экземпляров и списков в десятках печатных редакций и не поддающемуся точному учету рукописных, всегда была ее многоязычность и невероятно значимое «участие» во всех важнейших событиях жизни как отдельного православного сельского жителя от рождения и до смерти, так и деревни в целом. Эту роль богогласник не только не утратил в советские годы, но и значительно преумножил в отдельных регионах.

Книга эта продолжает сохранять свое значение до сих пор в западных районах Беларуси, восточной Польше, западной Украине и восточной Словакии, причем некоторые ее тексты, в том числе и русскоязычные, становятся полноправной частью народных литератур тех или иных стран. Общий совокупный репертуар богогласника составляет многие тысячи разнообразных текстов, которые оказываются ценнейшим и пока неиспользованным источником для изучения как обыденных, так и самых сокровенных сторон

жизни восточноевропейского крестьянства, его духовного мира.

Вероисповедная ориентация всегда была определяющей в выборе «свой-чужой». В общепристорическом ракурсе подобная констатация, несомненно, не может считаться абсолютной, лишенной исключений, однако понимаемая как тенденция, переходящая в закономерность, едва ли может быть оспорена. Множество больших и малых местных особенностей в разных частях света с самого начала формировали некоторые различия в реализации одних и тех же вероисповедных постулатов даже в рамках одной и той же деноминации. Самый яркий пример тому — христианская Европа, *Europe Christiana*. В славянской ее части уже в I тысячелетии оформился мощный византийский вектор и не менее масштабный римский, постепенно вступавшие в соперничество, а затем и жесткое противоборство. В *Slavia Christiana* довольно рано сформировалась особая, весьма важная сфера духовной жизни, которую мы называем паралитургической. Параметры и слагаемые этой сферы получили собственное этнокультурное и этноконфессиональное воплощение, процесс развития которой по сей день во многом определяет сам механизм формирования и проявления той или иной идентичности. Сфера эта охватывала и до сих пор охватывает огромные вероисповедные сообщества, насчитывающие одновременно десятки миллионов человек. За всю историю своего существования она воплотилась в несколько традиционных обрядовых потоков, которые применительно к ней соотносятся с *Slavia Byzantina* и *Slavia Romana*, а также образуют довольно пространственный во времени пограничный мир, включающий особенности двух первых.

Именно такой была и конфигурация униатского «Богогласника» 1790 г., увидевшего свет в

Западное Полесье в границах Российской империи
на карте 1913 г.

Западное Полесье в границах II Речи Посполитой
(межвоенной Польши) на карте 1939 г.

знаменитой Почаевской лавре. Иван Франко считал этот почаевский «Богослужник» «наиважнейшим произведением червоно-русской культуры XVIII века, единственным существенным достижением униатским на ниве нашей культуры до времени Шашкевича»¹. «Он интересен не только своим составом и своим смешанным языком, так как содержит песни, написанные на языках церковнославянском, южнорусском, приближенном к народному украинскому, польскому и латинскому, но также тем, что много помещенных в нем песен перешло в уста народа и употребляется до сих пор не только во время разных праздников, как Рождество, Пасха и разных святых, но вошли также в репертуар лирников или поются в церквах в паузах богослужения и не только в униатских, но также в православных»².

Справедливости ради нужно сказать, что Иван Франко всю жизнь собирал материалы о рукописных и печатных богослужниках, наме-

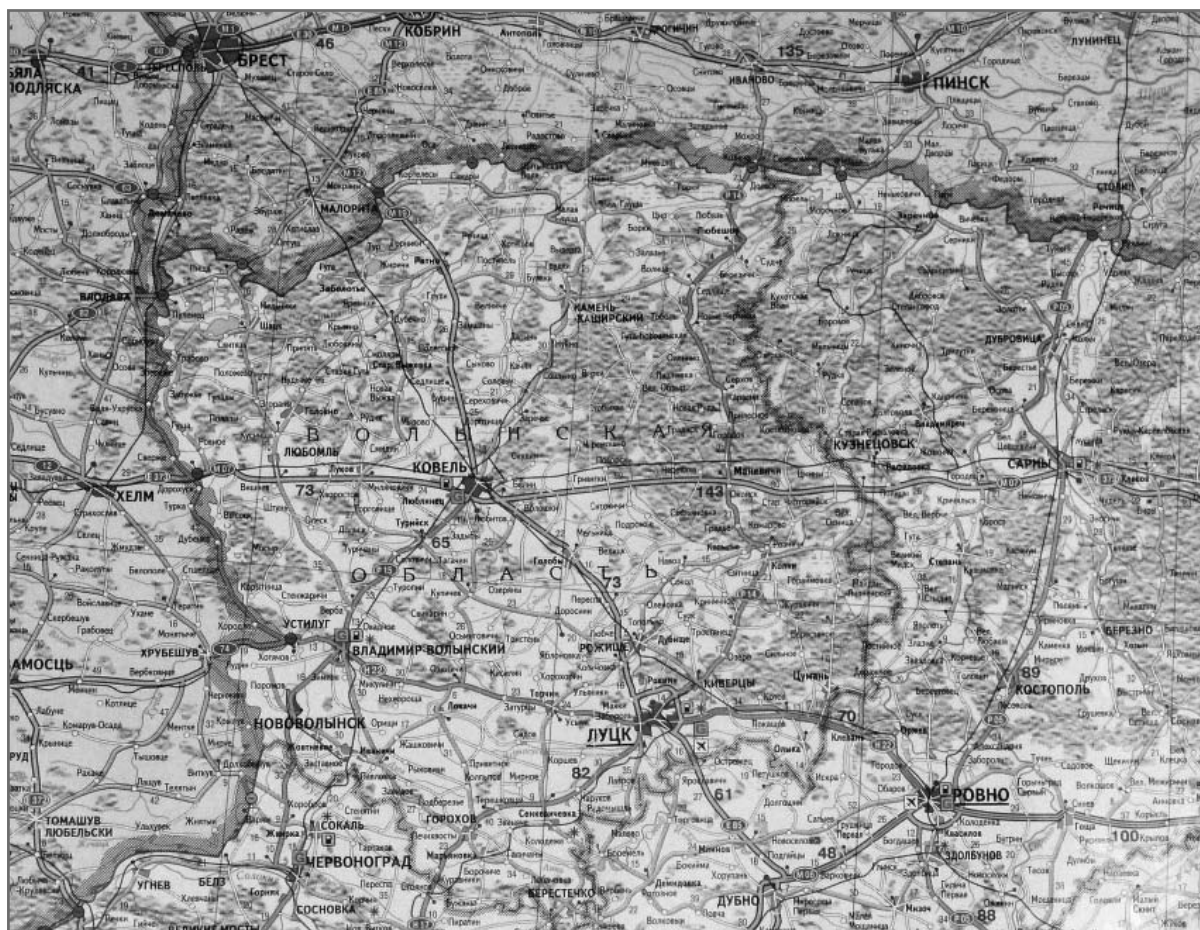
реваясь написать о них большое исследование, но сделать этого не смог, ограничившись лишь отдельными заметками, сделанными в разное время. Одна из причин этого, как нам кажется, — постепенное понимание им необычайной широты и сложности данной проблемы, теснейшая ее связь с драматическим и даже трагическим на тот период и прежде культурным, политическим и религиозным выбором в кругу восточнославянского населения Галиции.

Необходимость издания православного богослужника во второй половине XIX в. почти одновременно инициировал целый ряд высокообразованных православных уроженцев Полесья³. Именно они, подвергнув анализу местные богослужники, высказались за безусловную желательность создания собственно православного богослужника, лишенного каких-либо униатских наслоений. При этом речь шла о массовом в дальнейшем его распространении, что, в конце концов,

¹ Франко І. Зібрання творів: у 50-т. Київ, 1980. Т. 28. С. 15.

² Франко І. Зібрання творів: у 50-т. Київ, 1983. Т. 38. С. 444.

³ См., напр.: Котович І. Богослужник, его значение и употребление в народе // Виленский вестник. 1866. № 127; Хойнацкий А. Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужениях и обрядах. Киев, 1871. С. 367–389.

Западное Полесье в границах современных государств Украины и Беларуси на карте 2010 г.

не только оказало огромное влияние на местное некогда униатское население, но и вышло далеко за границы его проживания, став достоянием нескольких культур в современной Украине, Беларуси, Польше, России, Литве, Молдове и других странах. В 1868 г. в «Минских епархиальных ведомостях»⁴ и сразу же в «Минских губернских ведомостях»⁵ появилась статья сына одного из учителей Н.В. Гоголя, нежинского уроженца Григория Ивановича Кулжинского «О духовных простонародных песнях северо-западного края»,

который был поражен широтой распространения богослужения в народе, когда даже «безграмотный... люд учился, да и теперь, говоря по правде, учиться» христианскому мировосприятию по этой книге⁶. Потому, как восклицал выпускник Нежинского лицея Г.И. Кулжинский, ставший инспектором народных училищ, «пора дать в руки западнорусскому простонародью вообще, а северо-западному в особенности, духовный православно-русский песенник, составленный из творений многих святых и благочестивых писа-

⁴ Минские епархиальные ведомости. 1868. № 16.

⁵ Минские губернские ведомости. 1868. № 35.

⁶ Цит. по: Минские губернские ведомости. 1868. № 35. С. 251–252. Здесь же Г.И. Кулжинский пишет о том, что богослужения «в прошлом веке три раза издавались почтаевскими базилианами с приложением нот, и пускались в массу... И теперь можно найти их кой у кого из ех-униатского духовенства и у многих грамотных людей не только северо-западного края... Богослужения вращались в среде униатов и простодушных людей из православных. Католики не обращались и не обращаются к Богослужениям, так как у них самих есть песенники на польском языке гораздо позабористей своим содержанием. Имя тем песням кантычки. Богослужения расходились не только печатные, но и рукописные» по всей территории современной нам Беларуси. До сих пор они «ох как любы еще Слуцкому и Пинскому уездам... А не должно забывать, что эти уезды более других мест этого края, сохранили чистоту православия... Богослужения песни вытеснили почти все общерусские древние духовные песни; последних осталось немного и то в искаженном виде...».

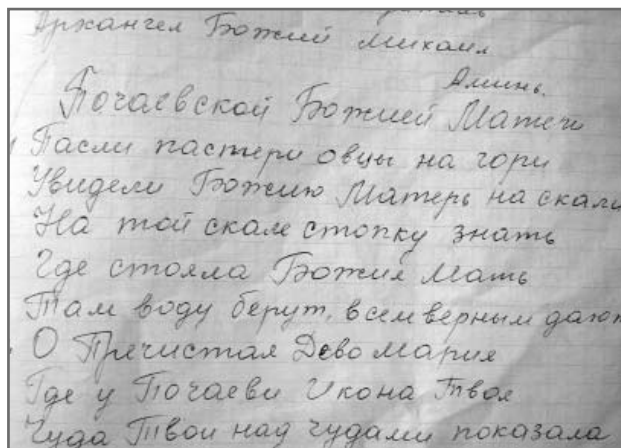

В экспедиционном поиске на Западном Полесье —
Л.Л. Щавинская описывает рукописные богогласники

телей... Кто же не согласится, что замена обесмысленных временем общерусских и даже униатских песен, распеваемых ныне западнорусским народом... не будет важным шагом вперед на пути, известном у нас под именем обрусения ополяченного и окатоличенного западно-русского края...»⁷.

Правота наблюдений лица сугубо светского, каким был Г.И. Кулжинский, целиком подтверждалась теми учеными и духовными особами, которые были близки к Киевской духовной академии. Они считали, что в «Богогласнике» 1790 г. «вполне систематически проведено все, что, к концу прошлого столетия обособляло униатов от православных и роднило их с римско-католиками, и для народа достаточно было лишь заучить песни Богогласника, чтобы вместе с ними воспринять в свое сознание всю римско-католиче-

скую догматику»⁸. Сейчас, во второй половине 1870-х гг., «средство, подобное Богогласнику, было бы весьма благоразумным и полезным и для популяризации православия: оно много бы помогло народному сознанию и ознакомлению с чисто-православным учением и прочному утверждению в нем, помогло бы, во всяком случае, не менее, если не гораздо более, чем другие, существующие в церкви, средства вероучения христианского. Особенно же это следует сказать по отношению к настоящему времени, когда образованность мало по малу проникает в среду народа Русского, когда, следовательно, народ в своей же среде всегда может находить проводников в свое сознание приготовленных для народа духовных песней, отличающихся строго православным характером и направлением; проводниками этими удобно могли бы служить грамотники, постоянно живущие в среде народа»⁹. Наконец, о необходимости сложения и издания православного богогласника заговорили церковные иерархи¹⁰, и он впервые был подготовлен там, где возникло одно из самых значительных научно-образовательных сообществ в бывшей униатской среде — на Холмщине. Этот богогласник изданный Холмским Свято-Богородицким братством в 1884 г. в Киеве, в типографии Киево-Печерской лавры¹¹, стал

Одна из самых популярных на Западном Полесье старинных «церковных песен» в честь иконы Почаевской Богоматери — вариант, написанный в конце XX в. на Пинщине «Пасли пастери овцы на гори»

⁷ Там же. С. 252.

⁸ Мирович Н. Библиографические и историко-литературные исследования о Богогласнике. Вильно, 1876. С. 88.

⁹ Там же. С. 89–90.

¹⁰ Литовская духовная консистория. [Постановление по отчету за 1883 г. Вильно, 1884]. С. 11–12.

¹¹ Богогласник или собрание набожных песнопений. Киев, 1884.

первой православной книгой такого рода. Она целиком следовала уже сложившейся народной традиции, что и облегчило ей в дальнейшем колоссальный успех. Всего лишь через два десятка лет тиражи ее многочисленных изданий составляли до 100 тыс. экземпляров и распространялись на огромной территории всей Российской империи и в зарубежье.

Вот сколько богогласников!
(Полесская экспедиция 2010 г.)

На Западном Полесье, на территории современной Брестской обл. Республики Беларусь, Волынской и Ровенской областей Украины, как и в других местах, уже к концу XIX в., по мере распространения грамотности, ширился процесс переписки богогласников местным, преимущественно крестьянским, населением. Постепенно, наряду с простым рукописным тиражированием тех или иных изданий богогласников, в том числе и их фрагментов, начали составляться рукописные богогласники, формируемые согласно воле и предпочтениям их владельцев. Тогда же

представителями местного населения все чаще стали сочиняться новые паралитургические тексты, одни из которых не были восприняты окружающими, другие, наоборот, надолго вошли в репертуар почитаемых произведений духовной поэзии.

Печатные богогласники периода Российской империи на Западном Полесье встречаются по сей день. Правда, их осталось очень немного и они, как правило, тщательно берегутся. Еще меньше сохранилось у полешуков экземпляров изданий богогласников периода второй Речи Посполитой — варшавских их изданий 1924, 1928 и 1935 гг., дошедших в основном во фрагментах. Впрочем, тираж последних во много раз уступал изданиям богогласников времен Российской империи, хотя забота о поддержании этой традиции в православной среде межвоенной Польши была весьма заметной. Синодальная типография в Варшаве даже печатала отдельные тексты из богогласника как особые издания, а православный варшавский журнал «Воскресное чтение» многое сделал как для развития самой этой традиции, так, отчасти, и для ее изучения.

В 1990-е годы, после долгих запретов, вновь стали издаваться печатные православные богогласники и на территории новых независимых государств Украины и Беларуси. Тираж их был и остается небольшим. На Западном Полесье они и по сей день едва заметны в море богогласников рукописных, наиболее активно создававшихся местным населением в прошедшем столетии. На Западном Полесье, особенно в сельской местности, до сих пор практически невозможно встретить взрослого человека, который в той или иной степени не был бы знаком с текстами богогласников. Они сопровождают его буквально от рождения до смерти. За многие годы наблюдений у нас сложилась довольно отчетливая картина жизни этой книги в народной среде, которая стала не только коллективным массовым ее хранителем и распространителем, но и составителем, автором и редактором. Почти в каждом населенном пункте можно выделить наиболее активную группу, преимущественно это женщины среднего и старшего возраста, для которых богогласник в буквальном смысле некий каждодневный духовный камертон, книга их духовного бытия. В группе этой обязательно есть свои авторы и соавторы новых произведений духовной поэзии, а также всевозможные активисты — переписчики. Вслед за этой группой следует большое число лиц, которые не столь активны, но именно

Ю. А. Лабынцев с архиепископом Брестским и
Кобринским Константином (1911–2000),
действительно помогавшим нам
в сборе экспедиционных материалов

они составляют ту массовую среду, что в конечном итоге обеспечивает устойчивое вековое существование самой этой традиции.

Подготавливая к публикации антологию текстов украинско-белорусских богогласников, мы отобрали из огромного их числа 100 наиболее популярных и чаще встречающихся произведений. Основными источниками при этом были рукописные богогласники середины — второй половины прошлого века, созданные на Западном Полесье, в основном в крестьянской среде. Территория эта была избрана нами не случайно, ибо она в самом широком смысле — зона наиболее тесного украинско-белорусского культурного взаимодействия, зона активнейшего культурного обмена и схождения в области народной книжности.

Отобрав для публикации 100 наиболее часто встречающихся в рукописных богогласниках Западного Полесья текстов, мы решили расположить эти произведения в алфавитном порядке их устоявшихся названий. При этом, учитывая огромную вариативность каждого текста, мы приводим его, как правило, по одному из самых старых списков, преимущественно относящихся к середине XX столетия.

1. Архиреее Захарие
2. Афанасие предивный
3. Ах, ушли ж мои лета
4. Біжать у Почаїв стежки та доріжки
5. Бог предвечный народился
6. Богом избранная Мати Отроковице
7. Братья! двоицу святую
8. В Лесной нам ся объявила
9. В пятницу молчанье
10. Весела свету новина
11. Видит Бог, видит Творец
12. Вижу Тя на Кресте распята
13. Вонми днесь, небо
14. Вонми, небо, земле, играй славно
15. Воспойте согласно песнь нову
16. Востани, о душе!
17. Вселенная, веселися
18. Вселенная всех стран поселяне
19. Все Тя хоры небес дворы
20. Встревожимся, устрасимся
21. Вышних хоров начальниче
22. Галаадский, славне Пророче
23. Глагол Господень на водах
24. Гора Афон, гора святая
25. Господь вознесется на небеса
26. Да приидет всему миру радость
27. Дивная новина
28. Дивный во делах Святитель великий
29. Днесь все христиане радостно ликуют
30. Днесь отверзется весна благодати
31. Душе моя, душе моя
32. Играй, Иерусалиме новый
33. Играй, свете, и веселися
34. Иерусалиме светел над звезды
35. Из млада возлюби Бога
36. Иисусе мой прелюбезный
37. Иоанна Богослова и Ритора сладкомова
38. Иордан реко, уготовися
39. Иордане, уготовися
40. Искапайте, горы
41. Истинная Мати света, Пречистая Дево
42. Источник духовный, радости виновный
43. Источниче, источниче благодати
44. К Тебе, о Матерь Пресвятая
45. Кажут люде, же я умру
46. Крестным древом распятаго
47. Ликующе возыграем днесь
48. Мати милосердия, море щедротам
49. Многими усты гласы испусти
50. На горе преобразися
51. На светлое Воскресение Христово
52. Небо и земля
53. Нова радость стала
54. Новая радость свету ся явила
55. Ныне, Адаме, возвеселися

56. О всепетая Мати
57. О хто, хто Миколая любит
58. О, горе, мне, грешнику
59. О, Пресвятая Царице, Помощнице моя
60. О, пресладкий и всещедрый Иисусе
61. Огнь горящий в сердце моем
62. Ой зішла зоря вечорова
63. Памятайте, христиане
64. Пасли пастыри овцы на горе
65. Патриарси, торжествуйте
66. Помози нам, Христе Боже
67. Помощника кто ищеш
68. Пред Тобою, мой Бог
69. Предвечный родился от Девы
70. Предивное торжество
71. Пресвятая Дево, Светла Зарнице
72. Пречистая Дево, Мати нашего краю
73. Пречистая Дево, Мати русского краю
74. Пречистая Дево, Мати Холмския Руси
75. Пречистая Дево, цвет благовонный
76. Приидет година для всех едина
77. Приидите ублажим Иосифа приснопамятного
78. Приносит Дева Младенца
79. Просветителю нашему, славну князю Владимиру
80. Радостным сердцем возвысим глас
81. Радуйтесь все людие
82. Рождество славно
83. Светлейша Деннице
84. Светло днесь ликуем
85. Светло небо со ангелы
86. Святыи Боже, Святыи крепкий
87. Скиния золотая, ковчеже завета
88. Согреших, о Боже мой!
89. Спешите, люди, кто жие на свете
90. Спит Сион
91. Тлит боязнь сердце
92. Троне вышний днесь двигнися
93. Уже декрет подписуе
94. Хвалите Господа с небес
95. Христе, Царю справедливый
96. Царю Боже Авраама
97. Царю Христе незлобивый
98. Цвет мысленный днесь родися
99. Я умом ходила
100. Явный всему миру благодетелю

1. Архирее Захарие

Архирее Захарие,
 Приими Девуцу, Девуцу,
 Трилетнюю Юницу,
 Богу Самому, Богу Самому,
 В Троице Единому.
 Тебе данну, Богом избранну,
 Во святыи храм обещанну,
 Небесную Царицу.

Радуются, дивуются
 Отец и Мати, и Мати,
 О своем отрочати.
 В храм стремится, благословится
 Руками сими, руками сими
 Архиреевыми.
 Кивот золотой, полон благодати,
 Изволися воспитати
 Во Свята Святых.

Храм Соломона, с вышнего трона
 Божая Мати, Мати,
 Избра обитати.
 Архирее, яко Моисею,
 Даны скрижали, даны скрижали,
 От горы не малы.
 Не Сияйския, но небесныя
 Пречистая Дева Мария,
 Захарии вручена.

Архангели и Ангели
 Тамо служаху, служаху,
 И престол окружаху,
 С веселием, смирением
 В храм внидоша, в храм внидоша,
 И сию воведоша.
 Младу Юницу, Чистую Девуцу,
 Марию Богородицу,
 Святейшую Скинию.

На едине, в той святыне
 Душа горницу, горницу,
 И Ту Отроковицу,
 Воведену, заключену,
 Верно храняху, верно храняху
 И во всем ей служаху.
 Моление, книг чтение,
 Свято богомышление,
 С Ангелы бысть житие.

Глава тела не терпела,
 Дево Марие, Марие,
 Через все пребывание
 Питаема, насыщаема,
 С неба манною, с неба манною,
 Тебе посыланною.
 Леторасли красны отрасли

В вертограде том возросли
Жезла Иесеева.

Его же сень ту не може
Более крыти, крыти,
И зело утаити.
Цвет Христа, Дева чиста
Име родити, име родити,
И миру возвестити.
Тем на действо святое
В лето дванадесетое
Издадеса из церкви.

Луна красна солнца ясна
Ближня стаеся, стаеся,
И светла являеся.
От Гавриила ся возвестила
Дух Свят прияти, Дух Свят прияти,
И от слова бысть готова
В Его силе зачатии.
Приснодева, да Христова
Будет Родительница.

Прият во чреве, бысть Царевни
Красна обитель, красна обитель.
В ней прият плоть Спаситель,
Стамна сята, везде злата,
Манну имуща, манну имуща,
Христа, Господа суща.
Дево Мати, благодати дати,
Яко в церкви, Тя созерцати
В небе на веки веков.

2. Афанасие предивный

Афанасие предивный,
Славный воине Христов!
В злыя для Руси години
Бог послал Тебя борцом.

За народ и Русь святую
За святейшее святых —
Веру древнюю святую
Не жалел Ты ран своих

От недр матери избранный
Посвятил Ты жизнь Христу,
Книжной мудростью венчанный
Всею душой служил Ему.

Супостатов церкви нашей
Словом огненным прещал
Божий гнев, уж наступавший,
За обиды им вещал.

Смело польскому сенату
Карой Божьей Ты грозил,

Королю их Владиславу
Три суплики изложил.

Но король не внял прошениям,
Народ русский обижал,
Папы Клеменса веленьем
К унии с Римом принуждал.

И стонала Русь родная,
В тяжком рабстве поляков,
Мукой сметной воздыхая,
Храня веру от врагов.

От людей не видя правды,
На суд Божий все отдав,
Божьей Матери обиды
Афанасий все предал.

Сам за веру православу
И за русский народ наш
Брестский сей игумен славный
Муки смертны перенес.

Все предав на Божью волю,
Так учил народ он жить:
Русь любить, терпеть недолю,
Веру древнюю хранить.

Не страшиться вражых козней,
Не бояться мук и ран.
Не допустить правда Божья
Долго мучить Русь врагам.

Пред кончиною у Бреста
Афанасий, муж святой,
Сам изрек о славе места,
Где принял конец земной.

И та слава днесь настала.
На могиле дорогой,
Много лет спустя с начала,
Божий храм стоит святой.

Сотни — тысячи народа
С концов западной Руси
Честь идут во Бресте-граде
Афанасью принести.

Дать земной поклон гробнице,
Мощи его лобызать,
Русским духом укрепиться
В вере ревность утверждать.

Афанасие преславне,
Подвиг Твой земной велик!
Охраняй Русь православу,
Господа о нас моли!

3. Ах, ушли ж мои лета

Ах, ушли ж мои лета,
Як вихорь с круга света,
Только як во сне здалося,
Же на свете прожилося.

Аж ту и смерть за мною,
Як есть страшна собою.
Еще гневом распалена,
Аки львица раздражена.

Люто, зверско рыкает,
В путь скоро понуждает,
Не прибранну, не готову,
Велит ити и такову.

Щож то мне за дорога?
Ах, на тот свет до Бога!
Я на свете не нажился.
А ни Богу прислужился.

С чим же я там явлюся?
Чим Богу прислужуся?
Ни светила, ни кадила,
Все то смерть распорошила.

Но дармо нарекаю,
На смерть вину складаю.
Смерти тамо не бывало,
Гдеся в свете проживало.

Моя то воля злая
Зела лета драгая,
А так и мене изъела,
Житием долгим прельстила.

Сотню лет закладалем,
А о смерти небалем,
Ныне мушу умирати,
Суду Божию предстати.

Век молодой имелем,
Телом здоровым владелем,
Хтелем свету послужити,
Абы за ним не тужити,

Свет молодым сприяет,
Старость добра не знает,
По чем младость памятити,
Когда света недознати.

Будет время свободно,
Жити богоугодно,
Старость бо будет на тое,
Абы делати благое.

Аж так мя обманула,
Як жалом усекнула,
И старости не дождался
И на той свет не выбрался.

Як же по той дорозе
Душе пройти небозе?
Всюду стража, всюду иски,
И вся дела в переписки!

Весь век, як звезду неба,
Видно, як и нетреба,
Як родился, выховался,
Як последних лет дождался.

Еднак то добре знаю,
Же добра не читаю,
Записано тилько тое,
Що чрез весь век творил злое.

Часу к добру не стало.
На старость ся чекало.
Аж краткая моя лета
Зделали мя без ответа.

Несть чим ся оправдати,
Несть кому боронити,
Отреши изнемогаю,
Кто бы заступил, не маю.

О Троице преблагая!
Прости ми дела злая,
Дажь хочь мало еще жити,
Тебе Богу послужити.

Начну добро творити,
За дела зла слезити,
Покаюся либо мало;
Бы за грехи мои стало.

Еднак не доверяю,
Бо злую похоть маю:
Хочь на добро наложу ся,
Не знати в чем помылюся.

Тем просити не смею,
Да больш еще пожию
Для злой воли лепш нежити,
Чтоб Тя больш не образити.

Аще жити даруешь,
Яко тым заведуешь.
Дажь, Всещедре, даждь и тое,
Дабы отринуту злое.

Страх Твой в себе имети,
В Тебе самом почити.
И с Тобою в небе жити,
Во век века Тя хвалити.

4. Біжать у Почаїв стежки та доріжки

Біжать у Почаїв
Стежки та доріжки,
Там Божії дзвони гудуть,

До нашого Бога, єдиного Бога
Народи, як води привуть.

О, Матінко Божа,
До Тебе прийшли ми,
Живої напитись води,
Ми просимо Бога, єдиного Бога
Веди нас до Себе, веди.

З гаїв солов'їних
Принесли Тобі ми,
Букети живих квіточок,
Ми просимо Бога, єдиного Бога
За наших малих діточок.

О, Матінко миру,
Прийми любов щирю,
Прийми наші сльози і спів,
Ми просимо Бога, єдиного Бога
За наших дочок і синів.

Ми хочем щоб діти
Святиню любили,
Щоб чули вони Божий дзвін,
Ми любимо Бога, єдиного Бога
Бо сонце любові — це Він.

Благаєм за поле,
Благаєм за море,
Благаєм за села й міста,
Ми просимо Бога, єдиного Бога,
Без Нього не квітнуть жита.

Без нашого Бога,
Земля догорає,
У полум'ї лютих незгод,
Ми просимо Бога, єдиного Бога,
Лиш Він захистить наш народ.

О, Матінко зоре,
Втопи наше горе,
У водах святої ріки.
Ми просимо Бога, єдиного Бога
Від нині й на вічні віки.

Біжать у Почаїв
Стежки та доріжки,
Там Божії дзвони гудуть,
До нашого Бога, єдиного Бога
Народи, як води привуть.

5. Бог предвечный народился

Бог предвечный народился,
Прийшел днесь со небес
Дабы здесь люд свой весь
Утешился.

В Вифлееме народился,
Мессия Христос наш,
И Бог наш, для всех нас
Нам народился!

Возвестил то Ангел Божий:
На поле пастырям,
На восходе звездам
И земным царям.

Дева Сына як родила,
Звезда ста, где Христа,
Невеста пречиста
Положила.

Трие цари идут со дары
До Вифлеема места,
Где Дева пречиста
Сына повила.

Звезда им ся объявила
В дорожи: о Бозе
При воле, при осле
Им возвестила.

Иным путем повернули
Погану, безстыдну,
Безбожну Ироду
Не поведали.

Иосифу Ангел мовит:
С Отрочем, Матерью
Во Египет страну
Нехай ся хоронить.

Слава Богу заспеваймо,
Честь Сыну Божому
И Богу нашому
Поклон отдаймо.

6. Богом избранная Мати Отроковице

Богом избранная Мати Отроковице,
Похвало девству, Пречистая Владычице.

Во юностном веке видишь Ты мою волю,
Сею впадохся в лютую грехов неволю.

В небе очи мои аз вознести не смею,
Ты мое небо, на Тя надежду имею.

Смелости не имам до Судии моего:
Ей, вознеси молитву до Сына своего.

Тебе ради клятву Творец снял с сего света,
Благослови нас, Дево, на многая лета.

Покрывай нас Твоим всечестным омофором
Пред сопротивных супостатов наших взором.

Буди Ты нам матерью, припадаем с мольбою
Да сподобимся Сына видети с Тобою.

7. Братья! Двоицу святую

Братья! Двоицу святую
В день сей радостно почтим,
Просветителей честную
Память светло совершим!
Песнью хвальною, велегласною
Да восхвалим их:

Радуйся, Кирилле!
Радуйся, Мефодие!
Радуйтесь, радуйтесь,
Словенских стран Апостолы!
Светом Божиим, Просветители,
В тьме блуждающих
Озарили нас,

Из источника Православия
Души жаждущих
Напоили вы!
И словенскими
Письменами вы,
Богомудрые,
Умудрили нас.
В умилении
Благочестно все,
Торжествуя днесь,
Ублажаем вас.

8. В Лесной нам ся объявила

В Лесной нам ся объявила, о, Марие!
Руський народ полюбила, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Место то окогом звали, о, Марие!
Где пастушки скот пасали, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

На грушковом стал дереви, о, Марие!
Образ Пресвятыя Девы, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Стельмашук был православный, о, Марие!
Нашел Образ для нас явный, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Заблистала на той груше, о, Марие!
Славим Тебе в целой душе, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:

Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Чудотворна Дево в Лесне, о, Марие!
Русский народ поет песни, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Мы Тебе все величам, о, Марие!
Свои слезы проливаем, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Свята небесна Царице, о, Марие!
Упадаем мы грешны на лице, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Нех Ты буде честь и слава, о, Марие!
Що Ты для нас щитом стала, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Шведов, турков погромила, о, Марие!
Всех врагов покорила, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Нех цветет цела Краина, о, Марие!
Отгоняй вороги злыя, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Нехай завше покой буде, о, Марие!
Просят Тебе руськи люди, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Бо Ты наша Заступница, о, Марие!
Леснянска Чиста Девица, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Ту Себе место обрала, о, Марие!
И в недоли ратувала, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Долги лета вже в той Лесной, о, Марие!
Образ Твой святой небесный, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Зблизка, здала народ горне, о, Марие!
Поклон дают Ти покорно, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Ты як Мати всех приемлешь, о, Марие!
Чисте сердце у всех знаєш, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Бо кто мае сердце чисте, о, Марие!
Отпусти грехи, скажеш, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Твой Сын милый, твой Единый, о, Марие!
Отпусти нам грехи, вины, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!
Бо не мало есть доводу, о, Марие!
Чудес много дознало народу, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Темный, хромой и горбатый, о, Марие!
Здоров ся вернул до хаты, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Вся признае Русь червонна, о, Марие!
Же Ты наша оборона, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Вдова идет со слезами, о, Марие!
Мати, змилуйся над нами, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Сироты руки подносят, о, Марие!
Милосердия у Тебя просят, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Глянь на нас Своим ты оком, о, Марие!
Под Твою пришли опеку, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

До Пречистой Девицы, о, Марие!
Поспешайте все грешницы, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Навет бесом заражены, о, Марие!
До той спешат иконы, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Богу Милосердна Мати, о, Марие!
Только треба споведатись, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Як очистишь свои грехи, о, Марие!
Зараз зазнаеш потехи, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Отсюда вернул всем быв довольный, о, Марие!
Веселый был, як пташек вольный, аллилуя!

Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Теперь всегда выславляе, о, Марие!
Бо Твой образ вдома мае, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

На Твое Лице спогляне, о, Марие!
Зараз ему легче стане, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Ты всех утешаешь и ратуешь, о, Марие!
И за нами орудуешь, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Ну же, братья, сестры, разом, о, Марие!
Укликниймо пред образом, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Заволаймо до Царицы, о, Марие!
Упадемо все на лице, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Омофором всех покрый нас, о, Марие!
Милосердна будь Ты для нас, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

И як будем умирати, о, Марие!
Будь же при нас, наша Мати, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Упроси Свого Сына Христа, о, Марие!
Буди хвала веку иста, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Нехай Бога оглядаем, о, Марие!
С Ангелами запеваем, аллилуя!
Радость вам, херувимы, спевайте, серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

9. В пятницу молчанье

В Пятницу святую
Все должны молчать,
О Христовых муках
Крестных размышлять.

Вспомним день великий,
Как Христос за нас
Пострадал и умер
В страшный крестный час!

В Пятницу всяк верный
Заклучи уста
И почти молчаньем
Крест и смерть Христа.

Вместо уст пусть сердце
В день сей говорит,
А душа пусть мыслью
Пред Крестом стоит.

Если б злые люди
Вдруг отца иль мать
Наших засудили
Смертью пострадать,

Смерть их и страданья
Стали б мы слезой
Вспоминать в молчанье
Горестной душой.

В Пятницу ж Израиль
Господа судил
И всего измучил,
На Кресте убил.

Спаса, Друга, Брата,
Нежного Отца
Поражал враг правды
Злобный до конца.

Долг велит всем людям
В Пятницу молчать,
О Христовых муках
Крестных размышлять.

Чтоб мы Крест Господень
Памятью в тиши
Все почтили с чувством
В глубине души.

Чтоб в душе всяк верный
Крест изобразил
И во всю жизнь в сердце
Смерть Христа носил

10. Весела свету новина

Весела свету новина,
Дева породила Сына:
С неба Ангельские гласы
Славят Бога во все часы:
«Свят, свят, свят Господь» взывают,
Творца света величают.
Убозии пастырие
Славят Бога, и немии
Быдлятка пали на колена,
Купно с ними все творенья. .

Иосиф днесь торжествует
На руках Бога пестует:
Пречистая восклицает,
Поклон ему свой отдает:
Вол и осел согревают,
Сеном Христа покрывают.
Сено красше, як лилия,
На нем же Бога Мария
Всему свету породила,
Мир з неволи свободила.

Везут дары трие цари,
Вопрошают чудо ново —
Где младенец почивает?
Звезду Его каждый знает:
Звезда тая от восходу
Ведет царей ко Господу.
О, чудесно Бога дело!
Приими смиру и кадило,
В руку, Христе, приими злато.
А нас благослови за то.

Ирод лютый тое чует,
Приказ дает, подписует:
Най детина человека
Сгине от остраго меча,
Най Младенец погибает,
Мене царства не лишает.
Малых детей погубляет,
Никому он не прощает,
Матери гирько рыдают,
И на смерть детей погладают.

Вифлеем стал непригоден!
Отож Сын Единороден
Во Египет убегает:
Мати Его притуляет,
Старец осла поганяет,
Ангел всех их охраняет.
О, Ироде, о тиране!
По твоему ся не стане,
Бо Христос Царь всего света,
Будет жити во вся лета!

Славим Бога безсмертнаго,
Он явил нам рожденнаго,
И Матерь Его святую,
Марию, Деву чистую,
Що миру Царя дала,
Да будет Ей честь и хвала!
Песнь Ти щиру приносим,
Благословити мир просим,
И нас грешных глаголющих,
Во век века Тя поющих.

11. Видит Бог, видит Творец

Видит Бог, видит Творец, що мир погибает
Архангела Гавриила в Назарет посылает
Возвестити тайну ему: Бог приходит к
Вифлеему.

О, красный град Вифлеема:
Сей отверз нам дверь Едема.

Незаходимое солнце от Девы возсияло
И неверия языков тьму разогнало.
Звезда тое возвестила,
Царем чуждим путь явила,
От востока трие цари.
Идут ко Христу со дары.

Ливан, смиру, злато, дары Ему принесоша
И пришедши во храмину, на колена падоша.
Ирод зело засмутился,
Що Христос Царь народился:
Слуги своя посылает,
Христа убити шукает.

Четырнадцать тысяч детей велел забити
Даже своего сына не пощадити.
Немowlята избивает,
Но сам себе посрамляет:
Праведные, як финики,
Процветают во вся веки!

Рахиле, о чадах избитых престани рыдати!
Ах, як могу перестати я, печальная мати!
Ирод чада убивает,
Во мне сердце умлевает,
Сердобольная я мати,
Як мне не рыдати.

Не плачь, не плачь, о Рахиле, и не рыдай от
ныне,
Не разноси смутных гласов по глубокой пустыне:
Сыны твои с Христом живут,
Дщери сынов возъимеют.
Кто ся на Бога надеет,
Род его не оскудеет.

Ирод убо и люцифер во аде вечнуют,
Трие цари, обретшии Христа, с Ним царствуют
Немowlята убиены,
Венцем славы украшены.
Мы все с того веселимся,
Христу Царю поклонимся.

12. Вижу Тя на Кресте распята

Вижу Тя на Кресте распята, Иисусе, висяща,
Кая Тя сердца, о мой Боже! не восплачутся
зряща:
На страшном позорищи света

Убитый в тридесат три лета
За грехи всего мира.
За грехи всего мира.

От верху божественной главы пресвятейшее
тело,
Доброты ни вида не иматъ, уязвленное зело.
Гвоздь ми же руце, также нозе,
Острыми пробитыя скрозе,
Кровию истекшия. Кровию истекшия.

Копием сердце прободенно излия кровь и воду
Неблагодарному Ти человеческому роду,
Понеже, наг быв распятый,
Больше что имаши дати.
Да спасеши грешника.
Да спасеши грешника.

Дух в руце Отцу предавши, приклони долу главу,
Несомненну быти сказуя человеку избаву:
Токмо бо начнет к Тебе зрети,
Изволишь Себе примирити,
И прииметь кающася.
И прииметь кающася.

Отверстыя гвоздями, раны Твои к небу зывают:
И двери милосердия для нас грешных отверзают:
Да покров в наветех имею,
В крови ся язв Твоих укрую
От лука сопротивных.
От лука сопротивных.

Ради толикой твоей милости да рыдаю Тя ныне,
Даруй и мне прибежище к Тебе, як о Магдалине,
Дажь слезы, да плачуся вскоре,
А сердце к Тебе имам горе,
И вижду Тя на веки.
И вижду Тя на веки.

13. Вонми днесь, небо

Вонми днесь, небо, внуши, земля,
Да ликовствует людское племя,
Собравши все лики в день сей превеликий
Да воспоют песни красно,
Торжественно, велегласно:
Аллилуиа, аллилуиа.

Кто яко Бог велий на небеси!
На земли род человеческий глас возвыси:
Се паде денница, юже десница
Побеждае Божия вскоре,
Да в адском тонет море
По все веки, по все веки.

Сил всех небесных Воеводу,
Покровителя земель, народу,
Вознесши глас горе, почтите вскоре,

Песенными пойте гласы:
Славим от нас по все часы
Буди, буди, буди, буди!

Должны все ныне праздновати,
Архистратигам честь воздати;
Да в горнем Сионе, седяще на троне,
Молят о нас Царя Славы
Да венчае наши главы
Венцем славы, венцем славы.

14. Вонми, небо, земле, играй славно

Вонми, небо, земле, играй славно,
Прийде креститься Господь явно.
Прийми Иордане, крести, Иоанне,
Владыку всех.

Струя вод текущих кипяше днесь,
Трепещет Креститель телесем весь,
Не могий возвести руку и вознести
На Владыку.

Но Творец предвечный се вещает:
Крести Мя, тако бо подобает.
Не смею, Владыка, имя Ти велико
Страшает мя!

Потом погрузився поверх главы,
Сокруши вскоре врагов державы,
И попали в воде силою крестною
Врагов темных.

Се, Агнец, вопиет, стоять прямо.
Иже грехи мира взял на рамо,
Ныне оmyвает и главы стирает
Змиевыя.

В виде голубине дух сходяще,
Над главою его выпрь паряше
Небеса разводить и Отчий снисходить
Глас до Сына:

Сей Сын мой возлюблен, послушайте,
В Немже благоволих, вси внимайте,
Иже царство готовить и всем дарует
Верующим.

15. Воспойте согласно песнь нову

Воспойте согласно песнь нову прекрасно
Марии Девицы, небесной Царицы,
Все земляне, Христиане,
Котора на троне, в горнем Сионе,
Руце подносит, за весь мир просить:
«Прошу Тя, Сыне любезный,

Пощади все христианы,
Помилуй их».

Любовно нас смотри, и омофор распростри,
Которым, Царице, Мати Владычице,
Покрываешь, соблюдаешь
На земли вся роды от смертной природы,
Поветрия, брани всякия страны,
Правосверныя воскоре
На земли же и на море
Неизменно.

Люта врага зело победила смело,
Олоферна давна, Воеводо славна,
Юдифь иста, Дево чиста!
Смири врагов роги цареви под ноги,
Покори поганы, спаси христианы,
Дай нам в мире прожити
Тя, Богоматерь, славити
Непрестанно.

Светлосте святейша, над солнце яснейша,
Светя не престаешь, благодать подаешь
От небе си, в грады, веси;
К Тебе прибегаем, на помощь взываемы
Предстательнице, ходатаице,
Ко Творцу всех непреложна,
Мария, Мати всеможна,
Не презри нас.

Живот благодати Ты, Пречиста Мати,
В Тя Слово вселися, из Тебе воплотися
Чудо красно! И ужасно!
Небес пространнейша, Серафим славнейша.
Ангел Царице, Богородице,
За нас Сына благаешь,
Як Мати, гнев утоляешь
Справедливый.

Избранна святая, Порфира царская,
Блажим Тя вси роды, Ты же нас свободи
Вражиих рук, пекельных мук,
Упроси у Сына, о Мати едина,
Чтобы в день судный человек блудный
До благодати был приятый,
Чрез Тебе, Чистая Мати, Надеждо всех.

И еще в Тебе во всякой потребе
Руце все возносим, о помощи Тя просим:
Призри на нас во смертный час,
Дажь, благая Мати, в небе оглядати
Сына Твоего, Бога нашего,
Которому честь и хвала,
С Тобою щоб не устала,
Во вси веки.

16. Востани, о, душе!

Востани, о, душе! востани, что спиши;
Грехами помрачена, грехами помрачена, почто
нерадиши;

Ах, не веши время, в неже с телом тебе
Разлучитись зело, зело со нуждею треба.

С каковым ответом приидеши пред Бога,
Страшнаго судию, судию сотворши зла многа;

Тогда всю жизнь твою будет истязати,
Горе тебе, бедна, бедна, несть, что отвещати.

Кровавыми слезми рыдати будеши.
И ни от кого же, кого же помощи приимеши.

Смерть грешников люта, кийждо винен знати,
Чисту душу взявши, взявши чисту должен дати.

Но кто ю очистит, разве Бог единый,
Той кающемся, кающемся отпустит вся вины.

Боже, каются во исправлении,
Ты же сохрани мя, сохрани мя во исхождении.

17. Вселенная, веселися

Вселенная, веселися:
Бог от Девы днесь родися,
Во вертепе со ягнаты,
Которому ся кланяты
Все приходят.

Там Ангелы приницают,
«Слава в вышних» возглашают
Рожденному Отрочати,
Источнику благодати,
Низшедшему с неба

Пастырие прибегают,
На колена упадают,
Познав Бога днесь рожденна,
От Марии воплощенна,
Чистыя Девицы.

Ливан, смирну, злато — дары
Пришедшии трие цари
Новорожденному Цареви,
Вселенныя Господеви,
Отдают умильно.

Иосифе, не смутися,
Веселие днесь родися,
Сей плод будет тебе в радость
И в веселие и сладость
От ныне до века.

Пастырям уподобимся,
Рожденному поклонимся,

Да изволит мир нам дати,
Скорби в радость пременять
Верующим в него.

18. Вселенная всех стран поселяне

Вселенная всех стран поселяне,
Совокупльшесь вси христиане,
Челом земно ударяйте,
Сердцем, усты восхваляйте
Богородицу,
Всех заступницу, всех заступницу.

Царие, князи великой славы,
Склоняют своя покорны главы
Пред образом, той святыней
Иже в Волынской краине,
Временми давний, чудесы славный.
Временми давний, чудесы славный.

На Почаевской он стоит горе,
Там людем верным дает вскоре,
Болящим исцеление,
От бесов освобождение,
Слепым видети, хромым ходити.
Слепым видети, хромым ходити.

О, гора еси, гора явленна!
Превыше холмов ты возвышенна.
И дом Божий верху тебе,
Зде Пречиста яве себе,
Всем известила, след оставила.
Всем известила, след оставила.

Ктож не признает и не даст веры
Что в Почаевском есть монастыре
Стопа Твоя, Богомати,
Знамение благодати,
Воду имуща, цельбы дающа.
Воду имуща, цельбы дающа.

Егда бусурман, кровопролитель,
Обступил войском сию обитель,
Хотел под мощь свою взяти,
Над стеною Дева Мати
Победу дала, за верных стала.
Победу дала, за верных стала.

Изряднейшая любительнице
Обители сей защитнице,
От давних лет гонимую,
В наших очах томимую,
Ты защитила и прославила.
Ты защитила и прославила.

Покрывай же нас от злочключений,
Напрасной, смерти, злых находжений
Предстательством Твоим к Сыну

Ныне и в смерти годину,
Богородице, всех Заступнице.
Ты защитила и прославила.

19. Все Ты хоры небес дворы

Все Ты хоры небес дворы,
Троице, славят:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Херувимы, Серафимы восклицают:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Ты Престолы чтут глаголы велегласно:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Господствия гласить сия непрестанно:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Все Ты Силы возносили и возносят:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Тебе Власти велегласно возглашают:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Все Начала, буди хвала, Ты зывают:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Архангелы и Ангелы величают:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

Все Ты гласы на все часы воспевают:
Свят, свят, свят Господь Бог,
Свят, свят, свят Христос Бог.
Свят, свят, свят Дух Святой, слава Тебе!

20. Встретимся, утешимся

Встретимся, утешимся
О своих летах,

Же час минает, судся близает,
О великий страх.
О великий страх!

Кайся, грешниче, вже река тече,
Паляща огнем.
Судия грядет, платити будет.
Вечно тьмами тем.
Вечно тьмами тем.

Ты не вважашь, не памятаешь
Же смерть тут придет,
Словом и делом, идешь за телом,
Куда ты ведет.
Куда ты ведет.

Смерть все пресече, о, человеке
Всеровнодушный!
Старайся зело, да будет тело
Душе послушно.
Душе послушно.

Бо душа плачет, а тело скачет
На все зло идет,
А враг злосливый, не милостивый
Ко греху ведет.
Ко греху ведет.

Всеяк, кто родился, на свет явился,
Мусит умерти;
Нагся представишь, всея ты оставишь,
Не веси кому.
Не веси кому.

Чада малый и родни старый
Не вспомнут к тому.
Цари, гетманы, вельможи, паны,
В той же след пойдут,
В той же след пойдут,

Все офицеры, славни рыцари
Во гробе будут.
Там темны дние, — земля покрыве
Красоту тела.
Красоту тела.

Только с душею пойдут твоею
Все злая дела.
Перед Богом станут, ангелы глянут,
На твои грехи,
На твои грехи.

Ты утаенны, а там явленны,
Несть ти потехи.
Зде час имеешь, доколе жиешь
Стань и трезвися,
Стань и трезвися

Сердцем смиренным и сокрушенным
Богу молися.

Бо не сытый ад, всех пожерти рад.
О, вечный Боже!
О, вечный Боже!

Зволь нас прияти и ратовати!
Кто ж нам поможе?
Боже славимый, в Троице Единый
От мук сохрани,

Дай Тя хвалити и в небе жити,
От злых борони.
От злых борони.

21. Вышних хоров начальниче

Вышних хоров начальниче,
Михаиле поборниче,
В небе торжествуешь
Земным споборствуешь,

Купно со ангелы
И со архангелы.
Волхва Балаама укоряеши,
И вся ереси разоряеши,
Власти, достоинства
Чрез твоя воинства
Управлявши в мире.

Иже творит духи Себе,
Огнь палящий слуги в небе,
Начало светное
Пребезначальное,

Всех выше естество,
В трех лицах Божество.
Сии непрестанно пред ним стояще
Зрети же лица свет не терпяще,
Во чину различноы,
Пении приличном,
Свят, Свят, Свят, выну поют

Начальниче Михаиле
Пособниче Гаврииле,
Всех нас осеняйте,
Помощь подавайте

От всех стрел огненных,
На люди подвижных.
Ходатайством вашим верных храните
Диавольскую лесьть потребите,
Дабы покорити,
Силу упразднити
Душевных враг до конца.

Ты нам присный предстателю,
Во единстве хранителю,
Храни до дне суда,
Не забуди труда,

Воскоре предстани
В час вражия брани,
Чрез Твоя подвиги достохвальныя,
И стражбы о нас дневнонощныя
Твоя благодати,
Славе бы предстати
Могли мы, всех сподоби.

Церковное стояние,
Ангельское собрание
Всечестно прославим,
Пение составим.

Дабы ликовати,
С ними царствовати,
Со всеми святыми воспевающе,
Трисвятым гласом воззвающе;
Свят Отец, Дух с Сыном,
В Божестве едином
На веки веков, аминь.

22. Галаадский, славне Пророче

Галаадский славне Пророче, жителю,
Теплейший Божий служителю.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

Ангелы ты в пламень огнен повиваху,
Родитель во сне виде, и огнем питаху.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

Тем ко чести Бога был еси ревнивый,
Льстивые пророки огнем попаливый.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

Небеса заключил ключом твердым слова,
Да в конец исчезнет прелесть Ваалова.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

Вран питае тебе во времена глада,
Сам воспитил еси вдовицу и чада.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

Реку милостию ты разделил еси,
Конми огненными возлетел к небеси.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

Видел еси Бога в Хоривстей горе,
И славу зрел еси Христа на Фаворе.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

И пред вторым страшным пришествием Христа
Ты обличити лесь придеши антихриста.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

Аще бы на суде том милость обрели
И с тобою во век Господа хвалили.
Илие преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о нас.

23. Глагол Господень на водах

Глагол Господень на водах глашает,
Пророк Владычия верха ся касает,
Простерт, длань во Иордан,
С небесе всем износе
Торжество, торжество, торжество.
Ты, Пророче, Предтече, не убоился,
Христа Спаса крестителем истинно стался
Выше всех, выше всех, выше всех.

Дух Святый сходить в вид голубине,
Иоанн слыша глас сей во пустыне:
Будешь зрящ Нань сходящ,
Той есть крестьяй, Духа даей
Всем верным, всем верным, всем верным.
Той крещает, оmyвает Адама племя
В быстрых струях Иорданских в нынешнее время
От грехов, от грехов, от грехов.

Ко Иордану радостно пойдемo,
Сладкую воду во уста приимемо,
Ей же днесь предстал весь
Лик Ангелов, Архангелов
В той реце, в той реце, в той реце.
Бог-человек Иоанну приклонил главу,
Крещая видел отверзenu Божию славу,
В небесех, в небесех, в небесех.

Да радуется Иорданска страна,
Слава ей будет Ливанова дана:
Спасенный, явленный
Во пустыни, благостыни
Источник, источник, источник.
Сущим во тме, сени смертной свет приблизится;
Скочит хромый, аки олень, возвеселится
Того дне, того дне, того дне.

Почерпимо воду с веселием,
Обрадованни вечным спасением:
Се наш род вознесл Бог,
Очищает и спасает
Явленно, явленно, явленно.
Прийдут оттоль и обнимут радование,
Отбежит их печаль, болезнь, воздыхание
В Сионе, в Сионе, в Сионе.

Воскликнем псалмы благодарения,
Почтим поклоном Сына вси Божия,
Дабы нам, юже Сам
Обетовал, воздарствовал
Благодать, благодать, благодать.
Слава Отцу, Его Сыну, Духу Святому,
В Троице святой очевидно днесь явленной
На веки, на веки, на веки.

24. Гора Афон, гора святая

Гора Афон, гора святая,
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод.

Я не видал твоей вершины,
Как шпиль твой впился в облака,
Какие на тебе картины,
Какой твой вид издадека.

Я не видал, гора святая,
Твоих стремнин, отвесных скал,
И как прекрасна даль морская,
Когда луч солнца догорал.

Я рисовать тебя не смею,
Об этих чудных красотах
Сложить я песни не умею,
Она замрет в моих устах.

Одно, одно лишь знаю верно,
Я о тебе, гора чудес,
Что ты таинственна безмерно,
И не далека от небес.

Я знаю, кто тобой владеет,
Кому в удел досталась ты,
Тебя хранит, тебя лелеет
Царица Горней Высоты.

Царица, дивная Царица,
Народов всех и всех племен.
Она, Христа Царя Десница,
Разрушила твой темный плен.

Сквозь сумрак древности глубокий
Я вижу, грешный, как теперь,
Корабль несется одинокий
На нем царя, пророка Дщерь.

Несется он из Палестины,
На остров Кипр его полет,
Вдруг ветер, волнуются пучины,
Корабль к Афону пристаеет.

На вопль кумира Аполлона
Спешат Марию все встречать,

И узнают толпы Афона
В ней Бога истинного Мать.

Сия гора, рекла Царица,
Да будет жребием Моим,
Отсель прострет Моя десница
Всегдашний кров над местом сим.

Здесь благодать польется чудно,
И милость Сына Моего,
Для жизни сей найдут нетрудно
Достаток нужного всего.

А там тебе, афонский житель,
Слуга мой верный, раб Христов,
Готова райская обитель,
Награда веры и трудов.

Сего я места не забуду,
Всегда Заступница ему,
О нем ходатайствовать буду,
Во веки к Сыну Моему.

Обет Царицы сладкозвучный
Сбылся и зрится в чудесах,
Она с Афоном неразлучна,
Афон всегда в Ея очах.

И лик свой там Она являет,
Беседует к рабам Своим,
Сама судьбой их управляет,
Следит за бытом их земным.

25. Господь вознесется на небеса

Господь вознесется на небеса ныне,
Да Дух Святый снидет ко Сионстей сени.
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

О, горо святая, добро бы тя зрети!
На тебе стоявшу Богу должно пети:
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Роди вси вернии, поклон воздадим,
Вознесшася Христа возблагодарим.
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Ангелы дивятся, зряще человека,
Друг-другу глаголют: егда се Владыка.
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Елеонску гору окружили вежу,
И егда Господа быти разумеху:
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Лики составивше, гласы восклицаху,
Возмите, князи, врата ваши, зываху:
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Един апостольский лик прискорбен бяше,
Яко вождь и Господь от них отхождаше:
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

О, Владыко, зовут, сирых не остави,
Ихже для царствия Твоего избравый!
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Не скорбите, рече, но в граде сидите,
Обетования отеческа ждите.
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Се, пошлю вам Духа от вышния славы,
И примете силу нашедшую на вы.
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Како возвеличим днесь вознесение,
Имже содела нам Христос спасение:
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Апостол устнами Тя молим,
Ангельскими песньми по вся дни славим.
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

Яко обещал еси апостолом дати,
И нам изволь Духа Святаго послати.
Вострубите, воскликните, воскликните,
Вострубите Пред Царем, пред Царем Господем.

26. Да приидет всему миру радость

Да придет, да приидет всему миру радость.
От небес, от небес чрез Назарет сладость.
Ангел Гавриил от небес приспел,
Благовестити, Чудо явити
Пречистой.

Небо днесь, днесь всех нас посещает,
От него, от него Гавриил вешает,
Марии Деве пречистой,
Отроковице, небес Царице
Пресветлой:

Младенца, младенца от Духа Святаго
Родиши, родиши Троицы Единого:
Зачнеши Сына, Дево едина,
На радость многу Спаса с чертога
Горного.

Из Тебе, из Тебе Бог явится в теле,
Дух на Тя, Дух на Тя снидет в вышней силе;
Радуйся, Дево, благодатная,
Благоветствую радость новую
Тебе днесь.

И Слово, и Слово плоть будет отныне,
Вселився, вселився в Своей благостине
В Твоя ложесна, стамно небесна,
Во веселие и спасение
Всем верным.

Да весь свет, да весь свет Деве святей хвала
Во веки, во веки дабы неперестала.
Нам Ю славящим, всегда молящим,
Дар благодати Бог может дати
В Сионе.

27. Дивная новина

Дивная новина, ныне Дева Сына
Породила в Вифлееме Мария едина.
Породила в Вифлееме Мария едина.

Не в царской палате, не в богатой хате,
Но в вертепе, между скоты, а все будут знати.
Но в вертепе, между скоты, а все будут знати.

Яко Дева иста, Мария Пречиста, —
И раждает и питает Его, як невеста.
И раждает и питает Его, як невеста.

На руках качает, и песнь воспевает,
Всемогушим Создателем своим называет.
Всемогушим Создателем своим называет.

О, дивный Сыне, будь со Мною выну,
Ты избрал мя за Матерь едину.
Ты избрал мя за Матерь едину.

О, необыменный, о, непостижимый,
Спи Ты долго, расти скоро,
Младенче блаженный!
Спи Ты долго, расти скоро,
Младенче блаженный!

На Тебя надежду, Любимый, имею,
Где Сам будешь, туда возмешь Меня, Спасителю.
Спи Ты долго, расти скоро,
Младенче блаженный!

Скажи, Правосудие, где кто з верных буде,
Да со Мною пред Тобою станут сии люди,
Да со Мною пред Тобою станут сии люди,

Тебе молити, и Тебе просити,
Дабы им в Твоем царстве во век века жити.
Дабы им в Твоем царстве во век века жити.

28. Дивный во делах Святитель великий

Дивный во делах Святитель великий
Явися миру предстатель толикий,
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

От сосц матерних чуден познася,
Предстатель теплейший всем нам показася.
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

От света славы имаши благая,
Тму еретиков хульных разоряя.
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

Девы в юности цветуща прекрасно,
Поют непрестанно песнь ти велегласно.
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

Царие, князи, Патриархов лики
Глашают купно песнь Ти с человеки:
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

Всяк бо просящий на земли и море
Приемлет помощь от тебе воскорее.
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

Прими от нас песнь, смиренно молимся
Да овцы стада Твоего явимся.
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

Гроздь еси зрелый горня винограда,
Учини нас внутрь небеснаго сада,
Николае святейший,
В чудесех славнейший
Бог Тя избра нам, избра нам.

29. Днесь все христиане радостно ликуют

Днесь все христиане радостно ликуют,
Восток со Западом купно торжествуют;
Ибо память сия на весь мир просия
Петра же и Павла, Петра же и Павла.

Играй, Вифсаидо, духом веселися,
В тебе бо Петр святой во мир народися,
И оттуду званный, Апостол избранный
Самим Спасителем. Самим Спасителем.

Место Тарс хвалися родом Павла Свята
Сосуд се избранный паче света Злата,
Пронести Христово имя пред Владыки.
Пронести Христово имя пред Владыки,

Тебе, Апостоле Петре, Христос веле:
Водных рыб не будешь ловити отседа;
Будешь же ловити, простер слова сети,
Люди в живот вечный, люди в живот вечный.

Разсеяв семя Божияго слова,
В Дамаску, о Павле, ту скорбь Ти готова,
В коше спущен бывше, далече бежаше,
Да многих обрещешь, да многих обрещешь.

Любяше Тя Господь, Петре, ибо явил
На Фаворстей горе свет Своей славы
Ти в утверждение, нам в наставление
В вере несомненной, в вере несомненной.

Едва и ты мне любимый явился,
Павле, едва красот вышних насладился;
В небеса третья живой возлетая,
Чудны вещи сказал, чудны вещи сказал.

Весьма суть подобны в трудах и чести,
Спешили все людие Христовы привести;
Сей Израиля, сей язык учитель
Быша избранны, быша избранны.

Кто сказати может Твое терпение,
Петре Апостоле, за отвержение?
В проповеди стези, в молитвах слезы
Безпрестанно быша, безпрестанно быша.

А все труды Павла не можь исповести,
Як всем вся бывше, хотяй всех обрести.
Узы бо и раны быша налаганы
Безчисленны всюду, безчисленны всюду.

В римских вратах, Петре, Господь ти явился
Дабы сообразно к Нему представился:
Убо крест прияти, на нем ся распяти
Благоволил еси, благоволил еси.

Смерть драгу за Христа и ты, Павле Святой,
По множайших трудах изволил прияти,
Тем же усеченный, тела разрешенный
К Спасу пришел еси, к Спасу пришел еси.

Якими ублажим вас днесь похвалами,
Якую достойную мы честь вам воздамы?
В правду не имеем и недоумеем,
Разве Церкви мольбу, разве Церкви мольбу.

Испросите Церкви, которую научите,

Властию и словом крепко утвердите,
Веры хранение, а нам спасение
Первоверховницы, первоверховницы.

30. Днесь отверзется весна благодати

Днесь отверзется весна благодати,
Начнем вернии, днесь торжествовати
В он же всех созывает,
Как финик процветает,
Славный Георгие.

Повелению Диоклитиана
Послушлив быти, не восхотев сана
Воеводства имети,
Токмо Христу служити
Сыну Божию.

Представ цареви, проповеда Христа
Паче идолов Бога быти иста,
Мужество дерзаше,
Сам радостно идяше
На страдание.

Веле мучитель копием пробити,
Жилами крепко тело его бити,
Копию согнувшись,
Народу удивльшуся
Пребысть невреден.

Привязан к древу низу ниспущенный,
Бывше на дробны части раздробленный:
Ангел его исцели,
Мнози же поверили,
Що Христос есть Бог.

Рече Магренний воскресити мертвца,
Да будет от них Богу дана жертва,
Святой же помолился,
Над гробом прослезився,
Мертвца воскресити.

Чудесем тем быша вси изумлени,
Истинна Бога знати научени;
И вероваша мнози:
Кумиры не суть бози,
Токмо Христос — Бог.

Между многими Георгий чудеса
И вола падша бедному оживм.
Познали же правдива,
Бога пред веки жива,
В Троице едина.

Идоли еще словом в прах обрати,
Невест мучитель, как смерти предати,
Посещи велит убо
С царицею сугубо
Веровавшею.

Сия торжества христомученика
Суть нам виною духовна праздника;
Предстоит бо в Сионе
При Божественном троне,
Моляся о нас.

Воине Христов, Георгие святой,
Не престаи о нас предстательствовати:
Зде долги веки прожити,
И с Тобою хвалити
Творца на веки.

31. Душе моя, душе моя

Душе моя, душе моя, востани, что спиши;
Конец приближается, и имаши смутиться;
Воспряни убо, да пощадить тя Христос Бог,
Везде сый и вся исполняяй.

32. Играй, Иерусалиме новый

Играй, Иерусалиме новый,
Песнь воскресшему поя Христови!
Ты, Сионе, уготовися,
Чистая Дево, возвеселися!
Все Ангелы, Архангелы, Херувимы, Серафимы,
Воспевайте песнь пресвятую
Христу воскресшему честную,
Вопиюще, глаголюще: Христос воскрес!
Вопиюще, глаголюще: Христос воскрес!

О, Марие, не слези очами,
Христос воста, и се ныне с нами:
Воины яко мертвы быша,
Егда светлость Его ощутиша.
О евреи, саддукеи,
Умы ваша обуяша,
Зане в Христа не веруете,
И Ему песней не поете.
Возопийте, глаголюще: Христос воскрес!
Возопийте, глаголюще: Христос воскрес!

Ангел седе в десных на камени.
К нему пришедшия три жены
Вопрошаху о Иисусе.
Рек им: «Идите до Еммауса.
Там пойдете, обрящете
Человека, той Владыка.
Возвестите ученикам сия,
Що воскрес правдивый Мессия,
Да вопиют и глаголют: Христос воскрес!
Да вопиют и глаголют: Христос воскрес!»

На гроб камень велий возложиша
И со стражею запечатлеша,
Мняще, яко во ночь темну зело

Ученицы тайно возьмут тело.
Но преславно и всем явно,
Во мгновение, в удивление, льва образом,
Ощутиша вставша Господа.
В радость и хвалу верна рода,
Вопиюща, глаголюща: Христос воскрес!
Вопиюща, глаголюща: Христос воскрес!

Масти жены егда приношаху,
Со слезами горько вопияху:
Во гробе Христе положенный,
Восприими дар сей, Ти принесенный,
Но скорее, усерднее
Петр течаше и видяше
Пелены Христа отложены,
Не со сударем положены.
Тем вопиют и глаголют: Христос воскрес!
Тем вопиют и глаголют: Христос воскрес!

Страх ужасный в преисподних баше,
Егда победитель ада тамо идяше,
Светом божества всюду сияя:
Ад издаваше мертвыя своя,
Диаволы злыя воли
Возрыдаша, трепетаха:
Праотцы Его приветствуют
И патриархи ликовствуют,
Вопиюще, глаголюще: Христос воскрес!

Ученицы вкупе собравшася
Страха ради Иудейска скрывахуся,
Тамо Христос среди их стаде
И, мир подав им, показоваше
В знамение руце и нозе,
Пробитыя гвоздьми сквозе.
Полные радости, в те часы
Издали Апостолы радостные гласы,
Воспевая п глаголя: Христос воскрес!
Воспевая п глаголя: Христос воскрес!

Кий уже разум не удивится,
Яко вся тварь днесь веселится:
Солнце, месяц, звезды, стихии,
Горы в холмы поднебесныя;
Зряще сие, вси людие,
Возыграйте, прославляйте
Христа Воскресша, да изволит нам дати
С собою вечно царствовати
Вопиющим, глаголющим: Христос воскрес!
Вопиющим, глаголющим: Христос воскрес!

33. Играй, свете, и веселися

Играй, свете, и веселися,
Се бо в тебе Мати явися,
Честнейша херувим,
Славнейша серафим,

Дева Мария,
Мы вси грешнии к Тебе припадаем,
Под Твою милость, Дево, прибегаем,
Слезно взываем.

Око сердца к Тебе пушаем,
На Твой образ, Дево, взираем:
Радуйся, Царице,
Светлая деннице
Вечного солнца.
Помилуй, Мати, не даждь, погибати,
Сына Твоего одесную стати
Даждь во день судный.

Архангельский глас воспеваем,
Радость Деве вси возвещаем,
Радуйся, Марие, Тя славят Царие
По всей вселенной.
От еретиков хулы нас избави,
И всех противных враг сокруши главы,
Мати Божия.

Напрасной смерти нас сохрани,
Глада, труса, огня и брани,
Даждь мирно прожити,
Тя, Дево, хвалити
На всяк день и час.
Сиротам, вдовам покровительница,
Во бедах сущим Ты предстательница
Буди и всем нам.

34. Иерусалиме светел над звезды

Иерусалиме, светел над звезды днесь буди,
Се бо Царь твой спасл есть от ада все люди:
Вострубите Ангелов лики,
Поправ смертию смерть на веки;
Всякое древо цветы пускае,
Земля траву прозябае, прозябае.
Земля траву прозябае, прозябае.

О воскресении Сотворителевом играйте;
Море, реки со человеки спевайте;
Горы, холмы, кедры помраченны,
Днесь есте света исполненны,
Солнце лучи ясно испускае
С под скалы темной сияе, сияе.
С под скалы темной сияе, сияе

Ангел бо камень великий от гроба отставил,
Мираносицам велию радость изъявил.
Скорбь Марии отнял горькую;
В весь идите Галилейскую
Там обрящете Иисуса,
Грядуща до Еммауса, до Еммауса.
С под скалы темной сияе, сияе

«Не плачь, Марие, не касайся мне, Христу,
Отхожу бо ко Отцу моему, Богу исту:
Иди к братии и рцы сие,
Да прославлять Воскресение.
Аз бо, рече, пришел мир спасти
От геенския пропасти, пропасти.
От геенския пропасти, пропасти».

Здания адовы, верей вечныя крушатся,
Врата медный, ужья железныя ломаются;
Се бо с крестом грядет Царь славы,
Отцы вознесите в радость главы!
Ты, аде, плачь и горько рыдай.
Що Христос воскрес, поведай, поведай.
Що Христос воскрес, поведай, поведай.

Его прамати, изволь сие знати торжество.
Сей день Господень, первый субботам праздни-
ство:
Скачи, играй с Отцы, Давиде.
И ты, Иеесею, прадеде!
Пиюще пиво днесь новее.
От Христа камени данное, данное.
От Христа камени данное, данное.

Широта земна есть наполнена светлости,
Призри на се Адаме и Ево с темности;
Воспой гласно песнь таковую,
Лютым демоном ужасную:
Иже ключи Девы невреdivый,
Ключи бездны сокрушивый, сокрушивый.
Ключи бездны сокрушивый, сокрушивый.

И ты, Соломоне, в мудрости твоей то яви,
Яко было в храме твоём предивном, укажи.
Победителю воскликнем,
В гласны кимвалы, ударимо, ударимо.
Пения лики весьма отновим,
В трубы, тимпаны все воззовем, воззовем.
В трубы, тимпаны все воззовем, воззовем.

Царю славиму, непобедимо на веки,
Ему же служат Силы, Престоли со Лики.
Власти вышнии послушают,
Вони Ангел ся ужасают,
Хотящи зрети, но не могут,
Ныне Воскресшему да поют, да поют.
Ныне Воскресшему да поют, да поют.

Крины сельныи, цветы своими бряцайте,
Рыбы морский, звери и гади зыграйте;
Се бо Творец ваш с гроба воскрес.
Радость небу и земли принес;
Людие, друг друга объеми-
те, Гнев и скорбь всю отложите, отложите.
Гнев и скорбь всю отложите, отложите.

И тако рцем все молитвенными словесы:
Христе воскресший, сподоби быти, где Сам еси,

Христе, возсиявший в славе,
 Честь и поклон Твоей державе!
 Позволь нам зде долгий век жити,
 И даждь в небе Тебе узрети, Тебе узрети.
 И даждь в небе Тебе узрети, Тебе узрети.

35. Из млада возлюби Бога

Из млада возлюби Бога Железо блаженный.
 Рожденный в земли Галицкой, Иоанн наречен-
 ный,
 Мира сего отлучися,
 Родителей удалися:
 В десять лет из дому изыде,
 И в монастырь прииде:

Ангельский образ восприя Иов нареченный,
 В монастыре Угорниках тамо постриженный
 Дванадесятаго лита,
 Отречеса сего свита,
 Инок зело искуснейший,
 Сей бе Иов юнейший;

Живя посреди братии, всем на пользу бяше,
 В великом смирении Христу работаше.
 Дошедши лет совершенства,
 Взыде на степень священства,
 По многом отрицании,
 Во своем смирении.

Благодатию от силы в силу восхождаше,
 Славить Бога всем сердцем усердно желаше
 Подобяся Серафиму,
 Прият на ся честну схиму,
 Труд ко трудом прилагая,
 Подвиг усугубляя.

Оттоли Бог славящего начать прославляти,
 Добродетельное его житие являти.
 И вельможи притекаху,
 Пользу души приимаху,
 Житием его учимы
 В добродетель приводимы.

Оттуду проси Константину Князь Острожский,
 И послан за Игумена в монастырь Дубенский:
 Добре монастырь правляше,
 Книги церковныя писаше,
 Более лит двадесяти
 Изволился труждати.

Егда нача о нем слава проходити всюду,
 Не восхоте славим быти, отъиде оттуду.
 Прииде тшася утаити,
 В горе Почаевской скрыти,
 Но там паче прославися.
 Всей вселенной открыся.

Зане и ту от иноков избран бысть вскоре
 Почаевским Игуменом в Чудотворной горе.
 Таковаго Богомати
 Изволила вождя дати
 Лавре, юже возлюбила,
 Чудесы украсила.

Иерием же Игуменство, больших трудов ятся,
 Сады, щепы насаждая, яже до ныне зрятся,
 Сажалки ископывая,
 Трудов образ всем бывая,
 До трибуналов ездяше,
 Фундуш цел охраняше.

Часто в нощи на молитву в пещеру вхождаше,
 Иногда и по седмице там ся затворяше,
 Поклоны много творяще,
 Всем сердцем Бога моляще
 О своих согрешениях
 И о людских невежествах.

Единою молящеся, Досифей видяще
 Свет Божия благодати над отцем сияше,
 Чрез два часа облистая
 И всю церковь озаряя.
 Аз, Досифей, падох,
 Зрети сего не могох.

Бысть же зело братолюбив, смирен и послушлив,
 Воздержанный, кроток, милосерд, незлобив,
 молчалив.
 Молитву во устех ношаше,
 И всегда ю глаголаше:
 Иисус Христа поминая,
 Помилуй мя — воззывая.

Многими трудами тело свое измождаше,
 И с Апостолом язвы Христовы носяше,
 Он и с миром посылает,
 Болящего исцеляет
 Игумена Досифея,
 Монаха иерея.

Во время збаражской войны виден над церквою
 Молящимся с низким поклоном пред
 Приснодевою,
 Абы бусурман победила,
 А обитель сохранила.
 Бысть скоро увольнение,
 Врагов побеждение.

Жену сановиту Анну от беса избавил,
 Пред ковчегом бес сотрясше, свободну остави
 Владислава начат бити
 Жезлом, уча не хулити,
 Убуждженя, вопияше
 Не буду, глаголаше.

Кто только с верою в бедах к нему прихождаше.
Не тощ помощи Божия вспять отхождаше.
Отче Святой, молим тя вси;
Покой нам у Христа испроси,
Церквам благостояние,
Всем верным спасение.

36. Иисусе мой прелюбезный

Иисусе мой прелюбезный, сердцу сладосте;
Едина в скорбех утеха, моя радосте,
Едина в скорбех утеха, моя радосте.

Рцы души моей: твое есмь Аз спасение,
Очищение грехов и в рай вселение.
Очищение грехов и в рай вселение.

Мне же Тебе Богу благо прилепятся,
От Тебе милосердия надеяться.
От Тебе милосердия надеяться.

Никтоже мне в моих бедах грешному поможет
Аще не Ты, О Всеблагий Иисусе Боже!
Аще не Ты, О Всеблагий Иисусе Боже!

Хотение мне едино с Тобою быти:
Даждь ми Тебе Христа в сердце всегда имети.
Даждь ми Тебе Христа в сердце всегда имети.

Изволь во мне обитати, благ мне являйся,
Мною грешным, недостойным не возгнушайся.
Мною грешным, недостойным не возгнушайся.

Исчезе в болезни живот без Тебе Бога:
Ты мне крепость и здравие, Ты слава многа.
Ты мне крепость и здравие, Ты слава многа.

Радуюся аз о Тебе и веселюся.
И Тобою во вся веки, Боже, хвалюся.
И Тобою во вся веки, Боже, хвалюся.

37. Иоанна Богослова и Ритора сладкомова

Иоанна Богослова,
И Ритора сладкомова,
Достойно не петь воспети,
Ниже должно восхвалити.

Чистотою той честнейший,
Над снег, над перлы белейший,
Над лилии и над рожы,
Егоже избра Сын Божий.

Премудрости он глубина,
Наперсник Божия Сына,
Девы Марии служитель,
В потребах ей промыслитель.

Орел в небо возлетаяй,
Солнце правды усмотряй
Пишет: в начале бе Слово,
Евангелие Христово.

Сто двадесят лет жил в мире,
Утвердивый всех во вере,
Велит себе гроб копати,
Место телу готовати.

Ученицы там приспели,
Но телесе не обрели,
Взят бысть от земнаго края,
В пресветлое место рая.

Сей убо быв житель рая,
С гробу осмаго дня мая
Прах, яко мглу, испускает,
Недуг всякий исцеляет.

Когда имать суд зачати
И Антихрист люд прельщати
Предварят дни тыя
Иоанн, Енох, Илия.

Чрез тех, и чрез Иоанна
Благодать нам буди дана:
Одесную Христа стати,
Во век его восхваляти.

38. Иордан реко, уготовися

Иордан реко, уготовися,
Се бо приходить Бог креститься.
Се бо приходить Бог креститься.

Плотию идет на твоя струи,
От Иоанна ища услуги.
От Иоанна ища услуги.

О, Иоанне, изволь крестити,
Тако бо сему достоин быти.
Тако бо сему достоин быти.

Трепеща, пророк длань простирает,
«Се, Агнец Божий!» ясно глашает.
«Се, Агнец Божий!» ясно глашает.

Дух Святой в виде голубя сходить,
Отец небесный глас Свой низводит.
Отец небесный глас Свой низводит.

Море видевши возмущашеся,
Иорданска волна возвращашеся.
Иорданска волна возвращашеся.

Что вспять, о струе, возвращаешься?
Творца своего устрашаешься?
Творца своего устрашаешься?

Днесь грех адамов омывается,
Глава змиева сокрушается,
Глава змиева сокрушается.

Днесь верных роди вси ликовствуют,
Ангелы купно соторжествуют.
Глава змиева сокрушается,

Мы Иоанну уподобимся,
И чистым сердцем скоро потщимся.
И чистым сердцем скоро потщимся.

На речных струях Троицу славить,
Да достигнем в небеси пети,
Да достигнем в небеси пети:

Слава Ти, Боже, пред человеки
И пред ангелы буди на веки!
Да достигнем в небеси пети:

39. Иордане, уготовися

Иордане, уготовися,
Иоанне, скоро спешися,
Мариина крестити Сына,
Бога Слова, Троицы едина
В речных струях.

Облацы глас свой испустите,
Иоанну се возвестите:
Да предстанет на Иордани,
Положити святыя длани
На главе Христа.

Архангелы и Херувимы,
Приничуше со Серафимы
Раболепно вси предстояху,
Крещению Творца служажу
Со Крестителем.

Небеса днесь ся отверзают
Духа свята ниспускают:
Во образе бе голубином,
Летающий над Богом-Сыном
По крещении.

Вспять Иордан ся возвращаше,
Море в бездны своя бежаше,
Зряще в плоти на струи Бога,
Которому воинства многа
Со страхом служат.

О, како Тя, Христе Владыко!
За дарствие почтим толико,
Яко ныне на водах яве,
Крещением нас вечной славе
Приобрел еси.

Ластовице краснопеснива,
Горлице пустыннолюбива

В пустыни проповедаешь
Во Иордане Бога крещаешь
Во плоти суща.

Свидетель бысть Отец с небеси:
Возлюбленный Сын мой Ты еси;
Того убо вси послушайте,
Непрестанно воспрославляйте
Являшагося днесь.

Крестителю и Предтече,
О тебе Спас Владыка рече:
«Несть больша в рожденных женами
Моли убо его за нами,
Верными рабы».

И мы просим вси Иоанна,
Емуже власть крестити дана,
Да умоли Спас нашего,
Обрести нам благодать Его,
В день суда страшна!

40. Искапайте, горы

Искапайте, горы, днесь сладость,
И холмы взиграйте в общую радость,
Се ластовица, красна горлица,
Свет благодати всем дае знати.
Сияющий со небес.

Проповедник Нова Завета
Приходит во страны земного света,
Солнца денница, зарею лица
Предозаряе, всех просвещае
Во тьме грехов сущих.

Предтеча Христов приходит,
От ложесн неплодных ныне ся родит
Свет всему миру с горняго неба,
Предвозвещав, проповедав
На земли явленный.

Ангел во плоти посылается:
Им же Божий Агнец изъясляется:
Право творите, путь готовите,
Богу нашему, на Ся взявшему
Всего мира грехи.

Елисавето, веселися,
Неплодствие твое днесь разрешися,
Ты, Захарие, взем решение
Своей немоты, с всей охоты
Благослови Бога.

В рождестве семь все веселимся,
Превеликих даров да сподобимся,
Клятва решится, жизнь возводится,
Всяк да кается, приближается
Небесное Царство.

Благодати от Иоанна
Той воспросимо, щоб была дана
Грехи простити, ада позбыти,
Небо прияти, в нем праздновати
Агнчее торжество.

41. Истинная Мати света, Пречистая Дево

Истинная Мати света, Пречистая Дево!
Припадем к стопам Твоим, Госпоже, Царице!
Милостива к нам Ты, Мати, буди,
Сына умоли за Твоя люди
В день честна Покрова,
В день честна Покрова.

Ты от Романа святого, златая цевнице,
Во Влахернах на воздухе видена бысть сице.
Со чинми ангел горе стояща,
С ними Матерни мольбы творяща
Ко Сыну Своему,
Ко Сыну Своему.

Усугубляют молитвы Предтеча Христов,
Со пророки, мученики, Иоанн Богослов.
Одесную тя, Дево, стояли,
И с тобою Творца умоляли
За род христианский,
За род христианский.

Лествицу ты утверждenu патриарх видяше,
Яже Твоя предстательства к небеси являше
Се ныне яве руце возносишь,
Сына твоего за весь мир просишь,
Верующий в Него,
Верующий в Него.

Исполняешь веселия днешь во Твоем храме,
Простирая свой омофор на святейшем раме;
Кто притекает к твоей милости,
Спасен бывает от злой напасти,
Покровен Тобою,
Покровен Тобою.

Тем ко Твоему покрову спешно прибегаем,
И надежду спасения на тя возлагаем,
Моли Ты за нас сына Твоего,
Да не погибнем в день гнева Его
Лютою казнию,
Лютою казнию.

Еще молим, о Царице, Мати Царя славы,
Молящеся приклоняем смиренныя главы:
Ключу царствия пренебеснаго,
Избави огня нас геенскаго
Мольбами Твоими,
Мольбами Твоими.

42. Источник духовный, радости виновный

Источник духовный,
Радости виновный;
Страны света, воскликните,
С Апостолы примите
Росу благодати,
Росу благодати.

Облак разделяет,
Языки раздает
Рыбарям огненные,
Евреям ужасные,
Всем врагом страшные,
Всем врагом страшные.

Бог и Просветитель
Есть Дух - Утешитель;
Отец бо безначален,
Сын ни в чем не умален,
И Дух сопрестолен,
И Дух сопрестолен.

Истинно Дух данный
От Отца посланный,
Днешь всех верных просвети.
Благодатьми посети,
Утешитель небесный,
Утешитель небесный.

Праздник светлый ныне
Во Сионской сени!
Духом покрывашеся.
Шум бурный являшеся
В граде Давидове,
В граде Давидове.

Небо пресветлейше
Даде глас яснейший
Лучами огненными,
Языки виденными:
Приимите Дух Святый,
Приимите Дух Святый.

Умныя вся силы
В небесех воспели
Богу в Троице: Свят, Свят, Свят,
Апостольска сердца зрят
Славима в трех лицах,
Славима в трех лицах.

Тую и мы славу,
Приклонивше главу,
Богу в Троице дадемо,
На колена падемо,
Поюще глас трисвятый,
Поюще глас трисвятый:

Святой Боже Сущий,
Святой Всемогуший,
Святой Безсмертный Царю,
Приими от нас песнь сию,
Чтущих Тя во веки,
Чтущих Тя во веки.

43. Источниче, источниче благодати

Источниче, источниче благодати, благодати
Пречистая Дево Мати,
Миру рождша Спасителя, Избавителя!
Молимтися рабы твои
Приклоняем главы своя:
Избави, избави нас от всяких бед!

О, дивная, дивная, преславная, преславная,
О, дивная, преславная всех Царице небесная,
Владычице всех ангелов и архангелов,
Ты честнейша херувимов,
Ты славнейша серафимов,
Всех чинов, всех чинов предпочтенная.

Апостольский, апостольский, пророческий, про-
роческий,
Апостольский, пророческий славит лик мучени-
ческий,
Тебе хвалят небес дворы, ангелов хоры
Тебе славят патриарси,
Тебе славят иерарси
В небесех, в небесех паче всех святых.

Нескверная, нескверная, неблазная, неблазная,
Нескверная, неблазная, пречистая, нетленная.
Милостива Ты нам буди, всех нас соблюди
От поветра, труса, глада,
От потопа, огня, града,
Праведно, праведно на нас движимых.

Матерними, матерними молитвами, молитвами
Ублажи твоего Сына.
Молимтися: невреждены спаси геенны,
Победи невидимый
Полки врагов, душевныя,
В час конца, в час конца сего жития.

Светозарна, светозарна, звездо ясна, звездо
ясна,
Светозарна, звездо ясна, скиние слова прекрас-
на,
Теплая предстательнице и заступнице,
Даждь в день суда право стати,
Бога в небе созерцати
На веки, на веки вечныя, аминь.

44. К Тебе, о Матерь Пресвятая

К Тебе, о Матерь Пресвятая,
Дерзаю вознести свой глас,
Лицо слезами омывая,
Услышь меня в сей скорбный час.

Приими мои теплейшие моления,
Мой дух от бед и зол избавь,
Пролей мне в сердце умиление,
На путь спасения наставь.

Да буду чужд своей я воли,
Готов для Бога все терпеть,
Будь мне покров во горькой доле,
Не дай в печали умереть.

Ты всех прибежище несчастных,
За всех молитвенница нас,
О защите, когда ужасный
Услышим судный Божий глас.

Когда закроет вечность время,
Глас трубный мертвых воскресит,
И книга совести все бремя
Грехов моих изобличит.

Стена Ты верным и ограда,
К Тебе молюсь я всей душой.
Спаси меня, моя Отрада,
Умилосердись надо мной.

45. Кажут люде, же я умру

Кажут люде, же я умру, а я хочу жити!
Сколько живши на сем свете, потреба умерти.

Зостанется серебро, злато, серебро, злато и драгия
шаты,
Трудно ж мне их с собою на той свет забрати.

И хочай бы могл забрати, могл забрати, там того
не треба,
Чтыри дошки, сажень земли, спасения з неба,

Як ударят во вси дзвоны, во вси дзвоны, о смерт-
ной године,
Поклонюся всему свету и своей родине.

Дадут мени смутну трумну, смутну трумну и
твердое ложе,
Не даждь в грехах умирати, милостивый Боже!

Як упустят грешне тело, грешне тело, в глубокии
долы,
И засыплют песком очи, не гляну николю.

В гробе будут ребра, боки, ребра, боки, з голо-
вою руки,
Душа пойдет несмертельна на вечныя муки.

Поминай же, человеце, человеце, так велику
страту,
Ибо як кто Богу служит, так бере заплату.

Перед часом все житие, все житие, на смерть
готовися,
Бегай грехов, споведайся и Богу молися,

Примирися з ближним твоим, ближним твоим,
отпусти обиды,
Да и тебе Бог отпустит всяких грехов виды.

И старайся притяжати, притяжати учинки
ласкавы,
Бо на той свет пойдут тилько добри твои sprawy.

А егда ся не поправишь, не поправишь, зле
будешь чинити,
То на веки с проклятыми будешь в пекли жити.

46. Крестным древом распятого

Крестным древом распятого, увенчана тернием,
Невернии Иудее приковаша гвоздием,

Имже руце и нозе святыя его сквозе лютее про-
бодоша
Кости изочтоша,
Восплачем, христиане.

Лонгин темный приведенный Спасу прободу
ребра,
Истече кровь дражайшая паче злата и сребра:

Паде капля едина на тварь темну Лонгина,
Очи отворила, благодать явила
Ему спасительную.

Еврейский род, сие видя и, во зло себе вменяше.
То Иисусу умершу яростно дышаше,

О, народ безумный, сердца каменного, дотоль
не уверивый
И не познавый истинного
Творца твари.

Богъ на кресте от лютейших врагов умирает,
Живота Господь со разбойники ся вменяет.

Три бо кресты создаша, на коемждо распяша,
Господь между двема бысть разбойникома,
О, ужасно зрелище!

Аще же Ты среде двою разбойнику бе вися,
Но крест Твой мерило правды, Господи, явися;

Един их Тя хуляше, другой богословяше,
Тем тому пагуба, сему же сугуба
Радость с Тобою в рай.

Нов гроб Тебе с Никодимом Иосиф устроиша,
Мажуще миром с слезами, тамо упокоиша,

Но и в нем Тя хуляху, евреи пакостяху,
Стражей приставиша, дверь запечатлеша,
О долготерпения!

Како сия терпел же, Иисусе любимый?
Был еси воистину во любви к нам неизмеримый;

Призри днесь с креста на ны, в царствии Си
помяни,
Не с распинатели, но с Твоими рачители
Да приимем часть на веки!

47. Ликующе возыграем днесь

Ликующе возыграем днесь!
Явилась нам благодать с небес:
Христос родился от Марии,
Непорочной чистой лилии,
Чтобы спасти нас, чтобы спасти нас.

Иосифе, с нами торжествуй,
И Давиде, купно празднествуй:
Се бо для нас Гость всеми жданный,
Еммануил с неба посланный
По пророчеству! По пророчеству!

От востока поспешая
И в Вифлеем притекая,
Злато, ливан и смирну — дары
Богомудрые приносят цари
Рожденну Царю, рожденну Царю.

В вертепе есть положенный
Младенец Бог, от Девы рожденный,
Пастырие поклон отдают
На свирелях песни играют
Ему умильно, ему умильно.

И мы с ними хвалу воздаймо,
Рожденному песнь воспеваймо,
Да изволит Он даровати —
С Ангелами нам прославляти
Его на веки, его на веки.

48. Мати милосердия

Мати милосердия,
Море щедротам,
Буди милостива бедным сиротам,
Не даждь во клети
Грехов сидети,
Да изволит нами Сын Твой владети.

Иже притекает к Тебе, Марие,
Во благо да имать се знамение:
Тя да возлюбит,
Честь усугубит,
Во веки своей души не погубит.

Кто изрещи может тайну сицеву,
 Яко благо чтити Матерь цареву;
 В Ней воплотился,
 Из Нея родился,
 К матерним молитвам весь приклонился.

Рыдайте вси горько своего стану,
 Господь рече: «Сужду, в чем ты застану:
 Чи в благом деле,
 Чи в грешном теле;
 Кийждо от дел воздаст ответ по силе».

Ужаснейшая суть словеса сия:
 В он же час не мните, придет Судия,
 Начнет судити,
 Добрым платити,
 Злых же пошлет во ад вечно мучити.

Помянувше он глас страшныя трубы,
 Трепет обдержит нас злыя пагубы:
 Како постоим Пред лицом Твоим;
 Не суди мя, Спасе, по делом моим.

Долги отпущати власть есть Вышняго,
 Во образ даде нам Себе Самого:
 Благотворити, неосудити,
 Он же нам изволить долги простити.

Зельными мя страсти враг окружает,
 Еще же тяжшими плоть досаждает,
 Не одинощи, но в дни и в ночи,
 Не дают покоя моей немощи.

Наг во мир изыдох, наг возвращуся
 Разве от дел скверных в студ облекуся.
 Молим Тя: «В той час,
 Не забуди нас, Мати Владычице, услыши наш
 глас.

Слезныя нам струи подаждь излити,
 Да возможем тину грехов измыти,
 Храни вечных мук, диаволих рук,
 Егда позовет нас на суд трубы звук».

49. Многими усты гласы испусти

Многими усты гласы испусти,
 Верный народе, хваления,
 Во иконе и в короне
 Обители Почаевския
 Сияющей, мир дающей
 Славнейшей, честнейшей
 Деве Марии.
 Сия Мати благодати
 Нам от Бога предуставленна,
 Дева иста, Дева иста,
 И Пречиста, и Пречиста,
 Преукрашенна,

Венцы светлыми увязенна,
 Призирает, призирает,
 И спасает, и спасает,
 Приемлет и внимлет
 Ю славящим и просящим
 Помощи всегда.

Вси ко благодати и милости
 Ея усердно притечемо;
 Восхваляймо, прославляймо
 Чудес действия, благодаримо:
 Бо Царица и Девица,
 Херувим, Серафим
 Высочайшая
 Склоняется, является
 В бедах и нуждах наших выну
 И милует, и милует,
 И дарует, и дарует
 Себе едину
 Ходатаицу к своему Сыну.
 Помогает, помогает,
 Заступает, заступает
 Во всякой великой
 Скорби сущих, требующих
 Щедроты ея.

Храм ей пречудный на долготу дний
 Зиждет бо память успения
 Благородный, всем угодный
 За свое благотворение
 Благодетель, да обитель
 Умножить, положить
 В ней главу свою.
 Там со скалы благ немалы
 Лиются струи неизменны
 Богоданно, богоданно,
 Непрестанно, непрестанно
 Огнь бо истинный
 Извел источник благостынный;
 И убогий, и убогий,
 И несчастный, и несчастный
 Ослабу во славу
 Принимает, возсылает
 Песнь благодарну.

Вторая струя, изобилуя
 Чудотвореньми благодати.
 Есть икона, в ней же она
 Действует милостива Мати,
 Воскрешая, просвещая,
 Милуя, врачуя,
 Всех приходящих.
 Сицевыми безмерными
 Дарми славя свою икону,
 Мати Сына, Мати Сына,
 С Ним едину,
 С Ним едину

Имать корону,
Дану от небеснаго трона,
В ней сияет, в ней сияет,
Облищает, облищает
Всякаго, беднаго,
Окаянна, отчаянна
Благой надежды.

Припадающе, приклоняюще
Темже глубоко наша выи,
Тебе просим, глас возносим
На всяк день и час смиреннии,
Бежим к Тебе, в сей потребе,
Во всем деле, под криле
Благости приими.
На то еси от небеси
Нам Ты, Матерь дарованна,
Мати честна, Мати честна,
Безневестна, безневестна,
Милости полна,
От Христа Сына увенчанна.
Спасай убо, спасай убо
Нас сугубо, нас сугубо.
Побори, покори
Всех противных
В силах дивных
Твоего крова.

50. На горе преобразися

На горе преобразися Христос Господь славно;
Со пророки беседова видимо и явно, видимо и
явно.

Моисей и Илия со Христом глаголаху,
Егда на горе Фаворстей Ему предстояху, Ему
предстояху.

Петр, Иоанн, Иаков егда узрели Христа,
Пред лицом его падоша, яко Бога иста, яко Бога
иста.

Гора Фавор исполнись пресветлыя славы,
Юже небесе Владыка рабом Своим яви, рабом
Своим яви.

Петр глаголет: О, Господи, добро нам zde быти.
Добро нам есть zde три сени вскоре сотворити,
вскоре сотворити,

Едину Тебе, другия Илии, Моисею;
Вся, Владыко, сия будут властью Твоею, вла-
стью Твоею.

Еще ему глаголющу, облак светел бяше,
Сей есть Сын Мой возлюбленный;
Отец возглашаше, Отец возглашаше.

Приими Христе, песнь малую и сие пение;
Ты бо еси воистинну Отчее сияние, Отчее сияние.

51. На светлое Воскресение Христово

Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть поправ,
Разрушил узы ада
И жизнь всем даровал.

В полночный час из гроба
Спаситель наш воскрес,
Всем верным жизнь и радость
И свет принес с небес.

Прекрасный Ангел светлый
Мгновенно отвалил
Великий камень гробный
И гроб весь осветил.

Земля вдруг затряслася,
Когда Спаситель наш
Воскрес в полночный славный
Благословенный час.

И стражу Иудеев
Объял великий страх,
Как мертвые на землю
Поверглись все во прах.

А Ангел светозарный
На камени сидел
И голосом небесным
«Христос Воскресе!» пел.

Когда святое утро
Воскресное зажглось,
И небо тихим светом
С востока облеклось.

Тогда святые жены
На гроб Христов пришли
И миро дорогое
С собою принесли.

Пришли помазать тело
Владыки своего,
Идут ко гробу, смотрят,
Но там уж нет Его.

Мария Магдалина
Спешит вернуться в дом
К Петру и Иоанну,
Им возгласить о том.

Оставшиеся жены
Во Гроб Христов вошли
И здесь прекрасных, светлых
Двух Ангелов нашли.

Они женам сказали:
«Кого вам нужно здесь?
Христос Спаситель мира
Из гроба уж воскрес!»

В несказанном восторге
Они во град бегут,
И радость Воскресенья
Друзьям Святым несут.

Мария Магдалина
Пришла на Гроб опять
И стала безутешно
Здесь плакать и рыдать.

За то Христос воскресший
Марию возлюбил,
Ей прежде всех явиться
В саду благоволил.

Потом Христос явился
Другим святым женам,
А вечером открылся
Своим ученикам.

Торжественно сказал им:
«Мир вам, мои друзья!
Не бойтесь, не смущайтесь,
Смотрите — это Я!»

С любовью с друзьями
Владыка говорил,
К познанию Писаний
Им разум он открыл.

Христос сказал: «Идите,
В весь мир учить людей
Любви и вере православной
И жизни всей Моей.

Всем верным возвещайте,
Прощение грехов,
Жизнь в небе и блаженство
И Божию любовь».

Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть поправ,
Разрушил узы ада
И жизнь всем даровал.

52. Небо и земля

Небо и земля, небо и земля ныне торжествуют.
Ангели людям, Ангели людям весело спразднуют.

Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы похвалят, царие похвалят,
Поклон отдадут, пастырие похвалят,
Чудо, чудо похвалят.

Во Вифлееме, во Вифлееме весела новина:
Чистая Дева, Чиста Дева породила Сына.
Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы похвалят, царие похвалят,
Поклон отдадут, пастырие похвалят,
Чудо, чудо похвалят.

Слово Отчее, Слово Отчее взяло на Ся тело,
В темностях земных, в темностях земных солнце
засветило
Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы похвалят, царие похвалят,
Поклон отдадут, пастырие похвалят,
Чудо, чудо похвалят.

Ангелы служат, ангелы служат рожденному
Царю:

И во вертепе, и во вертепе творить Его волю.
Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы похвалят, царие похвалят,
Поклон отдадут, пастырие похвалят,
Чудо, чудо похвалят.

Три цари, три цари от восток приходят,
Смирну, и ливан, смирну и ливан и злато при-
носят,
Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы похвалят, царие похвалят,
Поклон отдадут, пастырие похвалят,
Чудо, чудо похвалят.

Царю и Богу, Царю и Богу тое все даруют.
Пастыри людям, пастыри людям дивну весть
скажут:
Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы похвалят, царие похвалят,
Поклон отдадут, пастырие похвалят,
Чудо, чудо похвалят.

И мы рожденну, и мы рожденну Богу поклон
даймо,
Слава во вышних, слава во вышних Ему заспи-
ваймо.
Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы похвалят, царие похвалят,
Поклон отдадут, пастырие похвалят,
Чудо, чудо похвалят.

53. Нова радость стала

Нова радость настала, яка не бывала:
Над вертепом звезда ясна светом возсияла.
Над вертепом звезда ясна светом возсияла.

Где Христос родился, от Девы воплотился,
Як человек, пеленами убого повился.
Як человек, пеленами убого повился.

Ангелы певают, «Слава» восклицают,
На небеси и на земли мир провозглашают.
На небеси и на земли мир провозглашают.

Давид днесь играет, в гусли ударяет,
Мелодично и предивно Бога выхваляет.
Мелодично и предивно Бога выхваляет.

И мы тож спеваймо, Христа прославляймо,
Из Марии рожденного смиренно благаймо.
Из Марии рожденного смиренно благаймо.

Просимо Тя, Царю, небесный Владарю,
Даруй лета счастливыя сему господарю.
Даруй лета счастливыя сему господарю.

В мире проводит, Тебе угодити,
И с Тобою в царстве Твоем во век веков жити.
И с Тобою в царстве Твоем во век веков жити.

54. Новая радость свету ся явила

Новая радость свету ся явила:
Пречиста Дева Сына породила.
Пречиста Дева Сына породила.

Во Вифлееме месте дуже рано,
Витати Христа пастырям сказано.
Витати Христа пастырям сказано.

Звезда услугу тую отправляла
Царей Персийских к Нему провожала.
Царей Персийских к Нему провожала.

Принесли Ему ливан, смирну, злато,
Взяли заплату небесную за то.
Взяли заплату небесную за то.

Ирод злосливый с того засмутился,
Що Царь предвечный на свет народился.
Що Царь предвечный на свет народился.

Велел воинам повсюду искати,
В пень отрочата дволетны сгинати.
В пень отрочата дволетны сгинати.

Иосиф старец Марию глашает,
И до Египта с Христом убегает.
И до Египта с Христом убегает.

Нехай же Ирод вечно погибает,
Наш Царь рожденный всех нас утешает.
Наш Царь рожденный всех нас утешает.

Мы ныне о Нем возвеселимся,
Рождеству Его низко поклонимся.
Рождеству Его низко поклонимся.

Щоб нам изволил счастливый век дати,
А по смерти с Ним в небе царствовать.
А по смерти с Ним в небе царствовать.

55. Ныне, Адаме, возвеселися

Ныне, Адаме, возвеселися!
Ева, Прамати от слез отрися!
На котораго вы ждали,
И с тоскою ожидали;
Ныне с Девы предъизбранной
В Вифлееме малом доме,
Родился, явился,
Ему цари несут дары,
Злато щиро, ливан, смирну
От восток, рек Пророк

Все патриархи и все пророки,
Лик Богоотец, с ними отроки.
Торжествуйте, купно весь свете!
Ты уступай, ветхий завете.
Новый с неба, его треба
Было давно, ныне явно
Настает, Бог дае,
Коль с небес, в радость миру
Отец Сына нам едина
Ниспослал, даровал.

«Слава в вышних» духи певают,
Що Бог родился нам возглашают
Котораго новорожденна,
И во яслех положенна
Звезда ясна и прекрасна
Озаряет, научает,
Що то Бог с неба дан;
А у ясель вол и осел,
Як стояли, так познали
Всех рода Господа.

Ликуймо и мы, ликуймо цело,
Що Бог на Себе взял наше тело:
Щоб до неба нас запровадил,
И на троне Своем посадил.
За то Богу славу многу
Со Ангелы, Архангелы
Спеваймо, воздаваймо!
За те дары от всей твари,
Щобы хвала не устала
Божеству, Рождеству!

56. О всепетая Мати

О всепетая Мати! О всепетая Мати!
О, Мати! Мати благодати!
О, Мати! Мати благодати
Исполнена!
Исполнена благодати,
Пречистая Дево Мати
Помилуй нас. Помилуй нас.

Под Твою милость прибегаем.
 Под Твою милость прибегаем.
 Под Твои святы омофоры
 Грешнии со лики и дворы
 Прибегаем.
 Прибегаем к тебе, Мати,
 Сподоби нас благодати
 Сына Твоего. Сына Твоего.

Милосердия двери, Милосердия двери
 Отверзи, благословенная,
 Отверзи нам, Дево честная
 Христианом,
 Мы грешнии Тебе просим,
 Руце наша превозносим:
 Помилуй нас. Помилуй нас.

Чудесна в той Росской короне,
 Чудесна в сей святой иконе,
 Во Баре пречиста лилия,
 В олтаре чудесна Мария
 Поставленна, прославленна,
 Помилуй мя осужденна
 На веки, аминь. На веки, аминь.

57. О хто, хто Миколая любит

О хто, хто Николая любит,
 О хто, хто Николаю служит,
 Тому Святий Миколай
 На всякий час помогае
 Миколае!

О хто, хто живе в его дворі,
 Помощник на землі і морі
 Измет его от напасти,
 Не даст ему в гріхи впасти,
 Миколае!

О хто, хто к нему прибегає,
 На помощь его призиває,
 Той не буде ошуканий,
 И гріховной уйде раны,
 Миколае!

Пастирю словеснаго стада,
 Ізми нас варварского ада,
 Сохрани нас от лівой.
 Постави нас на правой,
 Миколае!

Миколая имя знаменито,
 Побіждай тезоіменито,
 Побіждай агаряни,
 Сохраняй христиани,
 Миколае!

Побіждай врагов наших всюди,
 Помощник во скорбех нам буди,
 Хотящих нас разорити,
 Зволь их уста заградити.
 Миколае!

Миколає, молися за нами,
 Просим тя все тут со слизами,
 Мы тя будем выхваляти,
 Имя твое величати,
 На віки.

58. О, горе, мне, грешнику

О, горе, мне, грешнику сушу,
 Горе благих дел неимушу!
 Како пред суд Божий явлюся,
 Како со святыми вселюся.

Отступих от Бога злобою,
 Грехолюбив сам сый собою,
 Тьму аз паче света приймаю,
 Света благодати не знаю,

Совлекохся первой одежды,
 Отчаяхся светлой надежды.
 Скверная одежда и дело
 Погубляет душу и тело.

Отъидох далече на страну
 От рожец питатися стану.
 Чужд дому небесна Владыки
 Не достоин жить с человеки.

Временная предпочитаю,
 О славе вечной забываю.
 Что имам, несчастный творит
 Егда приидет Господь судити?

Восплачуся вотще слезами,
 Бо не будет милости с нами:
 Что услышу стражда на веки.
 О горе и вопль превеликий!

Ныне убо, прежде дня судна,
 Представляя дела моя блудна,
 Иду пред Отцем умилюся,
 Да Его пищи насыщуся.

Иду и реку Ему смело:
 Согреших ти, Отче мой, зело:
 Приими мя, заблудшаго сына,
 Яко от наемник единая.

59. О, Пресвятая Царице, Помощнице моя

О, Пресвятая Царице, Помощнице моя!
Помогай нам в утраплениях, аще милость Твоя,
Твоя.

Ты во гресе первородном, аще и зачата,
В небо с телом и душою через Ангелов взята,
взята.

И Тебе есть вещь обычна — земным помогати,
Ты бо можешь Христа Спама о нас умолити, умо-
лити.

Умоляй же, о Царице, пред Престолом Его,
Яко Мати, Сына и Создателя Своего, Своего.

Даровал бы нам на сем свете мирно пребывати,
А по смерти Лице Его в небе созерцати, созерца-
ти.

Аллилуя, аллилуя, слава Тебе, Боже!
Не забудь нас никогда же, Марие Госпоже!
Марие Госпоже!

«Не забуду, но пребуду за вас ся молити,
Только все вы перестаньте Господа гневить».

60. О, пресладкий и всещедрый Иисусе

О, пресладкий и всещедрый Иисусе!
Приими ныне малое моление сие наше,

Якоже приял еси вдовицы два лепта;
И сохрани достояние Твое,
От враг видимых и невидимых,

От нашествия иноплеменник,
От недуга и глада,
От всякия скорби и смертоносный раны,

И грядущия изми муки всех вопиющих Ти:
Аллилуя, аллилуя, аллилуя.

61. Огонь горящий в сердце моем

Огонь горящий в сердце моем не может изгаси,
Помянувши на Спасителя и на Его страсти;
Якии за нас претерпел раны,
Острыми гвоздьми быв прикованный
Неверными ко кресту. Неверными ко кресту.

Тернов венец Спасу моему на главу вкладали,
Предстояще посмеятелство царем своим звали;
Як только хотели, люто мучили,
А на последок с одежд обнажили
Со стыдом последним. Со стыдом последним.

Царь был еси, Христе мой, на земли и в небе,
Днесь же Твое сотворение що содела Тебе?

Дают Ти горьку чашу испити,
А в том же час душа изыти
С тела изволяет. С тела изволяет.

Зри, Адаме, первый отче наш, що сотворил еси?
Яко Господь за тебе страждет на своем телеси?
Вкусив бо от запретного плода,
За то ко смерти привел Господа,
Невинного за себе. Невинного за себе.

Ужаснися, каждая душе, позору смутного,
Когда само солнце потемне от жалю тяжкого,
На земли смуток, в небе тревога,
Смутятся души: егда несть Бога?
Умерщвлен на кресте? Умерщвлен на кресте?

Телом мертвым воспочил еси тридневно во гробе
Аще всюду пребывал еси Божеством в Особе.
Душею ступил еси до ада,
Да освободиши Адама чада,
Работы вражия. Работы вражия.

Что воздадим убо Господу, претерпевшему стра-
сти,
Да возможет человеческий род от клятвы спа-
сти?
Принесем Ему душу, тело,
Да и сердце отдаймо цело,
С ним умерщвленное. С ним умерщвленное.

62. Ой зішла зоря вечорова

Ой зішла зоря вечорова
Та понад Почаївом, над Почаївом.
Виступило турецькое військо
Як та чорная хмара, чорна хмара.

Турки з татарами облягли
Манастирь завоювати.
Мати Божая Почаївська
Буде нас ратувати.

Отец Желізо з келії вийшов
Та сльозами умлтває:
«Ой, ратуй, ратуй, Божая Мити,
Манастирь погигає!»

Ой, вийшла, вийшла, Божая Мати,
На хрест Она стала,
Кулі вертала, Турок убивала,
Манастирь уратовала.

А ми люди, всі християне,
Да Бога всі ударяймо,
Матері Божій Почаївській
Поклон всі воздаваймо!

63. Памятайте, христиане

Памятайте, христиане,
Що с вами потом стане — на веки.
Всем по смерти идти треба,
Чи до пекла, чи до неба — на веки,

Есть то правда неотменна,
Що с tych една, а не инна — на веки
Чекает нас всех дорога,
Така есть в том воля Бога — на веки.

Так в святом Евангелии,
Христос учит о житии — на веки,
Едних бо к Себе вызывает,
Других в пекло отсылает — на веки.

Тут светови скажете люде,
Що то в оном пекли буде — на веки.
Якия там будут муки,
Нужды, троски и доуки — на веки.

Темность страшна места того,
Причиняет муки много — на веки;
О, як тяжка то казнь буде,
Если не видят света люде — на веки.

Душу жалость зранит многа,
Понеже strатила Бога — на веки.
И все ласки и все дары
Зрение Божия твари — на веки.

Там грызет червь сумления,
Же не достал спасения — на веки.
Для марности позбыл неба.
А так погибати треба — на веки.

Ужаснемся, христиане,
Бо и с нами тож-ся стане, — на веки.
Если не будем ся каяти,
Суда Божия бояти — на веки.

Приказанья исполняти,
Наук церковных слухати — на веки;
Не допусти, Христе Боже,
Страсть Твоя нам да поможе — на веки.

64. Пасли пастыри овцы на горе

Пасли пастыри овцы на горе.
Увидели Матерь Божу на скале.
На той скале стопку знати.
Где стояла Божая Мати,
Там воду берут,
Всем верным дают.

О, Пречистая Дево Марие,
Где в Почаеве Икона Твоя,

Чуда Твои над чудами
Показала над Турками,
Бо Твоя сила
Всех победила!

З града Збаража в Почаев пришли
Много народу христиан нашли,
Зачалися уганяти,
Як бы могли всех достати,
Раду складают.
Все ся змовляют.

В вивторок рано браму облягли
Законникови главу истяли,
Он взяв несе свою главу
Матце Божой дае славу,
Перед образом паде,
Дух свой предаде.

А в монастыри плачут, рыдают,
Руце подносят, крыжом падают:
Змилуй же ся Дево-Мати,
Не дай нам погибати,
В несчастной доле,
Турков неволе.

За един бо день с Турецкой земли
Стал в Почаеве чернец с неволи
Матерь Божую ублагати,
Жеб схотела отогнати,
Злых бусурманов, Магометанов.

Божая Мати всем ся заявила,
И омофором верных покрыла,
Не бойтесь, христиане.
Не возьмут вас бусурмане
В свои руки,
В тяжкия муки.

Иов Железо пред Мариєю
Стал, на поветру всем видимою,
Просит Пани Монархини:
«Не опускай той святыни,
Яко Царица
И Владычица».

Турки-татары смело ступают.
На гору стрелы, як дощ, пускают,
Угоняются с мечами.
Мают стрельбы за плечами,
Их же все стрелы
Назад летели.

Крикнул на войско турецкий паша;
«Все мы погибли, недоле наша;
Назад стрелы ся вертают,
И нас самих забивают,
Що я такого
Бачу дивного?!...»

С того ся все турки дивовали:
«Такого чуда мы ще не видали,
Знать, с небес Божии силы,
Полки войска наступили,
Нас прогоняют
И убивают».

«Вы, христиане, турок пытается,
Що то за Пани на горе сияет?
С нею войско и с мечами
Поступав все за нами,
Нейде землею,
Но облаками».

А христиане так им сказали:
«То Матерь Божия стоит с Ангелы
Ея образ в Монастыре
Славен чуден в Божией силе,
Котору мает
И всем являет».

Страхом великим все закричали,
Божую Матерь «Божком» назвали,
На поветру стоять «Божка»,
С нею пришло много войска,
Недоле наша!
Забитый Паша!

Вон бусурмане с мисця рушают,
С коней падают, карки ломают,
С Почаева утекают,
Невольников оставляют;
Марии сила
Страшна им была.

О, Мати Божия, мощна Царице,
Мы пред Тобою падем на лице...
Прибуди в помощь и в час смерти
Не дай в грехах нам умерти,
Предстательнице,
Всех заступнице!

65. Патриарси, торжествуйте

Патриарси, торжествуйте;
Отроковицы, бодрствуйте,
Со пророки ликовствуйте:
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

Ева, ныне веселися:
Непорочна дщерь родися,
И во храм приведется.
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

Та во храм воведется,
Иерею воздастся,
Ею же мир весь спасется.
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

Захария со девами
Приемлет ю со свещами;
Возглашают вси устами:
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

Архангелы торжествуют,
Богоматерь приветствуют.
Царицею именуют.
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

Вся же силы небесныя
Поют песни прекрасныя:
От Давида писанныя:
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

Соломоне премудрейший,
День сей есть ти пресветлейший,
В он же праздник всечестнейший.
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

Церковь твоя совершенна,
Чистым златом украшенна,
Ликовствует просвещенна.
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

К ней приходить днесь Девица,
Трилетствующа Юница,
Небесная Владычица.
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

И мы вси Ю да сретаем,
Непрестанно восхваляем,
С пророком восклицаем:
Приведутся девы
Во след Ея, ближняя ея,
Во святая святых.

66. Помози нам, Христе Боже

Помози нам, Христе Боже,
Бо наш разум сам не може
Краснаго воздати пения,
Матери Твоей Предивной,
Царице нам Милостивной,
Родшея Тя от Духа Божия.
Она бо есть Мать наша Пресвятая,
С телом и душою на небо взятая,
И нас грешных не забывает.

Она радость творит на небе
И нам во всякой потребе.
Матерью ся доброю стала звати.
Милая Отцу невеста,
Сынови Мать Пречиста,
Заступница людям — треба знати.
Духови Святому Обитательница,
Ангелом небесным найвысша Царица,
Святым всем причина радости.

Душе, аще хочешь знати,
Яка есть твоя Мати,
Припомяни муку Христову.
Он бо на кресте висячи,
Целый свет в смутку видячи,
Деву чисту за Мать нову
Отдал нам, мовячи: ото Мать твоя,
Не плачьте, сироты, любы чада моя.
Она слезы ваши утолит.

Дар сей для нас превеликий,
От Христа Бога Владыки
В Богородице мы все обретаем
Во Червонной Руси краю,
Яко во небесном раю,
Много милостей получаем.
сведком Турковичи и ныне и здавна:
Образ Монастырь Твой сохраняет явно
Матерних ласк Девы Марии.

От образа чудовного,
В Турковичах прославленного,
Кто не обрел ласки Марии,
Прийдем до Ней с верою,
С почутьем наивысшей надеи,
С сей сердечной молитвой к Тебе прибегаем:
Прости наши вины, молим Тя благаем,
Заступница наша Благая.

Бесны — исцеление, хромы — прямохождение,
Возревши на Образ, получают.
Для бедных еси помощию,
Темных очес — светлостию,
Глусии там слух обретают.
Сиротам и вдовам Предобрая Мати,

Ты для всех источник благодати.
Помози нам, о, Богомати!

Когда наш край угнетали,
Мрак унии навязали,
Тогда, Благая Мати, Ты о нас пеклась
От тяжких мук нас избавляла,
И от вечной гибели нас удержала.
Спешим же ныне в Обитель Святую
Воспети Марию, Деву чистую,
заступницу нашу благую

Будь Ты верным обороною,
Просим и святого трона
Тебе, нашу Мать и Царицу:
Православных благослови,
Заблудших вразуми
И всех во едино соедини.
Богу Единому в Троице угождати,
Ко Твоей причине всегда притекати,
Мати безмерных благодати.

А мы Тебе, многопета, Мати плачевного света,
Вдично с сыном будем хвалити,
Только дай нам в часе смертном
С Тобою в царстве небесном
Во веки веков житии.
Изволь недостойну песнь сию приятии,
И дай во век веков Тебе прославляти,
Милостивая наша Мати!

67. Помощника кто ищеш

Помощника кто ищеш, имаши вскоре,
Аще токмо руце твои вознесешь горе,
Онуфрия преподобна,
Молебника всеудольна,
Во всех потребах, во всех потребах.

Огня пламень не вреди ему, но яко злато,
Небес Творцу очищенно, яве приятно,
Вовержен бо воздев руце,
Скоро прият помощь в муце
Ангелом чудным, ангелом чудным.

Больше явил усердие ко службе Бога,
Род во земли оставил, мир и царства многа,
Палат отца отлучился,
И в пустыню преселился,
Монах от плен.

Ангельски ту Онуфрия вижу живуша,
Хлеб от Бога во образе пищи имуща,
Его ланя вскармляше,
В монастыре як видяше,
О чудес славных!

Так пречудно воспитанный, яко ся рече,
В седьмом лете во пустыню скоро потече,
Ангел ему предъидяше,
И на подвиг наставляше
Суща в пустыни.

Ах, как странно се житие в детища леты,
Соравен бо отцем святым, ихже бе зрети!
Терпя сладце мраз, глад, жажду,
Пафнутию рече: стражду,
Христу служащи.

В таковом терпении угождша Богу,
Онуфрие, отче святой, Тя по премногу
Возвеличи Христа сила,
Даст Ангелми Тайны Тела,
Яко достойну.

Господь всегда обещался Тя послушати.
О людях мольбы творяща, готовь спасти;
В час смерти в помощь буди,
Тя славящих не забуди
Усердно молим!

68. Пред Тобою, мой Бог

Пред Тобою, мой Бог,
Я затеплю свечу,
О прощеньи грехов
Я молиться хочу.

Твой Божественный лик
На иконе святой
Всем прощение сулит,
И любовь, и покой.

Ты страдал на кресте,
Пролил кровь за людей,
Нас с Отцем примирил
Крестной смертью Своей.

На поносном кресте
И в терновом венце
Ты Отца умолял
За врагов при конце.

Ты и нам завещал
Не роптать на людей,
Повелел забывать
Об обиде своей.

Пред Тобою, мой Бог,
Ныне я предстою
И с поникшей главой
О прощеньи молю.

Из нужды, нищеты
Мне исход укажи,

И в несчастье, беде
Ты меня поддержи.

От соблазнов, грехов
Отклони, сохрани,
Духа злобы, вражды
От меня отжени.

И людям послужить
Дай мне силу, Творец,
Чтоб с покойной душой
Встретить жизни конец.

69. Предвечный родился от Девы

Предвечный родился от Девы,
Хотячи землю просветити,
Да нас от тьмы возведет
И ко свету приведет
Заблуждших.

Новое лето зачинает,
Новый Царь царя низлагает,
Убогим ся народил,
Богатаго засмутил Ирода.

Когда Сына породила Дева,
Падает в Ефесе Диана,
Познан Бога, храмино,
Веселися, дружино Христова,

Привыкай, Дево, повивати,
Не престань, старче, охраняти
Создателя своего:
Знают Царя нашего быдлята.

Полнота месячная была,
Когда Дева Сына родила:
Целую ночь освещать,
Волю Его исполнять хотела.

А звезда понудила цари
Спешити к вертепу со дары,
Поклонились пастырие,
Посем нашли царие Царя всех.

Ирода лжива оставили,
Иным путем возвратились:
Радуются искренно,
Що ходили не праздно в дорогу.

А Ирод тем засмутился,
Що Христос Господь народился:
Велел Его искати,
По всей земле пытати для смерти.

Иродиане все смутились,
В Египте идола разбились:
Ангел во сне являет,
Что Ирод замышляет на Христа.

Пойми же, Иосифе, Деву,
В Египет твори стезю дальну:
Пока враги погибнут
И кончину восприимут, буди там.

Ироду не уподобимся,
Вернии, Христу поклонимся,
Щоб от грехов нас хранил,
В свое царство нас вселил на веки!

70. Предивное торжество

Предивное торжество!
В теле людском Божество:
Закон давай, сей исполняе,
По закону приймае
В церковь принесися.

Рождша Сотворителя
Верных Искупителя,
Дае голубина два птенца,
Так своего Первенца
Матерь искупляе.

Чистая голубица,
Нескверная ягница,
Яснейша над солнце и зори
Честнейша над все хоры
Ангел и Архангел.

Над крин сельный белейша,
И над кристал чистейша,
В церковь на руках Сына вносит,
Очищения просит
Суща без порока.

Симеон ю встречав,
Яко лебедь, спевает:
«Ныне отпусти мя, Владыко,
С сего мира, елико
Милостив еси мне.

Отпусти мя отсюду,
Первый пророк да буду,
Отцом сетующим воспою
Во аде малость твою,
Яко к ним грядеши».

Старец, держай Младенца,
Всея твари Первенца,
Рече: верным на возстание,
Купно на падение
Неверным сей буде.

И твое Мати бывша,
Без болезни родивша
Сердце прободет оружие,
Як на кресте стемнее
Предвечное Солнце.

Симеоне ерарше,
Великий Патриарше,
Зревши Бога в плоти рожденна.
В церковь принесенна,
Пестуне предивный.

Будь за нами причина,
Моли Матерь и Сына,
Да нам позволить мирно жити,
Смерть благу заслужити,
Взором Твоей смерти.

71. Пресвятая Дево, Светла Зарнице

Пресвятая Дево, Светла Зарница,
Мы Тебе просим, наша Царица
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Молися за нами, о наша Мати!
Не дай нам дольше в грехах зостати,
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Мы бо не знали, як жити треба,
Штобы по смерти попасть на небо.
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Мы о выгоде телесной дбали,
А о душе нашей не памятали,
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Мы в грехах света утеху мали,
О суде страшном и не згадали.
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Шо мы тогда будем грешны рабити,
Як приде Синь Твой нас всех судити.
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Он нас пытати не буде многа,
Ти кто жил в выгодах света того.
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Он нас пытать за тое стане,
Ти мы такъ жили як христиане.
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

И суд выдаст Бог Справедливы,
«Идите во огонь неугасимый».
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

От того храни нас, Божая Мати,
И не дай нам в грехах умирати.
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

Дай же нам Сама с грехов повстати
И Сына Твоего переблагати.
Мы Тя благаем и руце возносим,
Спасай нас, спасай нас, усердно просим.

72. Пречистая Дево, Мати нашего краю

Пречистая Дево, Мати Русскаго краю!
Поистине любящих Тя сладостный раю!
Ты Почаев возлюбила,
Чудесами прославила
Целому свету.

Первее видели Тебе на верху скалы,
Стоящую в столпе огня, яко признали:
Два инока и присущий
Иоанн, чреду пасущий,
Прозваньем «Босый».

Сии три свидетели достигли места
Виденнаго, но ничто же больше узреша,
Токмо изображение:
Правой ноги знамение,
Полное воды.

Оттуда первое чудо: всяк да внимает,
Яко от огня и скалы вода бывает,
Выше естественно дело,
Источник целебный зело
Верным содела.

Отсюду больнии здравие все почерпают,
Мертвии живот, слепии свет zde получают,
Суть доводом деяния,
От четырех век писания
В том монастыре.

Второе видели Тебе во время брани,
Егда со бранию прииде бусурмане на ны,
Ты была щитом над стенами,
Окружена ангелами,
В свете великом.

В обстоянии суще, Тебе молили,
Бы ся вечной горькой смерти тогда збыли,
Вскоре помощь Твоя дана:
Поражена и отгнана
Гордость турецка.

При образе твоем милость Бог нам дарует
Где на правом лоне Мати Сына пестует;
Дажь же, дабы мы, грешницы,
Сына Твоего у десницы
Стояти могли.

Мир сей, диавол и тело на нас воюют,
Искусы гордость богатство и сласть приносят
Стершая главу змиеви,
Дажь и мне, грешникови,
Одоление.

И церковь Ты нашу в мире сохраняй,
Еретические полки всегда отгоняй,
Дажь единомышление
И друг друга любление
Всем правоверным.

73. Пречистая Дево, Мати русского краю

Пречистая Дево, Мати русского краю,
Як на небе, так на земле Тя величают,
Ты грешников с тяжкой муки
Чрез Свои спасаешь руки,
Не дай пропасти.

Тебе вси святии служат, Родице Божа,
И мы грешнии Тя славим все яко можем,
Целым сердцем нехай щиро
Тебе служат душа и тело, Мати чистая.

Кто не блажит Тя за дары? Зде на всех воззри,
Отовсюду в Холм идущих до святой горы:
Хворых, темных, сомнящихся
Исцеляешь молящихся
Прошу-ж и мене.

Призри милостивно на мя, вернаго слугу,
Не дай, Мати, упадати в велику тугу.
Скажи теперь, як бы знати,
Где той путь, що душу спасати,
Благая Мати.

В Тебе той путь обретаем.
Во всякой тебе
Помогаешь и просящих вселяешь в небе.
Не выпускай же на веки
С Твоей пресвятой опеки
Мене грешнаго, мене грешнаго.

74. Пречистая Дево, Мати Холмския Руси

Пречистая Дево, Мати Холмския Руси,
Мы рабы Твои и дети славим Тебя вси:
Ты Холм град наш возлюбила
И Свой образ там явила
Нам в защиту всем.

Когда нашу Русь Святую громил страшный враг
И под Холмом развевался нечестивых стяг,
На горе Святой Ты была,
И страну всю оградила
От грозных врагов.

И мы ныне с душой светлой во святой град спешим
И Рождество Девы Чистой в песнях воспоем,
Руки вознесем в моленьи
О всех верных душ спасеньи
На горе Святой.

75. Пречистая Дево, цвет благовонный

Пречистая Дево, цвет благовонный,
На помощь, Марие, от Бога нам данный.
Все людие прибегайте,
Все людие прибегайте,
Благодать обретайте от Марии.

Коли час приходит в бедах Тя просити,
Не изволь же, Дево, лица отвратити,
Буди с нами день и ночь,
Буди с нами день и ночь,
Даруй нам Свою помощь, Марие.

Ангелов Царице, прославленна в небе,
Не презри молитвы во всякой потребе.
Встанься до Сына Своего,
Встанься до Сына Своего,
Да ради греха нашего люте не згинем.

Иисусе сладчайший, к Тебе припадаем,
Мы, Твои слуги, молим Тя, благаем:
Не допускай на нас кары,
Не допускай на нас кары,
Зливай на нас свои дары и помилуй нас!

76. Приидет година для всех едина

Приидет година для всех едина.
Когда ся разлучати от тела треба,
Як скажут с неба,
Свет и все покидаты.

Смерть надо мною стоит с косою,
А нема обороны,
Час уплывае, суд Бог выдае,
Зле с всякой стороны.

Ах несчастливый, як же зlostливый
Сам на себе бываю,
Если с всяким делом иду за телом.
За смерть не памятаю.

Суд наступае, трубу готуе
Ангел, Книга делами
Всех записана, буде подана,
С ней ся осудим сами.

Бог справедливый, всем злым страшливый,
Сядет на своем троне,
Перуном гляне к тому, що стане
По левой с дел стороне.

Зачнет судити, добрым платити,
А злых отдаст на муки
С телом, с душою сгинут своею
Без всякой поруки.

Ах, вечна страта, пекельна врата
Отворятся широко,
Теми грешнии и проклятии
В пропасть пойдут глубоко.

А в той неволе, несчастной доле,
Горе пребудет всегда,
Плач и червь горший, диавол скорший
До муки будет егда.

Боже ласкавый, дай до поправы
Часу, молим с слезами,
Вечность, ах! злая и проклятая
Да не владеет нами;

Лучами солнца тела без конца
Праведных заяснеют,
Всяки прикрости будут сладости,
Которы тут имеют.

Видь, душе моя, благая твоя
И зачни их любити,
Видь, ах! злая, безконечная,
И перестань грешити.

77. Приидите ублажим Иосифа приснопамятного

Приидите ублажим
Иосифа приснопамятного,
В нощи к Пилату пришедшаго
И Живота всех испросившаго:
Дажь ми Сего страннаго,
Иже не имеет, где главы подклонити,
Дажь ми Сего страннаго,
Егоже ученик лукавый на смерть предаде,
Дажь ми Сего страннаго,
Егоже Мати зрящи на кресте висяща,
Рыдаючи вопияше,
И матерински восклицаше:
Увы Мне, Чадо Мое!
Увы мне, Свете Мой!
И утроба Моя возлюбленная!
Симеоном бо предреченное
В церкви днесь событся,
Мое сердце оружие пройде,
Но в радости Воскресения Твоего
Плач преложи.
Поклоняемся стражем Твоим, Христе.
Поклоняемся стражем Твоим, Христе.
Поклоняемся стражем Твоим, Христе.
И Святому Воскресению.

78. Приносит Дева Младенца

Приносит Дева Младенца во Церковь ныне,
Егоже Симеон старец срет в святыне,
Радостию одержимый,
Яко Бог непостижимый
Миру явился.

Восприняв на свои руки всех Создателя,
Рожденного от Марии Искупителя,
Яко на престоле носит
И отпущения просить
От уз жития.

Ныне, рече, отпусти мя в вечный покой,
По глаголу Твоему видесте очи мои.
Христе, спасение Твое,
Верным уготованное,
И свет народам.

Ты еси моя утеха, моя держава,
Израиля чаяние, всех людей слава:
Но уже приими мя в мире,
Состаревшагося в вере,
Видех бо Тя днесь.

Не чудися о реченном мною, Марие,
Сей есть востание многим и падение,
И Тебе, Царице неба,
Поболети треба
При муках Его.

Анна целомудренная, увидев Бога,
И она в той час исповеда о Христе многа:
Се, от Марии просия Бог
И истинный Мессия,
Спаситель мира.

Мы, верные, приветствуем Бога рожденна,
От Девы в церковь Господню днесь принесенна,
Дабы нам изволил дати
В небе с ним торжествовати
Во веки веков.

79. Просветителю нашему, славну князю Владимиру

Просветителю нашему,
Славну князю Владимиру,
Веры свет православная
Земле нашей явившему:
Слава, слава!
Княже святой,
Равноапостольный!
Слава, слава!

Заблуждений языческих
Мрак глубокий разгнавшему

И святым нас крещением
Со Христом сочетавшему.
Слава, слава!
Княже святой,
Равноапостольный!
Слава, слава!

Научение книжное
На Руси насадившему
И по весям и градам всем
Храмы Божьи воздвигшему.
Слава, слава!
Княже святой,
Равноапостольный!
Слава, слава!

И горит над родной землей
В лучезарном сиянии
Ярче солнца и светлых звезд
Всечестный, чудесный крест Христов.
Слава, слава!
Княже святой,
Равноапостольный!
Слава, слава!

Просветитель великий наш,
Славный княже Владимире!
Благодарно поем тебе
Наши песни хвалебныя.
Слава, слава!
Княже святой,
Равноапостольный!
Слава, слава!

80. Радостным сердцем возвысим глас

Радостным сердцем возвысим глас,
Страстотерпицу чтуще в сей час,
Параскевие, крестная лилие,
Чистая девице, райска ластовице,
Моли Бога о нас.

Всякия муки ты терпела,
Егде нечестие обличила
Злых человеков, неверных языков;
За тое от Бога красного чертога,
Венцем украшена.

Жених венча тя Возлюбленный,
Твоими страстьми быв почтенный,
Христос Спаситель, мира Искупитель,
Сыном Чистой Девы бытии восхотевый
Во спасенье всем.

За имя Его ты мучаху,
Раны наложше, востираху;
Биша бичами, палиша свещами

Святую девицу, купно же в темницу
Ввергли избиенну.

Христос немощну исцеляет,
Ангела света посылает,
Иже всечестна орудия крестна
Дает целовати, до конца страдати
Тебе укрепляет.

Отсюда крепость взят обильну,
Попрати врагов зло безсильно,
В силе десницы падают божницы
Ибо сокрушила, во прах обратила
Неверных идолы.

81. Радуйтесь все людие

Радуйтесь все людие,
Радость нам с неба спадае;
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Зступил до нас с высоты,
Щоб мог нас всех тут спасти.
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Пришли к нему трие цари,
Поклон дают, кладут дары.
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Ливан, смиру, также злато,
С разных краев в дар принято.
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Пастырие дают хвалу:
Прийми от нас, Христе Царю!
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Ему мы даймо покаянье,
Даст нам грехов отпущенье.
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Святу Троицу познаваймо,
Богу честь, хвалу отдаймо.
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Аллилуя заспиваймо:
Деву чисту выхваляймо.
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

Аллилуя, аллилуя.
Радуйся, Дево Мария!
Веселая нам новина:
Породила Дева сына
Мария! Мария! Мария!

82. Рождеств

о славно

Рождество славно Приснодевья
Восхвалим вси днесь во гласех пения
О чудо:
Дитя, таже и Мати!
Богу возлюбленна.
Свету нарожденна,
Во спасение всех,
Во спасение всех.

Жезл от корене Иессеова,
Исполнишася Исаии слова:
Произыдет славно,
Обещанна давно,
Красная лилия,
Пречиста Мария
Нарожденна Царица,
Нарожденна Царица.

Звезда возсия, Солнце возводящи,
Сучец голубица оливный носящи:
Нам грешным Божия Благоутробия
Даровательница,
Мария Девица,
Мати Христа Бога,
Мати Христа Бога.

Пророчески лик весело играет
Со Моисеем Ю предусматривает:
Купину сей зрел,
Гору — Даниил,
Езекииль — врата.
Жезл и стамну из злата;
Руно — Геден славный,
Руно — Геден славный.

А царь Царицу Давид именует,
В ризах позлащенных свету изъясвствует:
Семя — Авраам,
Звезду — Валаам,
Иаков — лествицу
Нетленно Девицу,

Исаия — родившу,
Исаия — родившу.

Вси согласно днесь Марию сретаем,
Днесь рожденную песнями прославляем.
Вознесем до Нея
Вся потребы своя:
Всещедрая Мати,
Не престань спасати
Правоверных слуг своих,
Правоверных слуг своих.

О, Дево Марие, молися днесь с нами,
Просим Тя усердно грешнии со слезами:
Земным пособи,
В небе сподоби
Со святыми жити,
Тя с Богом хвалити
На веки вечныя,
На веки вечныя.

83. Светлейша Деннице

Светлейша Деннице, Дево Владычице Марие,
Просит мир христианский;
Сотри полк агарянский,
Будь ходатаица к Сыну.
Тя имамы едины
Во помощь.

Покровительнице, всем предстательнице
Просящим,
Покрывай омофором
Пред сопротивных взором;
Смири неверных роги
Под святые Ты ноги, молим Тя.

Миру всеблагая, благословенная Надеждо,
Уповающим на Тя
Буди Мати в напасти.
Спасай верных воскре,
Дабы в небесном дворе пребывали.

Должно есть признати, яко еси Мати
Скорбящим.
Изволь скорби отгнати,
Дажь в радости остати.
Моли Сына, Девице,
Скора ходатаице Ты к нему.

Небес пространнейша, херувим славнейша
И Святых,
Молим Тя со слезами,
Покров буди над нами,
Изволь всех сподобити,
В небе жизнь получитьи на веки.

84. Светло днесь ликуем

Светло днесь ликуем
Песни воспеваем,
Бога Отца Содетеля
Сердцем восхваляем.

Той нам благодать дал
Средь нас пребывати,
Сына Его воплощенна
В церкви обитати.

Голубица иста,
Мария пречиста
В церковь приносить младенца,
Иисуса Христа.

Старче, прииди семо,
Отдай поклон Богу:
Сего бо отдавна ждал ты
Вся дни попремногу.

Подыми рукама
Творца всего света,
Дабы нас возблагословил
На многая лета.

Прият Его старец
В объятия своя,
Песнь сам себе исходную,
Аки лебедь, поя:

Ныне отпусти мя,
Раба Ти, Владыко,
Старостию утружденна,
Ждуща Тя толико.

Видех бо очима
Свет в откровение,
Языков и славу людей
Твоих спасение.

Вернии, воскликнем,
Духовно възиграем,
С Симеоном и Анною
Христа прославляем!

Он бо нас сподобит
Тоя благодати:
Со святыми вечно в небе
Его созерцати.

85. Светло небо со ангелы

Светло небо со Ангелы веселися днесь,
Возыграйте горы, холмы, и ты, роде весь.
От неплоды раждаеся, с Нею мир обновляеся.
Пред избранна, ожиданна Дево Марие.

О, чудо чудес новейшее! Како бо в Тебе
Возможет вместиться Невместимый в небе.
Престол zde уготовляе, земных слезы утоляе,
В сей сладкий час горесть всяку от нас отымае.

Предстаните, празднoлюбцы, всею душою,
Радующеся, ублажим Матерь Божу:
Иоакима и Анны молитвы суть услышаны,
Прозябе плод, Того весь род вечных ублажит.

Адам и Ева от клятвы разрешаются,
Бо родился Матерь Бога, утешаются.
Радуйтесь, вси языцы, бо праздник Отроковицы.
Воспевайте, восхваляйте Деву Чисту!

Тою вси пророцы конец ныне прияли,
Юже в ветхом завете изображали.
От всех родов избранную, Деву Пренепорочную,
Явственно днесь, человек весь роде, привет-
ствуй.

И ты велегласно в гусли бряцай, Давиде,
От твоих чресл Богоматерь во мир изыде:
Матфана, Марию, Сови, сродство Анны созови,
Торжествуйте и ликуйте в рождестве Девы.

Царица небесная на земле родися,
Из Нея же волею Вышний Бог воплотися.
Во время последнего века, дабы спасти человека.
Изволивый, устроивый, яко же весть Сам.

Кий разум достойны песни Деве составит?
Звезды служат, солнце поет, луна Ю славит.
Усты брeнная отверзи и надежду всю возверзи.
Благодати Самой дати — сие есть дело.

Иже Ту Предстательницу взыщещи,
Тебе, zde живущему, поможет, сподобит.
В Тебе Бога в Троице созерцати, Ея помощь про-
славляти
Со святыми купно всеми во веки веков.

86. Святый Боже, Святый крепкий

Святый Боже, Святый крепкий, Святый без-
смертный,
Помилуй нас.
От поветрия, глада, огня и войны избави нас,
Господи!
О Марие! Дево и Мати Божия, моли Бога о нас!

Спаси люди Твоя, Господи, и благослови достоя-
ние Твое.
И упаси я и вознеси их во веки.
Во вся дни благословим Тебе и восхвалим имя
Твое
Во век и в век века.

Умилосердися над нами, Господи, умилосердися
над нами.

Да будет милосердие Твое, Господи, над нами,
Якоже уповахом на Тя:
На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во
веки, аминь.

От наглої и несподеванной смерти,
Сохрани нас, Господи!
Сохрани нас, Господи!
Сохрани нас, Господи!

Мы грешнии Тебе Бога просим,
Прости нам, Боже!
Прости нам, Боже
Прости нам, Боже

Мы грешнии Тебе Бога просим,
Услыши нас Господи!
Услыши нас Господи!
Услыши нас Господи!

Мы грешнии Тебе Бога молим,
Помилуй нас, Господи!
Помилуй нас, Господи!
Помилуй нас, Господи!

О, Марие! Дево и Мати Божия,
Моли Бога о нас!

87. Скиния золотая, ковчеже завета

Скиния золотая, ковчеже завета,
Видящи днесь младенца Сына повита,
Радуйся, Марие, радуйся, Приснодево,
Во нетленном рождестве твоём.

Пастырием со Ангелы тайна явися,
В Вифлееме во вертепе Христос родися.
Радуйся, Марие, радуйся, Приснодево,
Во нетленном рождестве твоём.

Вол и осел ту суще Творца познают,
Рожденному днесь Младенцу хвалу воздают.
Радуйся, Марие, радуйся, Приснодево,
Во нетленном рождестве твоём.

Звезда ясна сияет Ему служаще,
Три цари приходят дары носяще.
Радуйся, Марие, радуйся, Приснодево,
Во нетленном рождестве твоём.

О Марие Богомати! молися за нас,
Да возможем Тя хвалити мы на всякий час
Радуйся, Марие, радуйся, Приснодево,
Во нетленном рождестве твоём.

88. Согреших, о Боже мой!

Согреших, о Боже мой! Отнюдь не таюся:
Согреших, виновен есмь, сих не отрекуся.
И несть тая безвинная моего состава часть,
Яже бы не дерзнула творити лукава.
Исповедаю словеса права.
Исповедаю словеса права

Мне бо мысль от юности — на зло вожделети;
Веси, несмы ангел, благо не могу успети;
Согреших, содеянное како утаити;
Самое дело истину нудит изъявити,
И невозможно того сокрыти.
Исповедаю словеса права

Обаче кающеся, паки согрешаю,
Грехи ко грехом моим всегда прилагаю.
Согреших окаяннейший, согреших до зела,
Согреших всеми чувствами души же и тела.
Вся злая похоть во мне содела.
Вся злая похоть во мне содела.

Ниже что под именем греха содержимо
ОбращетсЯ, еже бы мене прошло мимо,
И чувственно сама мене правда обличает
Егда совесть внутренняя душу осуждает.
Виновна быти зело являет.
Виновна быти зело являет.

Утаити убо злых дел мне невозможно,
И что было, рещи, что не было, есть безбожно
Той смел бы на сие, кому Давид припевает:
Безумен во сердце своем, несть Бог помышляет,
Сам разве таков правды не знает,
Сам разве таков правды не знает.

Аз же с пророком зову: помилуй мя, Боже,
Ничто утаитися от Тебе не може;
Беззаконие аз знаю, грех есть предо мною
И лукавое сотворих, Творче, пред Тобою:
Всещедроу мя спаси судьбою.
Всещедроу мя спаси судьбою.

89. Спелайте, люди, кто жие на свете

Спелайте люде, кто жие на свете,
Дева Мария е в Бельском повете, повете.

В Леснянску обитель там ся объявилась
Щоб вси христиане на Нею молились.

Хто виру ма в Бога и zostавсь крещеный,
Нехай поспиае до той иконы,

Нех молится щиро дитина покорна,
Порадить, пригорне его Чудотворна.

Мати всеблагая помилуе грешных,
Заступница перед Сыном, Господом Всевышним.

И Господь уважит и подаст надю,
Хто сердцем преклонит пред стопы Марии

И як же счастлива та сторона Лесна:
Там вдревле явилась икона Небесна!

Своим лицом ясным храм весь осветила,
Не раз помощь людям смиренно явила,

Приидите хрещени, в Леснянский храм Божий,
Царица небесна усим вам поможе.

Приидите вдовицы, приидите хромые,
Приидите калики и диты малые!

Усих заспокоит Мати Всеблагая,
Усе подаст людям икона святая.

Дево Марие, Милосердна Мати!
Дай легку годину, як будем вмирати.

Перед Сыном в неби за нас заступися,
А поки живемо, за нами молися,

К Тебе припадаем, смиренно взываем:
От бед избавляй нас, на Тя уповаем.

Заступнице усердная и сирых и вдов!
Избавь нас по смерти от тяжких оков!

На сем свете научи нас,
Як ся нам тут жити:

Тебе просим, преклонившисьь.
Мы, покорны дети.

90. Спит Сион

Спит Сион и дремлет злоба,
Спит во гробе Царь царей!
За печатью камень гроба,
Всюду стража у дверей.

Ночи темень сад объемлет,
Стража грозная стоит,
Чуткий слух ее не дремлет,
Зорько вдаль она глядит.

Ночь прошла. На гроб Мессии
С ароматами в руках
Шли печальные Марии
Безпокойство в их чертах.

И тревога их печалит.
Кто могучею рукой
Тяжкий камень им отвалит
От пещеры гробовой.

И глядят дивятся обе,
Камень сдвинут, гроб открыт,
И как мертвая при гробе
Стража грозная лежит.

А во гробе полном света,
Кто-то чудный неземной,
В ризы белыя одетый,
Сел на камень гробовой.

Ярче молнии блистанья
Блеск небеснаго лица,
В страхе вестницы взирают,
И трепещут их сердца.

Что вы, робкия, в смятеньи,
Им сказал пришлец святой,
С вестью мира и спасенья
Возвратитесь домой.

Я ниспослан небесами
Весть чудесную принесть,
Нет живого с мертвецами,
Гроб уж пуст, воскрес Христос!

И спешат оттуда жены,
И с восторгом их уста
Проповедуют Сиону
Воскресение Христа!

91. Тлит боязнь сердце

Тлит боязнь сердце, мыслю и трухлею
Когда лета вечна в памяти имею;
О, Боже добрый, пребуди ласкавый,
До твоей sprawy.

Куда ни гляну зеницею ока,
В небо чи в пекло, ах! вечность широка,
Отвсюду мя тревожить, зближается, гонит
Кто ж оборонить?

Век коротится, а час уплывает
День по дню бежит, смерть ся приближае,
Що день, то ближеще вечность ожидае,
Грешник не чае.

Вем, що зле жию, не вем яка смерть буде,
По злом житии вечно гинут люде,
Егда раз згину, вжесь не поправлю,
Души не збавлю.

Пощо ж ся бавлю в грехах и марности,
Уже доходяй до дверей вечности,
Ах, зле зблудил есмь, исправлюся лично,
Бо згину вечно.

Днесь или утро отъити потреба,
Не вем — до пекла чи до неба?

Що ж мне по всему, если небо мину,
И вечно згину?

Що же мне свет целый без Тебе, мой Боже,
С Тобою всюду добро быти може,
Если ж Тя сгублю, що по добрах света
Во вечна лета?

На що ж мне выйдут роскоши, уроды,
На що приязни и всяки выгоды?
Не отжалую вечным плачем тое,
Что творю злое.

Прииде рыдати мне марной сваволе,
Кровавыми слезами в пекельном доле;
И утрачу Господа благаго
Для греха злаго.

Днесь убо очи излийте слез реки,
Поки безсмертны не настанут веки;
Уже бо не час плакаться в жале
В вечном упале.

Тебе молюся, Боже мой всеильный!
В покаянии приими плач умильный;
Изыми от ада, да предстою Тебе
Во веки в небе!

92. Троне вышний днесь двигнися

Троне вышний, днесь двигнися:
Роде земный удивися,
Се Дева Богомати,
Восходить обитати
В горнем троне во Сионе
Вместе с Сыном в граде едином
Вострубите, воскликните,
Все согласно днесь,
Все согласно днесь.

Рцемо купно вси устнами,
И воззовем со слезами:
Царице предъизбранна,
Богом Отцем в небо званна,
Прииди ныне от святыни,
Горней палаты, Дево и мати,
Дажь нам мирно, правоверно
Тя величати,
Тя величати.

О, девице, всех краснейша,
О, царице, всех славнейша,
Тебе святых соборы,
Купно с небесными дворы
Почитают и взывают:
Возмите врата, се бо невеста
От Ливана ожиданна,

Грядет венчана,
Грядет венчанна.

Сретают Ю Херувимы,
Окружают Серафимы,
Радостно воззывают,
К стопам ея упадают:
Прииди, мати благодати,
Сяди на троне, в вечной короне,
Заступница будь всем выну
К Своему Сыну,
К Своему Сыну.

Тем днесь небо торжествует,
Земля горько болезнует,
Апостоли рыдают,
Со слезами вещают:
Не остави, но прослави
Всех нас, Царице, мати девице,
В горнем троне даждь на лоне
Жити в Сионе,
Жити в Сионе.

Явственно днесь известися.
Сколь Царица прославися
От земных преставленна,
И к небеси превозженна;
Ибо ныне в той године
Меч изощренный, врагом явленный,
Посекает, устрашает,
Тьму прогоняет,
Тьму прогоняет.

Народ злый не ужаснулся
Еврейск, одра прикоснулся:
Но вскоре посрамленный
Бысть Афоний, рук лишенный,
Пад ниц слепо, и се лепо
Виде царицу, светлу девицу,
Проводиму горе, зриму,
От всех славиму,
От всех славиму.

Небо все просветися,
Внутрь палата украсися:
Царица спешить яве
На величие твоей славе,
Пожеланна, прежде званна,
Тщися прияти! Божия мати,
Чиста Дева, предизбранна
Богом венчана,
Богом венчана.

Певница Ты благодати,
Даждь нам убо созерцати
Отца, Духа со Сыном
Во Божестве едином;
Дабы в мире и на небе

Тя непрестанно, Дево Марие,
С ним хвалили и славили
Во век желанно,
Во век желанно.

93. Уже декрет подписуе

Уже декрет подписуе
Пилат-судия, всказуе:
На крест! На крест! Агнца неповинна.
Тебе, Тебе, Творца непременна.

Орудие зготовано;
Крест и гвоздие поковано,
Ланцух, ланцух на шию вкладают.
Христа, Христа в руки катам дают.

Иде с крестом Бог срамотно,
За ним жидове охотно,
Бежат, бежат кончину видети,
Кричат, кричат щоб скоро убити.

Все болезни проникали,
Бо все ся над Ним гнушали,
Сии, сии горько укоряху,
Сии, сии нещадно бияху.

Паде крестом натесненный,
Всеми на месть выставленный,
Млее, млее с болезни и скорби
Никто, никто не дае ратунку.

Мати як тое узрела,
Падши на землю — умлела:
Сыну! Сыну! жалостно волае,
Землю, землю слезами окрапiae.

Восшед на Голгофу гору,
Царь Архангельского хору,
Богу, Богу Отцу жертва быти,
Всех нас, всех нас Ему примирити.

Там с одежды совлеченный,
И ко древу пригвожденный,
Нагий, нагий встыд за нас поносит,
Отца, Отца за убийцев просит.

Жажду хотел утолити,
Христос ко кресту прибитый,
Оцет, оцет со желчью дали,
Иже, иже манну восприали.

Между двумя пригвоздиша,
С беззаконными вмениша!
Висяй, висий як на стреляние
Всем бысть, всем бысть на поругание,

В полудни Христос распятый
Дух предаст в час дня девятый,

Солнце, солнце лучи скрыло бяше,
Творца, Творца своего рыдаше.

Возрыдаймо купно и мы
Сердцами сокрушенными,
За нас, за нас Спаситель пострада,
Щоб нас, щоб нас искупил от ада.

Грехи наши суть причина
Смерти крестной Бога-Сына;
Тем же, тем же перси наша биймо,
Спасе! Спасе! прости! возопиймо.

94. Хвалите Господа с небес

Хвалите Господа с небес,
Сотворшаго свет выше словес:
Небо и землю и вся твари,
Все крепкою силою длани,
Создавшего и человека;
Хвалите Его в век века,
Хвалите Господа с небес!

Хвалите Его вси ангели,
Власти, начала, архангели,
Многоочити херувими,
Огненоснии серафими,
Силы, престолы, господствия,
Воскличайте выну пения:
Хвалите Господа с небес!

Прекрасная небес светила:
Солнце и луна Его дела,
Огненные звезды светяще,
Творцу в тварех земных служаще,
Небеса небес восхвалите,
Воды, превыше возшумите:
Хвалите Господа с небес?

Яко Той рече, тако быша,
Той повеле, ся совершиша.
Созда вся ради человека,
Закон даде им во век века;
Сей не прейдут, и не живуще,
Велению его внемлюще:
Хвалите Господа с небес!

Водна глубина, и дождеве,
Земные гади и змиеве,
Огнь, град, снег, голоть, вся стихия,
Купно с ними духи бурные,
Горы, холмы, цветы весенни,
Древа, кедри превознесении,
Хвалите Господа с небес!

Зверие, скоти и пернати,
Царие земли и богати,
Вси людие с своими князи.

Судей и властей вся образы,
Девы, старцы со юнотами,
Прославите единого с нами:
Хвалите Господа с небес!

Вознесе бо ся имя Его,
Паче славнейша имени всего.
И исповестся во чудесах,
На земли же и на небесах;
И вознесет рог людей Своих,
Пети в горних обителях:
Хвалите Господа с небес!

95. Христе, Царю справедливый

Христе, Царю справедливый,
Якжесь вельми терпеливый!
Що Тя свито, скатовано
И безмерно поругано.

Ты молился в вертограде
И ведал о хитрой зраде
Яко ученик лукавый
Предаст Тебя целовавый,

На молитве омлевалесь.
Кровавый пот изливалесь,
Однак приял чашу страсти,
Хотя всех грешников спасти.

Там прибегли злы жидове,
Немилостивы катове,
Невинна агнца поймали,
Руце нещадно связали.

Приведоша во двор Анны,
Тамо слуга окаянный
Тебе ударил в ланиту,
Но диавола совету.

И Каиафе представиша;
Сей Сына Божия слыша,
Начат свои ризы дерти,
Рекши: «достоин есть смерти!»

Так Тя били, укоряли,
В лице плевали, вопрошали:
«Прорцы Христе, кто Тя бие?»
Весь народ пакости дие!

Утро весь народ собрался,
Тебе убити потщался:
Возводят спешно на гору,
До Пилатова двору.

«По що сего приводите?
Кую речь нам приносите?»
«Царем ся нам называе,
Род наш уча превращав.

О сем небо ужасеся,
Кгда Бог на суд приведется».
Невинность Пилат узнае,
Руце свои умывае.

Христа мыслит отпустить,
А Варавву погубит;
Но народ немилостивый
Суд даде несправедливый,

Обвиненна свободдае,
Христа на смерть осуждае,
Рекл ся Сыном Бога быти,
Убо должен есть умрети.

О, Иисусе вожделенный,
Яхжесь еси возненавиденный!
За Твоя блага толика,
Горшим Тя мнят разбойника!

Горша кара наступае,
Бо злость жидов не престае,
Каже Пилат обнажити.
При столпе Тя люто бити.

Рек Ты, Христе, возлюбленный:
«Плещи моя вдах на раны».
Се днесь яве исполнися,
Душе грешна, ужаснися!

Обнаженный среди града,
Бог твой люто пострада,
От стоп до главы целости
Не бысть в нем от врагов зло

За кого же терпел сия
Господь, правдивый Мессия?
Терпел за наши злы дела
Личны, студны грехи тела!

О сих убо умилимся,
И пред Христом прослезимся:
Христе, терпя за нас раны,
Умилосердися на ны.

96. Царю Боже Авраама

Царю Боже Авраама, Авраама,
В Тебе благодать, крепость, сила;

Призри на земское племя, на земское племя
Подай нам дощ в тое время,

Да узнает люд правоверный, правоверный,
Що благ еси безпримерный.

А мы Тя за дар толикий, толикий
Возвеличим во все веки.

97. Царю Христе незлобивый

Царю Христе незлобивый,
Агнче долготерпеливый!
Совету жидовску бывшу,
И часу Пасхи приспевшу,

Стали жидове гадати,
Як бы им Тебе поймати,
Закон, мовлят, оставляе,
Царем ся нам называв,

Царя не знаем иного,
Токмо кесаря римскаго;
Но Иуда к ним притече,
И притекши к ним рече:

Що вы мне даєте за Него,
Я бо есмь ученик Его,
Я убо вам Его в руки
Предам на смертныя муки.

Они ся с ним совещали,
Тридцать сребренных обещали;
За сребренники продал Христа,
Учителя Бога иста.

Отшед оттуда, идеже
Вечерник готов, побеже:
Несытыя души бяше
Сребренники тай ношаше,

Хлеб преломи Христос да яст,
И всем ученикам подаст,
Не отверже ни Иуду,
Аще вся ведяше всюду.

Сей глагол им смутный бяше;
Един от них имевше,
Иже седе свечеряти,
На смерть Господа предати.

Предрек Христос ученику,
Иоанну Наперснику.
Хлеб-соль вмочивый мя предаст
Вмоченный хлеб Иуде даст.

Окаянство Иудино!
Рождение ехиднино!
Предал Христа, обвесился.
Души и сребра лишился,

Се терпел есь прежде страсти,
Христе, хотяй грешных спасти;
Егдажесь имел страдати,
Начал к другом глаголати:

«Прискорбна душа ко смерти,
Належит бо мне умерти;
Приспе конец и прииде час,
Останете, иду от вас».

Отшед зачал ся молити,
На страсть Себе готовити;
И мы Христу помолимся,
Страстем его поклонимся!

98. Цвет мысленный днесь родися

Цвет мысленный днесь родися,
Бог от Девы воплотися,
Егоже лилия,
Пречистая Мария
Нам раждает и питает
Сосцы своими, зело драгими,
В Вифлееме, во храмине
Преславно ныне.

Ангельския небес силы
Тайны сия удивили,
Тем долу приницают,
Согласно восклицают:
Слава Богу, по премногу
Мир просветившу, благоволившу
Жити гойно, богобойно,
Людям спокойно.

Пастыри там приспели,
Бога в плоти zde узрели,
Яко творца витают,
Честь от сердца воздают:
Приими веру на оферу
Преблагий Боже, больше не может
Пастырь дати с бедной хаты,
Кроме ягняти.

Трие цари путешествуют,
За звездою последуют,
Свои дары отдают,
На колена падают;
Рожденному, безсмертному,
Владыце Богу кладут у ногу
Свои троны и короны,
Смиренья полны.

Тем к вертепу вси спешимо,
С Ангелами прославимо,
Явленна, воплощенна,
От Марии рожденна
Бога в плоти, между скоты,
Видена ныне в яслях на сене:
Так от века человека
Любит Владыка!

99. Я умом ходила

Я умом ходила
В город Вифлеем
И была в вертепе
И видала в нем, —

Что Христос-Спаситель,
Царь, Творец и Бог,
Родился от Девы
И лежит убог,

В яслях безсловесных
Посреди ягнят;
А над ним Иосиф
С Матерью сидят.

Бог-Младенец горько
Плакал и рыдал:
Многими слезами
Ясли обливал!

Жаль Христа мне стало.
Пала я пред Ним,
И рыдала вместе
С Господом моим.

А потом я Деве
Сделала вопрос:
«От чего так плачет
Маленький Христос?»

Дева мне сказала:
«Плачет он о том,
Что Адам и Ева
Взяты в плен врагом.

И, что образ Божий,
Данный их душам,
Предан поруганью
Злобнейшим бесам.

Плачет, что не любят
Дети их Творца,
И сквернят грехами
Души и сердца.

Плачет, что прельстились
Люди суетой,
И пренебрегают
Горней красотой.

Плачет, что на службу
К сатане идут;
А от службы Божьей
Стар и млад бегут.

Все о плоти мыслят,
А о духе — нет.
И мрачат на веки
Свой духовный свет.

Вот о чем Он плачет!
Пожалей Его,
И утешь Младенца
Бога твоего.

Ты Его утетишь,
Если юный ум
Посвятишь с любовью
Для небесных дум.

Ты Его утетишь.
Если сердца жар
Принесешь для Бога
На святой алтарь.

Ты Его утетишь
И возвеселишь,
Как все силы духа
Правде посветишь.

Ты Его утетишь,
Если с юных лет
Жить по воле Божьей
Дашь Ему обет.

Он тогда не будет
Плакать и рыдать
И тебе на век даст
Света благодать.

И меня — как Матерь
Ты возвеселишь.
Если ум и сердце
Богу посветишь.

Я тебя за подвиг
Нежно возлюблю,
И себе в родную
Дщерь усыновлю.

Ты со мной на небе
Вечно будешь жить,
И в чертогах райских
Мед духовный пить.

С Ангелами будешь
Бога созерцать!
И Святую Троицу
Вечно воспевать.

В царственном Чертоге
Бог Тебя вселит,
И Своей любовью
Вечной наградит.

Свет великий, славный
Троицы Пресвятой
Созерцать в восторге
Будет разум Твой;
И любовь святую

Всех Царя Творца
Чувствовать Ты будешь
Вечно — без конца.

Бог пришел на землю,
Чтоб тебя спасти,
И Крестом в сад райский
Навсегда ввести.

Возлюби всем сердцем
Сына моего:
И за это будешь
Ты сестрой Его».

Я с любовью Девы
Слушала слова:
Сила их мгновенно
В сердце мне возжгла.

Сладостный, блаженный
Свет любви святой,
Чистой, благодатной,
Вечной и живой.

Я пообещала
Господа любить:
Сердце, ум, всю душу
Богу посвятить.

Добрая Царица,
Как родная мать,
Вдруг меня прижала
К сердцу, чтоб подать

Мне благословенье
И свою любовь,
И усыновление,
И святой покров.

Все, что мне открыто
Девою Святой,
Я вам рассказала
С детской простотой:

Всем друзьям желая
Бога возлюбить,
И Христу усердно
Правдою служить.

О, Христос! дай чувство
Нам Твоей любви,
И на подвиг крестный
Нас благослови!

100. Явный всему миру благодетелю

Явный всему миру благодетелю,
Православной веры известителю,
Ты ариан победил,
Вождя же их постыдил,

Богу Отцу Духа, Сына
Равна в естестве едина
Пети научил.

К Тебе мы днесь, отче, вси прибегаем,
Пастыря изрядна тя нарицаем:
Прийми, паси Ты стадо,
Укрытися есть радо,
На Твоей благой пажити
Пасящися, свято жити
Человек может.

Упасл еси добре Мирския страны,
Удивил чудеса вся христианы;
Вони Мира довольны,
Врачуют ся вси больны,
Но и душ наших немощи
Во твоей сильной помощи
Исцеляются.

Людие вси, отче, днесь бежат к тебе,
Взыскующе пользы в своей потребе:
От болезни и страсти
Желающе ся спасти,
Убозии и богати.
Ищут дары восприяти
В Твоей благодати.

Честь ти творит небо, мир славу дает,
Воздух же и море добре тя знает,
Демонския злы силы,
Где корабли топили,
Ты представши победил еси
От потопа свободил еси
Во буре сущих.

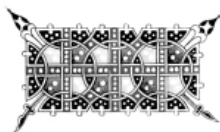
Иныя надежды, святе, не знаем,
По Бозе и Деве на тя уповаем;
Прими же всех в поруку,
Не даждь врагом во руку:
Услыши нас, Николае,
Церковь в тебе то признает,
Же вся еси всем.

Клеветы мирския, мятежа, брани,
Всяких злоключений також сохрани:
От напасти и беды,
Града, тучи, невзгоды,
Предстани нам, Николае,
Всяк тя бедный призывает
В помощь себе.

И вечныя в конец храни пагубы,
О том к тебе мольбы творим сугубы:
В исход души из телеси
Прибуди к нам с небеси.
Можешь тое исполнити,
Мы же с Богом тя славить
Будем во веки.

* * *

Представленные в антологии тексты принадлежат к ряду жанров и видов народной восточнославянской духовной поэзии, по-прежнему остающейся малоизученной. Жанровая принадлежность этих текстов далеко не всегда может быть точно определена. Кроме колядок и щедривок, относящихся к более или менее исследованным поэтическим областям, пока немного можно сказать об особенностях «церковных песней» и псалм, столь широко представленных и в настоящей антологии. Несомненно, «церковная песня», как и несколько ранее псалма, между которыми в практическом плане четкой границы нет, уже в прошлом веке стала наиболее любимой и популярной в народе областью духовной поэзии. Западное Полесье по сей день является одной из центральных территорий этого процесса, который отмечается здесь начавшейся в последнее время необычайно активной языковой адаптацией «церковных песен» при массовом сохранении в народе естественного многоязычия всего корпуса этих произведений.

Авторские записки Рябининой Любови Васильевны (схимонахини Феодосии)

Господи, благослови! Родилась я 21 января 1949 г. в селе Марьевка, Панинского района, Воронежской области, в бедной семье плотника-столяра Рябина Василия Филипповича (1923 г.р.). Вместе со мной на свет появилась близнецовая сестра Надя, прожившая недолго, она умерла крещеной в возрасте 1 год 1 месяц. Мама Рябина Пелагея Прокофьевна (1925 г.р.) до нашего рождения работала начальником сельского почтового отделения. Папа был верующим, когда мать его Пелагея провожала его в семнадцать лет на войну в 1941 г., то дала ему крестик нательный, он его берег всеми судьбами (хотя тогда было зазорно советскому солдату иметь его), носил то в карманчике, то в случае проверки зашивал в пилотку, и при каждой смене одежды строго следил чтобы он не пропал, т.е. выпарывал и вновь зашивал его в новую пилотку. Демобилизовался папа из Армии после победы, придя домой с этим крестиком. Часто он рассказывал, как эта святыня хранила его во всех опасностях на войне (в каких ужасах он только не оказывался и на каких фронтах только не был!). Воевал он и под Москвой, и в Польше, на Белорусском фронте, был под Сталинградом, довелось ему побывать и в Германии. Только один раз за всю войну его контузило. После войны еще три года прослужил в Армии. Придя в 1948 г. домой женился на маме. Дом, оставшийся от отца Филиппа, погибшего на войне и умершей в войну матери, для жилья был почти не пригоден. Но отец сам его отремонтировал и стал жить в нем своей семьей, хотя и в бедноте, но в своем доме. Наша мама была также из бедной семьи, со своей сестрой Раисой они остались круглыми сиротами еще детьми, когда маме исполнилось семь лет, а ее сестре — пять. Им даже приходилось нищенствовать, ходить по ближайшим селам просить кусок хлеба. Мать их Елена умерла при родах,

когда маме было 3 года, а сестре Раисе 1 годик. Какое-то время их воспитывал отец Прокопий, стараясь растить дочерей в благочестии, воспитывал и кормил их. А потом его взяли на войну, и там он погиб.

Когда мой папа вернулся из Армии, то встретился с мамой, сделал ей предложение, и они поженились. Она же, выходя замуж, усердно молилась Богу, чтоб Господь послал им здоровых деток, и дала обет всех пустить на свет Божий, т.е. не уничтожать абортами зачатых во чреве детишек. Так в семье родилось 10 детей: два сына и восемь девочек.

Моя сестра Надя и я родились первыми, и когда пришла двоюродная сестра мамы посмотреть на нас малышей, то сказала: «Надя хорошая, а Люба мне не нравится, такая маленькая, и вид у нее монашки». Надя была спокойной, а я часто плакала. Впоследствии я спросила у старца о. Виталия (Сидоренко): «Почему так?» Он ответил: «Во-первых, уже тогда у тебя намечался монашеский путь, который всегда сопровождается слезами, скорбями..., а во-вторых, развивался голос для пения-прославления Бога». До сих пор я пою на клиросе.

В советское время духовную литературу трудно было достать. У нас был только старенький краткий молитвослов. Папа с мамой где-то взяли почитать Библию. Не знаю, за какой срок (но, думаю, не на долго им дали), они попеременно день и ночь переписывали ее и постепенно всю ее скопировали. Потом в руки им попала «Святенная история», и эту книгу они переписали. Когда мне было два с лишним года, мама тяжело заболела. Надя тогда уже умерла, но родилась сестренка Валентина. Маму отправили (как сказали врачи, надолго) в Воронеж в больницу. Все родные посоветовали папе сдать нас в приют — детский дом, что он и сделал. Но

Схимонахиня Феодосия

месяца через три папу вызвали забирать выздоровевшую маму, а в детский дом за нами отправили дядю Васю — мужа маминой сестры, для того чтобы мама не волновалась о детях, когда придет домой. Но дядя Вася привез только меня одну, сказав, что Валя в приюте умерла и что в дороге он потерял свидетельство о смерти. На самом деле Вальку удочерили работавшие в детдоме муж с женой, хорошо заплатив дяде Васе за молчание. Эти люди вскоре уволились и уехали оттуда. Но об этом мы узнали впоследствии, когда умерли наши родители, следы же Валентины затерялись, и мы так не смогли найти ее.

Совсем маленькой впервые услышав матерное слово, очень хотелось повторить его, и когда шепотом произнесла его, то сама испугалась того, как это было страшно. Когда мне было годиков 4 или 5, мальчик постарше меня — лет двенадцати — дразнил меня тем, что доставал из бокового кармана блокнот с карандашом и говорил: «Сейчас запишу тебя в колхоз». А я

бежала от него в паническом страхе, не знаю почему. Хотя никаких дурных слов о колхозах до того я ни от кого не слышала.

В школе, когда я училась в первом классе, у нас были сдвоенные классы 1-й и 3-й, 2-й и 4-й, так как было две учительницы и одна комната, в результате дети ходили и в первую, и во вторую смену. Помню 21 апреля, третьеклассников принимали в пионеры, им повязывали красные галстуки, а я со страхом смотрела на этот кусочек красной материи. После занятий, идя домой, я обернулась назад и, увидев мальчика из третьего класса с галстуком на шее, бросилась бежать без оглядки от этого развевающегося на ветру галстука, таким страшным он мне показался. Мальчик же, наверное, подумал, что я от него бегу, и припустился за мной, а я со слезами и дрожа от страха прибежала домой.

Жили мы бедно. Мама часто читала Евангелие, где-то она достала его, такое старенькое. Частенько приходили соседи послушать чтение вслух. Как-то мама прочитала о том, что надо подавать милостыню нищим. Эти слова мне запомнились. Я вообще старалась все запоминать и делать, как написано. У нас в округе ходила бездомная нищая «Петровна» и ей-то я решила потихоньку отнести олады, которые мама нажа-

рила для нас. Я старалась все сделать тихо, незаметно, вынося из дома олады по несколько штук, и в результате отдала всё, чем лишила пищи, как позже выяснилось, дня на три всю семью. В это время нас было пятеро детей и двое взрослых. Ведь мама из последней муки сделала нам эти олады.

Мама была нищелюбивой. Ходили у нас по ближайшим селам побирались две нищенки: слепенькая Тоня (впоследствии схимонахиня Александра) и ее поводырь слабовидящая Марина (впоследствии схимонахиня Матрона). Мама всегда их привечала, чем могла кормила. Вот они-то и привели маму с папой в храм, так как мама, зная об обновленцах, считала, что все храмы теперь обновленческие и туда нельзя ходить. Но наше село Марьевку часто посещал наш родственник и земляк иеросхимонах Серафим (позже схиигумен Митрофан), человек, почитаемый мамой, и она в эти дни спешила к нему обратиться: кого-то из детей окрестить,

В. Ф. Рябинин, П. П. Рябина с дочерью Л. В. Рябиной (второй ряд)

кого-то причастить. Наши странницы, слепая Тоня и Марина, стали спрашивать, венчанные ли наши родители. Мама говорит: «Нет. Храм от нас в 20 километрах, да и можно ли в него ходить?». Станницы многое ей рассказали и убедили, что надо повенчаться и ходить в церковь. Мне было лет десять, когда папа с мамой на велосипеде съездили и повенчались в храме Михаила Архангела в селе Малые Ясырки, в ту пору когда там уже служил иеросхимонах Тихон. Какие же радостные, облагодатствованные они вернулись оттуда! С этих пор мы стали часто ходить в этот храм. Где подъедем попутными машинами, где пройдем пешком. Потом я подросла и стала ездить на велосипеде, но не одна: на раму и на багажник сажала малышей. Водили мы с мамой детей в храм попеременно, в одно воскресенье едет с ними мама, а в другое — я. Самых маленьких, которые не могли сидеть на раме и багажнике, возил папа. На багажник привязет ящик, посадит туда ребенка и так возил причащать. Храм был единственным моим утешением, всей моей жизнью. С первого посещения я стала запоминать последовательность богослужения и далее, подпевая любительскому хору, очень много выучила наизусть тропарей, молитв, кондаков... Хор у нас

состоял в основном из монашек, собравшихся из закрытых в округе трех монастырей. Среди них было немало опытных стариц, к одной из них я обратилась за советом. Поскольку я подпевала хору возле клироса, уполномоченный по делам церкви, сделал священнику предупреждение. Я обратилась к великой старице — прозорливой схимонахине Михаиле и поведала ей, что хочу в монастырь, на что та ответила: «Сейчас только три женских монастыря, но туда новых людей не принимают, да и не с твоим здоровьем находиться в монастыре». Тогда я стала просить матушку благословить меня хотя бы уборщицей трудиться при храме, она отвечает: «Не с твоим здоровьем, ты будешь в храме псаломщицей». Я говорю: «Матушка, да ведь я устав почти не знаю, да и петь самостоятельно еще не могу». На что мне матушка говорит: «А как Роман Сладкопевец?» — и рассказала мне его житие. Самой мне прочитать тогда житие этого святого было негде, книг-то церковных не было. Так прорекла она мне о служении псаломщицей за шесть лет до того, как я стала ею.

В 1964 г. 25 декабря умер наш старец схигумен Митрофан (Мякинин), к которому я часто ездила. Похоронен он был в с. Михайловке

Панинского р-на, около могилы своей матери Дарьи, которая умерла, когда он был еще маленьким. Воспитывала батюшку недоброго нрава мачеха. Много горя и издевательств он от нее перенес. Из-за этого он рано ушел из дома, жил в Михайловке у духовных людей, черничек, прошел долгим трудным путем духовного возрастания в Киево-Печерской лавре, потом в Нило-Столобенском монастыре, до его закрытия, а в годы войны взял на себя, по Божьему откровению, подвиг затворничества. Как старец, он являлся духовником большого числа духовных чад: все монашенки в округе окормлялись у него, по моим подсчетам, человек 250, но были среди духовных чад и миряне. И все они очень скорбели, когда прощались с батюшкой. Он сам благословил их перейти после его кончины под руководство своих учеников. К таковым можно отнести: иеросхимонаха Власия (позже схиархимандрита Макария (Болотова)), иеросхимонаха Тихона (прот. Василия Золотухина), иеросхимонаха Валерия (схиархимандрита Серафима (Мирчука)), иеросхимонаха Иоанна (позже схиархимандрита Виталия (Сидоренко)), схиеромонаха Нифонта (Санталова), иеромонаха Никона (ныне епископа Липецкого Никона (Васина)), иеросхимонаха Питирима (прот. Александра Бородина), иеромонаха Варсонофия.

В 1965 году я окончила 10 классов в Михайловской школе Панинского р-на Воронежской обл. Пришла за благословением в с. Малые Ясырки к иеросхимонаху Тихону с вопросом «что делать дальше?». Он благословил попоститься две недели, особо помолиться и почитать акафист Божьей Матери, чтоб Господь указал мне дальнейший путь. Вместе со мной молился и сам батюшка. После двух недель мы подошли к чудотворной иконе Богоматери «Скоропослушнице», находящейся в Архангельском храме, помолились и трижды бросили жребий: «учиться дальше» или «не учиться». Жребий выпал «не учиться».

21 января 1966 года мне исполнилось 17 лет. А 26 января схимонахиня Варахиила и о.Тихон благословили мне ехать устраиваться служить псаломщицей в с. Красная Долина Курской обл., так как в нашем храме уполномоченный не разрешал девушкам становиться на клирос. Меня направили к работнице храма матушке Александре, чтобы она вместе с батюшкой, настоятелем храма, мне помогла устроиться трудиться при церкви. Но здесь необходимо сказать о другом, поэтому вернусь к более ранним событиям. С окончания школы я обратилась к псаломщику с. Малые Ясырки Дворядкину Ивану Сергеевичу, чтобы он показал мне некоторые гласы. Он меня

принял доброжелательно, давал мне почитать «Ермологий», «Богослужебные указания», показывал, как петь гласы, объяснял Устав, а потом проверял мои знания. Я многое выписывала для памяти, прежде чем вернула книги. Так что я к тому времени была уже, хотя и липовый, со шпаргалками, но псаломщик.

Приехала в Малую Долину с маленьким чемоданчиком, где были только самые необходимые вещи. Матушку Александру не нашла, а сразу встретила с батюшкой, который был рассержен — его куда-то переводили — он что-то резкое кричал в адрес матушки Александры, но меня все-таки покормили и, видя мои мокрые ноги и валенки, дали теплые ботинки и направили в Старый Оскол, в Стрелецкую церковь, так как там не было псаломщика. Вернее, батюшка написал записку Иванниковой Анастасии Ивановне (схимонахине Афродисии), которую хорошо знал. Написал он так: «Анастасия, посылаю к тебе квалифицированного псаломщика, проверь ее и устрой в Стрелецкую церковь» (а она служила псаломщицей у благочинного о. Анатолия Богута, в Стрелецкой церкви «на Гумнах»). Очень уставшая я побрела назад в Касторное на станцию, шла полем, вдоль леса, встретила, как мне сначала показалось, стаю собак, бежавших от меня метрах в 200. Я со слезами стала молиться и вдруг услышала волчий вой, после чего волки резко свернули в сторону и удалились. Я еле добрела до вокзала и вскорости, уже затемно, села в поезд, идущий в Старый Оскол. Анастасии Ивановны дома не оказалось, но меня приютила на ночь ее соседка Мария, жившая рядом. Утром я была уже в нужном мне доме. Анастасия еще читала утреннее правило, она и меня тут же пригласила почитать 17-ю кафизму из полунощницы, чтобы убедиться, насколько бегло и хорошо я читаю. Затем мы пошли с ней в храм на Гумны, помню, что праздновалась тогда церковная память святой равноапостольной Нины. Анастасия Ивановна представила меня благочинному о. Анатолию, и он, видя перед собой молоденькую девчонку, сразу заметил, что «Сорочкин (Белгородский уполномоченный) не допустит такую молодую до клироса». Вечером у некоей прихожанки уже другого — Ильинского (Ездоцкого) — храма я познакомилась с замечательным человеком, любвеобильнейшим прот. Владимиром Оттом, который с необыкновенной теплотой и духовной лаской побеседовал со мной и пригласил «почаще бывать у него». В дальнейшем я стала близкой к нему, он много помогал мне руководством, порой материально, к тому же, как прекрасный знаток

Церковного Устава, дал мне возможность хорошо изучить Великопостную службу. С двумя моими знакомыми девушками — Любой Захаровой и Тамарой Дурневой — мы приходили к нему на занятия (в свободное от службы время), изучали Евангелие, Послания с толкованием. Вскоре он купил нам каждой по детской фисгармонии, и мы принялись за познание нотной грамоты. Каждое воскресенье мы присутствовали на вечерне в храме о. Владимира, а после нее пели вместе с певцами-любителями молебный канон Богородице и акафист Спасителю нараспев, стоя посредине храма. Все это было так торжественно! Затем мы — молодежь левого клироса — подходили к батюшке за благословением, одновременно разрешая какие-то важные для себя вопросы. Он был очень простой в общении и очень доступный: в любое время мы могли подойти к о. Владимиру, в храме или у него дома, исповедовались, беседовали, учились. Его послушница Маруся также радушнейший человек, всегда привечала нас, оставляла на трапезу с батюшкой. Обычно после трапезы и проходили беседы.

Отец Владимир был человек необыкновенный: высокообразованный, глубоко верующий, наискромнейший в поведении. Даже порой и необходимого не попросит. Как-то мы сели, помолившись, обедать, батюшка уже благословил стол, у всех все было налито и поставлено. Мы начали кушать, а батюшка стал говорить что-то на духовную тему. Маруся говорит: «Батюшка, кушайте», а он в ответ скромно: «Да, да, Марусенька, сейчас», — и снова беседует, опустив руки. Через некоторое время Маруся повторила просьбу, а когда мы взглянули на батюшку, то увидели, что у него нет ни ложки, ни вилки. Маруся забыла положить их, а батюшка по своей скромности не попросил. Бывало, если залетит в комнату муха, он так осторожненько накроет ее стаканом, затем не торопясь, в бумажке вынесет ее на улицу и выпустит на волю. Маруся как-то стала жаловаться: «Вот мышь завелась в кладовке, все запасы поест, надо ее отравить». А батюшка ей отвечает: «Что ты Маруся, как можно ее убивать, она же живая — тварь Божия!». А Маруся настаивает: «Батюшка, да она же один вред приносит!». — «Она вред наносит, потому что есть хочет, а сколько человек вреда приносит: убивает скотинку, режет поросят, телят, птиц, рыбу умертвляет...!». Вообще мы никогда не видели о. Владимира гневающимся, рассерженным, грубым, даже строгим его не припомню. Всегда ровный, умиротворенный, неизменно ласковый в любых обстоятельствах. Всегда спокойно вразумит, разъяснит с любовью. А ведь он был в ссылке

17 лет, и никогда об этом даже не обмолвился. Вследствие пройденных ссылок он был очень болезненный, но никаких жалоб, даже внешним видом он не подавал, все терпеливо сносил сам. Мы видели, как его обижали и словами, и делами, а он вел себя, как будто ничего плохого не происходило. Перед смертью из-за плохого здоровья (плохое зрение) он был отправлен за штат. И в эти годы он был терпелив и кроток.

Но вернусь к более ранним событиям, касающимся моего устройства на работу. 28 января к вечеру я пришла в Троицкую (Стрелецкую) церковь, была суббота. В храме знали, что приехала новая псаломщица. Меня попросили зайти в сторожку, находившуюся тут же, через дорогу от храма, там меня ожидали староста Михаил Андреевич и настоятель, старенький архимандрит отец Мелетий, который и жил здесь же.

Настоятель задал мне вопрос: «Сколько тебе лет?» И когда услышал, что только 17, категорично ответил: «Принимать не надо, потому что, во-первых, уполномоченный нас накажет, а, во-вторых, она еще ничего не знает, придется еще ее учить». А староста вдруг говорит: «А я ее беру; а чтобы уберечься от гнева уполномоченного, мы ее проведем уборщицей в сторожке, где она и будет жить. А что молодая, пусть она сейчас маловато знает, но зато через годик-другой может стать опытной псаломщицей, так еще нам будут завидовать. Ведь она с молодых лет стремится к церкви, это же самое важное». В те годы власть в приходских храмах была не у настоятелей, а у старост и церковного совета, священник же и дьякон с псаломщиком считались лишь «наемниками». Вот почему слово старосты оказалось решающим.

Анастасия Ивановна и ее мать Елена Емельяновна (монахиня Елена) хотели, чтоб я какое-то время пожила у них, но о. Владимир посоветовал мне срочно перебираться в сторожку, пока меня берут в храм. И я перешла жить в сторожку. Меня провели по бумагам, как и сказал староста, уборщицей в сторожке и положили зарплату 40 руб. в месяц. Стала я посещать клирос и привыкать понемножку к местным напевам, также Устав Богослужебный стала по-настоящему изучать. Для этого я брала книги в сторожку, разбирала службы до поздней ночи, благо все книги были в моем распоряжении. Что было не понятно, то спрашивала у о. Владимира Отта. По Божьей милости и с Божьей помощью я быстро изучила Устав и напевы и уже смело управляла хором. Через месяц, после того как я поселилась в сторожке, написала родителям о своих обстоятельствах, после чего папа привез мне подушку и

одеяло, которые родители получили как помин по схиигумену Митрофану, своих-то дома на всех не хватало, при нашей бедности.

Жили мы в сторожке с архимандритом Мелетием в холоде, топить особо было нечем, шелухи от подсолнечника засыпаешь в плиту, а какой от нее жар, вспыхнула и погасла. Так вот сожжешь мешков 3-5 этой лузги, плита становится чуть-чуть теплая. Готовили еду на керосинке. 40 рублей моей зарплаты кончались быстро, покупала на них только кое-что поесть. А одежду приходилось носить одну и ту же, привезенную из дома. Продуктами иногда помогал о. Владимир: то крупы нам подкупит и передаст вместе с кастрюлей. Недалеко от нашего храма жил в одиночестве заштатный протоиерей Иоанн Попов, глухой уже, очень простой в общении. Иногда попросит, чтобы я сготовила ему обед и я с удовольствием его кормила. Отец Иоанн получал крохотную пенсию 50 руб. в месяц. Однажды пришел, принес мне всю пенсию 50 руб. и говорит: «Купи себе пальто, а то это у тебя совсем позорное, а я обойдусь с едой как-нибудь, с огорода буду питаться, пока есть овощи». Я добавила к этим деньгам еще 20 руб. и купила себе синее зимнее пальто, которое потом долго носила. Иногда люди помогали продуктами. Как-то я сготовила борщ, к нему второе и написала маме письмо о том, как я хорошо живу. Чего только у меня нет!

Отец Владимир не благословлял меня года три-четыре ездить к родителям, в пору, когда о. Мелетий уезжал в отпуск за Харьков к родным и не было службы. Отец Владимир говорил: «Не надо, Любочка, ездить туда, а то учителя и власти безбожные могут тебе вред принести». Я очень скучала по своим краям, по родным, но ради Бога все терпела. Со своей стороны атеисты там не дремали, искали меня, куда девалась школьная отличница. Подали запрос в Старый Оскол, где я и чем занимаюсь. Им ответили, что в храме проведена уборщицей, а работаю псаломщицей. В моей родной 1-й Михайловской школе по этому случаю собрали детей на «линейку» и директор произнес речь: «Из нашей школы вышли представители самых разных профессий: и врачи, и учителя, и, представьте, — даже церковные работники! Это — позор, что мы не досмотрели за Любой, поэтому надо особенно внимательно смотреть за семьей Рябининых». Полетели жалобы в Старый Оскол, чтобы горсовет обратил на меня внимание. Вызвали меня на беседу. Прихожу, вижу: сидят человек шесть присутствующих, которые стали задавать мне вопросы. Начала я по порядку рассказывать о своей многодетной, бедной семье,

о своей школе. Потом члены комиссии один за другим начали говорить о необходимости дальше учиться, стали предлагать помощь при устройстве на приличную работу. Все настаивали, чтобы я ушла из храма, стала обычным советским человеком. Но я отказывалась от всех этих предложений и настаивала на том, что по собственной воле пошла трудиться в храм. Когда я уходила из кабинета, то мне рекомендовали никому не рассказывать о прошедшей беседе. Я вся дрожала от страха. Потом меня вызывали еще два раза, и опять велись разговоры о новой хорошей работе, о том, что я сама себя в молодом возрасте обрекаю на ужасную жизнь, и т.д. Держалась я твердо, но было очень страшно. После службы я подошла к иконе Казанской Божьей Матери, стала на колени и стала просить Матерь Божью, чтобы эти люди отстали от меня. Это заметила одна из клирошанок, Клавдия Марковна, женщина мудрая, и стала меня расспрашивать о причине моей слезной молитвы. Я долго не хотела говорить о причине моих слез, но она обещала никому не рассказывать о моей тайне. Я поведала ей о том, что меня беспокоит. Клавдия Марковна дала мне мудрый совет: чтобы я напостила тем людям, которые со мной беседовали, что я уже совершеннолетняя (мне было уже 19 лет), и мое желание непреклонно, что страна у нас свободная, и если они будут меня принуждать, то я буду жаловаться в Москву. После этого, когда я в очередной раз вошла в кабинет, где меня ожидала комиссия, то быстро выпулила все эти слова и тут же, вся дрожа от волнения, выбежала, а на улице разрыдалась от пережитого испуга. Но, слава Богу, больше меня никто уже никуда не вызывал. Но в городе мне не раз еще приходилось выслушивать насмешки и укоры от жителей, которым просто не нравились мой платочек, длинная юбка, кофточка с длинными рукавами, словом, весь мой внешний вид церковного человека.

А в это время, когда меня принуждали уйти из церкви, на моей родине в Воронежской обл. в районной газете «Путь Октября» напечатали статью под названием «А все могло быть иначе». В статье говорилось о том, как неправильно ведут себя местные власти и учителя в отношении нашей семьи. «Семья бедная, многодетная, ей обязательно надо помогать, чтоб эти люди надеялись не на помощь Божию, а на поддержку людей. И учителям надо их особенно внимательно воспитывать». Директора школы из-за меня сняли, моей бывшей классной руководительнице сделали строгий выговор. Папа же мой, взял эту газету и отправился к директору совхоза,

чтобы тот распорядился выписать нам для дома шифера на крышу, наша соломенная все время текла. И директор дал распоряжение, выписать и привести шифер для Рябининых.

Вскоро я стала ездить к старцу архимандриту Серафиму Тяпочкину. Часто приезжала к нему за советом и утешением. Батюшка считал меня своим духовным чадом, потом я узнала про болящего Алексея в Старом Осколе, ходила к нему в ту пору, когда только единицы могли его посещать, так как власти грозили его отобрать у матери Елены Никаноровны (схимонахини Сергии). И мы старались к нему приходить незаметно, если направлялись втроем, то подходили по одному, через некоторые промежутки времени. Иногда огород помогали его маме копать.

После ухода о. Мелетия за штат, по его телесной слабости и старости, за короткий срок много сменилось священников в нашем храме: по-человечески людей разного поведения и духовного состояния. Были среди них и безнравственные личности, так что мне даже пришлось уйти на квартиру недалеко от храма, потому что соседство в одной сторожке с моим соседом стало опасным. Потом ко мне приехали две сестры: Нина, которая устроилась в городе на кондитерскую фабрику, а позже — Зоя. Зоя сначала от столовой пирожки продавала, а затем ее взяли в столовую поваром. Все мы жили в той квартире, которую я снимала. Я продолжала ездить к иеросхимонаху Тихону (Золотухину) в Малые Ясырки, помогала ему как псаломщица в дни своего отпуска. Ездил также в Троице-Сергиеву лавру, где обращалась за советами к о. Тихону (Агрикову, позже схиархимандриту Пантелеймону), о. Науму, о. Кириллу (Павлову). Отец Тихон Агриков первый благословил меня четочками-тридцаточкой и сказал, что «путь твой монашеский».

Иногда в дни моего отпуска вместе с о. Тихоном (Золотухиным) ездили к о. Власию (Болотову, позже схиархимандриту Макарию), так же и летали на самолете в Грузию к владыке митрополиту Зиновию (Мажуге, позже схимитрополиту Серафиму), бывали у о. Андроника (Лукаша), оттуда добирались до Сухуми к схиархимандриту Серафиму (Романцову). Все эти глиньские старцы недавно прославлены в лике святых. Мощи их почивают в родной им Глинской пустыне. Там же, в Грузии, я познакомилась со схиархимандритом Виталием (Сидоренко). Отец Виталий, еще до рукоположения в иерейский сан, часто приезжал к о. Макарию (Болотову) и к нашему иеросхимонаху Тихону (Золотухину). В это время он делал для люстры-паникадила в нашем храме восковые свечи. В ту пору я

переехала на постоянное место жительства из Старого Оскола в Ясырки к о. Тихону и могла там месяцами общаться с таким выдающимся подвижником, как о. Виталий.

Этот был смиреннейший и любвеобильный человек. Он готов был всем, даже самому порочному человеку, поклониться до земли, ножки поцеловать, чем нередко и приводил людей к исправлению. Он часто рассказывал как бы о себе, о своих мнимых пороках, но этим обличал того, кому рассказывал что-то поучительное. Отец Виталий начинал свою монашескую жизнь совсем молоденьким послушником в Глинской пустыни и пробыл там вплоть до закрытия ее, а потом, по благословению старцев, жил в горах Кавказа. Из-за отсутствия документов он часто арестовывался, истязался милицией, которая избивала его ужасно. Был он очень больным.

6 апреля 1971 года я приняла иноческий постриг (рясофор) у о. Тихона (Золотухина), после чего батюшка стал настойчиво просить меня исполнить благословение старцев и перейти к нему служить в храм. В январе 1972 г. я выехала из Старого Оскола, чтобы начать постоянно трудиться при храме Архистратига Михаила в с. Малые Ясырки, рядом со своим духовным отцом. Службы здесь, конечно, отличались от обычных приходских полнотой, благоговением, строгостью исполнения Устава. В Ясырках еще оставалось немало монастырских матушек, духовных чад о. Митрофана (Мякинина), и это также вносило свой молитвенный настрой. Конечно, и тут у меня не обошлось без скорбей и наветов от завистливых людей, но батюшка мне помогал. Я была самая молодая, и о. Тихон старался посеять во мне больше духовного, часто брал в паломничества по святым местам, в поездки к старцам, чем возбуждал у некоторых людей на приходе злобу и негодование. Они распускали про меня всякие небылицы и наговоры. Отец Виталий перед моим приездом в Малые Ясырки дал мне десять носовых платков, сказав: «На тебе, сестра, эти платки, придется все их перемочить в слезах!». И вправду я часто плакала и унывала, много думала: «Ведь всем же стараюсь сделать хорошо, что же они так восстают на меня?». Батюшка с матушкой утешали меня как могли.

Мне не раз приходилось слышать от своего духовника о. Тихона множество рассказов о его жизни. Начну с биографии. Родился батюшка 12 июля 1916 года на станции Курбатово Воронежской губ. в многодетной семье железнодорожника Золотухина Прокопия. Мать Александра по многодетности не работала. Прокопию Золотухину как железнодорожнику полагалось на год

два бесплатных билета, и его жена на эти билеты смогла повозить детей с их самых ранних лет по святым местам, монастырям и старцам. Эти поездки были памятны и дороги детям, поэтому из восьми детей почти все стали глубоко верующими людьми, только один вырос безбожником-атеистом. Три сестры Золотухины, как и сам батюшка Тихон, приняли схиму, один из братьев, еще молоденьким попав под поезд, был глухой. У одного из братьев — Лаврентия — было десять детей, и все выросли верующие. Сам Лаврентий читал и пел на клиросе в Воронеже. Внук от дочери Веры сейчас насельник Троице-Сергиевой лавры.

Мать о. Тихона читала старшим детям жития святых, Евангелие... Как-то маленький Василий (так звали о. Тихона в миру) услышал, что один юродивый ходил зимой и летом босиком и раздетый. Когда родителей не было дома, он решил попробовать этот подвиг, выбежал на снег в морозный день на улицу, а старшие нарочно заперли дверь изнутри. Мальчик постоял, стал мерзнуть, начал прыгать, чтобы согреться, долго прыгал, пока братья ему не открыли. Услышав слова «непрестанно молитесь», Василий стал думать, что мама учит молиться перед едой и после. Тогда он решил так: помолится и крошку хлеба возьмет, скушает и опять молится после еды, и так, старался, чтоб молиться всегда по крошке класть в рот хлеб. Когда Василию было лет шесть, мать послала его с сестрой Ксенией (впоследствии схиигуменья Серафима) на речку полоскать стиранное белье, чтоб он смотрел за сестрой, которой было 7 лет. Ксения полоскала, а Василий толкал палкой кадку, и вдруг он промахнулся мимо кадки и плюхнулся в ледяную воду под бочку. Сразу вспомнил он как его учили всегда в трудную минуту читать молитву «Богородице Дево...». И он мысленно сразу начал читать молитву. А Господь вразумил Ксению взять шест и водить им в воде до дна около бочки, а мальчика — схватиться за шест, и так она вытащила брата и спасла от смерти.

В школе Василий учился на отлично и поведения был примерного, только вот, как считали учителя, «мешал» ему, как и всем детям его семьи, «опиум для народа» — вера в Бога. Своей веры в Бога он не скрывал в школе, часто выступал против атеистических высказываний отдельных педагогов, так что доходило даже до споров.

После окончания десяти классов Василий поступил в ленинградское военное училище, затем в институт. В эти годы он женился на Путятиной Вере, которую в пору ухаживания сумел убедить в истинности православной веры и

даже воцерковить. Она бросила в печку свой комсомольский билет, стала ходить в храм, чем вызвала поначалу сильное раздражение и гнев своей матери Матроны Никифоровны. Впоследствии о. Тихон сумел привести не только к вере, но и к монашеству свою тещу и ее сестру Анастасию. Матрона скончалась схимонахиней Нилой, а сестра ее — монахиней Феофанией. После женитьбы Василий Прокопьевич Золотухин собирался поступать в военную академию, но Великая Отечественная война нарушила все планы. Его забрали на фронт, а дома уже без него родилась дочка Валерия и, прожив только шесть месяцев, скончалась.

Жена о. Тихона Золотухина Вера после воцерковления и переезда в Воронеж стала обращаться к старцам и старицам. Так, когда она узнала поближе прозорливую схимонахиню Серафиму (Белоусову) Мичуринскую, то спросила у нее: «Матушка, скажите о жизни Васи моего». Та ответила: «У Васи твоего большая книга, написанная золотыми буквами, и запечатана она семью печатями, одно только скажу, что он будет великим человеком». Тогда Вера в мыслях осудила матушку: «Говорят, прозорливая, а я и так знаю, что будет он великим, когда закончит военную академию». То есть оценила слова старицы земными мерками.

Во время войны Василий Прокопьевич попал в плен к фашистам и находился в лагере где-то на Украине. Было ему там очень трудно, кормили совсем плохо: варили какую-то грязную нечищенную свеклу и по половнику каждому выдавали этого пойла. Человек по двадцать каждое утро выносили умерших от голода. А работы были физически тяжелые, отдыхали мало, и люди не выдерживали, умирали от истощения. Василий постоянно молился, особенно просил Богородицу вывести его отсюда живым и увидеть всех родных. И дал обещание, если останется живым, то уйдет в монастырь.

Как-то после работы вечером подошел он к охраннику из числа русских, перешедших на сторону немцев, и, усердно молясь Матери Божьей, спросил: «Степан, если я пойду на волю, ты выпустишь меня? Не будешь стрелять?». «А тот (как выразился батюшка) смотрел на меня отсутствующими стеклянными глазами, какие бывают у только что убитой скотинки, и покачал головой, показав, что не будет стрелять». И Степан его выпустил. Василий шел мимо охранника и читал молитву «Богородице Дево, радуйся», каждую секунду ожидая выстрела. Но выстрела не последовало, а когда Василий обернулся, то лагерь был уже далеко...

Старец Феодор Воронежский

Ночью он шел в своей арестантской одежде, а днем отлеживался в поле в хлебах. В какой-то украинской деревне зашел в хату и попросил покушать, на что старушка промолчала, но жестом показала: «Уходи от нас». Вдруг Василий услышал приглушенный кашель деда на печи. Как врач он сразу поставил диагноз: «Дедушка, вы так серьезно расхвораетесь, температура повысится, будете сильно потеть, вам необходимо принять такие-то лекарства». Старик отвечает: «А откуда вы знаете, что у меня за болезнь и как ее надо лечить?» Василий ему ответил, что по профессии он врач. Тут подошла старушка и, показывая руки, спросила: «А у меня что за болезнь?» Василий отвечает, что

это экзема, и написал ей, как ее лечить. Тогда дед слез с печи и уже миролюбиво обратился к жене: «Давай, бабка, ужинать». Покормили Василия хорошо, расспросили: откуда и куда он бредет. Василий рассказал всю правду. Старики оставили его ночевать, а на следующий день бывшего арестанта переодели, и рано утром дед повез его на телеге на станцию. Старик собирался туда на базар. Документов никаких у Василия, конечно, не было. На станции он зашел в комендатуру, и здесь с ним случилось еще одно чудо: он нашел бумажку с напечатанными на машинке словами «Золотухин Василий Прокопьевич 1916 г. рождения». В коридоре сидело много людей, потом вышла из какого-

то кабинета женщина и объявила: «Кому пропуск, давайте документы». Василий, непрестанно молясь, подал эту бумажку. Через некоторое время женщина опять появилась и назвала его фамилию. Он думал, что сейчас его арестуют, но она выдала ему напечатанный пропуск, с которым Василий и доехал до дома. Родные его не узнали, так он был изможден и изменился даже на лицо.

Вскоре война закончилась, Василий устроился на автозавод. Про свое обещание стать монахом он пока не вспоминал. Как-то он шел с работу и на мосту через реку вдруг увидел мчащихся прямо на него пару лошадей, от которых нельзя было свернуть в сторону. В самый последний момент он заметил, что перед лошадьми с распростертыми руками стоит блаженная Феоктиста и кричит: «Стойте, схимник Вася идет!», и лошади встали как вкопанные.

Особо следует сказать об отношениях о. Тихона с воронежским старцем Феодором. Жена батюшки Вера Васильевна узнала о «дедушке Феодоре» раньше мужа и после общения со старцем стала звать к нему и Василия. Но он проявлял осторожность, не сразу согласился, говоря: «Вот, какого-то деда нашла». Но потом все-таки пошел. Старец с ним побеседовал и говорит: «Все, теперь снимай свою форму военного и переодевайся в мою одежду (послушнице велел снять с чердака свой потрепанный тулуп, шапку, наложили на тачку всяких старых тряпок) и вези на левый берег (а это с Пешестрелецкой улице в Воронеже через весь город) и обратно, а ты Вера с ним иди под руку». Жена была одета в красивую одежду, с модной шляпой на голове. Василий подчинился, пошел. Рассказывал, что видя эту процессию, люди смотрели и смеялись. Для офицера это было огромное испытание! Когда они вернулись, дедушка Федор сказал: «Великий будет человек!».

Батюшка, о. Тихон (Золотухин), хорошо знал схиигумена Митрофана. Как-то о. Митрофан вызвал его и говорит: «Пора тебе исполнить обет, данный при уходе из плена, рассчитывайся и быстро уезжай в Почаевский скит, тайно, так как Вера тебя не отпустит». Василий так и сделал, не сказав ничего ни жене, ни старцу Феодору. Вера нашла дома лишь небольшую записку: «Я уехал, и меня не жди и не ищи. Вася». В эту ночь старец Федор сказал своей послушнице, чтобы та не запирала на ночь дверь, так как к ним ночью придет Вера. Та прибежала к старцу Федору поздней ночью вся в слезах. Он ее утешал, но сказал, что не знает, где Василий, надо молить-

ся и ждать. А Василий жил в Почаевском скиту послушником и провел там три года в радости духовной. Как человеку грамотному настоятель скита дал ему послушание писаря. Зная конституционные права, Василий помогал составлять бумаги, помогавшие ограждать скит от нападков богоборцев. Духовником Василия в скиту был скитский старец иеросхимонах Николай, которому он помогал в переписке с духовными чадами и всеми, кто писал старцу. Вскоре в скиту поселился афонский старец отец Кукша (ныне преподобный Кукша Одесский). Отцу Василию добавили послушание келейника у отца Кукши. Два с половиной года Василий пребывал рядом с этим великим старцем.

К этому времени жена Вера сумела найти мужа среди насельников скита. Отстоять его не удалось, так как наместник Почаевской лавры архимандрит Севастьян побоялся огласки, к тому же на инока Василия у него был зуб из-за того, что тот помогал отстаивать свободу скита. Архимандрит вообще был против существования этого скита, считая, что лавры вполне достаточно. Так нашелся формальный повод к увольнению Василия из числа братии скита, и тот по благословению старцев возвращается домой, в Воронеж. По приезду он уговорил Веру принять иночество, а сам по предложению митрополита Воронежского Иосифа был рукоположен в 1952 г. на Воздвижение в сан иерея и назначен настоятелем в село Малые Ясырки Эртильского района Воронежской области. В храме Архистратига Михаила он прослужил более 30 лет. Часто ездил в Ячейку Эртильского района к о. Митрофану, к о. Кукше в Залещеки и в Одессу, а также в Воронеж к старцу Федору.

Старец Феодор благословил о. Василия (к тому времени уже иеромонаха Серафима) купить две комнатки в доме, где жил старец, чтобы, приезжая в Воронеж, жить с ним под одной крышей.

Когда старец Феодор перед кончиной, уже тяжело больной, собрал для прощания свою паству, в том числе из числа духовенства, среди них был и о. Василий. Старец с трудом встал и поклонился ему в землю, благодаря за что-то «последующее», как он выразился. Все удивились: «Чтобы это значило, что такой старец и самому молодому священнику поклонился?». Вскорости старец Федор скончался. Отец Василий служил часто панихиды у гроба, а когда несли его останки в Никольский храм на отпевание, то о. Василий всю дорогу шел с гробом и служил панихиды. Многие из священников побоялись властей и не пошли хоронить старца. Простого же народа было очень много, все движение по городу остановилось. Власти

неистовствовали! С этого времени уполномоченным было строго приказано хоронить духовенство только на катафалке и ни в коем случае не нести гроб на руках. Отца Василия несколько раз вызывал уполномоченный и вел беседы, но сделать ничего не мог, храм в Ясырках был и так самый бедный и самый отдаленный. Вот за этот поступок и благодарил старец Феодор батюшку низким поклоном.

В 1960-х годах батюшка узнал глинских старцев: владыку Зиновия (Мажугу, в схиме схимитрополит Серафим) из Грузии, схиархимандрита Андроника Лукаша, схиархимандрита Серафима (Романцова), схиеромонаха Виталия (Сидоренко). От митрополита Зиновия батюшка принял схиму с именем Тихон, в честь святителя Тихона Задонского. А инокия Вера, супруга батюшки, стала монахиней Верой (скончалась 11 декабря 1982 года). Похоронили ее в с.Малые Ясырки. Видно Господь исполнил ее желание: когда она приехала в Ясырки, то сказала: «Как мне нравится этот храм, село, я готова здесь умереть и быть похороненной». Когда она умерла, ей выкопали могилку в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого р-на, где были похоронены все родные о. Тихона и ее мать схимонахиня Нила, но шел дождь и была такая грязь, что нельзя было выехать, поэтому пришлось хоронить монахиню Веру в Ясырках. А в ночь после похорон ударил мороз, так что, все кто смог приехать на похороны матушки Веры, на утро уехали домой.

У о. Тихона много было духовных чад. В такое захолустье, как Малые Ясырки, ехали к нему отовсюду, особенно после кончины старца схигумена Митрофана (Мякинина), когда немало чад его перешло к о. Тихону. К батюшке ехали со многих областей: Челябинской, Оренбургской, Белгородской, не говоря о близлежащих территориях. В ясырском храме совершались ночные бдения и постриги. Сам о. Тихон был человек очень скромный, он не хотел даже, чтобы окру-

Схимонахиня Феодосия с братом — иноком Лукой — на могиле духовного отца иеросхимонаха Тихона

жающие знали, что он монах, поэтому многие до самой кончины батюшки продолжали считать его белым священником о. Василием.

А как он переживал за каждую душу! Ночами молился. И если кто оступится, сугубо молится за такого человека, убеждает его. Скрывал свою прозорливость, но многое провидел. Зимой наш храм не отапливался, стоял страшный холод, а я иногда попрошу: «Батюшка, так холодно, может быть, не надо каждый день служить, будем в тепле все вычитывать на правиле?». А он: «Иди-ка, матушка, посмотри на святцы, чья память завтра?». Я отвечаю: «Таких-то святых». Он: «И что они тебе сказали?». Я в недоумении молчу: что они могут сказать? А он продолжает: «Они

говорят: „Мы подвизались, мы мучились, достигая Царствия Небесного, а вы не хотите немного потрудиться“. «Простите, Батюшка», — отвечаю я на его слова. И опять служим. Он как-то раз приходит со службы и говорит: «Сегодня у меня на Великом входе руки так зашипало, что в голове помутилось, и я мысленно стал просить Господа, чтобы не уронить Дискос и Чашу и чувствую, как теплеют, теплеют руки и стало тепло всему телу».

Сколько раз я удивлялась его прозорливости. Обычно, когда была свободная, в то время, когда ему необходимо было поехать в Воронеж, я отправлялась к маме в Марьевку, это от Ясырок километров двадцать. Нужно было пройти четыре километра до автобуса. Прошу у батюшки благословения идти в с. Борщево на автобус, а он не благословляет. «Попозже», — говорит. Я ему: «Батюшка, идти один час, а в два часа идет уже автобус — я же опоздаю». А он все равно не благословляет: «Подожди». Я про себя уже ропщу: «Батюшке хорошо, за ним машина придет, а мне каково?». Часа в три он говорит: «Ну, теперь иди!». Я иду, но ропщу, думая ночевать до идущего на утро автобуса. Дохожу до остановки и вижу, что идет автобус. Оказывается, мой. Оказалось, что он поломался, и пока его ремонтировали, я и подошла. И так было не раз. Возвращаюсь я в храм, а батюшка меня спрашивает: «Ну что, роптала на меня?». «Да, —

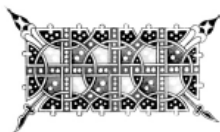
говорю, — роптала». А батюшка поучает, как надо предаться в волю старца.

В то время я была худенькая, а мне одна матушка подарила пальто очень широкое, и я стала просить батюшку отдать его кому-нибудь, на что он сказал, что пальто мне пригодится самой, когда я буду полной. И вот уже после его смерти я, действительно, стала полной.

Другой случай. Мамину двоюродную сестру схимонахиню Марфу на Страстной седмице батюшка стал срочно провожать домой за пятнадцать километров. Она удивляется: «Почему меня батюшка со Страстной и Пасхи удалил?» Приехала она домой, а там ее маму — инокиню Марию — парализовало, и ей пришлось ухаживать за мамой целый месяц, пока та не умерла и не была похоронена.

Многие духовные чада батюшки жили строго по его благословию. Многие надеялись, что если делать по благословию, то все будет идти как по маслу, а уж если ослушаешься, то жди беды. Каялись, конечно, за ослушание.

Умер Батюшка 18 января 1987 г. Он перед кончиной непрерывно крестился последний крест положил тихо, выдохнул, улыбнулся и отошел ко Господу. Пальцы правой руки были сложены троеперстно, так его и схоронили, не разомкнув перстов. Он всегда молился, чтоб Господь дал ему поболеть подольше, чтоб очиститься от грехов. И он болел пять лет перед смертью.

П. И. Новосельский

Письма священникам в с. Скоморохово Александровского у. Владимирской губ.

Публикация П. И. Новосельского
Письма из архива Н. В. Лисицына

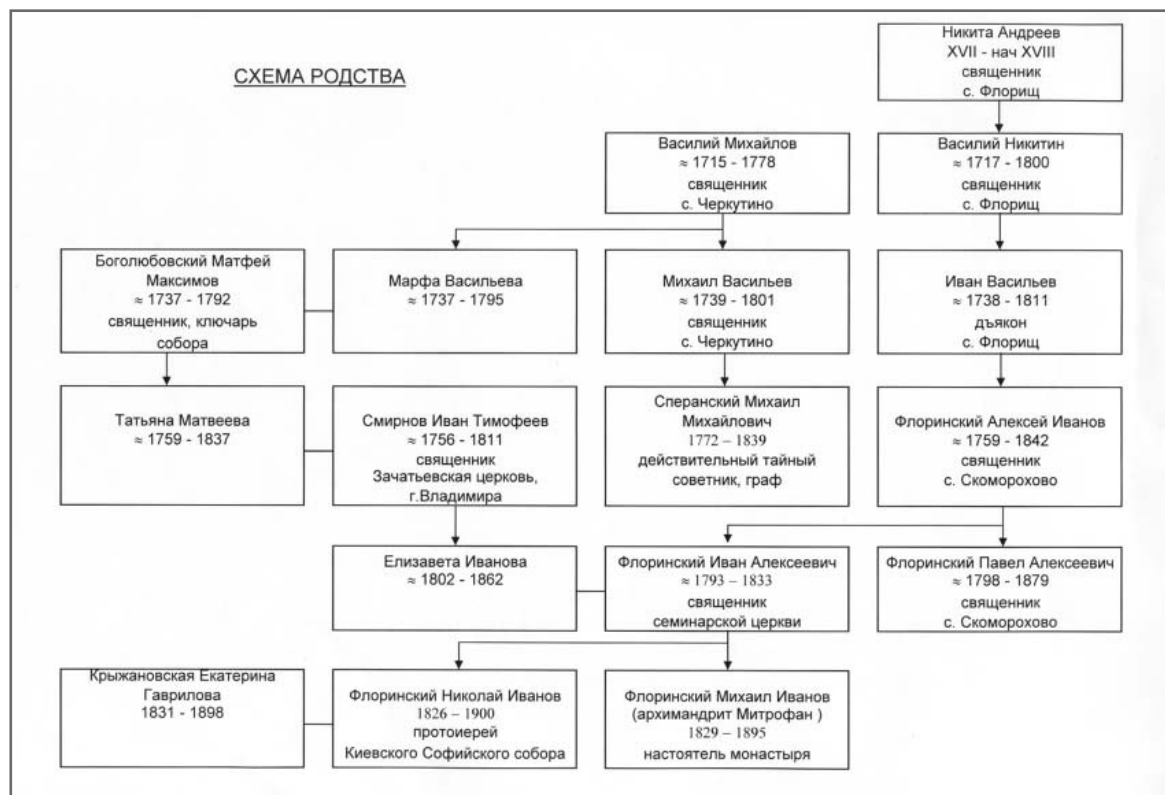
Среди авторов писем в с. Скоморохово есть два особенно примечательных лица — это братья Николай и Михаил Флоринские.

Они дети Ивана Алексеевича Флоринского, преподавателя Владимирской семинарии и священника Богородицкой семинарской церкви, и жены его — Елизаветы Ивановны, которая была дочерью священника Ивана Тимофеевича Смирнова и Татьяны Матвеевны — любимой двоюродной сестры графа Михаила Михайловича

Сперанского, у которых он жил во время своей учебы во Владимирской духовной семинарии¹.

Фамилия церковных священнослужителей Флоринских пошла от названия с. Флорищи, расположенного в четырех верстах от с. Скоморохово. В этом «родовом» селе предки Флоринских служили в церкви Николая Чудотворца на протяжении сотен лет.

Вот схема родства персонажей тех незабвенных времен.

¹ Барон Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 10–13.

О жизни и деятельности протоиерея Николая Ивановича Флоринского возьмем извлечения из статей: «50-летний юбилей прот. Н. И. Флоринского»², «Некролог прот. Н. И. Флоринского»³ и «Памяти протоиерея Николая Ивановича Флоринского»⁴.

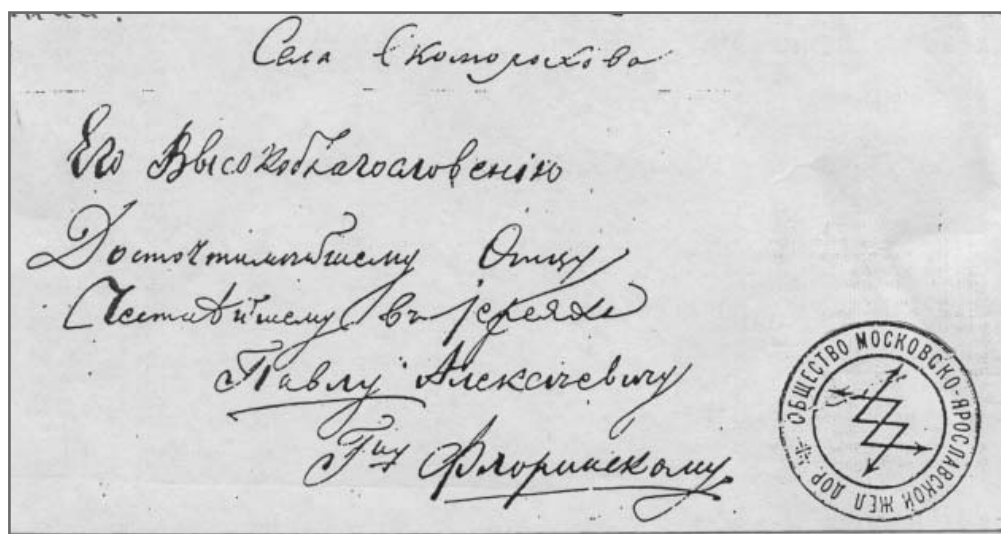
«О. протоиерей Н. И. Флоринский — родился в 1826 году. Отец его свящ. Иван Алексеевич Флоринский был очень образованный человек и состоял учителем французского языка, библиотекарем и экономом Владимирской семинарии. Мать его Елизавета Ивановна была двоюродной племянницей и крестницей графа М. М. Сперанского, она отличалась глубокой религиозностью.

Первоначальное образование Николай Иванович получил во Владимирском духовном училище, с 1840 по 1845 г. обучался во Владимирской семинарии, а затем в Киевской духовной академии, где и окончил курс в 1849 году восьмым магистром. Товарищами по академии Николая Ивановича были — высокопреосвященнейший митрополит Киевский Иоанникий, преосвященный Феодосий, профессора Киевской духовной академии К. И. Щеголев, Гуляев и др.

По окончании курса в академии, первый год службы Николай Иванович провел в Вятке в должности профессора — помощника ректора семинарии по классу богословских наук. Следующие 16 лет он провел в родном городе Влади-

мире в должности профессора семинарии и преподавал догматическое и нравственное богословие, учение о верисповедованиях, историю русского раскола и науку церковного красноречия. В то же время состоял священником (с 1858 г.) во Владимирском Успенском Княгининском монастыре и законоучителем в Женском епархиальном училище. Следующие годы службы о. Николая принадлежат Киевской епархии, где первоначально он был настоятелем церкви и законоучителем в 1-ой Киевской гимназии. Затем он был 2 года настоятелем Киево-Успенского Собора, 10 лет в должности протоиерея Киево-Софийского Собора, и, наконец, последние 12 лет служил в Киево-Сретенской церкви. Кроме этого, Николай преподавал безвозмездно Закон Божий в рукодельной женской школе Гогоцкой и в школе при доме Сулимовском, а также был законоучителем в Киев. министер. женской гимназии, в Женском епархиальном училище и в Доме трудолюбия.

О. Николай Флоринский — автор многих научно-богословских, исторических и проповеднических трудов. К числу первых его работ принадлежит труд озаглавленный: «Согласно ли с Евангелием действовал и учил Лютер», составленный по поручению ректора Владимирской семинарии, впоследствии митрополита Московского Леонтия, заслуживший самое лестное одобрение епископов Феофана, Иустина и архиепископа Антония (как видно из писем их

Факсимиле одного из писем

² Никольский П. 50-летний юбилей прот. Н. И. Флоринского // Душеполезное чтение. 1900. Июнь. С. 248–254.

³ Корольков И., прот. Некролог — прот. Н. И. Флоринского // Киевские епархиальные ведомости. 1900. № 24.

⁴ Б. а. Б. н. // Владимирские епархиальные ведомости. 1901. № 3.

к о. Николаю, отпечатанных в начале названия книги) и выдержавший 5 изданий. Далее следуют: «О Божественной Личности Господа Иисуса Христа», <...>; «Жизнеописание св. Иоанна Златоуста»; «Описание Успенского женского Княгинина монастыря в г. Владимире»; «О препод. Несторе Летописце и о его летописи»; «Черты из жизни графа М. М. Сперанского»; «История богослужбных песнопений православной католической церкви Восточной» (это сочинение одобрено Учебн. Комит. При Святейшем Синоде для употребления в духовных семинариях и духовных училищах и выдержало три издания); «Биография епископа Александра (Голтовского — Павловича)»; Воспоминания о митрополите Киев. Платоне (Городецком), архиеп. Пермском Неофите, архиеп. Ярославском Евгении, митрополите Филарете (Дроздове), архиеп. Херсон. Иннокентии; «Описание жизни епископа Феофана (Говорова) во Владим. губ.» с приложением его писем к о. Николаю; «Исследование о свящ. книге Иова» [и т. д. и т. д.]. В течении 30 лет Ник. Ив. был сотрудником журнала «Душеполезное чтение».

С пламенной любовью о. Николай всегда относился к делу пастырского назидания. Как результат этой любви мы имеем 3 сборника его поучений: «Собрание слов и бесед, произнесенных в некоторые праздники и дни святых и при погребении разных лиц, а так же при поминовениях», «Слова и поучения на св. великую четьиредьдесятницу и страстную седмицу». Киев. 1897 г. и «Слова на праздники в честь святых мучеников Христовых». Киев. 1899 г.

Простота в изложении мысли, глубокая убежденность проповедника и сердечное желание его вложить в сердца слушателей любовь ко Христу Спасителю составляют неотъемлемую принадлежность всех поучений и бесед отца Николая. Ближе интересуясь родной русской литературой, он нередко избирал темой для своих поучений воспоминания о выдающихся представителях ее, которые в своей жизни и своих литературных трудах осуществляли Христианские идеалы. Так, в первом из вышеуказанных сборников мы находим Слово в день исполнившегося столетия со дня смерти Ломоносова и другое — в столетний юбилей со дня рождения Карамзина (1866). В благодарность за такую память о Н. М. Карамзине о. Николай получил от сына его, из семейной библиотеки Карамзиных, самый выдающийся труд знаменитого русского историка: «Историю государства российского».

Кроме сего, о. Николай вел обширную переписку со многими иерархами, духовными и свет-

скими лицами. В семейном его архиве хранится множество писем (в двух томах переплетенных) к о. Николаю: 1) митрополита Киевского Арсения, 2) архиепископа Херсонского (позже митрополита Московского) Леонтия, 3) архиепископа Тверского Саввы, 4) архиепископа Костромского Платона, 5) архиепископа Владимирского Антония, 6) епископа Владимирского Иустина, 7) епископа Тамбовского Феофана, 8) епископа Новомиргородского Мемнона, 9) епископа Аккерманского Аркадия, 10) епископа Саратовского Иоанна, 11) протоиереев — С. Кашменского, Евф. Остромысленского, М. Хераскова, Д. Касицина, И. Благоднарова, А. Мальцева (в Берлине) и др. В этих письмах, кроме общих благожеланий по случаю праздничных дней, содержится немало ценных сведений о состоянии церкви, о положении современного общества, духовной литературы и т. п.

Не менее известен о. Николай своею образцовою пастырскою деятельностью. Он поистине был пастырем «добрым», полагавшим душу свою за овцы своя. К исполнению церковных служб и частых треб он относился с замечательною внимательностью. Его служение, особенно Божественной литургии, трогало всех, даже равнодушных к религии, так как в этом служении проявлялся пастырь, обнаруживавший крепкую веру и глубокую любовь к Господу Иисусу Христу, Совершителю нашего спасения.

При глубокой религиозной настроенности, о. Николай выдавался, как образцовый духовник, оказывавший на духовных чад своих необыкновенное влияние. Образцовое чтение им молитв пред исповедью убедительно располагало исповедников к чистосердечному исповеданию своих грехов. Самую исповедь он совершал неспешно и с особенным вниманием: с плачущими он плакал, с сомневающимися сокрушался о их маловерии, располагая к истинному покаянию, упорствующих он вразумлял и строго обличал. Вот почему на исповедь к о. Николаю с большою охотою шли как лица простые, так и образованные: студенты, доктора, чиновники и т. п. Сами священники с любовью избирали о. Николая своим духовником, с которым они от души беседовали о своих недугах и прегрешениях».

О. Николаю Господь судил дожить до 50-летия своей службы, исполнившегося в 1899 году. На торжествах, проходивших 22 ноября с приветствием выступил приват-доцент Киевского университета, доктор медицины П. В. Никольский, который высказал след. слова, характеризующие о. Николая:

Прот. Николай Флоринский

«Ваше Высокоблагословение!

В знаменательный день исполнившегося 50-летия вашего служения церкви я беру на себя смелость высказать свое уважение пред вашим высоким религиозным чувством, которое невольно сообщается всем, входящим с вами в общение по тем или другим жизненным поводам. Я никогда не забуду дня, когда впервые я имел счастье познакомиться с вами. 15 лет назад, молодой врач, только что окончивший курс университета, вращающийся среди религиозно-равнодушного и нередко безбожного общества, но с детства воспитанный в строгих правилах Православной церкви, я тщательно искал, среди большого и еще мало знакомого мне города, другого общества, других людей, которые поддержали бы во мне тускло мерцающий огонек веры, часто задуваемый ветром окружающей среды. И вот в один из великих дней Страстной седмицы в Софийском соборе я впервые услышал ваше служение и ваше поучение, простое, но проникнутое таким искренним чувством, такой верой в Бога, таким глубоко-сознательным преклонением пред страдавшим Христом Спасителем, что я тотчас понял, что нашел человека, в котором я так нуждался. Познакомиться с вами, по окончании богослужения, для меня было очень легко, так как оказалось, ваше сердце всегда идет навстречу всем, кто только обращается к вам. С того времени в течение

15 лет я неоднократно пользовался полнотою вашей веры, как при исполнении своих обязанностей православного христианина, так и среди самых разнообразных житейских отношений. В наше холодное, бездушное время можно найти много ученых людей, но гораздо труднее найти человека, в котором научное образование соединяется с глубокой верой в Бога, с столь сильной любовью к людям и с постоянной отзывчивостью на запросы их внутренней жизни.

Примите, высокопочитаемый отец Протоиерей, сердечную благодарность за то высокое настроение души, которое все выносят из бесед с вами. Да продлит Господь вашу жизнь и вашу любвеобильную пастырскую деятельность еще на многие годы!»

В годы служения епископа Феофана во Владимирской епархии братья Флоринские были профессорами Владимирской семинарии и активно помогали Преосвященному в его трудах по созданию Епархиального женского училища и изданию Владимирских епархиальных ведомостей.

Владимирское училище для девиц духовного звания было открыто в 1865 году, в котором отцу Николаю Флоринскому была поручена епископом Феофаном должность законоучителя. Первый номер Владимирских епархиальных ведомостей вышел в январе 1865 года, где было напечатано «Слово преосвященного Феофана Епископа Владимирского и Суздальского при вступлении на паству Владимирскую 1-го сентября 1863 года». А во 2-м номере (15 января 1865 года) напечатано «Приветствие и благожелание на Новый год» к читателям Архимандрита Митрофана. В дальнейшем братья Флоринские до конца жизни постоянно сотрудничали с епархиальными ведомостями, публикуя в них свои литературные труды, «Поучения», «Слова» и «Речи».

24 июля 1866 г., в Воскресенье, когда Преосвященный Феофан, прощался со своею паствой, отправляясь в Вышенскую пустынь для молитв и богословских трудов, о. Николай после окончания Божественной Литургии и благодарственного молебствия произнес от лица Владимирской паствы и духовенства прощальное слово, в котором он говорил о высоких достоинствах епископа Феофана, о всеобщей к нему любви и выразил глубокую скорбь в связи с предстоящей разлукой:

«Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Еще недавно сретали мы Тебя на сем священном месте, как Ангела Божия, пришедшего к

нам с священным словом мира Евангельского, пасти врученную Тебе Христом Паству Владимирскую. Но не прошло еще полных три года боголюбезного среди нас пребывания Вашего Преосвященства, как уже нас оставляешь Ты, Пастырь Священнейший!...

Твоя собственная воля, следуя внутреннему гласу Божию в освященном духе Твоем, хотя и не без соизволения Властей, увлекает Ваше Преосвященство в давно возлюбленное благочестивому сердцу Твоему пустынное уединение о Господе. И вот мы искренно и глубоко скорбим о наставшей разлуке с безценным нашим Архипастырем, — скорбим не менее, Святитель Христов, как древле скорбели пресвитеры Ефесские, когда в последний раз виделись с блаженным Апостолом языков, в продолжение трех лет свято потрудившимся у них во благовестии Христовом (Деян. гл. XX ст. 37 и 38).

И можно ли нам не сокрушаться и не горевать?

Наученные от дедов и отцов взирать на Архипастырей тем взором, каким учат смотреть на них слово Божие и Церковь, т.е. как на истинных преемников Апостолов, сих первых в Церкви Архиереев, по Христе — Архиерее Вечном, — мы вполне понимали, что Ты, Святитель, не только был преемник престола Апостолов, но и нравов Апостольских причастник. Истинно Ты был для церкви Владимирской живым образом Христовым не по сану токмо Иерарха, но и по Иераршескому житию Твоему.

Нашу скорбь по Вашем Преосвященстве увеличивает то обстоятельство, что Ты собственным изволением оставляешь нас. Нам отсюда предполагается, что не довольно обрела Твоя Святыня в нас, в наших нравах и жизни, такого, на чем можно было бы Вашему Преосвященству успокоить с любовью Свой прозорливый взор. Древле некто из св. Архипастырей [Св. Исаак Сириан] вскоре по возведении своем на престол Святительский, сошел с онаго в уединение потому единственно, что заметил, как мало хотели следовать правилам св. Евангелия люди врученной ему паствы. Вспоминая живых наставления и беседы к нам Вашего Преосвященства о Евангельском совершенстве, которое при сем изображал ты нам собственною благочестивою жизнью, — и поверая с оными нашу жизнь, мы замечаем, что многого и в нас недостает для

совершенства истинных учеников Евангелия. И вот нам думается, что эти наши несовершенства, это наше малое послушание Пастыреначальнику Христу заставили Ваше Преосвященство, благочестивый Архипастырь, оставить нас, как непокорных. Но сими нашими слезами, какая проливаем о Тебе, умоляем Твою св. любовь, Владыко Святый, да простишь нам всю виновность нашу и да возвысишь о всех нас св. мольбы к престолу милосердия Боговладыки Христа, чтобы не погубил нас во грехах наших, но чтобы дал еще нам время для покаяния, для просветления наших мыслей и понятий, для очищения сердец, для исправления и улучшения наших нравов.

Прости, Преосвященнейший Владыко! Прости, безценный Архипастырь церкви Владимирской и благослови ее и нас всех — ея служителей благословением Архипастырским! И отходя от нас телом Твоим, не отступай от нас Твоею благочестивою душою; но выну памятствуй, — просим и умоляем — выну поминай нас в св. Твоих молитвах, — нас, которые почтем священнейшею для себя обязанностью — сохранить навсегда в душах наших напечатлевшийся Твой образ и возносить к престолу благодати Христовой святое Имя Вашего Преосвященства. Прости и благослови!»⁵.

До конца жизни Святителя Феофана о. Николай вел с ним постоянную переписку. В собрании сочинений святителя опубликованы 24 его письма к о. Николаю за период с 1868 по 1886 г.⁶

Примечательна и жизнь брата протоиерея Николая — Михаила Флоринского (в монашестве — архимандрита Митрофана)⁷.

Михаил Иванович Флоринский родился 10 октября 1829 г. В 1847 г. он окончил Владимирскую семинарию, в 1851 г. — Киевскую духовную академию и был послан в Орловскую духовную семинарию преподавателем Священного Писания. Отсюда он был переведен в родную ему Владимирскую семинарию. Принял монашество (1858 г.), был ректором Костромской духовной семинарии. «По болезням своим он провел три года в пустыне Флорищевской, затем — по исцелении от болезни, был снова наставником в родной ему семинарии Владимирской, и после того настоятелем многих монастырей в Тамбовской и Владимирской епархиях».

⁵ Флоринский Н., свящ. Прощальное слово // Владимирские епархиальные ведомости. Неоф. часть. 1866. № 15.

⁶ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собр. писем. Вып. 2. М., 1898. С. 2–29.

⁷ О его жизни напечатан материал его братом о. Николаем в журнале «Душеполезное чтение». 1900. № 11. С. 430–431, и в труде Н. В. Малицкого «История Владимирской духовной семинарии». Вып. II. 1902. С. 271–273.

Портрет епископа Феофана (Говорова)

Архимандрит Митрофан, как и его брат, был в постоянном духовном общении с владыкой Феофаном, ведя с ним переписку.

После назначения архимандрита Митрофана настоятелем шацкого Черниева монастыря Тамбовской епархии (6 сентября 1874 г.) он обратился за советом к епископу Феофану по вопросам монастырского управления и получил в октябре из Вышенской обители следующее отеческое послание:

«23 окт. 1874 г.

Милость Божия буди с Вами!

Достопочтеннейший о. архимандрит! Поздравляю вас с новым местом! — Благослови, Господи, понастоятельствовать вам добре в сей обители, чтобы, показавши умение править малым обществом, удостоиться принять и большее.

Вы просите у меня совета, как править обителью. — Править обителью есть мудрость, превышающая мой ум. Я ничего в этом деле не понимаю, и чтобы ни сказал вам, все то будет книжное, а не деловое.

Присматривайтесь, и всякое дело обсуждайте, и по обсуждении делайте. Если хорошо пойдет, пусть идет; а если не хорошо, обсудите, как переменить. Так — всему учитесь делом, а не из книг. — Год, другой пройдет, всю настоятельскую

подноготную будете знать подробно. Наперед же нечего строить теории. Что за беда, что иногда ошибетесь. Ошибками и учитесь.

Экономия ведь не так еще важное дело, как весть братий, как следует и куда следует. В этом держитесь той веры, что всякий вступивший в обитель желает спастись. За этот поводок берите и водите. Весть и всех сообща, и каждого по частям. — То общее-то не мудрено. Держать строго чин монастырский, — и везде самому быть — в церкви, в столовой, и по келлиям иногда пройти. — Каждого весть — очень мудрено. Узнать надо характер и соответственно этому действовать.

Надо строго быть и ничего не спускать; но при строгости и милость чтобы была. И строгость одна никуда не гожа, и милость одна никуда не гожа. То и другое надо.

Можно так завести чтения на службах. — И самому выбирать статьи... и выбор весть по тому, что окажется нужным для братии — всяко дело научить... С первых раз поменьше ревновать, присмотреться, а потом и действовать. Времени будет оставаться много. Беритесь писать что-либо. Беседы, напр.: на Псалтырь. В службах все Псалтырь, — а ведь она очень мудрена к понятию; — вот и таракайте и отсылайте в ведомости... всяко... чем-нибудь надо душу питать и свою чрез это многополезно. — Если заведете писать, то у вас — все времени не будет доставать. А без этого его некуда будет девать, — и скучно.

Всех вам благ от Господа желаю. — Молите Бога о мне. О. Николаю поклонитесь, когда будете писать в Киев.

Ваш богомолец
Еп. Феофан»⁸.

Архимандрит Митрофан «в декабре 1875 года был вызван в Петербурге на череду священнослужения и проповеди Слова Божия», где пробыл до декабря 1876 года, после чего состоялось определение его настоятелем переславского Данилова монастыря. «3 июня 1883 г. по разстроенному здоровью, о. Митрофан был уволен от должности, с помещением в один из монастырей Владимирской епархии. 5 лет после этого Митрофан прожил в Спасо-Ефимиевом монастыре. В июле 1888 года назначен настоятелем Юрьевского Архангельского монастыря, в августе 1890 г. — Вяземского Свято-Предтечиева. В январе 1891 года, вследствие болезни, уво-

⁸ Публикация писем епископа Феофана прот. Николаем Флоринским // Душеполезное чтение. 1900. № 11. С. 431–432.

лен был от последней должности и последние дни своей жизни провел в Суздальском Спасо-Ефимиевском монастыре. Скончался 16 ноября 1895 г.»

1. Письмо священника Иоанна Флоринского

Любезный Братец, Павел Алексеевич!

Весьма жалею и о вашей болезни, и о Ваших произшествиях; кажется я советовал Вам не начинать дела; но Вы уверяли, что Ваш будет выигрыш. Можно ли спорить безсильному с сильным. Хотел бы я знать об окончании всего Вашего дела, вырыты ли межи и ямы, и поставлены ли столбы по признакам планов и межевых книг? Болезнь Вашу лечите красным вином, взваривши его с мушкатным орехом в кострюльке и помешав новым железным гвоздем; мушкатного ореху натолокши положить на стакан вина четвертую, или пятую часть. Еще хорошо пить не толченной березовый уголь в отварной воде, или крепком чаю. Причем не пить отнюдь холодного, кислого квасу, а велите насушить покрепче сухарей из черного хлеба, и налейте отварной на них воды, и настой с них пейте. Больше ничего. Можно пить и крепкий чай, или буквицу. Как можно берегитесь простуды, одевайтесь теплее, а на ночь на живот кладите кислой хлеб, размявши его с уксусом и солью, и на ветoshке, обвязав полотенцем. Лежать животом на теплой печи. Больше не знаю средств, кроме сильнейшего всех прочих — прибегать молитвами к Богу, и к пречистой Его Матери с угодником Божиим Николаем Чудотворцем.

Пожелав Вам и всему семейству Вашему здоровья, и душевного спокойствия есть Ваш Покорный слуга и Брат Иерей И. Флоринский.

P.S. Милостивому [нрзб.] прошу засвидетельствовать мое сыновнее почтение.

Естьли Василий Александрович вздумает побывать чрез Ваше село в Лавру: то пожалуйста не оставьте препроводить его сколько можно, или до самой Лавры, или по крайней мере, до Александра, и не замедля: ибо днем время дорого.

[1833 г.]

2. Письмо священника Андрея Казанского

10-го февр.

1847 года.

Достопочтеннейший и прелюбезнейший
дядинька,

Честнейший иерей Павел Алексеевич!

Письмо Ваше имел удовольствие я получить 10-го числа утром. Из него усматриваю Ваши

Архимандрит Митрофан (Флоринский)

многия нужды и скорби душевные и телесные. Душевно жалею об Вас и семействе вашем. Не откуда [и] ожидать нам помощи, как не от премилосердаго Творца при настоящих обстоятельствах. Подобныя скорби булбуревуют и нас. Лиза совершенная невеста, да и прочия как раз поспевают. От самых Святых досель я находился в беспрестанных хлопотах, но успеха ни в чем не получил. Во-первых, я просился было в Ново-Сергиевский погост о перемещении с устройением Лизы на мое место, но опоздал: ибо я узнал об этом месте по приезде после святых от Ивана Петровича Чуриловского, а Вася наш ездил на Святки в Домнино — на мою родину. О. Ректор докладывал обо мне Преосвященному уже на пестрой неделе.

Преосвященный сказал: «Я бы перевел его, но имею уже в виду другого». А говорят, это место отличное. Вы, я думаю, знаете его лучше нас. При случае известите нас о нем.

У нас — в Переславле Благочинный отказался от должности Благочинного. Думал было Преосвященный сделать меня, но слава Богу, что не сделал: ибо могли бы мне отказать от должности учительской. А у нас в городе Благочинному придет не более двух сот. Из этого числа надобно поделить с Консисторией. Я и сам поддался было на это, и непременно бы был, ежели бы я сказал О. Ректору, что желаю, но Господь сохранил меня. Теперь сельское благочиние праздно.

Туда я хотел было проситься, ежели бы позволили мне два года послужить и по училищу, так как я совершил бы двадцатипятилетнюю службу по училищу. Это нужно для пенсия, ибо в случае моей болезни или смерти мне или семейству моему положено будет шестьсот рублей пенсии ежегодно. Но тоже что-то не захотелось хлопотать, опасаясь, чтобы не оскорбить искательством Владыку. А потому положился на святую волю Божию. Впрочем, это последнее дело слишком много занимало меня, так что я и теперь не спокоен.

Училищная наша служба ныне не совсем благонадежна. Неудивительно, что и откажут от оной, особенно, ежели будет другой ректор. Да я и сам не хочу более двух лет служить. И наскучило и силы стали упадать, особенно чувствую боль в груди. Ежели бы получить благочиние сельское, то не страшно или не грустно бы было, ежели и откажут от училища. Да и то, надобно сказать, — без награды не оставят. Дела мои по училищу всегда были исправны.

Хотя семейство у меня и велико, а Вам признаюсь, что я очень рад Ване⁹. Вася и Федя утешают меня успехами. При переводе оба получили книжки за отличные успехи. О разборе Духовных слышно и у нас, а обстоятельного ничего не знаю.

За сим с истинною к Вам любовью и желая Вам от души вожденного здоровья остаюсь покорный Вам слуга Пер.[еславский] Соборн. Иерей Андрей Казанский.

Благословенному и любезному Вашему семейству от меня и всего моего семейства прошу засвидетельствовать глубочайшее почтение.

[P.S] В благочинии сельском 22 села. Тут можно получить доходы хорошие, но опасно, чтобы из-за него не отказали от училища, не давши прослужить двух лет, а весьма многие жéлают меня из этого благочиния себе в Благочинные, и все даже думают, что я буду, но я не надеюсь.

3. Письма протоиерея Николая Флоринского

1)

7/VIII 1869 г.

Ваше Высокоблагословение
Дражайший Дядюшка и препотеннейший
отец Павел Алексеевич!

Благодарю Вас за дорогое письмецо Ваше от 3-го августа, которое 7-го августа уже мною и получено из рук почтенного Вашего старосты. Вместо Вас, Вселюбезнейший мой отче,

расцеловал я строки Ваши, и дал оное для целования деткам моим, а вашим любезным внукам: Гавриилу /получившему книгу и похвальный лист на экзамене и поступившему в Семинарию/, Екатерине — обучающейся дома к поступлению в Институт; и Александру, по молодетству балуемому более, чем обученному наукам. Прошу у Вас, добрый Дядюшка, благословения внукам, которые мысленно целуют Ваши преподобные руки, и Св. молитв о их дорогой матери, а моей возлюбленной супруги, Екатерине Гавриловне, которая все не разтаится с кашлем своим. Прошу Вас благословить и меня — вашего родного племянника и помолится за меня. Я же не перестаю поминать Вас, Дражайший, в своих молитвах. Состою я настоятелем Свято-Николаевской церкви и Законоучителем в 1-й Киевской гимназии. Начальники и наставники — по милости Божией — ко мне расположены. Ученики меня любят. Но не взирая на сие, не смотря и на Киевские святыни, грущу под час по родине, по маменьке незабвенной, по Вас, вселюбнейший Отче, и по других родных. Только молитва за Вас утишает эту скорбь. Помолитесь за Вас, друзья, как-будто с Вами вместе...

Супруга моя Вам усерднейше кланяется. Передайте от нас почтение Вашим любезнейшим Отцу Иоанну Дмитриевичу и Александре Павловне, Агрифене Павловне, Прасковье Павловне и прочим Вашим присным. Любезнейшей Тетушке Надежде Васильевне и детям ея, равно и детям незабвенного отца протоиерея Феодора Васильевича наше глубочайшее почтение. Простите, мой любезнейший Дяденька! Желая Вам здоровья и душевного спасения, искренно почитающий Вас и сыновне любящий племянник Ваш Свято-Николаевской церкви настоятель и законоучитель в Киевской 1-й Гимназии священник, Магистр Николай Флоринский.

У матушки моей есть мои отпечатанные сочинения, которые также к Вам назначены. Справьтесь.

P.S. Внук Ваш Иван Побединский писал ко мне от 25 мая сего года. Но, к величайшему моему удивлению, о родном дедушке своем — о вас, не написал ни слова.

2)

Его Благословию благословеннейшему в иереях Отцу Павлу Алексеевичу,
моему дядюшке возлюбленному и сущим с ним, и вдали присным его наш искренне-род-

⁹ Сын о. Андрея (1797 г. р.) Иван родился в конце 1846 г.

ственный ответ на Его радостное приветствие:

Воистине Воскресе Христос, Любимиче наш!

Ваше дорогое сердцу моему писание от 5-го апреля достигло меня 9-го числа сего месяца. Искренно благодарю Вас, родной дядюшка, за любовь Вашу, сердечно желаем — я и супруга моя и дети наши Вам и всем присным Вашим радости о Воскресшем Господе, и здоровья и спасения. Целуем Ваши преподобные руки и просим святых молитв и благословения Вашего, родной наш! Просим также засвидетельствовать наше искреннее родственное почтение многоуважаемой тетушке Надежде Васильевне Покровской и всем детям ея. В Москву — ея родному племяннику Сергею Федоровичу давненько послал я некое утешение малое за любовь его безценных родителей, — посредством отца Василия Нечаева, издателя «Душеполезного чтения». Не знаю, достигло ли до Сергея Федоровича словечко мое.

Вот и внучек ваш, Иван Яковлевич, так же доселе не отвечал мне о моем ему приношениице на праздник Рождества Христова. Прилагаю к нему записочку. В недостойных молитвах моих тшуся поминать святое имя Ваше, Дядюшка и Отче возлюбленный. Но более Ваших прошу святых молитв.

Разлучились мы с Вами и увидимся ли на земле еще; Бог весть... А куда как было мне приятно с вами собеседование!...

Будем молится, Отец святой, чтоб в вечности Господь сподобил нам увидеться во свете блаженства нескончаемом, в лицезрении Сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа. Жаль, что рано скончался Алексей Васильевич. Царство ему небесное! Стану поминать и его за упокой в числе родных моих почивших.

Екатерина Гавриловна моя с кашлем не разстанется, но — благодарению Господу — действием родного климата, а паче молитвами святых угодников здоровье ея лучше стало. Дети наши поучиваются полегоньку. Гавриил успевает добропорядочно в классе словесности. Екатерина обучалась два года в пансионе; теперь дома подготовляем ее к поступлению в здешний Институт девиц. За золотушную сыпью в голове должна была она этот год провести дома. Александр поучивается под крылом отца и матери.

Простите возлюбленный Дядюшка!

Будьте здоровы, и благополучны и долгожительны!

Сего сердечно желаем Вам. Любящий Вас и почитающий, как отца, племянник ваш i.Н.Ф. [иерей Ник. Флоринский]

II/IV 1870 г. Киев

[P.S.]

Приснопамятному Отцу Иакову Ивановичу Елпатьевскому низайше кланяюсь, как возлюбленному сотоварищу по семинарии. Знает ли он, как блаженно почил о Господе наш незабвенный Наставник, отец Архимандрит Дионисий? Два года сему назад, в самое утро Светлого воскресения Старец облачился к священнодействию и когда запели: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех...», Отец Дионисий тихо опустил и предал душу свою Господу; отошел воспевать Воскресшаго в Собор Небесный... Се — блаженная кончина. Добрый и мудрый был наставник. Поминаем Его, Отче Иакова!

3)

Ваше Преподобие

Возлюбленный и почтеннейший Дядюшка, честнейший в иереях отец Павел Алексеевич!

Ваше, любви исполненное письмо от 3-го Декабря мною получено. Сердечно благодарю Вас: мысленно целую Вас и ручки Ваши; и приветствуя Вас с великими праздниками Св. Рождества по плоти и Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа — искренно и молитвенно желаю, да продлит Господь в здравии и глубоком мире еще на много лет святую жизнь Вашу. Смирренно прошу отеческого Вашего благословения мне, Екатерине Гавриловне и деткам нашим: Гавриилу, Екатерине, Александру и Варваре, которые целуют руки возлюбленного Дедушки своего. Братец мой пишет ко мне о Вас, родной наш Дядинька, в чувствах к Вам так же искренней любви и почтения, каких и я грешный преисполнен к Вам, как к единственному теперь Патриарху рода нашего. Прошу усерднейше Св. Ваших о всех нас молитв, которых не лишите и почтеннейшую старушку — тещу мою, протоиереюшу Агрипину, и нашего родного брата Константина и двоюродного Владимира.

Моя жизнь в Киеве исполнена трудов и скорбей не малых. За грехи мои. Но еще — Господу благодарение — есть и утешения в сих горестях. К сим утешениям причисляю и Ваше со мною письменное общение, дорогой дядюшка и Честнейший Господин Пресвитер!

Святейший Старец В.П. [Высокопреосвященнейший] Митрополит наш, равно как и Его Викарий Преосвящ. Порфирий ко мне отечески благоволят. Любит меня и проживающий на покое Епископ Полтавский, Преосвящ. Александр. Высшее учебное светское Начальство Наше и мои ближайшие по гимназии начальники и сотрудники в дружелюбных ко мне находятся

отношениях. Ученики утешают и вниманием к урокам и добрым поведением своим. Дети наши поучиваются дов. хорошо и доколе добрые хранят нравы. Только болезни нас всех сматили.¹⁰ От лекарей доселе не избежим. Да еще другая скорбь — родственные несогласия и споры, каких во Владимире редко видать приходилось, в Киеве не редкость. Далеко и странствовать мне до гимназии и в этом труд не малый.

Прошу Вас засвидетельствовать искреннее почтение мое любезнейшей и почтеннейшей тетушке — Надежде Васильевне и детям Вашим. С сыновним почтением и любовью к Вам, любезнейший Дядя и Отец мой, честь имею быть Вашего Преподобия покорным слугою иерей Николай Флоринский.

21/XII 1872. Киев.

4)

Ваше Высокоблагословение,
Незабвенный, любимый и почитаемый Дядюшка,
Честнейший в иереях Отец
Павел Алексеевич!

Взаимно Вас со всеми присными Вам приветствуем со Св. Постом, сердечно желаем в здравии и мире достигнуть великих дней Св. В. Седмицы Мироспасительных страданий и смерти и светлых дней Преславного Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, Вознесения Его с плотию на небо и сошествия Духа Пресвятаго. Желая, Возлюбленный Дядюшка, чтоб еще много Св. Четыредесятниц и Св. Пятидесятниц провели Вы, родной наш, на земле к утешению всех Вас любящих и почитающих. Мысленно целую Вас в св. уста Ваши. Прошу Св. молитв и Отческого благословения мне и всему дому моему. Желание Ваше иметь письмо от Гавриила сына моего постараемся исполнить. Теперь он сильно озабочен приготовлением к университетским экзаменам. Премного благодарю Вас, Старче высокочтимый за родительскую любовь не только ко мне, а и к семье моей. Аще и к вечной жизни представитесь, Родной, не забывайте там — если обретете дерзновение — молиться о нас. Вы просите прощения. Но никогда ни в чем не оскорбили Вы нас. Не оскорбил ли разве Вас когда я грешный. Прошу смиреннейше и усерднейше: во всем простите меня.

Оба письма Ваши получены. Жертва Ваша лично вручена мною Старцу — Духовнику дальних Пещер — отцу Иеросхимонаху Вассиану. А в субботу сырной седмицы я с сыном

Александром, молебствуя в Св. Лавре на ближних пещерах, паки воспомянул здесь Св. имя Вашего Высокоблагословения. Да сохранит, спасет и помилует Вас Господь Молитвами Пречистыя Своея Матери и угодников своих преп. Антония и Феодосия и прочих чудотворцев печерских. Когда исполните обещание — молиться Св. Угодникам Владимирским, положите и за нас поклон.

Жалею доброго Ивана Яковлевича. Но Воля Господня есть Воля благая, угодная, совершенная. Человеколюбие вся строит, и всем подает по вере Человеколюбец. Это и ему, как Богословия воспитаннику, известно. Какое преподали ему утешение, кроме утешений Св. Откровения Христова? Пусть более займется чтением Нового Завета, а из Ветхаго — Св. Псалмов и Св. Книги Иова. Здесь — преизобильное утешение [нрзб.] в скорби своей, которую перенесли благодушно, да научит и подкрепит Св. Благодать Божия. У каждого есть скорби. И бывают скорби несравненно тяжелейшие, чем лишение любимой жены. Кто знает, каковы были бы дети от них? Ныне претрудно дать детям истинно Христианское воспитание. А без Христианского характера дети могут ли быть для родителей утешением? Есть в постной триоди песнь утешительная для скобящих вдовцов. Вот она:

«На красная жития воззрех, помышленьми зря бываемая, и измерив тех болезни, жизнь человеков окаях: вас же единых ублажих, добрую часть избравших, еже желати Христа, и пребывать с Ним, и пети присно с пророком Давидом: Аллилуйя» [икосы преп. и богононым Отцам в Субботу Сырную].

Александр Александрович предлагает советы: не поступить ли Ивану Яковлевичу в Академию. Совет добрый. Но к этому прилагаю следующее: пусть наперед поживет в Св. Обители монашеской. Всего лучше: пусть отправиться к О. Архим. Митрофану в его монастырь. Здесь и настроение приобретет душе мирное и приготовиться может прекрасно к Академии, буде сам желает в нее, — под руководством доброго и просвященного верою и [оборван лист], [Архимандрита Митрофана].

Еще благодарю Вас, Любезнейший Дядюшка, за родственную любовь Вашу ко всем нам. Да наградит Вас Господь всеми милостями Любви Своея, наипаче — да отверзет Вам дверь Славного Царствия Своего! Сие едино на потре-

¹⁰Сматили — стомили, сморили // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., 1994. С. 281.

бу. Сия радость — не преходящих уже, но вечно пребывающих.

Прошу засвидетельствовать мое искреннее почтение О. Петру Григорьевичу Каллистову с семейством, О. Иакову Елпатьевскому, почтеннейшей тетушке Надежде Васильевне Мячковской и всем другим родным и знакомым нашим. Прошу Св. Молитв у многоуважаемого зятя Вашего, Любезнейшего Отца Иоанна Дмитриевича.

Нового в жизни нашей нет. Жили мы во Владимире порадастнее Киевского житья, имея общения с родными. Здесь — как затворники какие живем от родных Киевских, и любви той, что пользовался я от Владимирских родных, я не умел заслужить, кроме как от одного старца — протоиерея Маркелла Ивановича Козинского. Он мя утешает. Помяните его в молитвах своих.

С почтением и родственною любовью честь имею быть преданный племянник и покорный слуга [оборван лист].

[Н. Флоринский]

1875 г.

март 20 ч.

Киев.

5)

Христос Воскресе

Честнейший в иереях Отец Возлюбленный

Дядюшка Достопочтеннейший Павел

Алексеевич.

Мысленно Вас и ваших присных целую, желаю Вам всяких милостей от Воскресшаго Жизнодавца — Победителя ада и смерти, а паче всего желаю внити в живот вечный. Пожелайте, Родной мой, того же блага — единого на потребу и мне и моей семье, члены которой свидетельствуют все любовь к Вам родственную и почитание. Благословите убо всех нас, Высокоблагословенный Отче, и помолитесь за нас за всех. Прелюбезной и многоуважаемой тетушке — Надежде Васильевне и ея присным — наше глубокое почтение. Желаю и им всяких милостей от Отца нашего, иже на небесех. Поклонитесь также и отцу Иакову Ивановичу Г. Елпатьевскому. Желаю ему быть добрым пастырем и примером для пастырей. А с сим и все блага ему от Господа воспоследуют. Радуюсь, что Вы, добрый дядюшка, священнодействуете.

Да исполнится на Вас молитва, в которой просим Благаго и Человеколюбца Господа Бога нашего благоволить, даже до последнего нашего издыхания приносить Ему жертву правды и

возношение во святых Его жертвенниках. О, если бы и надо мною — грешным она исполнилась! Прошу святых Ваших о сем молитв, дорогой мой Дядюшка. Жаль мне нашего скончавшегося Первосвятителя — Высокопреосвященного Митрополита Арсения. Помяните и Вы в молитвах Ваших имя сего истинно доброго Архипастыря нашего. Вспоминаю с любовью время, когда утешался личным Вас видением и беседами Вашими родственными, отец мой, и скорблю, что — кажется уже не узрю лица Вашего на земле. Разве не подаст ли Господь такое утешение осуществлением Вашего желания побывать в Киеве — на богомолье. Было бы се добре!

Но да будет воля Божия о Вас, как и о всех нас. Еще прося Св. молитв у Вашего Высокоблагословения и много раз целую Вас и руки Ваши, с родственной любовью и почтением к Вам честь имею быть готовым к услугам Ваш искренний племянник Киево-Подольского, Успенского Собора настоятель, Протоиерей Николай Флоринский.

1876 г.

мая 5 дня.

Киев.

6)

Ваше Высокоблагословение

Высокочтимый Отец

Павел Алексеевич

Добрый мой дядюшка!

Мысленно целую руки Ваши и Ваши уста, благодарю за письмо от 2-го сего октября. Все мы — благодарение Господу! — по св. молитвам Вашим, живы, и все усердно просим на будущее время сих святых молитв и отеческого нам благословения.

Если дает Господь Вам сил и здоровья на будущую весну, приезжайте к нам тогда в Киев, Любезнейший Дядинька! За Вами есть кажется и обещание быть на богомолье в Киеве. А нам доставите своим посещением [...] живейшую радость.

Родным Вашим, как вкупе и нам суть любезные сродники, всем — наше почтение. Не имея особого для письма ничего, желаю Вам и присным Вашим всем здоровья, долгожivotия, благоденствия, благодати, спасения. Паки целую Вас много раз, со всею почитательностью и родственною любовью и готовностью к услугам остаюсь племянник Ваш, протоиерей Н. Флоринский.

1877 г.

окт. 8 дня

Киев

[P.S.]

Многоуважаемый дедушка!

Примите сердечную благодарность за то драгоценное внимание, которое Вы постоянно оказываете мне. Искренно желаю, чтобы Христос Бог, Которому Вы служите, украсил [неразборчиво] дней Ваших плодами Своей неизреченной благодати и продлил ее для назидания и любви Ваших родных.

Любящий Вас внук Г. Флоринский.

P.S. Варя просит вас приехать к нам, потому что вы обещали сделать это и не исполнили нашей просьбы. Целуем ваши руки и просим благословения, Варя и Маша.

Ваши внуки, любящие Вас. Екатерина Флоринская.

[P.S.]

Любезный дедушка!

Прошу и я Вашего благословения, целую ваши руки. Любящий и почитающий вас внук Александр Флоринский.

7)

Старцу возлюбленному,
яко отцу, приснопамятному Дяде Павлу
Алексеевичу

Г. Пресвитеру в пресвитерах искренно преданный любовью и почтением к Его Преподобию племянник Николай желает здравия, благодати Божией и в ней мира, утешения, спасения души, равно и всем Его присным, а моим любезным сродникам!

Возлюбленный наш, не мой только, но и всего моего дома, возлюбленный мой Дядинька, а деток моих Дедушка; Отец Павел Алексеевич!

К Преосвященному Михаилу, Ректору Академии Здешной, приехал в гости старец — родитель его. Это обстоятельство подало мне мысль, что и Вашему Преподобию старость Ваша не помешала бы посетить Св. Град Киев и zde помолившись обрадовать и нас — родных Ваших зрением лица Святаго Вашего! Моя сестра Елизавета Ивановна с племянницей Анной Андреевной намерены к нам приехать после праздника Успения Божией Матери. Соберитесь-ка, Родной, вместе с ними. Тряхните стариной своей, или — лучше сказать — стряхните ее с себя на время — и, как орел обновляющийся [нрзб.] по Псалмопевцу, прилетайте к нам на печи — самолете.

Письмо Ваше получено и на оное ответил я. Не знаю, получен ли Вашим Преподобием ответ. Доколе Вашими святыми молитвами мы живы и по возможности здоровы. Прошу сих свят.

Молить о нас и на будущее время. Мысленно целую Ваши священнические руки. Прошу благословения и отеческого пресвитерского мне и всему моему дому.

Многоуважаемой тетушке Надежде Васильевне Покровской и ея родным — наш поклон. От себя усердно кланяюсь Высокочитимому Отцу Петру Григорьевичу, его семейству и другим их родным, и еще: многоуважаемому Отцу Иакову Елпатьевскому. Если и еще кого найдете помнящим, всем таким — глубокое от меня скажите почтение.

Простите!

Ваш искренно преданный племянник, протоиерей Николай Флоринский.

9/VIII 1878 г.

Киев.

10 августа. P.S. С радостивейшим праздником безсмертного Успения Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы Вас, Дядюшка, поздравляя, Вашему Преподобию всем присным Вашим удостоится Ея благодатного Покрова и Заступления как в жизни, так и особенно в неизбежный час кончины. Вы же, родной, св. молитвами испросите у Пресвятой Присно Девы Богоматери и мне грешному и всем моим Ея благодать сию.

Ваш Н.Ф.

8)

Ваше Высокоблагословение
Честнейший отец Священноиерей Павел
Алексеевич

Возлюбленный мой Дядюшка!

Мысленно целую Вас и преподобные руки Ваши, сыновне приветствую Вас и всех присных Ваших с В.[еликими] Праздниками и Новолетием. Желая всем родным Вашим и моим всех милостей от Господа, в особенности Вам, Дядюшка, желаю еще много лет прожить в мире Божиим и благодати, к утешению всех любящих Вас и почитающих. У Вас усердно прошу Отческого мне и моему семейству благословения и Св.[ятых] о нас молитв.

Моя супруга Екатерина Гавриловна и наши все дети свидетельствуют Вашему Высокоблагословению родственное почтение. Екатерина Гавриловна в здравии на родине своей — слава Богу! — поправилась. Но детки наши все не богаты здоровьем, а некоторые прямо больны, особенно Варвара 8-ми летняя, сильно подверженная золотушным сыпям. Старший сын Гавриил, по причине боли в сердце, не мог сдать нынче экзамены и поэтому остался на 6-ой год в Университете.

Дочь Екатерина, по окончании курса в Институте, еще захотела поучиться и ходит слушать лекции по истории всемирной и отечественной, также по педагогике и языкам: французскому и славянскому в разных сего наречиях на высшие женские курсы. Теперь на праздники получила себе работу: перевести на русскую современную речь сказания о В.[еликом] Князе Василии Димитриевиче (сыне В.[еликого] К.[нязя] Димитрия Донского), Воскресенские летописи.

Александр оканчивает курс училища духовного.

Я недостойный священствую при Киево-Софийском Кафедральном Соборе, где нас четыре протоиерея (полный штат Его Священников составляющие): Кафедральный, Ключарь и два протоиерея, в числе кот.[орых] один по фамилии — Богданов, другой я. Настоятель же наш — Сам Высокопреосвященнейший Митрополит Киевский и Галицкий. Вы давно имеете сведения о нашем настоящем, добрейшем Архипастыре В.[ысоко]П.[реосвященном] Филофее. Помню Ваши о нем приятные речи. А он сохранил живую и самую добрую память о нашем незабвенном родном о. Протоиерее Феодоре Васильевиче. Кроме священства, возложена на меня обязанность Члена Попечительства о бедных Духовного Звания и Казначей онаго. Да еще учу Закону Божию в школе Свято-Владимирского Братства мальчу-ганов.

Вот Вам, Любезнейший Дядюшка, сведения о нашем доме всем. Прибавьте к этому еще то, что пишущий это Вам сам нездоров и душой и телом, часто, часто поминает незабвенные дни, когда свидание с Вами утешало меня, как свидание с отцем.

Теперь, после молитвы, моя беседа большею частию с моими драгоценными присными по плоти и по духу, из коих иные почил, неции же пребывают и доселе. Воспоминание о беседах с ними — радость моя.

Но — еще благодарение Господу! — велие утешение обретаю в свиданиях, хотя редких, и беседах нашего Первосвятителя и Его 1-го Викария — преосвященного Иоанна. Не лишен я и расположения 2-го Викария — Преосвященного Михаила — Ректора Академии. Многая им всем лета! Многая лета и Вам, добрый и незабвенный Дядюшка мой. Еще и еще много раз целую Ваши руки. Ваш преданный племянник протоиерей Николай Флоринский.

1878 г. Дек. 23 дня.

Киев. Церк.

Дом Киев. Соф. Каф. Собора.

[P.S.]

«Высокопреподобнейшему Отцу Петру Григорьевичу Каллистову и Его Супруге с детьми равно и всем другим родным нашим и знакомым мой поклон».

9)

Ваше Преподобие

Достопочтенный Отец Иоанн!

На просьбу Вашу о совете отвечаю, что мысль Ваша передать место зятю — мысль добрая. Сами же можете за тем поступить викарным священником куда-либо во Владимир, или даже в Москву. Тогда, буде же — даст Бог, при добром здравии — иметь средства к содержанию остальных двух дочерей. Хорошо поступить в монашество. Но только, кажется, не из резонья иметь здесь средства помогать детям вещественно, а разве только молитвами, как впрочем сильнее устроить и земное счастье тех, за коих молимся. Хотя монах и отрекается от всех родных, но думаю в молитвах пред Господом Богом и Его святыми обязан их помнить, и молитвами способствовать их временному счастью и вечному спасению. Подвижники, даже матерей родных не хотевшие видеть, все же говорили в утешение своим родительницам о надеждах будущего и радостнейшего свидания в веке будущем, из каких речей открывается, что в предметах молитв святых отшельников и это было. Да и как принявшим на себя обязанность молиться за весь мир, не молиться за своих присных?

А посему, если чувствуете Божие звание — дерзайте в монахи вступить. Только не мешкайте. А как только даст Господь устроить дочь за преемника своего, сейчас же с Богом в путь приготавливаясь к блаженной кончине иночеством, воспевая, себе[нрзб.]:

Непорочни в путь, т.е.:

Ну, шевствуйте к небу непорочные! И затем поя и все псалмы сего усладительно и самым напевом своим:

Блаженни непорочни в путь, ходящи в законе Господнем.

Аллилулуйя и пр. и пр. и пр.

Что касается меня грешного, увя — не могу горько о себе самом не рыдать, когда помню сие величественное песнопение Богодухновенного певца — блаженни непорочни: ибо я порочен.

«Когда смерть приближается к невоздержанному, тогда болезнию замыкает ему уста, и каплями с конца перста начинают вливать воду в гортань винопийцы. Как счастлив тогда ты, заранее отвыкший от вина!»

«Собранные нами сокровища остаются тогда другим, а грехи наши бременем [нрзб.] уподобятся тогда свитку, и здесь и там исписанному нашими делами. Но блаженны тогда Вы, монахи.» Вот сии слова сейчас я вычитал у св. Ефрема Сирина. И оне мне понравились. И выпи-сываю их здесь, как подходящая к предмету нашей с Вами речи.

Будьте здоровы и благополучны со всем вашим семейством, добрый и уважаемый Отец Иоанн. Желаем здравия и спасения и сестрице Аграфене Павловне и всем прочим ея и моим родным.

Прошу сказать им от меня и испросить мне и семье моей их молитв, которых особенно у Вас испрашиваю Достоуважаемый отец пресвитер Иоанн.

Брат ваш о Господе и слуга покорный
Недостойный [нрзб.] Протоиерей Н.И.Ф.
20 февраля.

[Мой] Адрес: Протоиерею при Сретенской Старо-Киевской церкви о. Николаю Иван. Флоринскому

кв: Обсерваторский переулок, дом № 10

[P.S.]

Чтобы письмо дошло до рук Ваших, страхую его, приложил два рубля — Сестре Аграфене Павловне.

25 февраля 1888 г.

10)

Христос посреди нас!

Достоуважаемый отец иерей и брат любезнейший Иоанн Димитриевич!

Благодарю за письмецо от 18 марта. Получено было мною и другое письмо ваше еще прежде сего.

Молитвенно желаю как любезнейшей сестрице нашей Агриппине Павловне, так и Вам и всему дому вашему спасения от Господа.

Как доброго пастыря церковного, Вас прошу, честнейший отче Иоанн Димитриевич, молитв и для меня грешного о сем наипаче благ: да спасем-ся все — я и дом мой.

Жива ли наша добрая и многоуважаемая тетюшка Надежда Васильевна Покровская. Если здравствует она (чего дай Боже!), прошу сказать ей родственное от меня почитание. А равно кланяться прошу и прочим всем нашим родным. Желал бы знать и о них что-либо, особенно об Отце Иоанне Димитриевиче Флоринском, — где и как он ныне поживает.

Будьте здравы и благополучны все любезные родные мои, и да умножит Господь дни ваши на многия лета в мире и благодати!

Искренний сродник ваш и слуга протоиерей Н. Флоринский.

Киев.

1890 г. Мая 5 дня.

4. Письма архимандрита Митрофана (Михаила Флоринского)

1)

Ваше Высокоблагословение!

Возлюбленный и Достоуважаемый

Дяденька — Павел Алексеевич!

Хоть и крайний недосуг по случаю наступающих экзаменов, — но я поспешил исполнить Вашу просьбу, улучшить благоприятную минуту. Желание Ваше исполнено.

Вы пишете, что в течении двух лет не получали от меня известия. Напрасно! Вы сами отвечали мне на одно письмо; а другое, посланное мною пред масленицею, осталось почему-то без ответа. Отправлено было по почте, как и первое, через Александров.

Благодаря Господа, живу не тужу. Хоть и не все так, как бы хотелось, — но необходимо терпение. Удостоен Монаршей Милости — ордена Св. Анны 3-ей степени. Возрадовался я, — почувствуйте и Вы, Добрый Дядюшка, моей радости. Что будет дальше, — Богу ведано. Будем ждать хорошего.

Всех Вам благ от Господа Бога желаю.

Не лишайте меня своих святых молитв!

Преданный Вам — Архимандрит Митрофан.

Всем родным мое глубокое почтение. Сестрица моя Елизавета Ивановна, Слава Богу, здравствует и спокойно живет с двумя сиротками — племянницами. Свидетельствуя Вам свою родственную любовь, испрашивает она Ваших молитв и благословения.

В пост чрез Евгения отправил я Вам книгу — проповеди братца — отца Протоиерея Николая Ивановича. Получена ли она?

[1871—74 гг., г. Владимир]

2)

Ваше Высокоблагословение!

Незабвенно-возлюбленный

Дяденька — Достопочтеннейший Отец Павел Алексеевич!

Мир духови Вашему!

Премного благодарен вам за ваше, хоть краткое, но любвеобильное письмо. Да подкрепит Господь, ослабленные разными скорбями, силы ваши, и да продлит жизнь вашу еще на многие лета! Душевно того желаю.

Что вам поведать о себе? Благодарю Божию есмь, еже есмь. Бывают минуты, когда бывает

что-то тяжело на душе, чем-то недовольна она, чего-то ждет себе как будто лучшего; но год от году такие минуты стали реже. Молюсь, тружусь и всецело повергаю себя в волю Божию. Что будет угодно Господу, то и совершит со мною Его всемогущая сила. На наши человеческие земные стремления, на наши надежды рассчитывать нечего.

Что-то плохо себя чувствует брат — Александр Александрович. Помолитесь Дядюшка о нем, да исцелит его Господь. Брат Николай Иванович свидетельствует вам глубочайшее почтение. От него есть книга вам — великопостные проповеди. По получении книги не замедлю вам доставить.

Простите возлюбленный! Всем родным мой низкий поклон.

Сестрица Елизавета Ивановна низко кланяется вам и просит святых ваших молитв.

Преданный вам племянник недостойный ваш молитвенник Архимандрит Митрофан.

12 фев. 1874г.

P.S. Иван Яковлевич Побединский думает поступать в диакона к своему тестю.

3)

Незабвенно — возлюбленный
Дяденька — Павел Алексеевич!

Христос воскрес!

Воскресший Жизнедавец да прольет в сердце ваше, упоенное скорбями многолетней жизни вашей, свою небесную радость, ея же никто же да возмет от вас! Послужили вы на сем свете, потрудились, — быть может, близь время вашего переселения в страну вечности, время неземного покоя и блаженства... . Молитвенно желаю, да Господь с миром устроит путь ваш туда!.. Не забудьте и там... меня в своих святых молитвах!...

Далеко я уехал от вас. Духовно-училищная служба по внешним неудобствам жизни, была не по сердцу моему, и я избрал и предпочел ей уединенную жизнь во святой обители. Монастырь дали мне посредственный, вдали от городов, среди сел. Братии не много. Живу доколе спокойно, — а далее — Богу ведомо, что будет.

Весьма сожалею о вдовстве Ивана Яковлевича. Но... Господь даде, Господь и отъя. Будем верить, что все к лучшему. Да не скорбим якоже прочии, не имущие упования!

Всем родным мой низкий поклон.

Искренно любящий вас племянник — Архимандрит Митрофан.

г. Шацк (Тамб. Губ.) Свято-Николаевский Черниев монастырь. Настоятель ... — таков мой адрес.

С 15 мая по 6 июня буду в отъезде: в Тамбов, Козлов и Моршанск.

26 апр. 1875г.

4)

Возлюбленный Дяденька
Честнейший в иереях
Павел Алексеевич!

Сгрустнулось что-то мне по Вас! Как Вы поживаете и каково Ваше здоровье? Слышал я, что Вы уже отказались служить в Мячкове по слабости сил. Видно правда Любезнейший, что старость не на радость. Молитвенно желаю Вам всего, чего желает сама себе святая душа Ваша!

Продолжается мое чередное служение в С.Петербурге. Еще четыре месяца, — и конец. Кажется уже не возвращусь в Черниев монастырь, а буду настоятелем Пинского (Минской Епархии) Богоявленского монастыря второклассного. Если так, буде воля Божия! Пинск — город хороший, торговый; монастырь там с лучшими средствами, чем Черниев. Помолитесь обо мне! Да благоустроит Господь путь мой в Западный Край и да поможет мне исполнить там поручение высшей Власти!

Преданный Вам племянник
многогрешный Архимандрит Митрофан

33 авг. 1876г.

5)

Возлюбленный Дяденька!
Достопочтеннейший Павел Алексеевич!
Воистину Христос воскрес!

С прошедшим праздником Св. Пасхи поздравляю и молитвенно желаю Вам мира и радости от Воскресшаго Господа!

По заповеди Св. Апостола: «За все благодарите», благодарю и аз многогрешный за настоящее — свое положение. О будущем не помышляю; оно в руке Божией. Да будет во всем святая Воля Божия.

Вашему внуку не нахожу чем помочь. У меня теперь на уме инаго рода наука, — наука монастырской жизни.

Рад бы с Вами видиться, но не могу найти времени. По должности благочинного монастырей мне нередко подлежат экстренные выезды из своей обители.

Христов мир духови — Вашему!

Искренно Вас любящий недостойный Богомолец

Архимандрит Митрофан.

Не отставьте меня в своих святых молитвах!

9 апр. 1877 г.

5. Черновики писем Священника Иоанна Новосельского:

1) К протоиерею Андрею Казанскому.

Ваше Высокоблагословение,
Честнейший и Пречестнейший Отец Протоиерей
Андрей Павлович

и любезная Екатерина Михайловна

Желаю Вам многая лета сдравствовать!

Получа Ваше письмо я в скором времени не мог Вам дать ответа, потому что не знал куда написать, т.е. через какую почтовую станцию, во 2-х что-то нездоровится, да иногда и не с кем послать на почту.

Но теперь, нашед случай отправить в Александров на почту, только я сомневался дойдет ли оное начертание к Вам, по тому так ли я написал адрес представить Вам оное, в прочем оставя сие, начну другое дело.

Получа Ваше письмо драгоценное, я так возрадовался, что читавши Ваши строки, полились из глаз моих слезы за такую Вашу любовь, что меня не забываете во своих молитвах. В письме Вашем писано по отъезде Вашем из Вески и зятя Вашего Ивана Ларионовича на место пребывания Вашего на Гусь [Гусь Хрустальный], и по проезде Москвой, описание Вами как Вас принимали, многоуважаемого отца протоиерея Андрея Павловича Ваши товарищи и воспитанники духовного училища и Архипастырь Викарий Московский. Вот что значит заслужить любовь, которая никогда не загладится никакими судьбами не только от человек, но и от Бога. Дай Бог получить более отрады для Вашей Души! Слава Богу — дожили до старости и много видели [нрзб.]. Но время прошло и Господь привел на покой, дети устроены и награждены.

Теперь одна забота осталась, — как явиться на страшный суд Божий, вспоминая о грехах своих. Господь милосерд и благий Человеколюбец, прощение грехов Души и телу своему да будет Заступник, прощение грехов да подаст в чистом нашем покаянии.

Вот Прелюбезнейший все мое описание.

Прощайте милые мои.

[1870-е г.г.]

2) К архимандриту Митрофану.

Ваше Высокопреподобие

Отец Архимандрит Митрофан:

Писанное Вами письмо в Александров к отцу [нрзб.], чтоб я приехал к 15-му числу сего месяца с Вами повидаться, я получил от него. Всеми силами старался приехать в это время, но нещастие мое — не нашел подводы. Все были заняты работой, хотя и праздник. Но послучаю частого дождя, ничего не убрано с поля, а поетому все и отказались домашние, лошадь там занята была.

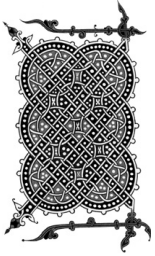
Вот вам мое доказательство, я так был встревожен, что не мог удержаться от слез, весьма хотелось с Вами повидаться, может в последний рас. В Переславле хоть есть оказии, да за дальностию при старости своей беспокоить Вас не смею. [Зачеркнуто: в последний раз хотя бы глазком взглянуть]. Старость моя, все члены омертвели (глаза плохо видят, руки едва владеют, — вот мое положение), да еще скорбь души моей, — как извесно сколько переносил нещастий, успокоился было, но зная прогневал Господа: останная дочь пристроена, на которую я надеялся, [что] меня успокоит, но поразила ее болезнь, которая целый год продолжается, никакие медицинские лекарства не помогают. Семейство все в унынии, а мое сердце более и более отягчается, так что одна полночь мне в отраду бывает. Более в горести не знаю, что вам писать, только прошу Вас не оставлять в молитвах своих во святой обители Вашей у преподобного Даниила¹¹ за нас грешных о избавлении нашей болезни.

Итак, пожелав Вам от искреннего сердца добраго сдравия, любящий Вас [и] знаемый Вами дядя села Скоморохова заштатный св[ященник] Павел Флоренский. Семейство мое Вам свидетельствует нижайшее почтение.

А Вас прошу одну строчку написать, я буду с нетерпением ждать. Прощайте.

[1883г.]

¹¹ С декабря 1876 по июнь 1883 г. архимандрит Митрофан был настоятелем переславского Данилова монастыря.

Н. В. Шляхтина

Город Кузнецк в воспоминаниях его жителей

Рукопись воспоминаний Клавдии Ивановны Максимовой получена нами в июле 2001 г. от прот. Александра Долгушева в с. Каменка Воронежской обл. Текст был написан рукой автора в 12-листовой тетради в клетку по просьбе о. Александра. В настоящей публикации мы сохраняем орфографию К.И. Максимовой и ее собственное название рукописи. В свою очередь сам прот. Александр много

рассказывал о своих детских впечатлениях, событиях и людях родного города. Его рассказы, собранные и записанные нами на диктофон в 1999 и 2000 гг., также вошли в публикацию «Город Кузнецк в воспоминаниях его жителей». В беседах с о. Александром принимал участие наш коллега, покойный ныне С.В. Кузнецов. В публикации речь идет главным образом о церковной жизни города в XX в.

«Клавдия Ив. Максимова вспоминает молодым людям, какой был наш Город Кузнецк в старое время при жизни моей»

Мое день рождения 1907 г.

В Городе Кузнецке было восемь церквей православных, Две старообрядческих, Две татарские мечети, и одна поморская. Первая православная Собор, он стоял, где сейчас большая гостиница, в соборе было четыре престола, главный престол в честь Покрова Б.М., второй Первый Спас, третий в честь Успенья Б.М. и наверху в честь Сретения Господня. При церкви были школа, у церкви стояла часовня в честь Божьей Матери Взыскание погибших. В соборе колокол был большой на 1000 пудов, когда было нужно звонить, пять мужчин раскачивали язык колокола, звонили и ночью зимой в мятель, чтоб на лошадях не заплутаться в поле, тогда машин еще не было, и ехали на звон колокола. Ко всенощной в четыре часа начинали звонить в старообрядческой церкви. А в пять часов вечера начинали звонить в соборе, и тут же во всех православных церквях, слух был радостным даже волосы дыбом становились, я слушала с умилением. Собор стоял где сейчас большая гостиница. К литургии приводили школьников, из приюта детей, а из гимназии часто пели взрослые девушки гимназистки, а мальчики стояли на клиросе и пели, и в алтаре которые прислуживали, на клиросе не

разрешалось стоять женскому полу, пели одни мужчины. Потом по пожже меня ввели старички первую пяти лет, потому, что я у клироса всегда стояла и пела, и стали вставать женщины и девушки, потому, что мужчины старья умирали, а молодые боялись и к церкви подойти (от власти был запрет) детей не разрешали вводить в церковь, мы ходили тоже украдкой всего боялись.

Вторая церковь Троицкая трех престольная, первый престол св. Троице, второй престол Рождество Богородице, третий престол Усекновение головы Иоанна Крестителя. Колокол был поменьше соборного, (но тоже красивый звон), он стоял, где сейчас электростанция, тут была в ограде школа первый, второй и третий класс, и тут же в ограде была богадельня для старых без приютных и больница для них, ухаживала за старыми сама госпожа которая построила все это. В ограде был как парк, цветы разсаживали и отдых для больных и для всех прелесть, и звон прекрасный, трезвонили по нотам много мужчин. В церквях был порядок замечательный, от порога до амвона был разослан ковер, мужчины стояли по правую сторону, а женщины по левую, а в середине широкая дорога и ковры, народ стоял чинно рядами,

тесноты не было, потому что церквей много, и каждый дом прикреплен к своей церкви, у каждого дома свой приход и свой батюшка, при смерти человека вызывали своего прихода батюшку и ночью, чтоб причастить больного ближе к смерти. В церквях порядок вели полицейские, поднимали детей ко кресту и св. причастию, я их очень боялась когда меня поднимали, я еще была мала, но все помню.

Третья церковь Вознесенская пяти престольная, первый престол в честь Вознесения Господня. Второй престол Воздвижения Животворящего креста Господня. Третий престол Рождество Иоанна Крестителя. Четвертый престол св. Иоанна Богослова и пятый престол в честь Трех Святителей Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Рядом с церковью как сейчас стоит школа. Учителя приводили учеников вышшего класса в церковь, по праздникам, они пели и молились, в каждый праздник среди недели ученики не учились, а ходили в церковь.

Четвертая церковь Никольская три престола, где сейчас больница и род дом. Первый престол в честь Николая чудотворца, Второй престол Преображение Господне, Третий престол Петра и Павла. Эта церковь новая, только построили вместо деревянной, большую каменную все в ней блестело, когда ее ломали, кирпичи большие увезли, и стали рыть вглубь, простой народ (сказать тоже неверующия), но многих задавило до смерти.

Пятая церковь в честь св. Илии пророка, она стояла, где сейчас базар и торг. Тут и кладбища, а на кладбищах стояли кресты черной краской покрашены, а в середине линейка белым, от всех черных крестов было жутко, в старое время не красили разными красками сами кресты, считали за грех, оград ни одной не было. В этой Ильинской церкви колокол был не большой, но очень приятный звон.

Шестая церковь Казанская отпевание покойников. Дежурный батюшка, псаломщик и сторож, звонили при встрече каждого покойника и провожал батюшка до могилы всех, на этих кладбищах были богатые могилы или склеп назывался, или выход, туда ставили покойного, а наверху под стеклом находилась комната, в комнате иконы лампы горели день и ночь и венки, часто звали батюшку служить панихиду. На кладбищах было чисто, охранял сторож вел порядок и заказ чего закажет.

Седьмая часовня в честь муч. Параскевы, здесь была ярмарка, съезжались торговцы со всех концов и из за границы, очень много всего было. Ярмарка была всегда каждый год в десятую пятницу, она назвалась десятая ярмарка продолжалась целый месяц, приезжие заказывали бес-

Храм во имя св. муч. Параскевы Пятницы.
Г. Кузнецк. 1940–1950-е годы.
Из архива А. Дворжанского

престанно молебны в этой часовне св. мученице Параскеве, у входа алтаря был родник, а на воле у часовне большой бассейн с прозрачной и вкусной св. водой, здесь был непроходимый лес и везде роднички и трясина, у этой бассейны часто служил батюшка заказной водосвятский молебен, и св. воду выливали в бассейн, у большой бассейны были четыре кранта и четыре вверху окна или закрышки под замками. Старые люди говорили, что здесь явилась святая мученица Параскева, на ярмарке чего чего не было олады тут и там, всякие сласти и вкуснота, и вещи и одежда и все, что привозили из-за границы. Потом часовню расширили и сделали пристрой, когда все церкви сломали остались две маленьких Казанская и часовня, стали служить в часовне каждый день, и в казанской тоже.

Восьмая церковь в тюрьме в честь Б.М. служили всегда по праздникам в семь часов утра, на хорах пели тюремщики или заключенные, колокол был маленький но очень звонкий и красивый, как ее закрыли все иконы вынесли, там было явление Б.М. и слышен плач, слышали многие и ужасались, из всех церквей иконы возили на хлебзавод, кололи и топили, пекли хлебы, а мы ели и не знали в чем дело и грешили, колокола из всех церквей перелили в пушки, книги и ноты все сожгли, из риз шили обувь и продавали.

Потом две старообрядческие церкви не знаю в честь кого, очень большие и красивые, колокол был очень звонкий говорили, что отлитый из золота, старичок перед смертью пожертвовал золота на колокол, звонили в четыре часа ко всенощной, у них кончали звонить, а у нас начинали в первом соборе, потом во всех церквях вместе звонили, слушать не наслушаешься, одна большая стояла где сейчас милиция, а другая за электростанцией.

Поморцы в доме у речки как и в церкви

Две татарские мечети на окраине города

Где седьмой магазин были кузницы, очень большое разстояние стучали молотами слышно было во весь Город. Сначала был не кузнец, а село Нарышкино, императрица Екатерина приезжала в то время ей понравилось это селение верою в народе, и назвала в честь Кузниц. (Город Кузнецк) здесь все были ремесленники и труженики верующие. На Пасху не работали всю неделю, звонили и трезвонили во всех церквях с утра до вечера, мужчины стояли в очереди чтобы Бог привел потрезвонить, считали за счастье, а на Рождество Христово трезвонили три дня, и не работали, а потом мужчина от нечего делать ширяли в ширялки с детьми, а которые собирались и слу-

шали библию или слово божие, кто может читать, читали и проповедывали, а вина боялись (Бога) выпить три рюмки маленьких, говорили, первая от Бога, вторая от людей, а третья от беса, вот как жил народ верующий в Городе Кузнецке в старое время, жили в страхе Божиим.

Когда церкви стояли закрытыя пред поломом их, служили только часовня и Казанская, тогда на церквях день и ночь сидела какая то большая птица Орел или сова, сидела прямо на кресте и на куполе, и по ночам кричала с раскрытыми крылами, она сидела день и ночь по одиночке, то месяц на соборе, то на Вознесенской с месяц, то на Никольской с месяц, а на дальних церквях, я не знаю, на Соборе и Вознесенской я слышала и видела, когда мы певчие ходили в часовню спеваться к Пасхе, мы шли из часовни со спевки в 11 часов вечера, это было ни один раз, мы шли мимо Вознесенской и мимо Собора и видели и слышали крик птицы, даже жутко становилось ночью, потому что кричала жалобно, в то время мостов не было и мы обходили кузнечным мостом мимо церкви, народ в то время разсуждали, что это такое, что и птицы тоже переживают о церквях.

Трогательно торжественное шествие праздника Крещения Господня, мы на Иордан, из Покровского Собора в старое время

Праздник Крещения Господня был очень трогательный: шествие на Иордан, обедня начиналась в Соборе по пожже других церквей, из всех церквей встречали в Собор по одиночке со звоном иконы и народ, чтобы на Иордан всем вместе из семи церквей. Потом когда в соборе кончится обедня, выходят из Собора все, впереди идут с образами и пением тропаря праздника. Потом идет батюшка Дубровин о. Владимир с крестом на подносе, с воздетыми руками кверху, и священники из всех церквей, и какие были морозы сильная, а батюшка с голыми руками воздетыми кверху с крестом, все даже дивились его терпению, шествие было очень тихо и далеко до речки, где был вырублен на льду и наряжен красками св. Крест и прорубь, где батюшка погружал св. Крест с пением Крещенского тропаря, потом отслужили молебен, идут также тихонько с образами и народом каждый к своей церкви, встречали их с трезвонком, вот какое трогательное шествие было в старинное время. Писала регентша Клавдия Ив. Максимова, потом мы батюшку спрашивали, как вы терпели такой мороз и он говорит, вера в Бога помогает, потом он перенес мучение до смерти. Писала регентша Клавдия Ив. Максимова.

Пасхальная ночь в старое время

Пасхальная ночь была радостная, спать не полагалось, боялись греха, занимались мужички и мальчишки, наряжали церковь огнями, зажигали сало в плошках на церквях, в ограде пускали ракеты цветные, в городе жгли бочки смоляные, в память того, что при жизни и при мучении Иисуса Христа, у костра апостол Петр отрекся от Христа. Стреляли как из пушек, в воспоминание того, что жида, которых замучили и распяли Иисуса Христа на кресте, а он в третий день Воскрес из мертвых.

Вот Пасхальная ночь какая была радостная, электричества нигде не было, по городу горели фонари на каждом углу и в середине квартала, ночью караульщик ходил и стучал палками, это каждую ночь.

Кузнецкие похороны [направлялись] по городу, в Собор на отпевание, знатных и богатых людей, медленным шагом с пением в старое время. Впереди идут с крестом и двумя иконами потом крышка в цветах и венки, потом хор певчих. Священникам навстречу везде выносили стол, хлеб, соль и поминание. Священники служили везде панихиды, потом катафалка с гробом во всем белом — тюле и цветах, по бокам гроба подсвечники несут, катафалку везут только тройка лошадей в белых покрывалах и два кучера ведут лошадей в белых халатах и в белых перчатках, музыка играла печально, певчие пели печально по очереди то певчий то музыка, звонили в Соборе по мертвому печально, встречали покойного. После отпевания идут тихо на кладбище, у каждого богатого был склеп под землей выход, туда клали покойного, а сверху под стеклом комната, там иконы, лампы день и ночь горели, стояли венки из дорогого изделия, родные навещали часто и приглашали батюшку служить панихиду.

Еще вспоминаю церкви ломали, иконы возили на хлебзавод, иконами топили печи, пекли хлебы для города, — а мы ели хлеб. Вот случай когда рабочий хлебзавода был послан за иконами. Мне рассказывала его тетка, я говорит, стал брать Николая чудотворца, а он на меня так взглянул пронзительно, что я устрасился, я положил его вниз на телегу и покрыл рогожей, а сверху наклеил других икон, увез их на хлебзавод, а его под рогожей привез домой спрятал в дрова, и трясся как бы не узнали много лет он был у меня в дровах. Потом когда утихло, я привез Николая чудотворца к тетке-старушке, и какая она хоро-

шая кипарисовая тяжелая, временами от нее был чудный запах и благоухание, когда тетка умерла, то говорят, что взяли ее в деревню.

Вспоминая детские годы

**Рассказ прот. Александра Долгушева,
настоятеля храмов Казанской Божьей Матери и
святой мученицы Параскевы Пятницы
в с. Каменка Воронежской обл.**

Святыни и святыя места Кузнецка

Параскевинская церковь возникла на месте явления иконы святой Параскевы и истекшего там источника. Источник цел до сих пор. Обильно течет. Он под алтарем, там, где амвон, перед Царскими вратами. Прежде там был дубовый сруб, была дверь. Спускались туда. Сруб восьмигранником. Только мужчины, верующие прихожане, сняв обувь, могли спускаться, а батюшка служил молебен. Не помню, на босу ногу или как. Накануне праздника мужчины шли туда с ножами-косарями и мыли, очищали стены. Раз в год это было. Вода из источника уходила за церковь, и там раньше был бассейн и для купания, и для освящения крещенской воды. После 1905 г., когда был издан манифест о веротерпимости, старообрядцам тоже позволили в определенные часы приходить набирать святую воду. А в городе было большое количество старообрядцев — и поповцев, и беспоповцев. Самая красивая церковь у них была — настоящий каменный цветок — Никольская. Была еще одна — Крестовоздвиженская. И батюшки-старообрядцы тоже приходили в положенные часы к параскевинскому источнику, служили, молились. Купцы-старообрядцы очень любили это место.

Явление иконы святой Параскевы, как говорит предание, произошло в XVIII в. Девочки, возвращавшиеся из леса, увидели свет, как от прожектора, и решили посмотреть, откуда исходит свет, и видят: плавает икона и от нее — свет. Они хотели взять икону, но она не далась, а стала ходить вглубь воды. Икона была большая, киотная. Сказали соборным священникам, те пришли на это место с иконами, с хоругвями и стали служить молебен Параскеве Пятнице. Икона была житийная, старинного письма. Существует увезенное в Петербург описание этого явления. Икону несколько раз приносили в городской собор: принесут, а она исчезает. И тогда поняли, что святой Параскеве угодно находится на месте явления. Построили

¹ Ярмарка, устраиваемая в десятое воскресенье по Пасхе. — Примеч. ред.

Новый храм, на месте разрушенного во имя св. муч. Параскевы Пятницы.

Г. Кузнецк.

Из архива А. Дворжанского

сначала часовню, позже пристроили алтарь и стали служить литургии. Рядом с храмом проходила десятая ярмарка¹. Заказывали купцы в это время молебн, жертвовали иконы в богатых серебряных ризах. А в двадцатом веке, незадолго до закрытия, храм перестроили. Сделали трапезную, колокольную, в результате появился пятикупольный храм. Церковь эта находилась под горкой, вокруг нее стояли мощные вековые деревья. Когда во всех источниках в городе иссякала вода, здесь все равно оставалась. Мордва и чуваша очень почитали это место. Шли в лаптях сюда пешком за 100 и более километров из Симбирской губернии. В национальной своей холщовой одежде, в приподнятом молитвенном духе. Приходят, старые лапти снимают, ноги моют святой водой в святом источнике и одевают новые лапти, только после этого заходят в храм. Ходили они группками. Это что-то особое. Поют стихи, красиво. Чуваша на своем языке (очень мягком), мордва на своем, а обратно возвращались все вместе. Все с миром, такие радостные, даже светятся лица у них. Единение духа.

Чудотворная икона Николая Чудотворца была написана на Афоне. О ней целая история. Матушка одна записывала. Она появилась здесь в начале XX в., с Афона привезли. Морем до Одессы, а потом по железной дороге. На вокзале ее весь люд встречал, тогда была чума. Там, где церковь Казанская, было чумное кладбище, а так там не хоронили, просто был пустырь. У иконы были кованые ручки, одна из них сохранилась. Икону поднимали за ручки и ходили с ней по

городу. И когда стали разрушать храмы (у нас, знаете, кругом Кузнецка лес), то приказали со всех церквей свозить иконы и ими топить на хлебзаводе печи. И вот одну из этих икон (святителя Николая) возница «приметил, раз посмотрел, другой раз посмотрел, а он (святый) так строго на меня смотрит, что я не смог отдать ее, прикрыл рогожкой, а те иконы сгрузил и вывез». Хотя, как пишет жена, матушка Клавдия, «это было сопряжено с тем, что могли расстрелять». И привез он эту икону своей тетке (черничке) и оставил у нее. И вот эта тетюшка, когда мы уже стали вос-

становливать там, в Кузнецке, храмы и передала ее нам. Из открытых там Казанская одна осталась. Все храмы закрыли, в том числе старообрядческие. Несколько таких икон из закрытых кузнецких храмов матушки-монахини потом мне передали и наказали: «Попросите икону у бабушки Агафьи». А та уже старенькая была, а икону все не отдавала: «Нет, нет, я не могу, она уже сколько лет со мною, до войны, в 1930-х годах принесла ее еще, не могу, девки, отдать, пусть батюшка не обижается».

И только они вышли от нее, глядь, старушка следом бежит. Грязь как раз была, бежит на босу ногу в калошах: «Девки, вернитесь, вернитесь, заберите. Посмотрела я икону, а он — лик — такой темный стал да сердитый, я и перепугалась. Идите и заберите. Святитель Никола, прости».

Есть у нас в нынешнем храме и от старообрядцев иконы. Но много здесь уже в Каменке украли из Пятницкой церкви. Сохранилась икона «Никола в житии» от одной монахини из купеческих дочерей. Умирая, она передала ее нам в Каменку: «Отдайте отцу Александру, он это любит, он с этим связан, мы его знаем с детства».

Храм в с. Анненково, в стороне от Кузнецка, был очень красив. Там в церкви было много итальянской живописи, скульптур, помещик князь Анненков это любил. И все эти украшения делал один итальянский мастер, которого, как говорят, князь выкупил из каторжников, когда того отправили в ссылку за Урал. Он руководил всеми строительными работами. Я еще помню,

что на итальянском языке была написана надгробная плита на его могиле. Сион стоял полностью, теперь уже только часть от него осталась. Три раза церковь грабили воры. Все иконы в золотых и серебряных ризах забрали, и ничто сюда больше не вернулось. У Владимирской иконы Божьей Матери только ризу оставили, а саму икону выдрали из киота и унесли. Иконостас в храме был вырезан в стиле барокко.

Там были святые места. Там были явления Божьей Матери Смоленской, в Смоленском овраге, в лесу. Туда тоже собирались люди, молились. Ночью молились. В лесу, от стороне от Кузнецка. В 1951—1952 гг. я видел молящихся, а само явление было в старые времена. Там часовенка была и родник. Икону приносили из села в день Смоленской Божьей Матери.

У нас в каменном храме недавно чудеса были. У меня соседка уезжала и оставила мне староверческую икону — Образ Нерукотворного Спаса, старинный, который шел у них по поколениям. Темная. «Нам хранить ее будет трудно. Возьмите. Вы знали и бабушку, и маму нашу. Пусть будет на память». На праздник принес я ее в храм. На второй день Успения я вышел служить молебен к плащанице. Смотрю, а весь образ как окропленный — вар не вар и масло не масло. «Сергий, — говорю я алтарнику, — ничем не облили?». «Нет». Я взял платочек и отошел в алтарь брать Евангелие, а потом уехал. А когда

вернулся, смотрю: пятна уже объединяются и струйкой миро стекает вниз. И так продолжалось это недели три. Икона находилась в алтаре. Когда мироотечение закончилось, икона выглядела так, как будто она была пропитана чем-то масляным. И все это оцениваю как Божье благоволение.

Хорошо помню свое впечатление от посещения старообрядческого храма в Кузнецке. Весь иконостас был в серебряных ризах и драгоценных камнях. Как только зажгут лампы на паникадилах, все начинает переливаться глубоким таинственным светом. Поражали их обвитые «виноградом» огромные подсвечники, старинные иконы. Все это приковывало внимание даже подростка. Благолепие церковное выражает могущество Самого Творца. Это проявление человеческой любви и благодарности Богу за Его милости нам. Бог в украшениях не нуждается, они нужны нам, людям. Человек видит перед собой прекрасное и сам становится прекрасным. От совершенного пения, благодати богослужения и сам становится благородным душой и совершенным.

Ссылные монахини

Здесь, в Кузнецке, жило много ссылных монахинь из разоренных женских монастырей. Была такая образованная, из высокородных, монахиня Иоасафа. Она была близка владыке Михаилу (Чубу), который очень ценил ее духовность и образованность. Сама была она из княжеского

Храм во имя Казанской иконы Божией Матери в Анненково (1743 г.).

Современное состояние.

Фото А. Дворжанского

Детали храма во имя Казанской иконы Божией Матери в Анненково.
Современное фото А. Дворжанского

рода, но фамилии своей не называла и даже перед кончиной не открыла свое настоящее имя. А жила она под вымышленным именем Марины Викторовны Колбасевой. Владыке она помогала подбирать литературу. У нас с ней были очень хорошие отношения, и я ее любил и ценил, и она меня любила. Уже когда я вырос, мы переписывались, и я храню эти письма, написанные красивым, мелким, благородным подчерком. Но что удивительно, она никогда не терпела панибратского отношения к себе, помню, как-то начал я себя вести чуть попроще по отношению к ней, так она мне сразу сделала выговор: «Ты знай, с кем ты сидишь, с кем разговариваешь». Я, признаться, обиделся на нее тогда. А сколько клеветы пришлось вынести владыке Михаилу из-за нее, какую грязь только не лили на него в советских газетах, когда он был в Смоленске на кафедре. Она так рассказывала мне о своем происхождении: «Папа у меня был при Дворе и когда назрел переворот, он сказал нам с мамой: „Вот вам деньги и паспорта, уезжайте как можно скорее и дальше“. Мы тут же уехали в Киев. Помню, что в Златоверховом монастыре в куполе обновился лик Спасителя, и много людей шло туда на поклонение. Мы с мамой пристроились в монастыре и писали записки».

Был у матушки в Тамбове свой домик. Жила она там и при епископе Луке (Войно-Ясенецком),

он ей говорил, что очень любит Тамбов и очень хочет сюда вернуться и здесь окончить свое служение. Так Господь и дал. Он возвратился в Тамбов перед смертью, пожил там перед смертью, умер здесь и был погребен на Петропавловском кладбище. Матушка Иоасафа к этому времени скончалась тоже в Тамбове.

Еще в Кузнецке жила такая Ольга Николаевна, кажется. Она тоже была из великих, хорошо знала языки, помогала мне с английским. В школе меня так прижали с английским из-за неуспеваемости, что обещали оставить на второй год. Пришел я в гости к своим матушкам-монахиням и поделился с ними своей скорбью. «Погибаю, — говорю, — из-за английского». А старшая матушка обращается тут же к Ольге Николаевне: «Оль, помоги Шурке, его мать со свету сживет за двойку». И та стала со мной заниматься, поставила мне лондонское произношение. В общем, когда меня услышала наша «усатая англичанка», то вылупила на меня глаза и сказала: «Откуда ты знаешь английский, у тебя же точное произношение, кто тебя научил?» Говорю: «Научила одна старая учительница». «А, ты по монашкам шляешься!». Но делать нечего, пять пришлось поставить. Прихожу я к матушке Ольге довольный, а она говорит в ответ на мою улыбку: «Ну что, мужичара, пять поставили?»

Позже матушка уехала отсюда к мордве в Баевку, сильно болела (у нее ноги отказали) и там скончалась. Перед смертью всё ждала меня, что-то хотела сказать, но я тогда не мог выбрать к ней.

Была в Кузнецке такая Аннушка, глухая, дочь помещика, человек очень грамотный. Еще в детстве, после купания, она оглохла. Она меня научила правильному отношению к книгам. В пору монастырской жизни отец ее много привез дочери книг из Киево-Печерской лавры. Вообще у монахинь много было древних церковных книг. От церковных книг советская власть тогда решительно избавлялась. Помню, возле Вознесенской церкви, где проходили городские базары, стоял сарай, весь набитый старыми книгами. Целые библиотеки там были: и единоверческая печать, и наша, гимназические книги. Я тогда учился в шестом классе, и нас заставляли носить часть этих книг в Дом пионеров, а потом в мукулатуру. Стараясь быть незамеченным, я перебросил две старые книги через забор в кусты и позже забрал их. До сих пор они у меня хранятся.

Аннушка окончила свой век в Кузнецке, добрые люди ее досмотрели, умерла она где-то в 1980-м году. Аннушка была странницей, власти ее не тронули, и, несмотря на свое странничество, ходила она всегда в чистом, была очень чистоплотной. Она учила меня ценить книгу: «Прежде чем взять книгу в руки, их надо помыть с мылом, а стол застелить чем-нибудь чистеньким. Вот книги, которые мне еще папа в юности подарил, я берегу их, но тебе их отдам». Псалтирь с медными застежками учила правильно открывать: «Осторожно нажми, а не просто рви застежку, когда открываешь. Нажми, чтоб она сама пошла. Застежку откроешь, потом только книгу осторожно открываешь, листы бери сверху и аккуратно переворачивай». У нее книги были в идеальной сохранности. От нее я на всю жизнь научился бережному, даже трепетному отношению к древней книге. У меня их собралось немало. Это — традиция!

В третьем классе школы я пришел к ним, они меня приблизили и сделали частью своей семьи. Учили быть духовно чутким и внимательным. Кидаю однажды камешки за ограду храма, стоя внутри нее, а матушка подошла и говорит: «В церковной ограде все принадлежит Церкви. И камень здесь должен лежать на своем месте. Не надо этого делать». Я тогда понял, что все в Церкви надо делать по благословию.

Все они жили группками, расселившись недалеко от храмов. Поленька, Марфа — при одной церкви, монахини, которых я посещал, — при

другой. У нас Аркадия, Макария, Анна, Евдокия, была еще «матушка Аркадацкая», звали как, не помню, Ольга, другая Анна-странница, Наталья-алтарница, в инокинях ходила. Матушка Евдокия из купеческого рода, немножко близорукая, подслеповатая, у нее была своя келья в Кузнецке. Когда большевики пришли в Липовский монастырь (находившийся недалеко от Радищева) разгонять монахинь, то выгнали их в чем попало, Христовым именем отправили в мир питаться. Бросили их насильно туда, откуда они ушли добровольно. Когда-то отец ей подарил серебряный самовар, и он тоже остался в обители после ее закрытия. Этот отцовский подарок, она иной раз вспоминала: «Манюшка, а ты помнишь, какой у меня в монастыре самоварчик-то был серебряный, ты из него чаек пила, помнишь, я тебя угощала? Забрали окаянные, но ничего». Она вспоминала об этом уже лет в 80, но без всякой озлобленности. У всех у них не было и тени озлобленности на власть и на их притеснителей. А все потому, что у них, у всех матушек во главу угла была поставлена христианская любовь. Во всем была полная отрешенность от мирского духа, и в то же время не было замкнутости. Бывало, и пошутят и посмеются даже. Порой выходило это ненароком, от простоты сердца.

Помню об одном случае, даже в газетах кузнецких о нем писали, осуждали «монашек». Хотя это происшествие случилось с черничками, которых монахини духовно опекали. Миряне много кругом судачили тогда об этом: «Ну что, домолились монашки, из ума повыжили, такие комики выкидывают». А история была действительно необычная. Чернички, которых я также посещал, имели обыкновение заранее, до смерти, приготавливать себе гроб. Держали они его наверху, на чердаке в сенях. Как-то раз мои чернички стали говорить о том, как хорошо было бы увидеть себя в гробу «со стороны». И придумали: надо лечь в гроб и позвать фотографа, чтобы он сделал снимок, тогда на снимке можно будет себя и увидеть. Достали эти бабки гроб, одна из них улеглась в него. Позвали фотографа, а тот был евреем. Ему решили не говорить о том, что покойная в гробу только мнимая. Пришел тот, сделал снимок, всё как положено, и спрашивает: „Два ракурса хватит?“ А черничка, лежавшая неподвижно в гробу, прикрытая саваном, вдруг возьми да ответь: «Хватит, хватит!». Фотографа как будто удар хватил, упал он без сознания. Вызвали скорую помощь и увезли его в больницу. Так эта история стала в городе притчей во языцех. Черничкам потом пеняли: «Вы хотя бы пошли прощения попросили, еврей-то он еврей, да душа

у него тоже есть». Собрались чернички и пошли в больницу навестить бедного фотографа. А он как увидел их и их узелок с передачей, схватил его и запустил им в черничек. Матушка Мария долго их потом честила за эту историю: «И додумались, а если б он помер, погубили бы человека и грехи бы его на себя взяли, что ж это вы утворили. И как такой тяжеленный гроб смогли снять, когда аналой порой не можете в церкви передвинуть». В общем, досталось им от матушки. Чернички оправдывались: «Марьюшка, прости Христа ради, бес *очмарил* нам голову».

Матушка рассказывала мне с юмором об одном колокольном мастере, как он колокол у них в монастыре поднимал. Народ православный очень усерден в старое время был к колоколам. В подъеме колокола участвовали все от мала до велика. Для подъема колокола использовали такие колеса, называвшиеся *рыскала*. Народ брался за длинные широкие рушники, и их тянули в разные стороны. А командовал подъемом мастер с завода, который выливал колокол. Так этот мастер решил пошутить над простым народом, воткнул незаметно штырь в рыскало и смотрит на то, как народ тянет, а у него ничего не получается. Красные все от натуги, некоторые даже плачут, а колокол не поднимается. Мастер начинает свою игру обличения народа в грехах: «Кайтесь, православные, это же по грехам вашим колокол не идет. Давайте на колени и молитесь усердно». Стон кругом стоит, люди каются, поклоны кладут. Мастер чуть отпустит штырь, колокол немного поднимется и опять встанет. Останутся одни ребяташки, и он отпускает штырь, колокол поднимается. Мастер кричит: «Пошел, пошел, вот что значит ангельские души, глядь, как пошел скоро». Матушки ему пеняют: «Что ж ты над народом измываешься, окаянный?» А он в ответ со смехом: «Это же праздник, и надо народу показать все свое искусство, так что, мать, не бурчи, не бурчи».

Но никогда матушки не ставили себя выше других, считали себя слугами всему миру. Одеялку ли простегать надо, садятся, ночь проработают, и одеяло готово. Потом кто-нибудь принесет им муки или еще чего. Они: «Спаси Христос, ну вот, мучка есть, пироги напекем». Надо шерсть попрясть, садятся за веретено. А матушка Аркадия как старшая (она уже давно умерла, году в 1971) обязательно расспросит: «Как вы, сеструшки, живете? Бываете ли друг у друга? Бывает ли общая молитва? Храните ли терпение и единение? Господь дарует всё, и этим малым будьте довольны». Какое-то назидание даже друг другу было. Для меня все они были

идеалом святости! Цветы любили живые. Герань пахучая у них стояла: белая, розовая, красная. Начинается Крестопоклонная неделя Великого поста, они убирают крест своими цветами. За ними были традиции, устав. Клавдия Ивановна была регентша. У нее своя келья была, но она больше пребывала с моими матушками. Она тоже девушка была, замуж не выходила. К ним вдовы пристревали, бездетные, послевоенные и такое молитвенное сообщество у них получалось! Было у них чему поучиться.

А с мирскими не было такого, чтобы матушка Макария прошла по улице и не спросила проходящего мимо о здоровье. Расспросит как то, как другое, про всех в семье расспросит, и добрые пожелания от нее обязательно услышит повстречавшийся ей человек: «Кланяйтесь им (домашним), кланяйтесь, спаси их Господи!». Всех помнили, за всех молились, обо всех узнавали, нужно это им или не нужно. И главное дело, матушка помнила всех, о ком спрашивала, особенно старых людей и благодетелей монастыря из купцов. Помню, стояли в синодике купцы Сердобимцевы и первым был в списке Василий Сердобимцев. Я его и сейчас поминаю на литургии, как они мне завещали. Книжечка его у меня осталась на память, подаренная матушками. Всех поименно вспомнит, а людям отрадно, что матушка помнит их родственников. Говорит встречному: «Поминание ваше старинное у меня находится». У нее целый мешочек синодиков был. Разные книжечки там имелись, были и старинные в кожаных обложках, обложенные металлическими накладками.

Когда верующим у нас в городе нужно было приготовить поминальные обеды, то всегда звали на помощь матушек. Они пироги пекли, кутью варили, щи. Раньше на поминальный стол разносолов не ставили, как сейчас, колбасы всякой. Кутью подавали, борщ рыбный, сыту, кашу, горох, лапшу обязательно грибную с белыми грибами. Сытой у нас называлась кипяченая вода, растворенная медом. В ней варился изюм и курага, мелко порезанная. Потом варят рис и растворяют мед. Рис, как куляш такой. И подают на стол. Ее берут ложками и едят вместе со сладкими пирогами. В них начинка курага, дыни, фрукты. Квас тоже варили на поминовение, но не пьяный. Это на свадьбу варили пьяный квас, с пшеном. Каждое новое кушанье сопровождалось квасом. Три вида кваса было и подносили его в больших кружках. Для приготовления пищи на именины, свадьбы нередко приглашали черничек, которые жили укладом, похожим на монашеский образ жизни, в отдельных кельях. Создавали вокруг себя Божий

мир такой, уютный. Были они большие искусницы в рукоделиях, знали что и как приготовить. Какая-нибудь купчиха, «из бывших», могла сказать: «Я пойду на именины к обедне, а стряпух попрошу черничек». Приходит она из церкви, а дома уже и пироги готовы и самовары стоят. У нас было их около 25 человек. Жили общинкой. В другой деревне существовала своя община. Во многих деревнях жили ссыльные монахини, и вокруг них группировались и чернички. Все зависело, конечно, от председателя колхоза.

Когда у нас приглашали на поминки, никогда не говорили: «Пойдемте на обед, или кушать». Было другое приглашение: «Одятем (пойдемте) Богу молиться». У нас вообще поминали так: заказывается полностью заказная обедня. Две просфоры. Из одной вынимаются частички за упокой, из другой — за здоровье. Также сорокоуст отмечается каждый день с просфорами и свечами. И на панихиде обязательно поминается новопреставленный.

Просфоры, выпеченные монахинями, матушка продавала прихожанам (10 коп. просфора тогда, в конце 1950-х, стоила), 10 коп. — свечка (теми еще деньгами). Продавала просфоры, берет поднос, на который прихожане кладут записки и не вынутые просфоры (под каждой купленной у матушки просфорой лежит записка), и несет в алтарь. Иногда матушка читает, иногда (когда есть) дьякон — на проскомидии — поминальные имена, а уж батюшка в алтаре частички вынимает. Просфоры с вынутыми из них частичками возвращаются прихожанам, и каждый берет просфору, на которой лежала его записка. Из этой просфоры и вынимались частички и поминались люди из его записки.

На буднях в церкви хор собирался из простых, а матушка управляла клиросом. Красиво пели, старинными напевами. Пение было молитвенное, за душу брало, пели, действительно, для Бога. Бывало, сидя запоем: «Изгнание Адама из Рая»:

*Сидее Адамо и над своею наготою рыдае,
плакаше*

Увы, увы мне.

О раю, к тому твоею прелестию не наслажусь,

к тому не узрю Господа Бога моего и Создателя.

В землю бо пойду от нея же и взят бысть.

Милостивы ущедри и помилуй мя падшего.

И они так выводят мелодию, как будто плачут.

Некоторые из матушек, как и было кое-где в женских монастырях принято до революции, ходили читать Псалтирь по покойникам. Приглашали тогда пожилых монахинь почитать

Псалтирь по покойнику. Но матушка Макария не ходила по людям читать Псалтирь, говорила, что это не ее послушание. Аркадия читала Псалтирь. Священникам тогда особо нельзя было ходить по домам и открыто общаться с народом, а у матушек народ спрашивал советы. Наши кузнецкие батюшки после войны только что вернулись из заключения. Отец Антоний 15 лет отсидел, отец Василий тоже большой срок отбывал. Служили они вдвоем четко, отчетливо, службы замечательные у них были. А если вопросы у прихожан какие возникали, то они их отсылали к матушкам: «Матушки все объяснят, все вам расскажут». Общение у матушек с народом было живое. Представьте себе, пойдем с матушкой Макарией на базар за виноградом или рыбой (тогда из Астрахани соленую треску привозили), так матушка непременно остановится и всем, кто поприветствует ее, ответит, поздравит с праздником и пригласит почаще в храм ходить. Напомнит человеку: «А вашему-то Николаю скоро память будет, придите, помяните». Идут, бывало, мимо места, где когда-то была церковь Никольская, обязательно остановятся и помолятся. Люди с живой памятью. Четко все помнили, все события церковные помнили наизусть.

Иногда суд правили тоже они. Обратится к ним кто-нибудь из родственников обиженных с просьбой рассудить, и одна из монахинь собирается и идет, выговаривает обидчикам «по-хорошему». Иногда и за чуб потаскает. Это им позволялось.

Были они людьми из народа. Пели псалмы, по покойнику были свои плачи. Одна поет от лица дочери, а другие припевают ей. Поют они, и всех слезы пробивают. В этих псалмах много творчества, самодельного. «Ты там, (за гробом) встретишь того-то и того-то и передай ему поклончик и скажи, как мы по нем все скучаем, пускай нас там ждет, дожидается, мы тоже туда снаряжаемся, в путь-дороженьку собираемся. И поклончик там сношеньке и деточкам, они тебя встретят голубушки. И как они обрадуются, увидев свою матушку». Это красиво. С этой обрядностью и людям было легче перенести горе.

Матушка Макария была как бы моя духовная мать, очень я был к ней привержен, всех ближе была мне, хотя и казалась строгой, но я общий язык с ней находил, до самой ее старости. Была она из крестьян, в монастырь пришла из деревни. Жила она в церковном доме, ей принадлежавшем, пока племянница не отдала ее в дом престарелых, находившийся где-то под Пензой, а дом матушкин забрала себе.

Матушка говорит: «У меня такая-то кафизма и мне ее читать. Все бросает и даже если печь

Протоиерей Александр Долгушев

топится, все равно берется за Псалтирь. Говорит мне: «Шурка, посмотри за печью, я пойду две кафизмы вычитаю». За здоровье и за упокой читала. За день у них *неугасимая Псалтирь* вычитывалась. Они распределяли кафизмы и время чтения их, поэтому и была такая необходимость все оставлять и читать Псалтирь. Были у них замечательные настенные английские часы с боем, подарок от какого-то благодетеля, наверное. Они ими дорожили, по ним сверялось время чтения Псалтири. Было у них правило утреннее, дневное, вечернее и ночное. И когда бывало днем самым некогда вычитывать: стряпают или просфоры пекут, то ставили кого-то из мирян за чтение. Я или другой кто вычитывал вслух положенные каноны или акафисты. Часто читали акафист великомученице Параскеве Пятнице, почти каждый день. Лампадки теплили в кельях. Закроют зеркала, свечи зажгут, кадильницы у них были ручные — кацеи — разожгут ладан. Правило справляли все вместе, собирались в храме задолго до службы и вычитывали его.

Осенью у меня возникает острая ностальгия по всем этим людям и такая жалость к тому времени. Как-то очень пусто ныне. Каждый занят

своим делом. А у тех всегда время находилось, и делали они больше нашего. И успокоить могли, и выслушать, и побеседовать. Во сне часто осенью их вижу, покойных. То поколение было преисполнено нравственностью, духовностью, вынесло все тяготы жизни. Не искали себе пропитания, а Господь их питал.

Подвижники благочестия

Возле Казанской церкви на кладбище похоронен Иван Павлович — старец наш кузнецкий. Он — мордвин по национальности. Еще в юности его отдали в монастырь. Имел он от Бога дар назидания и прозорливости, и все к нему приходили. Его сестра Евдокия просфоры пекла. Оба они были в монашеском постриге, хотя и жили в миру после закрытия монастырей. Он предсказывал, что по бревнышкам раскатают нашу Параскевинскую церковь. Ему Лоскутовы родня, из них секретарь покойного пензенского владыки Серафима.

У Ивана Павловича с сестрами был общинный строй, дом у них был разделен на кельи. Давал он назидания на основе Священного Писания, беседовал с людьми, и в этих беседах присутствовал дух наставления. Всё, что он мне сказал, всё сбылось. Я тогда, когда к нему пришел, в медицинском училище учился. Он говорил: «Придет время, все церкви откроются (и это в пору гонений!). Вы не доживете (монахиням говорит), а он (и на меня показывает) доживет. Не будет он врачом, а будет вам попом». Говорил, что «придет время, когда откроют церкви, но они не будут никому нужны».

У меня было видение или что-то вроде того. Я учился тогда в третьем, наверное, классе. Сидел, учил уроки, а бабушка что-то делала на улице. Весна была, тепло. Слышу вдруг по нашей погребнице стук: «Тук, тук, тук». Палкой. Я выбежал, стоит инокия в черном, сумочка у нее и палочка. Предложил ей присесть на завалинку возле погребницы. «А потом, — говорю, — я вас на дорожку выведу, тогда пойдете». Она: «Мне в Губенское село, доведи меня до Губенского». Я говорю: «Матушка, у меня и уроки не сделаны». «Ничего — доведи до моста».

Я взял ее за руку и пошел побыстрее. На мой скорый шаг она говорит мне: «Я утомилась». Я ей говорю: «Вот тут есть крылечко, отдохните». И не вижу вокруг никого, кому можно было бы ее передать. Она села, раскрыла сумку. Тогда был в ходу кусковой сахар. Достала она из сумки несколько больших синих кусков и дает мне со словами: «Люби Бога», и что-то еще о священстве, теперь уже не помню.

Дошли мы с ней до моста, и дальше она пошла одна. Вижу воз спускается на мост с противоположной стороны. Я чуть прошел, оглянулся и не увидел ее, словно она с моста упала. Я дождался, пока воз съехал и поравнялся со мной. Спросил у возницы про монахиню, но тот сказал, что никого на мосту не видел.

Пришел я домой. Уроки мои были не доделаны. Но бабушка у меня была грамотный человек, и она помогла мне: подвела все старинным своим подчерком. А вернувшись со школы, я говорю ей: «Бабань! Опоздал я в школу и странно: учительница, которая была всегда строгая, на этот раз ничего не сказала».

А мне так было благодатно после той встречи, будто я не в своем уме находился. Подъезжал уже священником на то памятное место (мост уже почти разрушился), постоял там, где расстался с ней. На всю жизнь осталась эта память.

В селе Евлаши под Кузнецком подвизался один юродивый, из бывших военных. Вozил все время вручную, не заводя мотор мотоцикла, и говорил: «Я еду». Жил в землянке. Там у него были иконы, там он и молился. Умер в 1985 г.

Много к моей бабушке кузнецких нищих ходило. Была среди них одна раба Божья, блаженная, девушка лет двадцати. Бабушка ей то квасу нальет, то посадит покушать. Брага, это тот же квас, но только по-другому заправленный. Бабушка им говорит: «Идемте, идемте, у меня есть свеженький, сейчас принесу. Шурка (мне), быстренько сбегай в подвал за квасом». Я спрыгну с кувшином в подвал (кувшины были такие с ручками). У нас и окрошка была. Посидят они, еще кваску попросят. Бабушка им по куску пирога выдаст. И вот эта блаженная тоже к нам ходила кваску попить. А ребята над ней смеялись, приставали, обижали ее. Как-то и я попробовал ее подразнить. А она так посмотрела на меня и отвернулась, а мне неудобно сделалось. И вот однажды я попал в историю и чуть не погиб. Затянуло меня в воронку на реке, кричу уже криком: «Господи, помилуй!» и иду ко дну. Блаженная была на берегу, и в чем была, в кофте, юбке, бросилась в воду, схватила меня за волосы и вытянула. Крутит меня на берегу и в лицо смотрит. Перекрестилась, видя, что живой. А я от страха сразу домой убежал. Потом уже стал я друзей отговаривать не вредить блаженной, говоря, что она такая смелая и умная, спасла меня. А потом умерли ее родители, приехал председатель, чтобы забрать ее в дом инвалидов. Я сидел в кустах напротив ее дома, все видел, как она плачет, и так мне ее было жалко.

Хрущевские гонения на Церковь

А в 1957—1958 гг., когда я учился в начальных классах в Анненково, у нас был батюшка старый о. Александр. Он пришел из ссылки, владыка возвратил его, и бывало один бригадир из молодых «неверяхов», как их тогда называли (один бригадир был добрый — дядя Петя — и в церкви помогал, а другой недоброго нрава), очень наседал на верующих. «Службу, — кричит, — нужно было закончить обязательно до 7 часов утра, и чтобы церковь к этому времени была уже на замке, чтобы колхозники не попадали под церковную пропаганду». А батюшка Александр, бывало, замешкается в какой-то праздничный день (на Преображение много желающих освятить яблоки или другое что), так сразу появляется этот «неверяха» и начинает кричать на всю церковь: «Эх, размолились тут длинногровые, читает и читает, никак не закончит. Хочешь опять туда, где Макары телят не пас?» А пономарь мне, мальчишке, тихо шепчет: «Шурка, скройся, скройся с глаз долой». И я тихо пробираюсь за иконостас, забираюсь в простенок и сижу там тихо, как мышь. Слышу, прихожане останавливают горлопана, а батюшка и голосу не подает, как стоял, так и стоит молча. Я про себя думаю: «Батюшку так почитают в селе, да скажи он только одно слово сейчас, и все мы бросимся ему на подмогу». А теперь-то я понимаю, что батюшка был прав, положение у него было безвыходное.

Когда церкви были закрыты, приходили к часовне в лесу, зажигали лампаду и там молились (приблизительно 1956 г.). Эти гонения в 1960-х годах прекрасно помню. У нас церковь закрывали в 1962 г., церковь Параскевы Пятницы. Раньше у нас было три храма: Казанский кладбищенский, Параскевинский храм под горою, в котором я без конца обитал, там матушки у меня были. Когда храм закрывали, мы с матушками ходили к старцу (старец Иван Павлович). Случилось так, как он сказал, церковь раскатали на бревна. Кстати, сейчас ее восстанавливают. У нас до 1960-х годов в тех церквях не служили, и там все сохранялось, их не трогали. В 1970-х годах стали разрушать, лазить. Матушки что-то спасали, что-то забирали. Помню, как закрывали наш храм, я был тогда школьником. Представители власти собрали церковное серебро: чаши, кадило, крест и завязали все в узел. А матушка одна, Феклисса, ухватилась за узел и тянет к себе, а милиционер — к себе. Был такой Огурцов или Скворцов, не помню. Она ему: «Ты его что, наживал это добро, это же мирские, людские слезы?» Потом отпустила руку. А участковый поднял на нее наган: «Если будешь

шуметь, я буду стрелять». В это время подошла одна хохлушка, она за святой водой пришла и закричала: «Церковь грабить?! Сейчас я им всем голову размозжу». Забежала в храм, а они там все в шапках стоят и наганом грозят. Феклисса ей кричит: «Уйди Христа ради, а то еще в церкви на грех убийство будет». Страшное время! Все три храма кузнецких закрыли в один день. Я поехал узнать, как там у старообрядцев, оказалось, и у них закрыли храм и батюшку увели. Казанскую церковь кладбищенскую тоже поначалу закрыли, но люди хлопотали, и ее отдали.

Гонения касались всех: и старых, и молодых. Я помню, была такая у нас Таисия из старообрядческой семьи. У нас раньше проверяли в санитарных целях шею, волосы. У нее обнаружили крест литой, старинный и *гайтан каждаиный*². Начали: «Что это такое? под этой грязной бечевкой могут быть и насекомые, а ну снимай». Она училась в шесть классе. Учительница подошла и сама сняла с нее крест. Все смотрели на нее, но по-разному: кто-то с жалостью, кто-то с любопытством. Я про себя молился за нее: «Господи, спаси и помоги». Она заплакала, а потом вдруг встала на парту, перекрестилась и говорит: «Ну, а вот этот крест вы с меня никогда не снимите!». Ее сразу в учительскую, там нашли и вшей и все на свете и постригли наголо. Она стала после этого в платке ходить. Ей велели снять платок, а она ни в какую. Я подошел: «Тася, да ты так не переживай, какая ты была, такая и осталась, а волосы отрастут, голова-то цела». Она: «Да обидно». Бывало, соберут с нас крестики, горсть целую, и в туалет бросят. И дети стали бояться одевать дорогие кресты. Николай Федорович у нас такой был — учитель пения в четвертой школе. Много он зла сотворил в ту пору. Перед Пасхой специально плясать заставлял на концертах. Религиозность была повышенной, и поэтому власти здесь и ставили задачу закрывать молельные дома и храмы.

Благочестивые обычаи в Кузнецке

Кузнецк — богатый историей город, его Мельников-Печерский описывал. Купеческий город и люди в нем особенные, ласковые. Принято было друг друга называть уважительно, тепло, особенно детей: «Манюшка, Шуронька», да и родителей и старших величать тоже с разными

присказками. Здесь, в Воронежской обл., народ уже поглубже, уже редко услышишь эти мягкие обороты речи. Раньше дух у народа был един. Помню, когда в 1950-е годы, наш храм в Кузнецке ремонтировали, то все трудились самозабвенно, украшали дерево: кто шелевочкой, вместе делали наличники, подрезы, подзоры. Людям это было в радость, они в этом нуждались. Нынче, увы, нет того единого духа, «что все это наше, все это нужно». Всё иссыкает. Действует этот «ящик». Если раньше стремились делать добро и приучали к этому детей, то сейчас добро считается пороком. Исчезло сострадание к людям, особенно к обездоленным.

Здесь было принято на месте гибели православных ставить поклонные кресты: волки ли кого загрызли или кто-то замерз. Иногда кресты были с иконой. И каждый знал: идешь мимо — помолись за усопшую душу. Кресты не были безымянны, все помнили о том, кто лежит под каждым из них, и детей приучали молиться. Также все знали про святые источники: когда появился, с чем связан. В Алепково церковь была разобрана, остались основание и купол. А там от церкви недалеко находится источник Теряска, родник. Туда на Богоявление всегда приходил батюшка, иногда и к речке спускались и там освящали воду. А в Аблязово до 1961 г. и *иордань* делали, с хоругвями ходили старые матушки.

На похороны выносили специальные иконы выносные, медные иконы Божьей Матери (Знамения), и там еще вставлена маленькая медная икона. И был деревянный восьмиконечный крест и в нем медный старообрядческий. Их чистили и несли с покойниками. Умирает человек, идут монашки в церковь за иконами, она закрыта была. Несут иконы на платах, благоговейно. Были еще поставцы для свечей, и горели рядом с иконой свечи.

Венчание в старое время всегда было с колоколами, с бубенчиками звонкими. Иногда тройку запрягут. Хор пел, встречал, целый концерт при входе. Пели: «Гряди, гряди от Ливана невеста». Стелили ковры. Вводили жениха, потом невесту в притвор. Потом священник их спрашивал. Три раза переходили. Батюшка провожал с крестом до саней или до машины. Провожал их хор древними распевами «многолетия». Многое теперь из прошлого ушло безвозвратно.

² Ладанка, сумочка с ладаном, носимая вместе с крестом на шее. — Прим. ред.

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

Н. Т. Эннеева

«Русский Афон». Книжная серия. Издательство «Индрик».
Сост. К. Вах, М. Талалай, П. Троицкий

В 2009 г. издательством «Индрик» основана серия «Русский Афон», цель которой — возрождение нашей памяти о русском Афоне. Прецеденты такого рода изданий существуют в русской культуре, по крайней мере, с середины XIX в. Можно вспомнить здесь знаменитые письма Святогорца, ставшие сразу любимым чтением православной России. По словам создателей серии, предположенным каждому выпуску и помещенным на форзаце, в ней «издаются лучшие книги, написанные русскими писателями, паломниками и учеными об Афоне и русских людях на Святой Афонской Горе». Иными словами, целью данного издательского предприятия являются сообщение читателю исторических сведений о русском присутствии на Афоне, а также актуализация той русскоязычной литературы, которая написана по этому поводу и которая представляет собой рефлексию русского общества на факт своего присутствия там. Эта рефлексия, в свою очередь, является фактом общественного сознания, и тем самым преломленный в ней «русский Афон» предстает уже не только делом тех русских, которые живут на Афоне, но и делом общенациональным. Данная серия призвана донести до нас как историю событий, так и историю определенного пласта русского национального самосознания. В конечном счете, цель данного проекта — возродить в российском обществе прежний интерес к русскому присутствию на Святой горе Афон, воссоздать то «ментальное поле» — интеллектуальное, эмоциональное, духовное, которое существовало в дореволюционной России вокруг названия Святой Афонской горы.

Является ли это поле сейчас тождественным тому, какое было когда-то и может ли быть таковым? Очевидно, условия для возможностей его существования изменились: прежде всего потому, что изменился его носитель — адресат дан-

ного издательского послания. Тот «русский народ», который в XIX в., зачитываясь «Письмами Святогорца», жертвовал на Афон миллионные суммы, так что даже такие великие подвижники благочестия, как святитель Московский Филарет (Дроздов), выражали тревогу по поводу чрезмерного оттока из России денежных средств, которые могли бы послужить внутренним нуждам Российской Церкви, — тот русский народ и нынешние «россияне» — жители Российской Федерации XXI в. — не говорим одно и то же явление, но хотя бы имеют ли они между собой общее духовное звено, некий общий духовный пласт? Ответ на этот вопрос может дать в том числе и реакция нынешнего православного читателя на данную книжную серию. Речь идет, конечно, не об экономической стороне вопроса, а о принятии обществом афонской темы как «своей».

Подобно тому, как «петербургская тема» в русской литературе и публицистике XIX в. была полем разработки западническо-славянофильской историософской проблематики, точно так же, но несравненно на более глубоком уровне тема «русского Афона» несет в себе широчайший спектр богословски-историософских коннотаций, в отличие от первой, принадлежащих не культурной сфере, а глубинным духовным основам национального самосознания. Русский Афон — явление глубоко народное, не «интеллигентское» и не «культурное» — это «молитвенный вздох» из самой глубины народной души, духовный форпост Святой Руси. Святая Русь немислима без Афона. Сказать ли при этом, что Афон неинтеллигентен и не культурен — напротив, он всесословен — Афон аристократичен и народен одновременно. Лучшие умы европейской цивилизации и лучшие представители ее культуры приезжали и приезжают сюда в поисках ответов на важнейшие вопросы. Как сказал один человек из учено-

Святая гора Афон

го мира, посетивший Афон в 1920-е годы, чтобы понять афонских подвижников, надо быть академиком¹ (хотя по высказываниям самих афонских старцев можно понять, что по сравнению с наукой «умного делания» любая земная ученость есть «празднословие»²).

Афон — не для жизни в этом мире. Он для тех, кто, едва касаясь ногами земли, устремлен в Царствие Небесное. Между тем существует неразрывная связь между «материком», митрополией и русским Афоном, и об этом лучше всего свидетельствует литература о нем. Монастырь вообще и Афон в особенности есть результат «бегства от мира», но в то же время монастырь существует и в теснейшей связи с миром — связи молитвенной, духовной. Русский Афон — это сколок, срез души народа, он вбирает в себя ее чаяния. По нему в чистом виде можно видеть то сокровенное, чем жил русский народ на протяжении столетий со времени его крещения и выхода на мировую арену в качестве самостоятельного национального субъекта. И в долгий период разрыва связей с

Россией «Русский Афон» сохранял эталон «русскости», русской ментальности, русского восприятия жизни и жизненных ценностей. В те самые годы, когда в России над народной душой проводились социальные и психологические эксперименты, на Афоне русский крестьянин монах Силуан поднимался до величайших высот святости, и его духовный опыт благодаря трудам русской эмиграции вернулся через полвека в Россию.

Понятие «Русский Афон» многогранно. В него входит не только непосредственное присутствие русских людей на Афоне, не только история русского афонского подвижничества, но и, в свою очередь, присутствие Афона в России — в его подворьях и святынях, а также в самой монашеской традиции, почерпнутой русскими с Афона в лице афонского постриженника прп. Антония Печерского, за свою жизнь дважды подвизавшегося на Святой горе и получившего благословение святогорских старцев вернуться на родину и насаждать монашество в только что про-

¹ См.: *Иеромонах Софроний (Сахаров)*. Старец Силуан. Жизнь и поучения. М.; Минск, 1991. С. 69.

² «Если вы останетесь, то закроете рты, Вы совершенно не будете празднословить», — говорит старец Иосиф-исихаст трем монахам, бывшим в миру «учеными, и притом в близких областях, поэтому им было о чем поговорить» (*Старец Ефрем Филонский*. Моя жизнь со старцем Иосифом. М., 2012. С. 367).

свещенной крещением Руси. И в последующие века именно духовные импульсы, исходившие с Афона, имели определяющее влияние на характер духовной жизни в России: паламитские споры и движение исихазма нашли свой духовный отклик в подвижничестве преподобных Сергия и Никона Радонежских, Нила Сорского, Серафима Саровского. В свою очередь, определенный духовный кризис XVIII-го столетия, вызванный проникновением не только в светскую культуру, но и в духовное образование России западных влияний, заслонивших в какой-то мере собственную православную традицию, был преодолен благодаря трудам уроженца Малороссии афонского подвижника прп. Паисия Величковского, переведшего на русский язык корпус святоотеческих творений «Добротолюбие» и оказавшего в дальнейшем неоценимое влияние на духовную жизнь России. Прямая линия духовного преемства ведет от прп. Паисия Величковского в русскую Оптину пустынь, ставшую колыбелью православного духовничества в России XIX в. и сыгравшую огромную роль в воспитании духовных пастырей XX столетия.

Иначе говоря, Афон всегда был камертоном духовной жизни в России. И в этом смысле «Русский Афон» — явление, способствовавшее формированию определенных свойств русского национального характера, самой русской иден-

тичности. Афон связывает нас с истоками той веры, до принятия которой на исторической и политической карте мира не существовало такой страны, как Русь, и не было такого народа, как русский. В каком-то смысле можно, наверное, сказать, что образ «Святой Руси» есть непосредственное отражение афонского духовного идеала: это устремленность к внутренним ценностям, неприятие внешнего, показного, смирение, крайняя терпеливость, нестяжательность, любовь к нищете «Христа ради», в то же время — открытость, «всемирная отзывчивость» (как говорил Ф.М. Достоевский о русском национальном характере), тихое свечение молитвой, постоянная устремленность к ней, деревянные избы и великолепные каменные храмы, золото и роскошь во всем, относящемся к богослужению, и крайняя непритязательность в быту — разве все это не напоминает нам величественные афонские монастыри, воздвигнутые во славу Божию, при абсолютной добровольной нищете и нестяжательности населяющих их монахов.

Культурные богатства принадлежат все же земле, небесное достояние — нищета Христа ради: «Блаженны нищие духом». Это духовное самоустроение по афонскому образцу, вероятно, и есть суть той «загадки русской души», о которой так много писалось в литературе и которую Ф.И. Тютчев сформулировал в известных строках: *«Эти бедные селенья, эта скудная природа, край родной долготерпенья, край ты русского народа. Не поймет и не оценит гордый взгляд иноплемennyй, что во взгляде твоём светит, что в красе твоей смиренной. И от края и до края всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил благословляя»*. Эту же тональность хорошо чувствовал и М.В. Нестеров — молитвенность, нестяжательность, неотмирность как национальный идеал прекрасного. Можно сказать, что Святая Русь сформировалась как эхо афонского духовного идеала. Афон же — удел Божьей Матери, поэтому естественно, что омофор Ее простерся и над Русью, шестой частью суши, на которую лег «отсвет» от зажженного Ею на Афоне светильника и которая потому в народе получила имя «дома Пресвятой Богородицы».

В то же время Афон — явление подлинно интернациональное, наднациональное, сверхнациональное. Именно Афон — реальный центр единства православного мира. Достигнув к XIII в. своего расцвета и вобрав в себя квинтэссенцию духовной мудрости и духовного опыта Византии, он стал, по существу, тем воздвигнутым византийскими преподобными

Преподобный Паисий (Величковский)

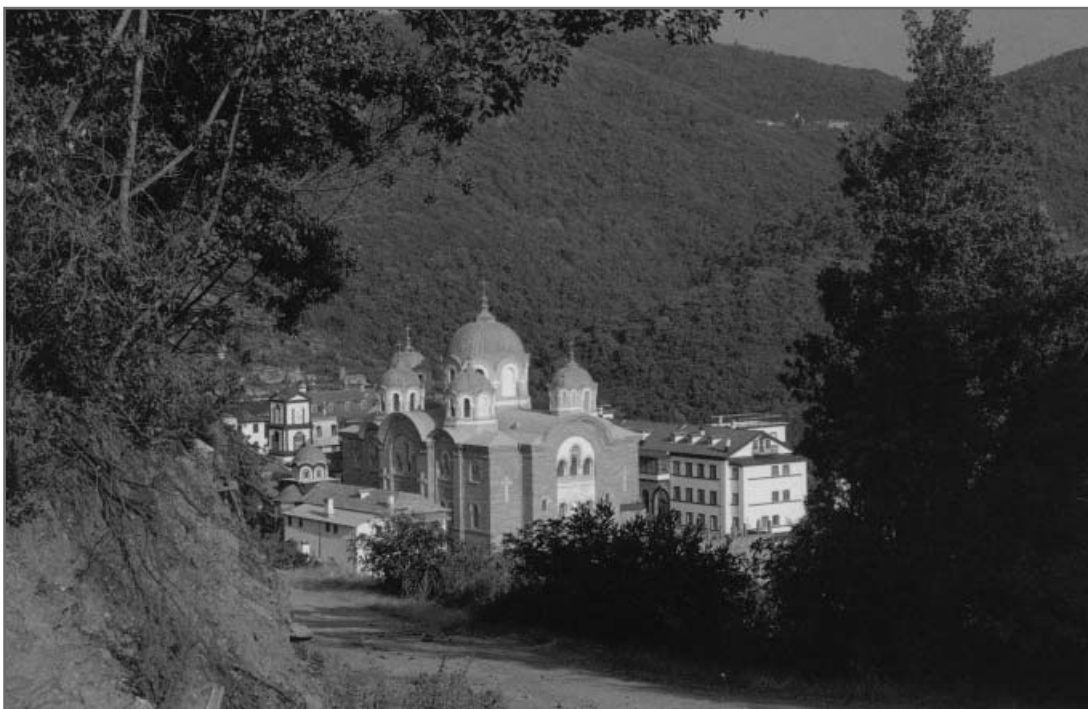
Святая гора Афон

отцами «Ноевым ковчегом», который один уцелел, в то время как бушующие штормы истории погребли под своей пучиной Византийскую империю, объединявшую под единым государственным омофором многие православные народы. Афон сумел сохранить неприкосновенным особый статус в эпоху иноверного турецкого владычества и тем самым сохранить главное и лучшее, что дала Византия — православную святость и духовную культуру. Поэтому для всего православного мира Афон — хранитель чистоты веры, эталон и синоним православия, центр православной духовности и всеправославного духовного единства, или, как говорил епископ Порфирий Успенский, «гора святая есть хвала православия»³. По выражению К. Леонтьева, «Афон — святыня Православия»⁴. Столетиями он был живой духовной реальностью и излучал эту реальность на все православные страны. Для всех православных народов всегда существовала возможность просто «уйти на Афон». Самый факт существования на Земном шаре на протяжении более тысячи лет такой интернациональной территории, законы жизни которой во всем противоположны законам мира, есть уже безусловное чудо.

В современной литературе принято называть Афон «монашеской республикой», что связано с коллегиальностью управления посредством Протата — совета игуменов, должность которых является выборной, а также отчасти с большой степенью независимости 20 афонских монастырей с примыкающими к ним скитами, келиями и каливами от их канонического главы — Вселенского Патриарха. Однако думается, что в контексте светского восприятия система ценностей, в которой «республика» является идеалом общественного устройства, не имеет соответствия в том идеале, которому служит православное монашество вообще и монашество афонское в особенности. Правда, афонский старец Паисий (Эзнепидис), подвижник XX в., говорил: «Наши святые отцы освятили пустыню и превратили ее в духовное государство, в то время как мы, к сожалению, превратили в государство мирское. Всякий мирской порядок является великим духовным беспорядком»⁵. Поистине, «что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16,15). Действительно, не народоправство и «права человека» являются идеалом монашеского общежития на Афоне, а теократия — сообщество людей, подчиняющихся непосредственно

³ Цит. по: Дмитриевский А.А. Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой русской духовной миссии в Иерусалиме. М., 2006. С. 41.

⁴ Леонтьев К.Н. Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России // Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 2008. С. 530.

Святая гора Афон

Самому Богу. Если в мире, даже христианском, мотивация поступков как правило опосредована различными историческими, политическими, социальными нормами, и если кто-то скажет, что выполняет непосредственно волю Божию, это, скорее всего, вызовет опасение за адекватность говорящего и за возможную непредсказуемость его поведения, то в мире монашества повиновение воле Божьей есть единственное осмысление и оправдание всех жизненных поступков. Если уж подыскивать для определения афонского «духовного государства» какие-либо светские параллели, то мы бы назвали Афон, вследствие именно его интернационального характера, скорее «духовной империей» — калькой с Византийской империи, но с той разницей, что «Василевсом» там является Сам Бог «Владычицей» (игуменьей) — Божья Матерь.

Как модель Церкви (и подобно живому человеку), Афон есть реальность двусоставная — видимо-невидимая; причем невидимая, духовная его реальность несравненно важнее и больше видимой. Афон по значению его для христианского мира есть «духовная гора», для которой земная его вершина есть только символический

образ. Духовная же вершина Афонской горы достигает Небес, т. е. Царствия Божия, простирается до врат рая. Священная гора «для достопочтенных отшельников, разорвавших все земные узы, служит как бы местом отдохновения и подкрепления при восхождении на высоту небесную...»⁵. В то же время Афон может быть уподоблен Фаворской горе — горе Преображения потому, что его главный вклад в сокровищницу православной богословской мысли есть учение о нетварных божественных энергиях и Фаворском свете святителя Григория (Паламы), и потому что именно на Афоне возникло явление «исихазма» — стяжания божественной благодати (энергии) через практику так называемой Иисусовой молитвы. И этот опыт — опыт Иисусовой молитвы и достигаемого ею обожения, зримо созерцаемого в сиянии нетварного фаворского света — Афон передал России, где уже в XIX в. он стал главным делом жизни прп. Серафима Саровского и оптинских старцев.

Духовное пространство гораздо сложнее земного, видимого, и законы его на языке земной логики звучат как антиномии. По словам архимандрита Софрония (Сахарова), учени-

⁵ Афон. М.: Изд. Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 2002. С. 177.

⁶ Цит. по: *Дмитриевский А. А.* Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена священноархимандрита Макария (Сушкина) // Русский Афон. Вып. 6. М., 2010. С. 172.

ка прп. Силуана Афонского, путь на духовную высоту Афона лежит не через самовозвышение, а через самоунижение, не посредством самовозвеличивания — что является в духовном мире верным путем в пропасть — а посредством самоумаления, смирения: «Господь... пирамиду бытия... опрокидывает вершиною вниз и тем достигает последнего совершенства. Несомненная вершина этой пирамиды — Сам Сын Человеческий...; и Он говорит про Себя, что „не пришел, чтобы Ему послужили, но послужить и дать душу Свою во искупление многих“ (Мф. 20, 28)... Последователи Христа неизъяснимым образом уподобляются Ему чрез принятие на себя тяготы или немощи других: „Сильные должны носить немощи слабых“ (Римл. 15, 1)... Христианин идет **вниз**, туда — в глубину опрокинутой пирамиды, где сосредотачивается страшное давление, где взявший на Себя грех мира — Христос»⁷.

Поэтому понять историю монашества «извне» так же сложно, как и земную жизнь Самого Спасителя, Господа Иисуса Христа: если обращать преимущественное внимание на бытовую сторону и внешние обстоятельства жизни, то видна будет только бесприютность, гонимость и в конце концов позорная с человеческой точки зрения казнь. В этом смысле всякое описание материальной, видимой реальности Афона, даже включая все его исторические и культурные бесценные богатства, может сравниться с описанием лишь подножия огромной горы, уходящей своей вершиной за облака. Внешнее наблюдение за скудной, полной лишений жизнью афонцев может оказаться бесплодным, если не иметь ключа к тайне, побудившей всех этих людей оставить прежнюю жизнь и прийти сюда. Строго говоря, для того чтобы действительно «посетить Афон», т.е. погрузиться в его реальность, необходимо «отречься себя», все мирское бросить и уйти на Афон монахом. Раскрытию внутренней сокровенной жизни Русского Афона служат богословские труды его подвижников, такие как писания старца Силуана, труды архимандрита Софрония (Сахарова), епископа Василия (Кривошеина).

Не менее важна и другая реальность жизни Афона — его неразрывная связь с теми народами, которые присылают сюда насельников. Афониты — своего рода ангелы-предстатели за

свои народы пред Престолом Божиим. Можно сказать, что назначение афонской «духовной империи» — предстательствовать за составляющие ее народы. Не случайно поэтому иконография прп. Силуана Афонского указывает на то, что главным его подвигом была молитва за народ⁸. Именно так понимали смысл удаления на Афон православные греки, русские, румыны, болгары, сербы. Поэтому так важны темы Русский Афон, Болгарский Афон, Сербский Афон. И не случайно места сугубых духовных подвигов в России называли «Афоном»: «Новый Афон» на Кавказе (Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии), «Уральский Афон» (Белогорский Свято-Николаевский монастырь в окрестностях Перми) и пр. Часто родители желали, чтобы один из их детей стал молитвенником за весь род, говоря, что благочестивый монах спасает свою семью до седьмого колена. Тем более это убеждение относилось к афонскому монашеству, которое понималось как квинтэссенция монашеского служения вообще. Об этом феномене русской жизни писал А. А. Дмитриевский в книге, посвященной первому русскому игумену русского святогорского Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандриту Макарию (Сушкину): «Русский набожный человек... рисует в своем представлении всякого монаха ангелоподобным человеком, отрекшимся от мира и всех его прелестей, строгим подвижником, неустанным молитвенником не столько о себе и своих немощах, сколько о немощах присных ему по духу и плоти. Не удивительно поэтому, что во многих религиозных наших семействах, не утративших веру в идеального монаха, является и доселе весьма часто желание иметь хотя бы то и одного молитвенника-монаха из своей среды. Это желание весьма нередко высказывается даже целой деревнею, известным околотком и даже городом. В этой-то вере в идеального монаха в воззрениях нашего народа на монастыри вообще и нужно искать объяснение того факта, что русский народ любит монастыри, охотно посещает их, хотя бы они находились на отдаленных окраинах нашего отечества или за границей... и несет в них часто последнюю свою трудовую копейку»⁹.

Отсюда неоднократно отмечавшаяся современниками стихийная устремленность русских

⁷ *Архимандрит Софроний (Сахаров)*. Указ. соч. С. 223–224.

⁸ На свитке, который держит прп. Силуан, на иконе, находящейся над его мощами в Свято-Пантелеимоновом монастыре, написано: «Молю Тебя, милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли».

⁹ *Дмитриевский А. А.* Русские на Афоне... С. 313.

Игумен Иероним (Соломенцев) и архимандрит Макарий (Сушкин)

на Афон и неизменный успех афонских сборщиков пожертвований в России. Огромные суммы, которые народ жертвовал на создание и благоустройство обители вне России, свидетельствуют о том, насколько религиозное чувство русских было выше практических соображений материальной выгоды и всякого национализма. Этот факт был так очевиден, что даже вызывал опасения у российских государственных структур. Так, императорский посол А. И. Нелидов писал: «Имея в руках лишь фактические данные, показывающие глубокое почитание народа русского к Св. Афонской горе, невозможно взвесить, как велика нравственная польза этого почитания или насколько Афон полезен и нужен нам с государственной точки зрения... Приходится иметь дело с неизведанной областью, с самостоятельной и могучей силой народной... Вопрос: нужен ли Афон православному народу русскому? — решает сам народ, не спрашивая кабинетных соображений наших, а прямо высылая на Афон свою деятельную силу, свою трудовую копейку»¹⁰. Народный характер Русского Афона сказывался и на менталитете афонских иноков. Одной из неотъемлемых характеристик этого мировосприятия был естественный монархизм, преданность Царю-батюшке. Так, духовный писатель первой половины XIX в. иеромонах Серафим (Святогорец) даже самую «русскость» определял через при-

верженность самодержавию. «Я, — писал он, — вполне здесь мог понимать то святое чувство любви к России, чувство родственное и неизъяснимое, одушевляясь которым Русские всегда были Русскими, то есть выше всех политических переворотов Европы, и опередили, далеко оставили за собою народов, не понимающих ни радости о Царе своем, ни величия и славы сыновней преданности и верноподданнической любви к Самодержавной Власти»¹¹.

О теснейшей связи между Афоном и православным миром в России свидетельствуют жития афонских подвижников — великих старцев Иеронима (Соломенцова) и Макария (Сушкина), которые, ни разу за свою монашескую жизнь не посетив Россию, тем не менее до конца дней

поддерживали постоянную переписку с родственниками, друзьями, учениками в миру, на средства которых в значительной мере и был создан великолепный комплекс Свято-Пантелеимонова русского монастыря. Письма старцев влияли на жизненный выбор их близких, оставшихся в миру, и всех, кто обращался к ним за советом и помощью.

Вместе с тем не только простой народ из России тянулся на Афон. Приведем свидетельство духовного мыслителя, писателя и дипломата К. Н. Леонтьева, который и сам хотел принять постриг на Афоне и долго жил там: «Русский духовник, известный о. Иероним, сказывал мне, что в течение его долгой жизни на Афоне здесь перебивало по крайней мере до двухсот более или менее религиозных дворян русских, богатых и бедных, знатных и незнатных, чиновных и нечиновных»¹². Среди афонских подвижников были и представители высшего сословия: так, в 1830-е годы толчок к возрождению и консолидации русского монашества на Афоне дал инок-князь о. Аникита (Ширинский-Шихматов). Посещали Афон и члены царской фамилии — великие князья Алексей Александрович и Константин Константинович. «Что касается до самого высшего круга нашего, — писал в этой связи К. Н. Леонтьев, — то, во-первых, вследствие другого воспитания и лучшей обстановки в нем больше религиозных

¹⁰ Цит. по: Герд Л. А. Русский Афон 1874—1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 53.

¹¹ Письма Святогорца ко друзьям своим о святой Горе Афонской. 8-е изд. М., 1895. С. 4.

¹² Леонтьев К. Н. Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России. С. 541.

Костница Свято-Пантелеймонова монастыря

людей, чем в среде дворянского и церковно-семинарского пролетариата; а во-вторых, высший круг наш со Святой Горой уже ближе ознакомился после посещения Афона Их величествами Великими Князьями»¹³. Таким образом, все основные сословия России были знакомы и так или иначе связаны с Афоном. «Афон, — подчеркивал К. Н. Леонтьев, — имеет в себе нечто стягивающее»¹⁴.

Прцветание русского афонского монастыря и скитов во второй половине XIX — начале XX в. в значительной степени было связано с созидательным духом Российской империи, который несли в себе русские иноки — по большей части вчерашние крестьяне и купцы; самый характер российской государственности, ее масштаб и размах всякого начинания в России, привычка к единоначалию и в то же время к общинному народному строю жизни, послушность в сочетании с внутренней свободой — все это, безусловно, сказывалось на способах самоорганизации русских на Афоне. Вот, например, как описывает в 1891 г. период расцвета их деятельности там Вселенский Патриарх Иоаким III: «На каком бы месте Афона русские ни заняли келлии или места, они тотчас стараются... умножать число монахов и перестраивать все здания и церкви,

дабы придать им русский вид. Так, о. Иероним нашел приют в монастыре Св. Пантелеймона с 15 русскими монахами, а через 35 лет число их возросло до тысячи... Архимандрит Виссарион с семью учениками приехал из Киева и занял Ватопедскую келлию Св. Андрея, а через 40 лет эта келлия превратилась в прекраснейший скит, превосходящий благолепием все монастыри, число же братии возросло до четырехсот. Оба эти человека были люди простые и достигли таких результатов только благодаря своей ревности и усердию. Их примеру следуют некоторые другие старцы келлий, перестраивая все на русский лад. В то же время греческое монашество чахнет и близится к роковому концу вследствие нерадения монахов и преследования ими только личных интересов. Духовная власть на Афоне не пользуется никаким значением, послушание заметно повсюду. Монастыри греческие враждуют между собой стараясь превзойти один другого в самочинии и своеволии. Напротив, в русских обителях господствует порядок; все идут на зов настоятеля, являются с послушностью и покорностью, работают с самоотвержением, не вмешиваются в мирские дела. Старшие усердно стремятся к приумножению имущества, получая богатую милостыню из России (ежегодно до 200 тыс. лир,

¹³ Там же. С. 533.

¹⁴ Там же.

т. е. 1 миллион рублей). На эти средства в течение 40 лет воздвигнуты русскими обителями великолепнейшие здания, храмы, подворья; ризницы и кладовые их можно назвать царскими, амбары наполнены хлебом, вином, елеем и всякими благами. Внушительное число монахов, величие храмов, примерное гостеприимство и щедрая раздача милостыни привлекают к русским обителям»¹⁵.

С середины XIX столетия большое влияние на русское общество стала оказывать литература, которую издавал открывший собственную типографию Свято-Пантелеймонов монастырь. Особенной популярностью, как уже отмечалось, в XIX в. пользовались «Письма Святогорца друзьям своим о святой горе Афонской», изданные афонским Пантелеимоновым монастырем в 1850 г., многократно переиздававшиеся и ставшие сразу любимым чтением православной России. Эта книга и ее автор, иеромонах Серафим, были хорошо знакомы великому старцу, игумену Свято-Пантелеимова монастыря архимандриту Макарию (Сушкину) и даже в значительной степени повлияли на его судьбу. Именно при нем монастырь и вообще русское афонское монашество достигли своего расцвета: выходец из купеческого сословия, он под влиянием благочестивой матери и «душеполезного чтения», особенно после личной встречи с автором «Писем Святогорца», решительно оставил мир и принял постриг на Афоне в русском монастыре. Иеромонах Серафим Святогорец имел немалое влияние не только на простой народ, но и на образованное сословие, он был признан в литературных кругах, и, очевидно, снискал доверие и дружбу Н.В. Гоголя, как о том можно судить по собственным его словам, высказанным в одном из писем в ответ на известие о кончине Гоголя. «Смерть Гоголя, — пишет о. Серафим, — торжество моего духа. Покойный много потерпел и похворал, — надобно и пора ему на отдых в райских обителях. Жаль только, что он не побывал у нас. Я очень любил его; в Одессе мы с ним видались несколько раз, и наше расставанье было условное — видаться здесь. Судьбы Божии непостижимы! В последнее время его считали помешанным, — за то, что он остепенился и сделался христианином. Вот ведь мирская-то мудрость! Толкуйте с миром»¹⁶.

Издания Свято-Пантелеимонова монастыря «Афонский патерик», выдержавший множество переизданий, «Вышний покров» о чудотворных иконах Афона, журналы «Душеполезные раз-

мышления», «Душеполезный собеседник» и многие другие, равно как и бесплатно раздаваемые народу брошюры и листки духовно-нравственного содержания, благоговейно читались и хранились в простом народе как святыня, исшедшая со Святой горы. Любое описание монастырей Святой горы и жизни их насельников попадало на подготовленную почву народного восприятия. Народ сердцем чувствовал ту ноту, «тональность» духовной жизни, которой жил Афон, и эта тональность была ему жизненно необходима, становилась родной.

Следующий этап «литературной жизни Афона» — научные труды по его истории, начало которым было положено в 1845 г. знаменитым путешественником, историком, археографом, археологом, востоковедом епископом Порфирием (Успенским) и продолжено его не менее замечательным преемником на поприще изучения христианского Востока архимандритом Антонином (Капустиным), а затем многими выдающимися востоковедами и византистами, такими как А.А. Дмитриевский, Н.П. Кондаков, Ф.И. Успенский, В.Н. Бенешевич, В.И. Григорович, П.И. Севастьянов и др.

Таким образом, обширную литературу об Афоне можно в общих чертах разделить на паломническую, житийную и научно-историческую. К первому относятся такие книги, как «Первое посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим написанное» (1884); «Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа Порфирия (Успенского)» (1845); «Дневник собственноручный о. Макария», который он вел по пути на Афон; «Сказание о странствовании и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» инока Парфения (1855); «Заметки поклонника Святой Горы» архимандрита Антонина (Капустина) (1864); позже, уже после революции, был написан «Афон» Бориса Зайцева. Произведения этого жанра имеют мемуарный и дневниковый характер, они погружены в поток времени, в них показывается Афон, пропущенный сквозь призму личного восприятия автора. Паломническая литература заменяла читателю реальное паломничество и в то же время поощряла к нему.

К житийной литературе помимо «Афонского патерика», составленного на Афоне, и таких изданий, как «Письма с Афона о современных под-

¹⁵ Цит. по: Герд Л.А. Указ. соч. С. 30–32.

¹⁶ Иеромонах Серафим Святогорец. Письма Письма Святогорца друзьям своим о святой горе Афонской. М., 1895. С. 475.

вижниках афонских», изданной в 1871 г. афонским же отцом Пантелеимоном (Сапожниковым), «Великая стража» иеромонаха Иоакима (Сабельникова), посвященная житиям старцев Иеронима и Макария Афонских¹⁷, следует отнести и жизнеописания афонских подвижников, подготовленные церковными учеными, например, книгу А. А. Дмитриевского «Епископ Порфирий Успенский», изданную в 1906 г. Жизнеописания афонских отцов ближе всего раскрывают собственно духовную жизнь Афона. Несмотря на то что в них излагаются исторические события, они служат лишь гранями, обрисовывающими общий духовный облик того или иного подвижника, раскрывают характер и особенности его внутренней жизни.

К третьему жанру — собственно исторических научных исследований — относятся прежде всего три тома «Истории Афона», написанные епископом Порфирием Успенским, а также и последующие критические труды по истории монашества на Афоне. В этих аналитических работах Афон рассматривается с точки зрения его земной истории и, так сказать, во вполне земных категориях — национальных и церковно-политических отношений. Святая гора здесь предстает не идеальной, а, как выразился епископ Порфирий, «в полутонах». По словам этого автора, «на основании сих бытописаний Афон будет представлен... в истинном виде его, в естественной светотени его и с выражением его тысячелетней жизни и действий на поприще воинствующей Церкви Христовой, и вместе разных скорбей и бедствий и соблазнов»¹⁸. А бедствия и скорби приходили не только извне. В среду русских монахов попадали и бежавшие от крепостного права крестьяне, и даже смутьяны-революционеры. Первые ушли с Афона, как только было объявлено об отмене крепостного права, вторые же в начале XX в. подняли на Афоне смуту, нанеся большой вред именно русскому присутствию там. Однако «искушения» — это «гром и молнии» вокруг святыни. Все, что может сказать историк, в силу специфики его научного метода (в отличие от богослова), — это вокруг Афона, его взгляд способен видеть «гром и молнии» вокруг «Синая», но не саму Неопалимую Купину.

Предлагаемая вниманию читателя серия «Русский Афон» продолжает традицию «литературной жизни» Святой горы. Стремлением «разбудить» общественное сознание, воскресить в русском сознании афонскую тему объясняется разножанровость публикуемых в серии книг. В серии вышли девять книг.

Серия открывается исследованием одного из ее создателей, московского историка П. Троицкого «История русских обителей Афона в XIX—XX веках»¹⁹. В ней ставится вопрос о судьбах русского афонского наследия. В книге делается акцент на малоизвестных и не описанных еще страницах истории русского Афона — прежде всего истории единственного на Святой горе полностью русского, от начала своего создания, Свято-Андреевского скита, а также на других практически не исследованных прежде фрагментах истории Русского Афона «Братство русских келий», русские подвижники на Каруле — самой опасной и трудной для жизни области Афонского полуострова — и др. П. Троицкий приводит примеры поразительного подвижничества русских монахов — зачастую глубоких старцев, которые, практически не имея пропитания и какой-либо помощи, часто в одиночку поддерживали буквально до последнего вздоха непрерывную молитву и богослужение в русских храмах, каливах и кельях Афона все те годы, когда помощи от России в силу политических обстоятельств времени ждать не приходилось.

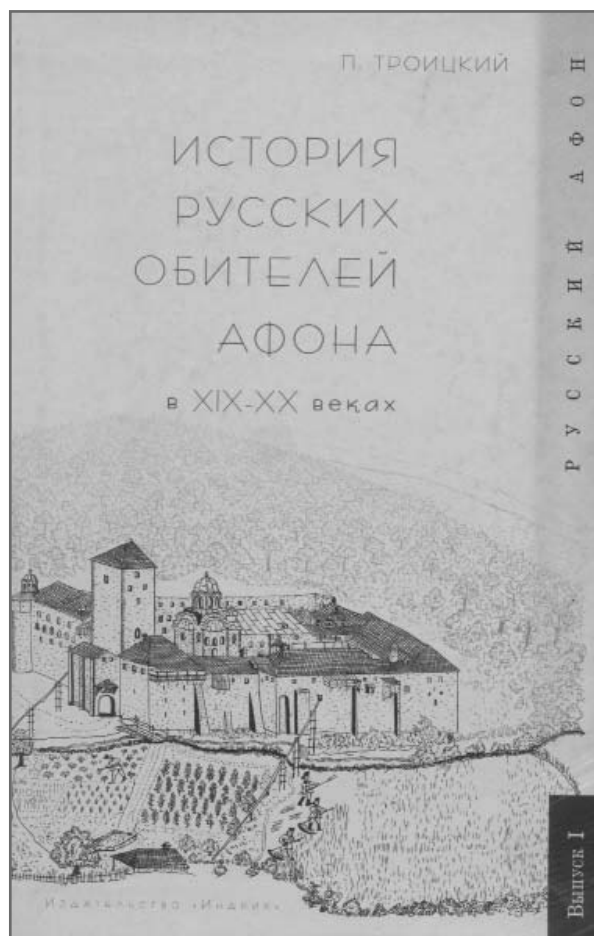
Второй выпуск — переиздание книги М. Г. Талалая «Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках»²⁰. Она написана в жанре паломнических записок. Ее отличают свойственные автору лиризм, живость восприятия, легкость языка. Это Афон современный. У М. Г. Талалая есть дар создавать эффект соприсутствия — читателю передается ощущение «открытия» Афона лично для себя. Вот несколько характерных фрагментов из предисловия и заключения к книге: «Все обители, составляющие одно понятие "Афон", между собой несхожи — и не только в архитектурном отношении. У каждой — свой подвиг, свой микрокосм: подтянутый Ксиропотам, общительный Ивер, интеллектуальный Симонопетр, радикальный Эсфигмен. Впечатления пилигримов могут не совпадать:

¹⁷ Иером. Иоаким (Сабельников). Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. Кн. 1: Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 2001.

¹⁸ Цит. по: Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий Успенский... С. 42.

¹⁹ См.: Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX—XX веках. Вып. 1. М., 2009.

²⁰ См.: Талалай М. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках // Русский Афон. М.: Индрик, 2009.

святогорский опыт — очень личный. В одном посетители полуострова единодушны: на земле это место — уникально. Есть даже поговорка: «Афон не место — это путь», причем путь, несравнимый ни с каким другим. Он не имеет обычного, географического измерения: путешественник тут перемещается в иных координатах, даже временных. На этом полуострове до сих пор живет Византия, не покоренная ни крестоносцами, ни турками, на постхристианской Европой. Как бы для укрепления этого чувства афонцы используют исключительно юлианский календарь (даты по новому стилю зачатую просто игнорируются). Время же отсчитывают по-византийски, от захода солнца, причем разница между мирским и афонским циферблатом меняется в зависимости от времени года: летом это примерно три часа, зимой — пять. Но главное — здесь другие духовные измерения. В Уранополе остается «мир» с его бесчисленными, а по афонским мер-

кам, и бессмысленными проблемами. На Афоне же — другое жизненное пространство, где есть одна-единственная проблема — спасение души. Прочее уходит в разряд несущественного, вместе с телевидением, радио, ресторанами и прочими «достижениями» цивилизации. Беседы здесь, соответственно, сразу выходят на другой уровень. Вместо обычного «как работаешь?», «сколько получаешь?», «как с жильем?», здесь могут сразу спросить: «Готов ли к Страшному Суду?» И спросить так, как будто сей Суд грядет завтра.

...Быстрые удары по деревянному билу (некогда из-за боязни привлечь внимание турок и пиратов афонцы перестали пользоваться колоколами, и лишь русские иноки вновь ввели звоны) призывают насельников и их гостей ко сну. После великолепного заката — восходом можно любоваться на другой стороне полуострова — монастырские ворота накрепко закрываются. На Афоне — полночь. В мире в это время чуть больше восьми вечера, и по соседству со Святой Горой тысячи греков и курортников всех стран начинают ночной поход по барам, тавернам, дискотекам. После разъезда по домам на мирских дорогах почти каждую ночь происходят смертельные случаи: подвыпившие отпускники давят в темноте пешеходов, сшибаются с такими же гуляками-лихачами. В это время над Эгейским морем еще темно. Святогорцы выходят на полунощницу»²¹.

«Афон делит весь земной шар на две части: себя и остальное... Говорить в миру о спасении души как-то неприлично: могут принять за безумца. На Афоне же вам постоянно напоминают, что душа — бессмертна и что мы ответственны за ее загробное существование. Поразительно, что афонцы сочетают постоянную заботу о судьбах душ (всех людей) с неизбывной веселостью. В миру сложился стереотип о монахах как об унылых, печальных людях. Однако уныние — великий грех, а святогорцы — народ жизнерадостный. «Как можно печалиться, — сказал мне один старец, — если Христос воскрес?» Пусть «новость» о Воскресении Христовом и будет главной новостью с Афоне. Все остальное меркнет перед этим»²².

Третий выпуск серии «Русский Афон» — книга «Афон и его судьба», написанная русским писателем-эмигрантом Владиславом Альбиновичем Маевским (1893—1975)²³, человеком, с именем которого в 1950—1960-е годы в русском зару-

²¹ Талалай М. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках // Русский Афон. Вып. 2. М., 2009.

²² Там же. С. 144, 147.

Братская трапезная в Пантелеймоновом монастыре.
Современное фото

бежье связана защита интересов русского афонского монашества от чинившихся притеснений со стороны греческой духовной и светской власти на Афоне. Своими многочисленными печатными выступлениями он на протяжении многих лет боролся за сохранение русского наследия

Афона от растворения в греческом окружении и русских насельников Святой горы от вымирания без помощи со стороны свежих новых сил из России.

Четвертая книга «Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834—

²³ Маевский В. Афон и его судьба // Русский Афон. М., 2009.

1836 годах» (Вып. 4. М., 2009) уводит нас в глубь истории. Это уникальное издание дневниковых записей русского князя-монаха Аникиты (Ширинского-Шихматова), приездом которого на Афон в 1930-е годы было положено начало расцвету русских святогорских обителей, особенно Свято-Пантелеимонова монастыря.

Пятый выпуск — «Приближения к Афону» — книга сербско-словенского писателя Павле Рака, для которого Афон сыграл решающую роль в обращении к вере. Написана она в жанре живых впечатлений, в духе, так сказать, литературного «импрессионизма»: «Вижу: Прозрачные, почти невесомые строения, освещенные первым утренним солнцем; Башни наперегонки кипарисами тянущиеся к небу; веселые купола и крыши; подернутые дымкой, вырастающие из моря горы; лестницы и длинные переходы, в их лабиринтах исчезают еле слышные шаги; свет, мерцающий в сгущенном воздухе; синеватый ладан и трепе свеч, иконы, хоругви в торжественных процессиях: пурпур и золото, разлившееся по полям; удлинённые черные фигуры — глаза опущены — поднимающиеся по косогору; плаха и разбросанные по мостовой камилавки; башни и монахи в вихре пламени, каменные ступени в лунном свете; выбеленные временем кости, собранные в общей гробнице; белоснежные простыни, быющие на ветру; овальные подносы, перегруженные лакомствами, возвращаемые почти нетронутыми; кисловатый запах старого кирпича; волны пения и шепот молитв, шум крыльев, журчание вина; покосившиеся кельи и их жители, которые, вместе с ветхими стенами и своей полузабытой религией, осыпаются, уходят во тьму средневековья и выплывают из нее под глухой звон колоколов среди благоухания мерцающих лампад. Афон не на небе и не на земле — вертоград Пресвятой Богородицы»²⁴.

Выпуск шестой — переиздание книги, ставшей в наше время библиографической редкостью, выдающегося церковного историка, члена Императорского Православного Палестинского Общества А. А. Дмитриевского «Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена священноархимандрита Макария (Сушкина)» (Русский Афон. Вып. 6. М., 2010). Это классическое исследование, могущее служить эталоном жанра научно-житийной литературы. Особую ценность придает ей то, что она написана на основании собственных воспоминаний о. архимандрита Макария.

Следующие две книги серии принадлежат современным авторам и представляют собой научные исследования по истории русских афонцев в XX в.: Шкаровский М. В. «Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке» (Русский Афон. Вып. 7. М.: Индрик, 2010); Герд Л. А. «Русский Афон 1878—1914. Очерки церковно-политической истории». (Русский Афон. Вып. 8. М.: Индрик, 2010). В обеих работах поднята проблема взаимоотношений русских и греков на Афоне во второй половине XIX—XX в.

Последний на настоящее время девятый выпуск серии посвящен истории, как его принято называть — «малороссийского» — Ильинского скита (Фенел Н., Троицкий П., Талалай М. Ильинский скит на Афоне. Вып. 9. М., 2011). В действительности для русской духовной традиции первостепенное значение имеет связь Свято-Ильинского скита с именем прп. Паисия (Величковского), основавшего его в 1757 г. Таким образом, Свято-Ильинский скит можно считать родиной русского старчества XIX в., духовной колыбелью русского перевода «Добротолюбия».

Все книги серии объединяет тема насильственной дерусификации Афона, проводившейся светскими греческими властями после присоединения Афона к Греции в 1912 г. и особенно после русской революции 1917 г., когда Россия вследствие совершившихся внутренних политических перемен потеряла возможность защищать своих насельников на Святой горе. Мы говорили выше об интернациональном характере Афона. Однако именно это неотъемлемое его качество было подвергнуто сильнейшему испытанию в XX в. С исчезновением с карты православной Российской империи, оказывавшей дипломатическую поддержку российским гражданам на Востоке и служившей защитой для русского афонского монашества, греческое правительство и Элладская церковь взяли курс на недопущение русских на Афон, обрекая оставшихся там духовных подвижников на постепенное вымирание — без связи с родиной и без средств к существованию. Из нескольких тысяч русских афонитов перед революцией 1917 г. через полвека осталось несколько десятков человек, средний возраст которых был около 80 лет.

Кажется невероятным, что такую жестокость могли проявлять по отношению к своим единоверцам православные греки, которые еще недавно, в эпоху турецкого владычества сами искали защиту от турецких притеснений в российских

²⁴ Рак П. «Приближения к Афону» // Серия «Русский Афон» М., 2010. С. 11–12.

дипломатических представительствах Турции. Россия была единственной реальной опорой православного населения Ближнего Востока, русские солдаты проливали кровь за освобождение единоверных грекам болгар на Шипке. И тем не менее, как подчеркивают авторы книг, период турецкого протектората над Афоном был для русских монахов гораздо более спокойным, чем время, когда немногочисленную турецкую полицию сменили в 1912 г. воинские подразделения независимой Греции²⁵.

Причина этого явления заключалась, как ни странно, именно в том огромном влиянии, которое Российская империя имела в Ближневосточном регионе и которое освободившаяся в 1821 г. от турецкого ига революционным путем Греция определила как опасную для нее идеологию «панславизма». Сама возродившаяся Греция породила движение «филэллинизма», целью которого было восстановление того культурного и международного значения, которое Великая Греция имела во времена Римской империи и Византии. Таким образом, сторонники идеи «Второго Рима» стали оспаривать идею «Третьего Рима». «Филэллинизм» выступил против «панславизма», и заложниками в этой борьбе стало русское афонское иночество.

Подробности данного противостояния описывает в своих работах Константин Николаевич Леонтьев²⁶, длительное время находившийся на дипломатической службе в Турецкой империи, по мнению которого со стороны русских никакого «панславизма» не было, а требовалась помощь конкретным людям, в тех или иных ситуациях в этой помощи нуждавшимся, и Россия, как самое большое православное государство, обязано было такую помощь оказывать. Тем не менее, по словам К. Н. Леонтьева, в греческой и турецкой прессе была развязана целая компания против русских, каждый, порой даже самый незначительный, поступок которых истолковывался как проявление пресловутого «панславизма», т. е. нашествия чужеродного грекам влияния и культуры. Сплошь и рядом употреблялось определение «русское нашествие».

Прогрессия роста русского присутствия в святых местах Востока была, действительно, столь

велика, что многие наблюдатели прогнозировали в ближайшем будущем не только духовное, но и полное политическое преобладание русских в регионе. Один из подобных прогнозов был сделан в 1900 г.: «Я ездил из монастыря в монастырь по всему Святогорскому полуострову и думал, что едешь по России. На каждом шагу, на пристанях, в монастырях, в келлиях, в центре казы, в лесах и на дорогах, — везде, везде вы встречаете русских и русских, монахов и мирян. Если на всей Св. Горе монахов пятнадцать тысяч, то десять тысяч²⁷ из них уже русские. И их число из дня в день быстро увеличивается. Не пройдет пятидесяти лет, и русских монахов на Св. Горе будет вдвое и втрое больше. Из тех, кто смотрит на это нашествие на самой Св. Горе и вокруг нее, никто не сомневается, что через немного лет Афонский полуостров будет населен одними только русскими. В первую очередь русские монахи Афона, а вслед за ними греки и болгары полагают, что вскоре Афонский полуостров и в политическом отношении будет русским. А экономически он уже давно в руках русских. Все богатые греческие монастыри получают свои доходы под контролем русского правительства из России... Вопрос о Святогорском полуострове, с какой бы стороны на него ни посмотреть, по моему скромному мнению, обстоит так: в чьи бы руки не перешла политически Македония, Св. Гора не может в ближайшем будущем не оказаться в руках России»²⁸. Интересна также в этой связи информация К. Н. Леонтьева: «Есть предсказание одного... отшельника (из болгар или греков, не помню), что на Афоне скоро будет 8 монастырей русских...»²⁹.

Те же настроения были на рубеже XIX—XX вв. и у турок. Так, епископ Царицынский Дамиан (Говоров) по прибытии из Крыма в Константинополь в ноябре 1920 г. записывает в своем дневнике: «После недельного плавания „Риона“ беженцы увидели Царьград с возвышающейся Айя-Софией... Здесь мы увидели, что к ней стекаются племена и народы (кроме греков, которым турки возбраняли вход³⁰). Желательными посетителями здесь были русские и особенно русское духовенство... В разговорах образованные и необразованные турки прямо высказывались:

²⁵ Напр. см.: *Маевский В.* Указ. соч. С. 169–176.

²⁶ *Леонтьев К. Н.* Об Афонской горе и об отношениях ее к России; *Леонтьев К. Н.* Панславизм на Афоне.

²⁷ Цифра преувеличена. Общее количество русских на Афоне со времени расцвета русского присутствия там было около 5000 человек, включая насельников Свято-Пантелеймонова монастыря, двух скитов, келий и калив.

²⁸ Донесение болгарского торгового агента А. Шопова в 1900 г. Цит. по: *Герд Л. А.* Указ. соч. С. 103–104.

²⁹ *Леонтьев К. Н.* Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России. С. 530.

³⁰ Недопущение греков в храм объяснялось тем, что турки не хотели усиления греческого влияния в Турции, боясь со временем оказаться «рабами своих рабов».

„Нам не удержаться в Константинополе, нам жаль Айя-Софии, но если отдавать кому, то только русским, потому что русские хороший народ и хороший наш сосед“»³¹.

Результатом страха «русификации» Афона со стороны греческих властей (поддерживаемых, конечно, теми западными странами, которые стремились к преобладанию на Ближнем Востоке) явилась борьба афонских греков вместе с епископатам Элладской церкви за полную национализацию Афона Грецией и активное противодействие стараниям России закрепить в международных соглашениях за Святой горой международный статус. Усилия эти увенчались успехом, и согласованный уже на международной Лондонской конференции 1913 г. документ о многонациональном статусе Афона был отменен благодаря письменному обращению афонского кинота и греческого епископата к конференции. По оценке П. Троицкого, «Меморандум греческих монахов Лондонской конференции» представляет собой «саморазоблачительный» и «возмутительный» документ³². Действительно, трудно не согласиться с такой оценкой, когда читаешь заключительные слова в меморандуме, представляющие собой скорее набор аргументов, взятых из лексикона секуляризованного западного мира, чем слова православных христиан, проникнутых духом братского единства: «Свобода есть создание эллинизма, и, если в настоящее время варварские и дикие народы пользуются этим благом под греческим знаменем, то неужели мы, афонские монахи, будем поработаны властью народа, менее либерального, менее прогрессивного и менее цивилизованного. Никогда!»³³.

В итоге русские афонские монахи остались лишенными самостоятельного юридического статуса, что сделало их полностью беззащитными после российской катастрофы 1917 года. Вплоть до 1966 г., когда Российской стороной был согласован въезд на Афон нескольких монахов из Советской России, греческие власти неоднократно отказывали в пополнении русского Свято-Пантелеимоновского монастыря и двух скитов (Свято-Андреевского и Ильинского) свежими молодыми силами. Вместо примерно 2000 насельников, подвизавшихся в Свято-Пантелеимоновом монастыре в 1917 г. к 1960-м годам осталось около 20, Ильинский скит отошел к грекам, а Анд-

реевский на какое-то время полностью вымер.

Свое первое посещение в начале 1990-х годов русского Андреевского скита, — обладателя самого большого на всем Афоне собора, второго по величине во всей Греции, прозванного в народе «Кремлем Востока», — описывает М. Г. Талалай:

«Мне довелось попасть сюда, когда в "Кремле Востока" не было ни души... В скит вели огромные литые ворота, мне не поддавшиеся.

Зайдя в тыл обители (на поход ушло почти полчаса), я обнаружил, что ворота выполняли исключительно декоративную функцию: один из угловых корпусов выгорел и полуобвалился, и в образовавшуюся брешь мог свободно въехать весь наш паломнический автобус, пришедший в Карею из Дафни.

Гигантский внутренний двор оказался по пояс заросшим травой. В центре двора находился фундамент какого-то здания, судя по расположению, некогда игравшего важную роль (позднее я узнал, что это был знаменитый Серай, патриарший дворец). Сливовое дерево у фиала с пересохшим фонтаном густо засыпало землю своими спелыми плодами: ими никто не интересовался.

Двери собора тоже не открывались. Полный осмотр здания — против часовой стрелки, как во время крестного хода, — никаких лазов не открыл. Я вернулся на паперть, в стену которой была вмонтирована доска: «Сей храм заложен в память чудесного избавления от смертельной опасности, грозившей Императору Александру Второму...» Где именно, от кого и когда ему грозила опасность — уже не читалось. И царь в итоге не уберется, и храм заколочен.

Напротив собора, через двор, как положено, дверь в дверь, стояла распахнутая настежь трапезная. Когда-то сюда после службы выходя из храма, иноки чинной вереницей, не отклоняясь от прямой траектории, шли на трапезу. Просторный полукруглый зал, десятки длинных деревянных столов, заваленных пометом летучих мышей и всяким хламом. Неужели за этими столами кто-то кормился?

Малые церкви, как их зовут на Афоне, параклисы, были открыты. Некоторые из них стояли совсем голые, нещадно ободранные, в других уцелели остатки стенных росписей и пустые иконостасы. Обход братских корпусов напоминал прогулку по городу, пораженному нейтронной

³¹ Цит. по: Шкаровский М. В. Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке. М., 2010. С. 132. О таких же настроениях турок свидетельствовал и служивший много лет российским консулом в Турции К. Н. Леонтьев.

³² Троицкий П. Указ. соч. М., 2009. С. 162.

³³ Там же. С. 164.

бомбой. Я обнаружил различные мастерские, пекарню, мельницу, котельную, аптеку, больницу, иконописное и фотографическое ателье, затем прошелся по келлиям со скудным типовым убранством: постель, шкаф, сундук. Кое-где на столах лежали эмигрантские газеты 1960-х годов.

За монастырским каре, в отдельном строении, я разглядел сквозь окно стеллажи с черепами. Вот она, знаменитая афонская усыпальница! На дверях склепа висел замок, снимавшийся вместе со щеколдой и гвоздями.

В центре склепа, в небольшом застекленном шкафчике, располагались черепа скитонаحالников, с подробными эпитафиями на лбах и в хронологическом порядке.

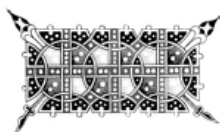
С высоченных, до потолка, стеллажей на меня смотрели пустыми глазницами главы насельников. Я брал черепа наугад и, стирая с них пыль, читал лаконичные надписи на лбах: «Убит разбойниками», «прожил более ста лет», «Утонул в море», «Бывший агроном». Одна эпитафия сообщала о филологических достоинствах инока: «Хорошо знал греческий язык» — видно, с языком туземцев туговато было у русских афонитов.

Если сам скит мне казался мертвым, то здесь, в усыпальнице, на меня повеяло жизнью³⁴.

Интерес мира к Афону возрастает. Однако это уже не тот христианский мир, который породил феномен Святой горы. Сегодня Афон открыт секулярным миром как сокровище культуры. Действительно, несметны культурные богатства Афона, однако они являются только следами деятельности духа, о сохранении которого мир не умеет заботиться, потому что сам его не имеет. Сейчас существует опасность «окульту-

рить» Афон, превратить его в музей, библиотеку, архив — в часть «культурного наследия человечества». Но Афон больше, чем культурное наследие, он выше культуры. (Возможно поэтому Господь попустил истребительные пожары на Афоне, в том числе в Свято-Пантелеймоновом монастыре и в Андреевском скиту, где за несколько дней погиб бесценный архив, причем игумен не благословил старцев-монахов спасать ценности из огня.) Афон — явление духовное, поэтому поддержание общественного интереса к нему есть не только способ поддержания Афона, но и способ содействия поддержанию духовной жизни общества вообще. Духовное же единство и образует народ. Поэтому возрождение народной любви к Афону — к чему призвана данная книжная серия — послужит и возрождению народа из толпы потребителей, в которое он превращается разъединяющей и обездушивающей его секулярной пропагандой. Поэтому от всей души пожелаем данному начинанию успеха и поблагодарим за него его создателей.

Закончить хочется словами, сказанными Святейшим Патриархом Алексием II в связи с открытием в Москве подворья русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря: «Прочные духовные узы издревле связывали Святую Русь со Святой Горой Афон, а Свято-Пантелеимонов монастырь всегда был местом молитвенного подвига родных нам по духу и крови соотечественников. На протяжении веков Афон для России был неким духовно-нравственным ориентиром и мерилом православного благочестия... Пусть же это родство будет и впредь таким же неизменным и благодатным»³⁵.

³⁴ Талалай М. Г. Указ соч. С. 47–49. Сейчас в Андреевском скиту греческие насельники.

³⁵ Православный Церковный календарь на 1996 г. М., 1995. С. 2.

О. В. Кириченко

Краткий отчет участника русской академической группы о праздновании 200-летия Форт-Росса в Калифорнии

Торжества, связанные с 200-летием Форт-Росса в Калифорнии, были главной целью нашей поездки. Научная часть этого необычного мероприятия включала в себя участие в круглом столе «Форт-Росс как живая история», проходившем 27 июля 2012 г. в г. Санта-Роса (Калифорния), где в числе прочих тем, связанных с российской колонизацией Америки, прозвучали слова о православии как составной части этого сложного цивилизационного процесса. В праздничных мероприятиях участвовали чрезвычайный и полномочный посол РФ в США С.И. Кисляк, специальный представитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой, представитель кафедры археологии университета Беркли К. Лайтфут, директор Института российской истории Ю.А. Петров, директор института славяноведения К.В. Никифоров, директор Российского государственного гуманитарного университета Е.И. Пивовар, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Ю.К. Чистов и группа научных сотрудников Института этнологии и антропологии Российской Академии наук во главе с директором института академиком В.А. Тишковым.

Второй день празднеств проходил в Форт-Россе. Мною проводился краткий опрос некоторых участников торжеств, из числа русских американцев. Культура, которую принесли сюда русские поселенцы, не была забыта, память об этих людях поддерживалась долгие десятилетия главным образом через церковное поминовение. Кафедральным центром русского православия в Америке до 1905 г. был г. Сан-Франциско, в силу чего епископы имели возможность приезжать в Форт-Росс, чтобы совершать панихиды на кладбище и молитвенно почтить всех усопших. Как нам позже удалось выяснить в ходе бесед

с участниками праздничного богослужения в Форт-Россе, традиция поминовения здесь складывалась не гладко. К концу XIX в. Никольская часовня сделалась настолько ветхой, что проводить богослужения в ней стало опасно и какое-то время заупокойные литургии перестали тут совершаться, проходили лишь панихиды на кладбище. В 1920-е годы неоценимую помощь в восстановлении полуразрушенной часовни оказали люди из общественной организации «Настоящие Сыны и Дочери Золотого Запада». В основном на их средства часовня была перестроена и приведена в надлежащий вид. В 1905 г., когда архиерейская кафедра из Сан-Франциско была перенесена в Нью-Йорк, частые богослужения стали здесь невозможны. С тех пор возникла традиция приезжать в Форт-Росс раз в год, в последнюю субботу июля, чтобы совершать панихиду в часовне и на кладбище. В 1925 г. возникла новая инициатива ректора Русской православной гимназии при Свято-Троицком соборе в г. Сан-Франциско. Он предложил совершать в Никольской часовне праздничные богослужения в День независимости, 4 июля. Инициатива была поддержана, и с тех пор начало и конец июля стали отмечать в Форт-Россе церковными службами. К 1925 г. Никольская часовня была восстановлена, и в ней могли совершаться Божественные литургии, что сделало празднования более значимыми.

В целом торжества в Форт-Россе, проходившие 28–29 июля 2012 г., включали в себя комплекс мероприятий, которые были взаимосвязаны друг с другом. Общая концепция праздника чем-то напоминала проведение «дня города» в малых городах России, когда начало праздника ознаменовывается праздничным богослужением, иногда включающим в себя общегородской крестный ход (здесь последнего не было), потом торжество перетекает на разные городские площадки, где

проходят многочисленные локально организованные мероприятия, привязанные к этнографической тематике, и завершается все вечером праздничными концертами. Поскольку в Форт-Россе отмечалась такая знаменательная дата как 200 лет со дня основания этой русской крепости, то на торжественное богослужение прибыл (и возглавил его) архиепископ Наро-Фоминский Юстиниан, управляющий патриаршими приходами в США. Ему сослужил приглашенный из Башкирии епископ Николай, а также несколько священников (иеромонахов и иереев). Праздничная литургия, проведенная архиерейским чином, безусловно, подчеркнула важность торжества, придала им пышность и красоту. Пел замечательный хор, а после окончания литургии были совершены водосвятный молебен и обряд освящения новых колоколов. Как отметил звонарь Никольской часовни Сергей Мороз (русский, родился в США), «колокол в Америке — это яркое наследие Русской Православной Церкви, и сегодня многие православные приходы хотят иметь свою звонницу и звонарей, чтобы чин богослужения совершался во всей полноте. Чтобы благословение было не только устами и словами, но и звоном колоколов. Церковным колокольным звоном освящается вся земля вокруг». Заметим со своей стороны, что звонарь, никогда не бывавший в России, тем не менее, говорит о колокольном звоне с той же мотивацией, с какой говорили о нем русские крестьяне XIX столетия, весьма трепетно относившиеся к колоколам и колокольному звону («вызывает грехи», «отгоняет беса», «святит место» — вот их мотивационный ряд). Из беседы с Сергеем (ему около 35–40 лет) удалось выяснить, что традиция выливания колоколов в Америке еще только начинает осваиваться. Существуют лишь первые опыты их отливки. Но в целом православные американцы предпочитают заказывать колокола в Белоруссии (в Минске) или России. Наибольшим спросом и наилучшим качеством отличаются колокола, отлитые в Каменец-Уральске, откуда и были привезены нынешние для Никольской часовни.

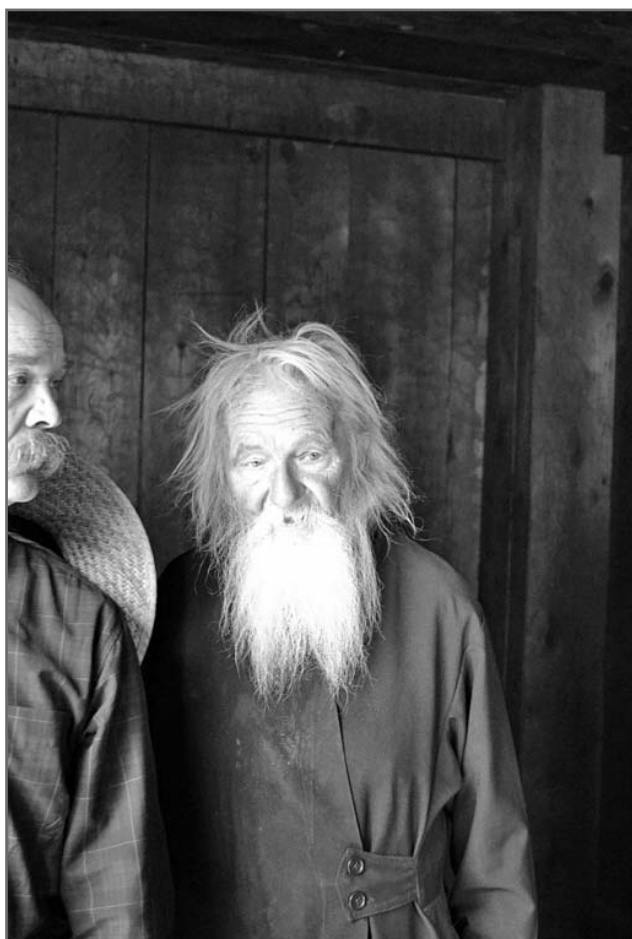

Интересной традицией, которая также непросто прививается на американской земле, как выяснилось, является и хоровое пение. Клиросное пение, как известно, поется в России (и пелось в Византии) на гласы. Гласы — это уже определенная мелодия, завершенная мелодическая конструкция, их несколько, и исполнять гласы можно только так, а не иначе. В силу этого и можно говорить о разном церковном православном пении: русском, сербском, греческом, грузинском и др. В Америку пришло русское хоровое пение, и не смотря на то, что сегодня во многих православных американских храмах богослужение ведется на английском языке, но именно хоровое пение, звук колокола, особый распорядок службы, предпочитаемые иконы (как и манера их написания) — все это выдает в них русское православие. Вот почему русские, приезжающие в США и не имеющие возможности попасть в церковь с русскоязычным богослужением, все

равно чувствуют себя «как дома», когда посещают англоязычные православные храмы. Это говорили нам многие собеседники. Для русских американцев особо ощутимо здесь, в Америке, насколько переплетены этническое и конфессиональное начала в русской традиции.

Одной из задач, которые я перед собой ставил, опрашивая в Форт-Россе русскоязычных собеседников, была проблема интереса англо-американцев к русской культуре, что нашло яркое выражение в фольклорном празднике в Форт-Россе. Мы видели этих совершенно не говорящих по-русски людей, но одетых в русские (в соответствии с эпохой конца XVIII — начала XIX в.) одежды и, как мне показалось, прочно слившихся с ней. Это не было похоже на театральное костюмированное. У меня периодически возникало чувство, что это сценки реальной, той жизни крепости Росс, пусть чуть приукрашенные чистотой одежд и умиротворенностью лиц, но покой и отрешенность их по-своему были, играли на правдоподобность и реализм происходящего. Словом, происходило не совсем обычное представление, люди явно были «в теме» и отдавали нам часть своей души. В этом смысле театральное представление, которое разыгрывалось на сцене на двух языках, было действительно театром в театре и выглядело уже не так живо и натурально, как немые и будто ни к чему не обязывающие сцены ремесленной и бытовой деятельности. Мы встречались с этими людьми везде (например, двое из них, как Онегин с Ленским, совершали прогулку к океану, о чем-то тихо беседуя). На прибрежном песке в заливе, лежали (так естественно) несколько индейских каноэ (из числа тех, на которых велась когда-то здесь добыча морской выдры, и старик в индейской одежде на наших глазах раскрывал раковины и поедал моллюсков прямо с ножа.

Надо сказать, что мир верующих, молящихся в Никольской часовне, где не чувствовалось никакой театральности, не был отделен от мира переодетых людей в костюмы другой эпохи. Русские американцы — участники театрализованного представления — сами отмечали, что для них это не театр, как и для англо-американцев, а нечто большее. Примерно около половины из тех, кто принимал участие в празднике (и русских, и англо-американцев), присутствовали как верующие или же, как сочувствующие (интересующиеся) на праздничном богослужении, и, соответственно они участвуют в богослужении

и в своем городе. Для них «русский праздник» — это не только костюмы и декорации, но и службы, хоровое пение, колокольный звон, русская культура. Они отталкивались в своем интересе к данному мероприятию и вообще к феномену Форт-Росса (как центру традиционной русской культуры в США) от традиционной русской культуры. Неизгладимое впечатление произвели на меня хороводы, самое живое и яркое из всего происходящего. Я внимательно смотрел, как в «чижика» (хоровод со сватаньем молодого офицера) с упоением играли и русские девочки, и ребята, и англо-язычные американцы. Организатором хороводов был приехавший из Иркутска, вместе с мэром города, детский фольклорный коллектив. Они быстро и органично вписались в культурную среду заповедника, так что было трудно разделить русских детей от американских. Зрелище хороводов было таким заразительным и естественно-народным, что хотелось в нем участвовать. Запевалами выступали русские дети и взрослые. Другие, хотя и молчали, но сколько у них было и эмоций и

естественной игровой мимики! Было понятно, что и здесь язык не помеха, настолько естественным образом все участвовали в игре. Пение было записано мной на диктофон и даже при прослушивании его ощущаешь те удал, ребячливость и радость от игры, которая там разворачивалась. Выяснилось, что праздник готовился не только «русскими силами». Самое активное и живое участие проявили нерусские американцы. Они участвовали в хороводах, приготовлении традиционной пищи, представлении традиционного быта, рекламе старинной утвари, показе прикладного искусства, резьбы по дереву, ткачества. Как оказалось, часть из этих людей заинтересовалась русской культурой благодаря книгам, посвященным Форт-Россу как русскому памятнику, а некоторые — через интерес к Русской Православной Церкви.

Особое значение для распространения традиционной русской культуры имело в США поколение русских эмигрантов, насильственно вытесненных Китаем из Харбина и переселившихся

сюда. Этих людей уже нет в живых, но в семьях их детей и внуков сохранилось многое из того, что было принято называть дореволюционной Россией. Как отмечали в беседах русские, приехавшие в Америку в советское время, у поколения «харбинцев» не было опыта советизации, который получили они, в силу чего первые переселенцы более естественно чувствовали себя в старой культуре. Новым же поколениям приходится узнавать о прошлом посредством книг, архивов, музеев, подобных Форт-Россу. Они говорили, что вопрос возвращения в американскую русскоязычную среду подлинной русской культуры сегодня стоит очень остро. Русская культура, в их оценке, — это культура, воспитанная на православии, потому что именно она делает моральные критерии естественным элементом жизни, это закваска, берегущая русскую культуру за границей от размывания.

В подготовке юбилейного празднования в Форт-Россе приняли участие несколько разных организаций: Русская Православная Церковь Московского Патриархата (в лице архиереев и монахов), клирики (дьяконы и священники) Никольского собора Сан-Франциско (а это Русская Православная Церковь за Границей), а также прихожане Никольского собора. Костюмированное представление было организовано и проведено под опекой руководства штата Калифорния, силами оплачиваемых государством культурологов, специалистами из ряда университетских центров (Беркли) — всех тех, кто трудится (в том числе по его приглашению) в государственном объединении «FortRossStateHistoricPark». Кроме того, существует еще непроfitная общественная организация «FortRossConservens», функционирующая на благотворительные средства; которая также занимается историческими изысканиями, этнографией и ставит целью сохранение традиций русской культуры. В целом же, как мне показалось, Форт-Росс живет уже не только как музей-заповедник, представляющий собой «собрание экспонатов», но это и творческая лаборатория (в том числе для этнографов и антропологов) и широкая межэтническая площадка для культурного общения.

